

ВЕСТНИК
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

КНИГА
XVI

1926

КАПИТАЛИЗМ И ПРОГРЕСС ТЕХНИКИ

(К вопросу о движении производительных сил капитализма)

Мы живем в начале второго десятилетия кризиса мирового капитализма. Этот кризис представляет собой долгий и мучительный процесс, заполняющий собой целую эпоху, длительность которой измеряется во всяком случае не одним десятилетием. Психологический эффект непосредственного сопоставления процветания и кризиса капитализма ослабевает по мере отдаления от начала кризиса. Место этого сопоставления начинают занимать сопоставления одних этапов кризиса капитализма с другими, т.е. сопоставления в пределах кризиса капитализма, и потому отвлекающиеся от него, как такового, от его специфичности, от его отличий от эпохи процветания капитализма. В среде апологетов капитализма (не только за пределами, но и в пределах СССР) предпринимаются теперь попытки, используя эту вытекающую из длительности кризиса психологию привычки к нему, обосновать убеждение в его безопасности для существования капитализма, «научно» превратить длительные (заполняющие собой целую эпоху) судороги капитализма в баюкающие колебания его вековых циклов.

Если апологеты подымавшегося капитализма прошлого столетия опирались на длительность его успехов, то апологеты современного падающего капитализма опираются на длительность его судорог. Перемена эта имеет, несомненно, вполне объективную основу.

Марксизм умел научно предвосхитить неизбежный будущий кризис капитализма и сделать познание его неизбежности буржуазной теоретической основой революционной работы еще в эпоху процветания капитализма. После того, как непосредственное впечатление первого взрыва, открывшего собой революционную эпоху кризиса капитализма, прошло, в промежуток времени до следующего взрыва перед пролетарской теорией, на ряду с задачей усвоения революционного опыта, опыта разрушения и опыта строительства, стоит и задача дальнейшей разработки теории капитализма, выявляющей необходимый, следовательно, неслучайный характер явлений кризиса капитализма, хотя бы и перемежающихся с более или менее длительными относительными «передышками», неслучайный характер всей нашей эпохи кризиса капитализма, эпохи пролетарской революции. Это включает в себя и задачу детально осветить не только непосред-

ственные причины кризиса и обусловленные ими формы, в которых протекает кризис, но и его глубокую подоснову, заложенную в самом развитии капитализма.

«Наиболее значительно,—писал Маркс,—в Рикардо именно то, в чем его упрекали: что он при исследовании капиталистического производства, не заботясь о судьбе «людей», обращает внимание только на развитие производительных сил»...

Влияние общественного строя на развитие производительных сил общества не представляет собой простого, всегда неизменного по своему характеру отношения. Напротив того, это влияние есть явление, по самому существу своему, историческое: за время существования определенного общественного строя оно коренным образом меняется, превращаясь в конце концов—по всем правилам диалектики—в свою собственную противоположность.

При этом вышеуказанное влияние (влияние общественного строя на развитие производительных сил общества) носит производный характер—оно меняется с изменением самого общественного строя, и притом не только с переходом к другому общественному строю, что само собой разумеется, но и (что для целей настоящей работы необходимо подчеркнуть) с изменениями в пределах того же общественного строя.

Изменения же общественного строя сами обуславливаются в конечном счете изменениями производительных сил общества.

Поэтому выяснение (меняющегося) влияния определенного общественного строя на развитие производительных сил общества предполагает выяснение влияния развития производительных сил этого общества на движение его общественного строя.

Движение нормы прибыли и прогресс техники

I

Капиталистическое производство есть производство ради прибыли. Норма прибыли, отношение—в общественном масштабе—массы прибыли к капиталу, характеризует капитализм на каждом этапе его развития именно как производство ради прибыли.

Но норма прибыли не только «является,—говоря словами Маркса,—стимулом капиталистического производства и одновременно как условием, так и побуждением к накоплению», т.-е. к расширению производства, к развитию производительных сил капитализма, она в то же время является, как мы увидим ниже, и одним из основных рычагов, через посредство которого развитие производительных сил капитализма обуславливает изменение его общественного строя.

Развитие производительных сил капитализма (как и всякого общества) идет—нередко одновременно—по двум направлениям: расширение производства на основе неизменной производительности труда—экстенсивное развитие производительных сил (что, как

правило, предполагает и неизменность техники)—и расширение производства на основе роста производительности труда—интенсивное развитие производительных сил (что, как правило, предполагает развитие техники).

Экстенсивное развитие производительных сил капитализма оставляет и норму прибыли неизменной, поскольку изменяет только объем производства, но не его структуру. В этих условиях при неизменной производительности труда остаются без изменения как вооруженность рабочей силы средствами производства, так и стоимость и средств производства, и рабочей силы, а значит, и производимая той же рабочей силой прибавочная стоимость. Остается поэтому неизменным и отношение этой прибавочной стоимости к стоимости средств производства и рабочей силы, т.-е. неизменной остается норма прибыли.

Наоборот, интенсивное развитие производительных сил ведет, как правило, к изменению и нормы прибыли.

Итак, движение нормы прибыли зависит, как правило, только от интенсивного развития производительных сил капитализма. При рассмотрении влияния развития производительных сил капитализма на движение нормы прибыли можно поэтому отвлечься от экстенсивного развития производительных сил капитализма¹⁾.

Лежащий в основе интенсивного развития производительных сил общества рост производительности общественного труда представляет собой результат разнообразных процессов (отчасти влияющих в противоположных направлениях).

Мы рассмотрим сначала основной из них—прогресс техники, понимаемый нами здесь в узком смысле этого слова, как понижение общей затраты труда на единицу продукта путем замены живого труда мертвым. Таким образом, все случаи понижения общей затраты труда на единицу продукта (иными словами, повышения производительности труда) иными путями помимо замены живого труда мертвым (напр., путем перехода к лучшим естественным условиям труда, научной организации труда, применения научных знаний, поскольку все это происходит без такой замены) не рассматриваются нами в непосредственно следующем ниже изложении.

Замена живого труда мертвым подчинена двум ограничениям: 1) она неизбежно должна быть неполной, т.-к. живой труд не может быть устранен до конца, и 2) она должна быть целесообразной, т.-е. большее количество живого труда (при капитализме большее количество оплаченного живого труда) должно заменяться меньшим количеством труда мертвого.

¹⁾ Мы отвлекаемся, следовательно, здесь от возможного, но не играющего сколько-нибудь значительной роли экстенсивного развития производительных сил капитализма при заменяющейся технике (или организации труда и т. д.), т.-е., напр., от таких изменений техники, влияние которых на производительность труда погашается влиянием других факторов (напр., истощения природных ресурсов).

Норма прибыли может быть, как известно, выражена формулой $p = \frac{m}{k}$, т.е. норма прибыли равна массе прибыли m (или—что в общественном масштабе то же—массе прибавочной стоимости), взятой в отношении к капиталу k . Если обозначить постоянный капитал через c , а переменный — через v , то получим более развернутую формулу $p = \frac{m}{c+v}$.

Разделив числитель и знаменатель этой дроби на v , получим

$$p = \frac{\frac{m}{v}}{\frac{c}{v} + 1}. \text{ Здесь } \frac{m}{v} \text{ есть не что иное, как норма прибавочной}$$

стоимости, а $\frac{c}{v}$ органический состав капитала (вернее, состав его по стоимости, совпадающий с органическим, если состав по стоимости отражает технический состав капитала¹⁾).

Прогресс техники ведет одновременно к относительному падению величины v^3) и либо к относительному росту величины c , либо, если и к падению ее, то, как правило, относительно меньшему, чем падение v^3). Таким образом, дробь $\frac{c}{v}$, как правило, растет с прогрессом техники или в силу уменьшения знаменателя и роста числителя, или вследствие большего уменьшения знаменателя, чем уменьшение числителя. Растет вместе с ней и величина $\frac{c}{v} + 1$, вызывая падение величины p , т.е. падение нормы прибыли.

Однако вся сложность вопроса заключается в том, что, как правило (поскольку прогресс техники коснулся и производства средств необходимого потребления или средств их производства) одновременно с ростом величины $\frac{c}{v} + 1$ растет и $\frac{m}{v}$, так как падение стоимости необходимых средств потребления, а значит, и стоимости рабо-

1) Этому условию мы в дальнейшем оговаривать не будем.

2) К сокращению рабочей силы, необходимой для производства того же количества продуктов, и сверх того, поскольку прогресс техники коснулся и производства средств необходимого потребления, т.е. средств потребления рабочих, и к дополнительному понижению стоимости этой сократившейся рабочей силы.

3) К росту материальных размеров средств производства, необходимых для производства того же количества продуктов, которому, поскольку прогресс техники коснулся и производства средств производства, противостоит падение стоимости средств производства, вследствие чего рост величины c отстает от роста материальных размеров средств производства, и может даже наступить падение величины c . Во всяком случае, для величины c изменение материальных размеров и изменение стоимости действуют, как правило, в разных направлениях, для величины v , как правило, в одинаковом направлении: поэтому, величина c если и сокращается, то ее относительное сокращение, как правило, меньше относительного сокращения величины v .

чей силы, с необходимостью приводит к росту нормы прибавочной стоимости $\frac{m}{v}$.

Но тогда вопрос о характере изменения величины p решается лишь соотношением изменений величины $\frac{m}{v}$ и величины $\frac{c}{v} + 1$.

Дело не меняется, если мы вместо $\frac{m}{v}$ рассмотрим форму-

лу $\frac{m}{k}$. При достаточном сокращении рабочей силы, необходимой для производства того же количества продуктов, т.е. при достаточном прогрессе техники, величина m (масса прибавочной стоимости) неизбежно понизится, несмотря на рост нормы прибавочной стоимости, но при этом понизится и даже возможно сильнее, чем величина m , величина k (капитала, необходимого для производства данного количества продуктов). Дело в том, что, одна составная часть величины k , переменный капитал v должен при этих условиях весьма сильно уменьшиться (и вследствие сокращения рабочей силы, и вследствие уменьшения ее стоимости). Рост же постоянного капитала c , необходимого для производства данного количества продуктов, должен быть менее уменьшения переменного капитала для того, чтобы прогресс техники был капиталистически рентабелен и мог, следовательно, быть осуществлен в капиталистическом обществе; к этому присоединяется еще уменьшение постоянного капитала c вследствие его обесценения¹⁾.

Как правило, дело сводится и здесь к отношению уменьшения массы прибыли m (получаемой при производстве того же количества продуктов) к уменьшению (необходимого для этого производства) капитала k .

1) В самом деле. Масса прибавочной стоимости m при достаточном сокращении рабочей силы необходимой для производства данного количества продуктов, понизится, но, благодаря повышению нормы прибавочной стоимости, в меньшее число раз, чем сократилась рабочая сила.

Что касается капитала K , то при каком-либо большом сокращении рабочей силы, он может сократиться, как в меньшее, так и в большее число раз, чем сокращение рабочей силы.

Он сократится прежде всего вследствие того, что при прогрессе техники рост постоянного капитала относительно меньше сокращения переменного. Однако это сокращение капитала относительно меньше, чем сокращение рабочей силы. Но он сократится дополнительно, вследствие обесценения как рабочей силы, так и постоянного капитала. И в итоге капитал K может (хотя и не должен) сократиться в большее число раз, чем сократилась рабочая сила. Но тогда масса прибавочной стоимости сократится в меньшее число раз, чем капитал, и норма прибыли возрастет.

Возьмем числовой пример.

Пусть $c = 80$; $v = 20$; $k = 100$; $m = 20$. Тогда $p = 20\%$.

Пусть число рабочих сократилось вдвое. (При этом вся вновь создаваемая стоимость упадет до 20, т.е. до прежней величины всей массы прибавочной стоимости.

В обоих случаях и при выражении p через $\frac{m}{c+v}$ и при выражении p через $\frac{m}{k}$ числитель и знаменатель формул для p (нормы прибыли) изменяются, как правило, в одном и том же направлении; поэтому характер изменения величины p становится (впредь до дополнительного выяснения вопроса) неопределенным. При разных направлениях он определялся бы одними этими направлениями, при одинаковом направлении он зависит от количественного соотношения изменений величин m и k или $\frac{m}{v}$ и $\frac{c}{v} + 1$.

Впрочем, вывод этот носит, так сказать, предварительный характер. Обосновывающие его рассуждения (помимо того, что они не учитывают ни того обстоятельства, что не весь постоянный капитал является оборотным капиталом, ни того, что с прогрессом техники может меняться и период оборота) принимают во внимание в основном только изменения, происшедшие непосредственно в тех отраслях хозяйства, в которых имел место прогресс техники. Но в действительности норма прибыли не есть отношение внутри частей капиталистического общества, а отношение внутри всего него в целом; она находится поэтому в зависимости не только от отдельных отраслей, но от всего общественного (капиталистического) хозяйства в целом. Между тем изменение техники в этих отдельных отраслях ведет, даже при неизменном размере их продукции, во-первых, к изменению (росту) производства средств производства для этих отраслей, а во-вторых, к изменению и других отраслей (к росту их, если освободившаяся в результате прогресса техники рабочая сила будет применена капиталом, к сокращению производства средств необходимого потребления и производства для него средств производства, если она останется без применения).

Однако это обстоятельство, вскрывая еще большую сложность дела, только подкрепляет наш вывод, что из формул $\frac{m}{k}$ и $\frac{m}{c+v}$ непо-

— Поэтому последняя не может не сократиться). Тогда $v = 10$. При этом c повышается, но не на всю величину сокращения v , а пусть на половину ее. Тогда $c = 85$. Кроме того, как c , так и v обесценятся.

Если бы норма прибавочной стоимости не повысилась, то m сократилось бы вдвое с 20 до 10. Пусть сокращение m вследствие повышения нормы прибавочной стоимости составит не 10, а только половину 10. Тогда $m = 15$.

Вся вновь создаваемая стоимость $m + v$ раньше составляла 40, теперь вследствие сокращения числа рабочих вдвое она составит 20. Из этих 20 теперь на m приходится 15, на v придется, следовательно, 5.

Это означает понижение стоимости рабочей силы (вследствие понижения стоимости средств потребления рабочих) с 10 до 5, т.е. вдвое.

Если стоимость средств производства повысится также вдвое, то постоянный капитал сократится до $42\frac{1}{2}$.

Мы будем тогда иметь $c = 42\frac{1}{2}$; $v = 5$; $k = 47\frac{1}{2}$; $m = 15$; $p = 31\%$.

Норма прибыли таким образом в данном случае повысится. Даже если стоимость средств производства повысится не на 50%, а на 40%, 30%, 20%, норма прибыли все же повысится. Только при понижении их стоимости меньше, чем на 18%, норма прибыли упадет.

средственно нельзя сделать никаких выводов о характере изменения нормы прибыли в зависимости от прогресса техники.

Сложный характер зависимости требует в этом случае специального исследования.

Прежде, чем перейти к нему, необходимо сделать следующее замечание.

Прогресс техники обычно связан с изменением числа рабочих во всем общественном (капиталистическом) хозяйстве — с уменьшением его, вследствие освобождения части рабочей силы в результате прогресса техники, не компенсированного достаточным общим расширением производства, или (что чаще) с увеличением его, если общее расширение производства всасывает не только всю освобожденную прогрессом техники рабочую силу, но еще и сверх того добавочную.

Но так как норма прибыли определяется, вообще говоря, не объемом производства, а его структурой, отношением его частей (органическим строением капитала, т.е. отношением постоянного капитала к переменному, и нормой прибавочной стоимости, т.е. отношением прибавочной стоимости к переменному капиталу, как это

видно из формулы $p = \frac{m}{\frac{c}{v} + 1}$) и так как при одинаковой структуре

капиталистического производства норма прибыли остается без изменения при росте или сокращении его объема, то всякое изменение капиталистического хозяйства в результате прогресса техники можно (мысленно) разложить на два:

на изменение — в результате прогресса техники — его структуры при неизменном числе рабочих, которое в свою очередь может быть разложено на две стадии: первая — изменение в тех отраслях, где имел место прогресс техники, что связано с освобождением части рабочей силы, и вторая — расширение различных отраслей, всасывающее эту освобожденную рабочую силу; разумеется, расширение на основе взаимной связи всех отраслей (т.е. подчиненное известной пропорциональности)

и на расширение или сжатие общественного (капиталистического) производства при неизменной структуре его.

Так как при этом последнем расширении или сжатии не происходит изменения нормы прибыли, то оно нас здесь не интересует, и для нашей цели достаточно рассмотреть первый процесс: изменение — в результате прогресса техники — структуры общественного (капиталистического) производства при неизменном числе рабочих, или, строго говоря, при неизменном общем размере рабочей силы¹⁾.

1) Следовательно, мы отвлекаемся здесь от возможных в результате прогресса техники изменений общего размера рабочей силы вследствие изменений в квалификации рабочей силы, в интенсивности труда, изменений полового и возрастного состава рабочей силы (вовлечение в производство женщин и подростков) и т. п.

По тем же основаниям изменение в тех отраслях, где имел место прогресс техники, можно рассматривать, как изменение при неизменном (годовом, вообще за один и тот же определенный период времени) размере продукции этих отраслей¹⁾.

Таковы предпосылки дальнейшего рассмотрения.

Действие технического прогресса будет различно прежде всего в зависимости от того, затронул ли он производство средств необходимого потребления (потребления рабочих), либо производство средств их производства, или нет.

Рассмотрим сначала более простой второй случай. Если технический прогресс не затронул ни производства средств необходимого потребления, ни производства средств их производства, то стоимость рабочей силы останется неизменной²⁾. При неизменном числе рабочих это означает неизменность переменного капитала v , и так как при неизменном числе рабочих остается без изменения и вся вновь созданная ими стоимость $v + m$, то и неизменность прибавочной стоимости m .

Тогда норма прибыли p , равная $\frac{m}{c+v}$, при неизменных v и m будет изменяться в зависимости только от изменения постоянного капитала c .

Здесь возможны четыре случая.

Первый. Если технический прогресс будет иметь место только в производстве средств роскоши, то произойдет рост постоянного капитала в тех отраслях, где имел место прогресс техники и рост его вследствие всасывания освободившейся рабочей силы. В связи с этим p уменьшится—произойдет падение нормы прибыли.

Далее. Если технический прогресс будет иметь место только в производстве средств производства для производства средств роскоши (или в нем и производстве средств роскоши), то, наряду с указанным выше ростом постоянного капитала, будет иметь место его обесценение. В зависимости от того, что перевесит, возможны как рост, так и неизменность и падение постоянного капитала c .

Второй. При росте c будет расти и весь капитал k (так как переменный капитал остается при этих условиях без изменения), и норма прибыли будет падать.

Третий. При неизменности c останется без изменения и весь капитал и норма прибыли (и стоимость всей продукции, возросшей в натуральном выражении).

¹⁾ Мы, следовательно, отвлекаемся здесь от изменений самих продуктов производства, т.е. от создания новых отраслей производства, и рассматриваем технический прогресс, как изменение способов производства данных продуктов. Прямое во внимание создания новых отраслей (и новых потребностей) потребовало бы специального дополнительного рассмотрения.

²⁾ Возможных изменений стоимости рабочей силы, происходящих не в силу процесса техники, мы здесь, естественно, не касаемся.

Четвертый. При уменьшении c уменьшится и весь капитал, и норма прибыли возрастет.

Сложнее обстоит дело, если технический прогресс затронул и производство средств необходимого потребления (или и производство средств их производства). В этом случае стоимость рабочей силы, а с ней и переменный капитал v будет падать, и изменение совокупного капитала будет зависеть от изменения (роста или сокращения) не только постоянного, но и переменного капитала (при этих условиях сокращающегося).

В зависимости от характера технического прогресса прежде всего в производстве средств производства находится увеличение или уменьшение постоянного капитала c (а в случае его увеличения размер этого увеличения), так как оно определяется соотношением материального роста и обесценения элементов постоянного капитала.

В зависимости от характера технического прогресса прежде всего в производстве средств необходимого потребления находится рост прибавочной стоимости m .

Здесь возможны следующие случаи.

Пятый. Рост постоянного капитала c перевешивает падение переменного v настолько, что идет более усиленный рост совокупного капитала k , чем рост прибавочной стоимости m . При этих условиях (могущих иметь место, по большей части, при техническом прогрессе преимущественно в производстве средств необходимого потребления) норма прибыли p падает.

Шестой. Рост постоянного капитала c перевешивает падение переменного v , но лишь настолько, что рост совокупного капитала k идет в ногу с ростом прибавочной стоимости m . Норма прибыли останется в этих условиях без изменения.

Седьмой. Рост постоянного капитала c перевешивает падение переменного капитала v , но не настолько, чтобы рост совокупного капитала k шел в ногу с ростом прибавочной стоимости m . При этих условиях норма прибыли повышается.

Восьмой. Рост постоянного капитала c только уравнивает уменьшение переменного капитала v . Совокупный капитал k остается без изменения, и вследствие роста прибавочной стоимости норма прибыли повышается.

Девятый. Рост постоянного капитала c не уравнивает уменьшения переменного капитала v , и совокупный капитал k уменьшается, вследствие чего (и вследствие роста прибавочной стоимости) норма прибыли будет повышаться.

Десятый. Постоянный капитал c остается без изменения (вследствие того, что обесценение его элементов уравнесило их материальный рост, который в пяти предшествующих случаях перевешивал). При уменьшении переменного капитала v совокупный капитал k уменьшится, в результате чего (и вследствие роста приба-

По тем же основаниям изменение в тех отраслях, где имел место прогресс техники, можно рассматривать, как изменение при неизменном (годовом, вообще за один и тот же определенный период времени) размере продукции этих отраслей¹⁾.

Таковы предпосылки дальнейшего рассмотрения.

Действие технического прогресса будет различно прежде всего в зависимости от того, затронул ли он производство средств необходимого потребления (потребления рабочих), либо производство средств их производства, или нет.

Рассмотрим сначала более простой второй случай. Если технический прогресс не затронул ни производства средств необходимого потребления, ни производства средств их производства, то стоимость рабочей силы останется неизменной²⁾. При неизменном числе рабочих это означает неизменность переменного капитала v , и так как при неизменном числе рабочих остается без изменения и вся вновь созданная ими стоимость $v + m$, то и неизменность прибавочной стоимости m .

Тогда норма прибыли p , равная $\frac{m}{c+v}$, при неизменных v и m будет изменяться в зависимости только от изменения постоянного капитала c .

Здесь возможны четыре случая.

Первый. Если технический прогресс будет иметь место только в производстве средств роскоши, то произойдет рост постоянного капитала в тех отраслях, где имел место прогресс техники и рост его вследствие всасывания освободившейся рабочей силы. В связи с этим p уменьшится—произойдет падение нормы прибыли.

Далее. Если технический прогресс будет иметь место только в производстве средств производства для производства средств роскоши (или в нем и производстве средств роскоши), то, наряду с указанным выше ростом постоянного капитала, будет иметь место его обесценение. В зависимости от того, что перевесит, возможны как рост, так и неизменность и падение постоянного капитала c .

Второй. При росте c будет расти и весь капитал k (так как переменный капитал остается при этих условиях без изменения), и норма прибыли будет падать.

Третий. При неизменности c останется без изменения и весь капитал и норма прибыли (и стоимость всей продукции, возросшей в натуральном выражении).

¹⁾ Мы, следовательно, отвлекаемся здесь от изменений самих продуктов производства, т. е. от создания новых отраслей производства, и рассматриваем технический прогресс, как изменение способов производства данных продуктов. Проявление во внимание создания новых отраслей (и новых потребностей) потребовало бы специального дополнительного рассмотрения.

²⁾ Возможных изменений стоимости рабочей силы, происходящих не в силу процесса техники, мы здесь, естественно, не касаемся.

Четвертый. При уменьшении c уменьшится и весь капитал, и норма прибыли возрастет.

Сложнее обстоит дело, если технический прогресс затронул и производство средств необходимого потребления (или и производство средств их производства). В этом случае стоимость рабочей силы, а с ней и переменный капитал v будет падать, и изменение совокупного капитала будет зависеть от изменения (роста или сокращения) не только постоянного, но и переменного капитала (при этих условиях сокращающегося).

В зависимости от характера технического прогресса прежде всего в производстве средств производства находится увеличение или уменьшение постоянного капитала c (а в случае его увеличения размер этого увеличения), так как оно определяется соотношением материального роста и обесценения элементов постоянного капитала.

В зависимости от характера технического прогресса прежде всего в производстве средств необходимого потребления находится рост прибавочной стоимости m .

Здесь возможны следующие случаи.

Пятый. Рост постоянного капитала c перевешивает падение переменного v настолько, что идет более усиленный рост совокупного капитала k , чем рост прибавочной стоимости m . При этих условиях (могущих иметь место, по большей части, при техническом прогрессе преимущественно в производстве средств необходимого потребления) норма прибыли p падает.

Шестой. Рост постоянного капитала c перевешивает падение переменного v , но лишь настолько, что рост совокупного капитала k идет в ногу с ростом прибавочной стоимости m . Норма прибыли останется в этих условиях без изменения.

Седьмой. Рост постоянного капитала c перевешивает падение переменного капитала v , но не настолько, чтобы рост совокупного капитала k шел в ногу с ростом прибавочной стоимости m . При этих условиях норма прибыли повышается.

Восьмой. Рост постоянного капитала c только уравнивает уменьшение переменного капитала v . Совокупный капитал k остается без изменения, и вследствие роста прибавочной стоимости норма прибыли повышается.

Девятый. Рост постоянного капитала c не уравнивает уменьшения переменного капитала v , и совокупный капитал k уменьшается, вследствие чего (и вследствие роста прибавочной стоимости) норма прибыли будет повышаться.

Десятый. Постоянный капитал c остается без изменения (вследствие того, что обесценение его элементов уравнесило их материальный рост, который в пяти предшествующих случаях перевешивал). При уменьшении переменного капитала v совокупный капитал k уменьшится, в результате чего (и вследствие роста приба-

вочной стоимости) и норма прибыли будет (вообще говоря, еще значительнее, чем в предшествующих случаях) повышаться.

Одиннадцатый. Постоянный капитал (вследствие того, что обесценение его элементов перевешивает их материальный рост) уменьшается. Еще сильнее при уменьшающемся переменном капитале v уменьшится совокупный капитал k , а вследствие этого и вследствие роста прибавочной стоимости m норма прибыли будет повышаться.

При техническом прогрессе преимущественно в производстве средств необходимого потребления наиболее благоприятны условия для того, чтобы осуществился пятый случай (хотя возможны и другие, кончая девятым). При техническом прогрессе преимущественно в производстве средств производства скорее всего возможны другие случаи (хотя возможен и пятый).

Из рассмотренных нами случаев (исчерпывающих все возможные комбинации изменений постоянного и переменного капитала и прибавочной стоимости в случае прогресса техники) в трех имеет место падение, в двух — неизменность и в шести — рост нормы прибыли.

Это, разумеется, еще ничего не говорит об общем направлении движения нормы прибыли, так как остается открытым вопрос, имеет ли место в действительности и как часто тот или иной случай при прогрессе техники. Но это снова доказывает необходимость дальнейшего рассмотрения вопроса, к которому мы и переходим.

Итак, норма прибыли выражается, как мы видели, формулой $p = \frac{m}{k} = \frac{m}{c + v}$. Пусть технический прогресс в какой-нибудь отрасли капиталистического производства при неизменном размере продукции этой отрасли привел в результате замены живого труда мертвым к известному сокращению занятой в ней рабочей силы. Тем самым сократится и весь переменный капитал общества. Пусть получившаяся в результате этого сокращения величина его (мы оставляем здесь в стороне изменения остальных отраслей) составит v_1 (v_1 будет меньше v).

Замене подверглась, таким образом, рабочая сила, стоимость которой составляет $v - v_1$.

Так как происходит процесс замены живого труда мертвым, то падение переменного капитала с v до v_1 будет сопровождаться, как правило, ростом постоянного капитала с величины c до некоторой величины c' (учитывая изменения его лишь в той отрасли, в которой имел место технический прогресс, остальные мы оставляем пока в стороне). Однако рентабельной, т.е. капиталистически целесообразной, эта замена живого труда мертвым будет только в том случае, если большее количество оплаченного живого труда заменится меньшим количеством мертвого, т.е. если увеличение постоянного капитала, равное $c' - c$ будет меньше уменьшения переменного капитала

$v - v_1$ ¹⁾. Только в этом случае прогресс техники даст дополнительную прибыль²⁾.

Иными словами, прирост постоянного капитала ($c' - c$) всегда составит при прогрессе техники только часть уменьшения переменного капитала ($v - v_1$). Какую именно часть, это выражается отношением $\frac{c' - c}{v - v_1}$ (которое мы для краткости обозначим буквой λ и которое всегда остается меньше единицы). Чем меньше λ , тем в данном случае значительнее и тем прибыльнее технический прогресс; чем больше λ , тем в данном случае менее значителен и менее прибылен прогресс техники, тем больше та часть уменьшения переменного капитала (иными словами, та часть получаемой в результате прогресса техники экономии на заработной плате), которую капиталистам приходится затрачивать на увеличение постоянного капитала и которую им не удается превратить в добавочную прибыль.

Чтобы определить величину возросшего в результате прогресса техники постоянного капитала, необходимо учесть еще возможное изменение периода оборота как основного, так и оборотного капиталов. Обозначим средний (для всего общественного капитала) период оборота всего оборотного капитала до прогресса техники через o (лет) и после него через o' , и соответственно средний период оборота основного капитала через ω и ω' (учитывая при этом для o' и ω' изменения средних периода оборота лишь в той отрасли, в которой имел место прогресс техники; остальные мы оставляем пока в стороне). Обозначим, кроме того, основной капитал через c_o и оборотный постоянный капитал через c_u .

Тогда часть стоимости годового продукта, возмещающая переменный капитал, уменьшится (снова учитывая лишь изменения в той отрасли, в которой имел место прогресс техники, и оставляя пока остальные в стороне) с $\frac{v}{o}$ до $\frac{v_1}{o'}$, т.е. на величину $\frac{v}{o} - \frac{v_1}{o'}$. Это и есть та стоимость, на которую уменьшаются при производстве годового продукта падающие на него издержки капиталистов на рабочую силу³⁾, и часть которой, равную λ (напр. $\frac{1}{3}$), капиталисты вынуждены затрачивать на увеличение постоянного капитала (а оставшая часть которой, равная $1 - \lambda$, напр. $\frac{2}{3}$, составляет их добавочную прибыль).

Часть стоимости годового продукта, возмещающая постоянный оборотный капитал, останется при неизменной продукции той отрас-

¹⁾ Строго говоря, здесь $c' - c$ увеличение не постоянного капитала, а той части его, стоимость которой переносится на продукт за время оборота оборотного капитала (следовательно, увеличение стоимости оборотного постоянного капитала и сваливаемой части основного). Увеличение постоянного капитала составит большую величину. К этому моменту мы вернемся ниже.

²⁾ Которая будет равна разности уменьшения переменного и прироста постоянного капитала $(v - v_1) - (c' - c)$.

³⁾ Переменный капитал уменьшится при этом на такую величину $v - v_1$.

ли, в которой имел место технический прогресс без изменения ¹⁾, хотя сам постоянный оборотный капитал в связи с изменением периода оборота из c_u превратится в $c_u \frac{o'}{o}$.

Часть стоимости годового продукта, возмещающая основной капитал, равная до того $\frac{c_g}{\omega}$, напротив того увеличится на $\lambda \left(\frac{v}{o} - \frac{v_1}{o} \right)$, а основной капитал в связи с этим из c_g превратится в $c_g \frac{\omega'}{\omega} + \lambda \omega' \left(\frac{v}{o} - \frac{v_1}{o} \right)$.

Весь постоянный капитал превратится в результат прогресса техники (учитывая лишь изменения в той отрасли, в которой имел место прогресс техники и оставляя пока остальные в стороне) из c в c_1 , равное $c_u \frac{o'}{o} + c_g \frac{\omega'}{\omega} + \lambda \omega' \left(\frac{v}{o} - \frac{v_1}{o} \right)$ или принимая во внимание, что $c = c_g + c_u$, c_1 будет равно $c \frac{o'}{o} + c_g \left(\frac{\omega'}{\omega} - \frac{o'}{o} \right) + \lambda \omega' \left(\frac{v}{o} - \frac{v_1}{o} \right)$.

В то же время прибавочная стоимость возрастет и из m превратится в $m + (1 - \lambda) \left(\frac{v}{o} - \frac{v_1}{o} \right)$.

Теперь мы можем учесть изменения в остальных отраслях, которые мы до сих пор оставляли в стороне, следовательно, изменения в тех отраслях, где не имел места прогресс техники.

Сюда относятся прежде всего изменения в производстве средств производства, в частности переход от производства прежних машин и орудий к производству новых, что неизбежно связано с прогрессом техники (представляет условие его).

Так как производство средств производства в результате прогресса техники, как правило, расширяется, то этим обычно поглощается часть рабочей силы, освободившейся в той отрасли, где имел место технический прогресс. Если, как мы условились, рассматривать все общественное (капиталистическое) производство при неизменном числе рабочих (неизменном размере рабочей силы), то в результате прогресса техники и освобождения части рабочей силы (стоимость которой равна $v - v_1$) произойдет затем расширение ряда

¹⁾ При неизменном размере продукции (речь идет о той отрасли, в которой имел место технический прогресс, остальные мы пока оставляем в стороне) требуется, вообще говоря, большее количество сырья и вспомогательных материалов. От возможных изменений этого количества (сокращение отходов), а также от изменений в количестве расходуемого топлива, смазки и пр. мы здесь отвлекаемся, чтобы не затруднять анализа.

отраслей ¹⁾ в том числе, быть может, и тех, в которых имел место прогресс техники, расширение, которое поглотит остальную часть освободившейся рабочей силы. Пусть все эти изменения (как замена производства, прежних вытесненных прогрессом техники машин и пр. производством новых, связанных с этими изменениями техники, так и последовавшее за прогрессом техники расширение производства, поглощающее всю остальную освободившуюся рабочую силу) потребуют c'_1 постоянного капитала, v'_1 переменного капитала, и дадут m'_1 добавочной прибавочной стоимости. При этом v'_1 будет равно $v - v_1$.

Обозначим теперь получившиеся в результате всех этих изменений постоянный капитал через c_2 , переменный через v_2 и прибавочную стоимость через m_2 .

Тогда c_2 будет равно $c_1 + c'_1$; v_2 будет равно $v_1 + v'_1$, т. е. будет равно v , а m_2 будет равно $m_1 + m'_1$.

Теперь нам остается принять во внимание то обстоятельство, что в результате прогресса техники происходит уменьшение стоимости соответственных продуктов. Это уменьшение стоимости может коснуться как элементов постоянного капитала (средств производства), так и рабочей силы (средств необходимого потребления) и элементов прибавочной стоимости (средств роскоши, а поскольку имеет место накопление, то также и средств необходимого потребления и средств производства).

Обозначим среднее обесценение элементов постоянного капитала через v' , рабочей силы через v'' и элементов прибавочной стоимости через v''' ²⁾, а получившиеся в результате этих изменений величины

¹⁾ Поскольку остается неизменным число рабочих и их потребление, это расширение не затронет производства необходимых средств потребления и производства средств их производства и коснется, следовательно, только производства средств роскоши и производства средств их производства.

²⁾ Величины этих средних обесценений v' , v'' и v''' сами определяются, конечно, прогрессом техники. Если даны первоначальный постоянный и переменный капитал и первоначальная продукция и их изменения в результате прогресса техники, то тем самым даны и величины v' , v'' и v''' . Однако для их определения недостаточно знать совокупный постоянный капитал c , совокупный переменный капитал v и совокупную продукцию и их изменения. Величины v' , v'' и v''' определяются не общей величиной постоянного и переменного капитала и продукции и не общими размерами их изменений, а структурой и постоянным и переменным капиталом (и производством вообще) по отраслям производства и соответственными их изменениями. Поскольку в тексте мы пока имеем дело только с общей величиной c , v и m и их изменений, мы рассматриваем v' , v'' и v''' , как величины не могущие быть определенными через c , v и m и их изменения. (То же нужно сказать и о c'_1 , v'_1 и m'_1).

Величины v' , v'' и v''' представляют собой отношения стоимости (напр. v' — стоимости элементов постоянного капитала) до прогресса техники и после него: чтобы получить их, необходимо знать стоимость каждого материального элемента (продукта) до прогресса техники и после него.

Эта проблема, представлявшая большой интерес в эпоху безденежного хозяйства (1920 год), разрешается теоретически путем составления известной системы уравнений.

Дело в том, что для каждого продукта можно составить уравнение, выражающее стоимость его, в котором коэффициентами будут определяемые техникой количества разных продуктов, потребных для его изготовления, в качестве неизвестных войдут стоимости этих продуктов, а в качестве свободных членов затраты живой рабочей силы (сведенные, разумеется, к простому труду).

постоянного капитала, переменного капитала и прибавочной стоимости через c_3 , v_3 и m_3 . Тогда c_3 будет равно $\frac{c_2}{v'}$; v_3 будет равно

$$\frac{v_2}{v''} \text{ и } m_3 \text{ будет равно } \frac{m_2}{v''}.$$

Теперь примем во внимание еще следующее обстоятельство. Вся вновь произведенная стоимость составляла до прогресса техники $v + m$, теперь она составляет $v_3 + m_3$. Но так как количество рабочих (размер рабочей силы) осталось в результате всех изменений неизменным, то и величина вновь произведенной стоимости должна остаться неизменной. Иными словами, $v_3 + m_3$ должно быть равно $v + m$.

Норма прибыли после прогресса техники выразится формулой

$$p' = \frac{m_3}{c_3 + v_3}. \text{ Путем ряда преобразований } 1) \text{ получим}$$

$$p' = v' v'' \frac{v + m - \frac{v}{v''}}{v'' \left[c \frac{o'}{o} + c_g \left(\frac{\omega'}{\omega} - \frac{o'}{o} \right) + \lambda \left(\frac{v}{o} - \frac{v_1}{o'} \right) \omega' + c'_1 \right] + v' v}$$

Так как подобное уравнение можно составить для каждого продукта, то мы получим столько же уравнений, сколько неизвестных.

Такая система уравнений разрешима и имеет для каждого неизвестного одно определенное решение (если среди этих уравнений нет таких, которые бы друг другу противоречили или являлись бы следствием друг друга; на этом последнем обстоятельстве мы здесь останавливаться не можем, но факт существования цен и, следовательно, стоимостей, и притом определенных, показывает, что эти условия осуществляются в действительности).

В результате разрешения подобной системы уравнений получается величина стоимости каждого продукта как до, так и после прогресса техники (и, следовательно, все данные для исчисления величин v' , v'' и v''').

Эти соображения были мною сформулированы в конце 1920 г. — начале 1921 г. (и изложены мною тогда писавшему в то время на близкие темы г. Варга и другим товарищам). До изложения их в печатном виде дело тогда не дошло. Сходные в общем соображения были (что интересно, совершенно независимо от меня и друг от друга) сформулированы в 1924 г. т. Кореневым (в студенческой работе) и в 1925 г. т. Шатуновским, прочитавшем на эту тему доклад в секции научной методологии Коммунистической Академии.

$$1) p' = \frac{m_3}{c_3 + v_3} = \frac{v + m - \frac{v_2}{v''}}{\frac{c_2}{v'} + \frac{v_2}{v''}} = v' v'' \frac{v + m - \frac{v_2}{v''}}{v'' c_2 + v' v_2} = v' v'' \frac{v + m - \frac{v}{v''}}{v'' (c_1 + c'_1) + v' v} = v' v'' \frac{v + m - \frac{v}{v''}}{v'' \left[c \frac{o'}{o} + c_g \left(\frac{\omega'}{\omega} - \frac{o'}{o} \right) + \lambda \left(\frac{v}{o} - \frac{v_1}{o'} \right) \omega' + c'_1 \right] + v' v}$$

Итак до прогресса техники норма прибыли p была равна $\frac{m}{c+v}$ и после прогресса техники она превратилась в p' , равное

$$v' v'' \frac{v + m - \frac{v}{v''}}{v'' \left[c \frac{o'}{o} + c_g \left(\frac{\omega'}{\omega} - \frac{o'}{o} \right) + \lambda \omega' \left(\frac{v}{o} - \frac{v_1}{o'} \right) + c'_1 \right] + v' v}.$$

Путем небольших вычислений из этих выражений старой и новой нормы прибыли следует, что необходимым условием для того, чтобы p' было меньше p , т.е. для того, чтобы норма прибыли падала, является неравенство

$$\lambda > \frac{o'}{\omega'} \frac{1}{o'} \frac{c}{v} \frac{c}{v} \left[\left(1 + \frac{v}{c} \right) \left(1 + \frac{v}{m} \right) \left(1 - \frac{1}{v''} \right) v' + \left(\frac{v'}{v''} - \frac{o'}{o} \right) - \frac{c_g}{c} \left(\frac{\omega'}{\omega} - \frac{o'}{o} \right) - \frac{c'_1}{c} \right]^1$$

1) Из $p > p'$

$$\text{или } \frac{m}{c+v} > v' v'' \frac{v + m - \frac{v}{v''}}{v'' \left[c \frac{o'}{o} + c_g \left(\frac{\omega'}{\omega} - \frac{o'}{o} \right) + \lambda \omega' \left(\frac{v}{o} - \frac{v_1}{o'} \right) + c'_1 \right] + v' v}$$

следует

$$v' \left[c \frac{o'}{o} + c_g \left(\frac{\omega'}{\omega} - \frac{o'}{o} \right) + \lambda \omega' \left(\frac{v}{o} - \frac{v_1}{o'} \right) + c'_1 \right] + v' v > v' v'' \frac{c+v}{m} \left(v + m - \frac{v}{v''} \right)$$

и далее

$$\lambda \omega' v'' \left(\frac{v}{o} - \frac{v_1}{o'} \right) > v' v'' \frac{c+v}{m} \left(v + m - \frac{v}{v''} \right) - v'' \left[c \frac{o'}{o} + c_g \left(\frac{\omega'}{\omega} - \frac{o'}{o} \right) + c'_1 \right] - v' v$$

$$\text{или } \lambda \omega' v'' \left(\frac{v}{o} - \frac{v_1}{o'} \right) > v' v'' \frac{c+v}{m} v \left(1 - \frac{1}{v''} \right) + v' v'' c + v' v'' v - v'' c \frac{o'}{o} - v' v -$$

$$- v'' \left[c_g \left(\frac{\omega'}{\omega} - \frac{o'}{o} \right) + c'_1 \right]$$

или

$$\lambda \frac{\omega'}{o'} v'' v \left(\frac{o'}{o} - \frac{v_1}{v} \right) > v' v'' \frac{c+v}{m} v \left(1 - \frac{1}{v''} \right) + v'' c \left(v' - \frac{o'}{o} \right) + v' v \left(v'' - 1 \right) -$$

$$- v'' \left[c_g \left(\frac{\omega'}{\omega} - \frac{o'}{o} \right) + c'_1 \right]$$

или

$$\lambda \frac{\omega'}{o'} v \frac{o'}{c} \left(\frac{o'}{o} - \frac{v_1}{v} \right) > \frac{c+v}{m} \frac{v}{c} \left(1 - \frac{1}{v''} \right) v' + \left(v' - \frac{o'}{o} \right) + \frac{v}{c} \left(1 - \frac{1}{v''} \right) v' - \frac{c_g}{c} \left(\frac{\omega'}{\omega} - \frac{o'}{o} \right) - \frac{c'_1}{c}$$

или

$$\lambda \frac{\omega'}{o'} v \frac{v}{c} \left(\frac{o'}{o} - \frac{v_1}{v} \right) > \left(\frac{c+v}{m} + 1 \right) \frac{v}{c} \left(1 - \frac{1}{v''} \right) v' + v' \left(1 - \frac{1}{v''} \right) + \left(\frac{v'}{v''} - \frac{o'}{o} \right) -$$

$$- \frac{c_g}{c} \left(\frac{\omega'}{\omega} - \frac{o'}{o} \right) - \frac{c'_1}{c}$$

Итак, в результате прогресса техники в той или иной отрасли капиталистического производства норма прибыли necessarily падает, если при замене живого труда мертвым отношение увеличения издержек производства в этой отрасли в связи с увеличением в ней основного капитала к уменьшению издержек производства в этой же отрасли в связи с сокращением в ней переменного капитала превышает определенную, для каждого случая прогресса техники, величину, зависящую как от исходных условий, так и от вызванных прогрессом техники изменений в них, и падает только при этом условии.

Путем специального (даваемого нам и ниже) рассмотрения можно показать, что правая сторона этого неравенства принимает в действительности в зависимости как от уровня развития капитализма, так и от конкретных особенностей данного прогресса техники, самые разнообразные значения, как отрицательные, так и положительные, притом как меньшие единицы, так и большие единицы ¹⁾.

А так как λ само принимает в действительности самые разнообразные значения, в пределах между нулем и единицей, то отсюда следует, что при любом уровне развития капитализма

или

$$\lambda \frac{\omega'}{\omega} \frac{v}{c} \left(\frac{o'}{o} - \frac{v_1}{v} \right) > \left(\frac{c+m}{m} \frac{v}{c} + 1 \right) \left(1 - \frac{1}{v''} \right) v' + \left(\frac{v'}{v''} - \frac{o'}{o} \right) - \frac{c_g}{c} \left(\frac{\omega'}{\omega} - \frac{o'}{o} \right) - \frac{c'_1}{c}$$

или

$$\lambda \frac{\omega'}{\omega} \frac{v}{c} \left(\frac{o'}{o} - \frac{v_1}{v} \right) > \left(1 + \frac{c}{m} \right) \left(1 + \frac{v}{m} \right) \left(1 - \frac{1}{v''} \right) v' + \left(\frac{v'}{v''} - \frac{o'}{o} \right) - \frac{c_g}{c} \left(\frac{\omega'}{\omega} - \frac{o'}{o} \right) - \frac{c'_1}{c}$$

откуда получается для λ выражение, приведенное в тексте.

В выражении этом c, v, c_g, ω, o — исходные величины до данного прогресса техники и потому не зависят от него и в частности от λ . Не зависят от λ и величины c_1 . Напротив того, размер величин c'_1, v', v'', o' и ω' находится в известной зависимости как от размера v_1 , так и от размера λ .

Помимо приведенного, в тексте мы будем пользоваться и другим выражением того же неравенства.

$$\lambda > \frac{o'}{\omega} \frac{v}{c} \frac{1}{o - v} \left[\frac{c+m}{m} \frac{v}{c} + 1 \right] \left(1 - \frac{1}{v''} \right) v' + \frac{c}{v} \left(\frac{v'}{v''} - \frac{o'}{o} \right) - \frac{c_g}{c} \cdot \frac{c}{v} \left(\frac{\omega'}{\omega} - \frac{o'}{o} \right) - \frac{c'_1}{c} \frac{c}{v}$$

1) Уровнем развития капитализма определяются $\frac{m}{v}$ (норма прибавочной стоимости), $\frac{c}{v}$ (органический состав капитала), $\frac{c_g}{c}$ (доля основного капитала в постоянном капитале), o и ω (средние периоды оборотов). Конкретными особенностями данного прогресса техники определяются $\frac{v_1}{v}$ (относительное изменение рабочей силы), $\frac{c'_1}{c}$ (изменение постоянного капитала, помимо вызванного непосредственно прогрессом техники), v' и v'' (обесценение рабочей силы и элементов непосредственно прогрессом техники), $\frac{o'}{o}$ и $\frac{\omega'}{\omega}$ (изменение средних периодов оборота).

норма прибыли в результате отдельных случаев прогресса техники в одних случаях понижается, в других повышается, в третьих остается без изменения.

Между прогрессом техники и движением нормы прибыли не существует, следовательно, зависимости такого типа, чтобы в каждом отдельном случае прогресс техники изменял норму прибыли всегда в одном и том же направлении; напротив, под влиянием прогресса техники направление движения нормы прибыли беспорядочно меняется.

Этим, разумеется, отнюдь не исключается возможность существования определенной преобладающей тенденции движения нормы прибыли при условии, что за достаточный промежуток времени такие (так сказать молекулярные) изменения в одну сторону по их количеству и объему за достаточный промежуток времени перевешивали бы подобные изменения в другую сторону.

II

Обозначим правую (значущую) часть неравенства для λ через R ¹⁾. Как сказано выше, путем специального рассмотрения можно показать, что R в зависимости как от уровня развития капитализма, так и от конкретных особенностей данного прогресса техники, принимает в действительности самые разнообразные значения, как отрицательные, так и положительные, притом как меньшие, так и большие единицы.

Суть дела здесь не в том, чтобы показать, что всегда можно подобрать такие значения $\frac{c}{v}, \frac{m}{v}, o, \omega, \frac{c_g}{c}, \frac{v_1}{v}, \frac{c'_1}{c}, \frac{o'}{o}, \frac{\omega'}{\omega}, v'$ и v'' , при которых R будет равно любой заданной величине, — это не представляет никакого труда, но не имеет и никакого значения, так как представляло бы собой чисто математическую операцию, лишенную какого бы то ни было экономического содержания.

Нас здесь не интересуют те значения указанных выше величин, которые не могут иметь места в действительности, не интересуют значения, возможные математически, но не экономически. Поэтому отпадают, напр., все отрицательные значения этих величин.

За отсутствием соответствующих статистических исчислений невозможно указать точные пределы возможных в действительности значений приведенных выше величин. Однако приблизительные пределы указать можно.

1) Т.-е. $\frac{o'}{\omega} \frac{v}{c} \frac{1}{o - v} \left[\left(1 + \frac{c}{m} \right) \left(1 + \frac{v}{m} \right) \left(1 - \frac{1}{v''} \right) v' + \left(\frac{v'}{v''} - \frac{o'}{o} \right) - \frac{c_g}{c} \left(\frac{\omega'}{\omega} - \frac{o'}{o} \right) - \frac{c'_1}{c} \right] = R$.

Так, высший достигнутый капитализмом предел $\frac{c}{v}$, т.е. органического состава капитала, не превышает числа порядка 10 (не может, например, составлять 100 или даже 30).

Высший достигнутый капитализмом предел $\frac{m}{v}$, т.е. нормы прибавочной стоимости, не превышает числа порядка 1 (не может напр., составлять 10 или даже 5).

Высший достигнутый капитализмом предел ω , т.е. среднего периода оборота основного капитала, не превышает числа порядка 10, а низший порядка 1 (едва ли ω было когда-нибудь ниже 2).

Величина o , т.е. среднего периода оборота оборотного капитала, едва ли когда-либо превышала сколько-нибудь значительно 1 (один год) и составляет при наивысшем достигнутом капитализмом уровне величину порядка примерно $\frac{1}{4}$ года.

Величина $\frac{c_g}{c}$, т.е. доля основного капитала в постоянном капитале, вообще представляет собой положительное число, меньше единицы, и высший достигнутый капитализмом предел ее едва ли превышает $\frac{1}{2}$ или $\frac{2}{3}$.

Величины $\frac{c}{v}$, $\frac{m}{v}$, $\frac{c_g}{c}$, ω и o изменяются вместе с уровнем развития капитализма. При этом по мере развития капитализма растут $\frac{c}{v}$ (органический состав капитала), $\frac{m}{v}$ (норма прибавочной стоимости), $\frac{c_g}{c}$ (доля основного капитала в постоянном) и ω (средний период оборота основного капитала); o (средний период оборота оборотного капитала) напротив того падает. Что касается величин $\frac{v_1}{v}$, $\frac{c'_1}{c}$, $\frac{\omega'}{\omega}$, $\frac{o'}{o}$, r' и r'' , представляющих собой изменения соответствующих величин за год, в результате прогресса техники в одной из отраслей капиталистического производства, то все эти величины вообще весьма близки к единице ¹⁾.

¹⁾ Например, $\frac{v_1}{v}$ есть отношение рабочей силы всего капиталистического общества, сократившейся за год вследствие технического прогресса в одной из отраслей капиталистического производства, к прежней. Т. к. в течение года прогресс техники может захватить только немногие отрасли производства и в небольшом размере, то изменения всей рабочей силы капиталистического общества не могут быть велики по своей относительной величине (напр., в %%). То же следует сказать и о $\frac{c'_1}{c}$, т.е. относительной (по отношению ко всему постоянному капиталу) величине постоянного капитала, необходимого для применения освобожденной техническим прогрессом рабочей силы, которая сама, как мы видели, составляет небольшую часть всей рабочей силы. То же нужно сказать и о $\frac{\omega'}{\omega}$, $\frac{o'}{o}$ (отношениях средних периодов оборотов всего капитала до и после прогресса техники) и r' и r'' (отношениях средних стоимостей всех элементов постоянного капитала и всей рабочей силы до и после данного прогресса техники).

Итак, речь идет о том, чтобы показать, что при весьма различных (но лежащих в пределах реального) уровнях развития капитализма величина R в зависимости от конкретных особенностей отдельного случая прогресса техники принимает самые разнообразные значения, отрицательные и положительные, меньшие и большие единицы.

Это требует детального рассмотрения ряда специальных случаев, к которому мы и переходим.

Возьмем сначала тот случай, когда в результате прогресса техники средние периоды оборотов остались без изменения и когда обесценение не коснулось рабочей силы (т.е. когда технический прогресс не затронул ни производства средств необходимого потребления, ни сначала производства средств его производства ¹⁾).

$$\text{Тогда получим } \lambda > \frac{o}{\omega} \frac{1}{1 - \frac{v_1}{v}} \frac{c}{v} \left(r' - 1 - \frac{c'_1}{c} \right)$$

Здесь возможны три следующих основных случая.

Первый: $r' < 1 + \frac{c'_1}{c}$; тогда $r' - 1 - \frac{c'_1}{c}$ будет меньше нуля и равно, следовательно, некоторой отрицательной величине, а наше неравенство примет вид $\lambda > - \frac{o}{\omega} \frac{1}{1 - \frac{v_1}{v}} \frac{c}{v} \left(1 + \frac{c'_1}{c} - r' \right)$, где в скоб-

ках стоит положительная величина.

Так как λ всегда больше нуля, то неравенство удовлетворяется при всех значениях λ . Иными словами, при этих условиях всякий прогресс техники ведет к падению нормы прибыли ²⁾.

Второй: $v' > 1 + \frac{c'_1}{c} + \frac{\omega v}{o c} \left(1 - \frac{v_1}{v} \right)$. Тогда, как нетрудно убедиться, $\lambda > 1$. Так как λ всегда меньше единицы, то неравенство не удовлетворяется ни при каком значении λ . Иными словами, при этих условиях всякий прогресс техники ведет к повышению нормы прибыли.

$$\text{И, наконец, третий: } 1 + \frac{c'_1}{c} + \frac{\omega v}{o c} \left(1 - \frac{v_1}{v} \right) > v' > 1 + \frac{c'_1}{c}$$

При этих условиях значащая часть неравенства для λ больше нуля и меньше единицы, т.е. лежит в пределах возможной величины.

Иными словами, при этих условиях в некоторых случаях прогресс техники ведет к понижению нормы прибыли, а в некоторых

¹⁾ Мы, следовательно, предполагаем, что $o' = o$; $\omega' = \omega$ и $v'' = 1$.

²⁾ В частности при $v'' = 1$, т.е. если технический прогресс не коснулся и производства средств производства (а имел, следовательно, место только в производстве средств роскоши), v' будет всегда меньше $1 + \frac{c'_1}{c}$. Следовательно, если прогресс техники имеет место только в производстве средств роскоши, то норма прибыли будет при всех условиях (если средние периоды оборотов не изменяются) падать.

к ее повышению. Так как то обстоятельство, какую часть экономии на рабочей силе капиталисту приходится затрачивать в виде дополнительных издержек на машины и пр., определяется только конкретными особенностями данного изменения техники (прогресса техники), то λ может в действительности принимать любые значения между нулем и единицей (хотя, как увидим в дальнейшем, одни значения чаще, другие реже). Поэтому если для падения нормы прибыли необходимо и достаточно, чтобы λ была больше некоторой (положительной) величины, меньшей единицы (напр. $\lambda > 1/4$; $\lambda > 1/2$; $\lambda > 3/4$ и т. п.), то в одних случаях технического прогресса будет иметь место падение нормы прибыли, в других рост ее (или неизменность). В этих условиях нельзя будет говорить об определенном не знающем исключения законе движения нормы прибыли в зависимости от технического прогресса, а лишь о той или иной преобладающей тенденции этого движения.

То же самое необходимо будет сказать и тогда, если в разных случаях размер обесценения различен (т.е. в одних случаях

$$1 + \frac{c'_1}{c} > v', \text{ в других } 1 + \frac{c'_1}{c} + \frac{\omega v}{o c} \left(1 - \frac{v_1}{v}\right) > v' \text{ и } v' > 1 + \frac{c'_1}{c}$$

и в третьих $v' > 1 + \frac{c'_1}{c} + \frac{\omega v}{o c} \left(1 - \frac{v_1}{v}\right)$ ¹⁾. И тогда возможно говорить

лишь о преобладающей тенденции движения нормы прибыли.

Рассмотрим теперь другой случай, когда в результате прогресса техники средние периоды оборотов остались без изменения и когда обесценение не коснулось средств производства, т.е. когда технический прогресс не затронул производства средств производства²⁾.

$$\text{Тогда получим } \lambda > \frac{o}{\omega} \frac{1}{1 - \frac{v_1}{v}} \frac{c}{v} \left\{ \left[\left(1 + \frac{v}{c}\right) \left(1 + \frac{v}{m}\right) - 1 \right] \left(1 - \frac{1}{r''}\right) - \frac{c'_1}{c} \right\}$$

Здесь снова возможны три основных случая.

$$\text{Первый: } \left[\left(1 + \frac{v}{c}\right) \left(1 + \frac{v}{m}\right) - 1 \right] \left(1 - \frac{1}{r''}\right) - \frac{c'_1}{c} < 0 \text{ или, что то же,}$$

$$r'' < 1 + \frac{\frac{c'_1}{c}}{\left(1 + \frac{v}{c}\right) \left(1 + \frac{v}{m}\right) - \left(1 + \frac{c'_1}{c}\right)}$$

¹⁾ Размер обесценения, разумеется, может быть различен. Могут ли быть различия размеров обесценения так велики, чтобы возможны были все три (или по меньшей мере два из них, т. к. и тогда будет иметь место как падение, так и повышение нормы прибыли) приведенные выше случаи неравенств для v' , это — вопрос, требующий специального (даваемого ниже) выяснения.

²⁾ Мы, следовательно, предполагаем, что $o' = o$; $\omega' = \omega$ и $v' = 1$.

$$\text{Тогда } \lambda > - \frac{o}{\omega} \frac{1}{1 - \frac{v_1}{v}} \frac{c}{v} \left\{ \frac{c'_1}{c} - \left[\left(1 + \frac{v}{c}\right) \left(1 + \frac{v}{m}\right) - 1 \right] \left(1 - \frac{1}{r''}\right) \right\},$$

где в фигурных скобках стоит положительная величина. Это неравенство показывает, что при этих условиях всякий прогресс техники ведет к падению нормы прибыли.

$$\text{Второй: } r'' > 1 + \frac{1}{\left(1 + \frac{v}{c}\right) \left(1 + \frac{v}{m}\right) - 1 - \frac{\frac{\omega v}{o c} \left(1 - \frac{v_1}{v}\right) + \frac{c'_1}{c}}{1}}$$

или, что то же,

$$r'' > 1 + \frac{\frac{c'_1}{c} + \frac{\omega v}{o c} \left(1 - \frac{v_1}{v}\right)}{\left(1 + \frac{v}{c}\right) \left(1 + \frac{v}{m}\right) - \left(1 + \frac{c'_1}{c}\right) - \frac{\omega v}{o c} \left(1 - \frac{v_1}{v}\right)} \text{ тогда, как}$$

легко убедиться, $\lambda > 1$, т.е. при этих условиях всякий прогресс техники ведет к повышению нормы прибыли.

$$\text{Наконец, третий: } 1 + \frac{\frac{c'_1}{c} + \frac{\omega v}{o c} \left(1 - \frac{v_1}{v}\right)}{\left(1 + \frac{v}{c}\right) \left(1 + \frac{v}{m}\right) - \left(1 + \frac{c'_1}{c}\right) - \frac{\omega v}{o c} \left(1 - \frac{v_1}{v}\right)} > v''$$

$$\text{и } v'' > 1 + \frac{\frac{c'_1}{c}}{\left(1 + \frac{v}{c}\right) \left(1 + \frac{v}{m}\right) - \left(1 + \frac{c'_1}{c}\right)}$$

Тогда в неравенстве для λ значащая часть лежит между нулем и единицей, т.е. при этих условиях в некоторых случаях прогресс техники ведет к понижению нормы прибыли, в некоторых к ее повышению.

Если в разных случаях размер обесценения различен¹⁾, то тогда возможно говорить лишь о преобладающей тенденции движения нормы прибыли.

Предположим теперь, что в результате прогресса техники средние периоды оборотов остались без изменения и что обесценение одинаково коснулось как средств производства, так и средств потребления, вследствие чего средний относительный размер обесценения и для рабочей силы и для элементов постоянного капитала одинаков²⁾.

¹⁾ И в этом случае приходится повторить, что, хотя размер обесценения может быть различен, но могут ли быть различия так велики, чтобы возможны были все три приведенные выше случая неравенств (или хотя бы два из них), это — вопрос, требующий специального выяснения.

²⁾ Мы предполагаем, следовательно, $o' = o$; $\omega' = \omega$ и $v' = v''$. Общую величину v' и v'' обозначим через v .

$$\text{Тогда } \lambda > \frac{\omega}{1 - \frac{v_1}{v}} \frac{1}{v} \frac{c}{v} \left[\left(1 + \frac{v}{c}\right) \left(1 + \frac{v}{m}\right) (v - 1) - \frac{c'_1}{c} \right]$$

Мы получим снова три основных случая.

Первый: $v < 1 + \frac{\frac{c'_1}{c}}{\left(1 + \frac{v}{c}\right) \left(1 + \frac{v}{m}\right)}$. Тогда будем иметь

$$\lambda > - \frac{\omega}{1 - \frac{v_1}{v}} \frac{1}{v} \frac{c}{v} \left[\frac{c'_1}{c} - \left(1 + \frac{v}{c}\right) \left(1 + \frac{v}{m}\right) (v - 1) \right], \text{ где в квадратных скобках}$$

стоит положительная величина. Это неравенство показывает, что при таких условиях всякий прогресс техники ведет к падению нормы прибыли.

Второй: $v > 1 + \frac{\frac{c'_1}{c} + \frac{\omega v}{o c} \left(1 - \frac{v_1}{v}\right)}{\left(1 + \frac{v}{c}\right) \left(1 + \frac{v}{m}\right)}$

Тогда $\lambda > 1$, т.е. при таких условиях всякий прогресс техники ведет к повышению нормы прибыли.

Третий: $1 + \frac{\frac{c'_1}{c} + \frac{\omega v}{o c} \left(1 - \frac{v_1}{v}\right)}{\left(1 + \frac{v}{c}\right) \left(1 + \frac{v}{m}\right)} > v > 1 + \frac{\frac{c'_1}{c}}{\left(1 + \frac{v}{c}\right) \left(1 + \frac{v}{m}\right)}$

тогда в неравенстве для λ его значащая часть лежит между нулем и единицей, т.е. в этих условиях в некоторых случаях прогресс техники ведет к понижению нормы прибыли, в других к повышению.

Если в разных случаях размер обесценения различен¹⁾, можно говорить лишь о преобладающей тенденции движения нормы прибыли.

Предположим, наконец, только, что в результате прогресса техники средние периоды оборотов остались без изменений. Отношение

1) См. 1-ую сноску на предыдущей странице.

коэффициентов обесценения $\frac{v'}{v''}$ может тогда иметь различную величину¹⁾, которую мы обозначим через h .

Тогда будем иметь

$$\lambda > \frac{\omega}{1 - \frac{v_1}{v}} \frac{1}{v} \frac{c}{v} \left[\left(1 + \frac{v}{c}\right) \left(1 + \frac{v}{m}\right) (v'' - 1) h + h - 1 - \frac{c'_1}{c} \right]$$

Мы получим и здесь три основных случая.

Первый: $v'' < 1 + \frac{1 + \frac{c'_1}{c} - 1}{h} \left(1 + \frac{v}{c}\right) \left(1 + \frac{v}{m}\right)$ и $v' < h + \frac{1 + \frac{c'_1}{c} - h}{\left(1 + \frac{v}{c}\right) \left(1 + \frac{v}{m}\right)}$ ²⁾

В итоге будем иметь:

$$1 + \frac{\frac{c'_1}{c}}{\left(1 + \frac{v}{c}\right) \left(1 + \frac{v}{m}\right)} > h > 1 - \frac{\frac{c'_1}{c}}{\left(1 + \frac{v}{c}\right) \left(1 + \frac{v}{m}\right) - 1}$$

Тогда получим $\lambda > - \frac{\omega}{1 - \frac{v_1}{v}} \frac{1}{v} \frac{c}{v} \left[1 + \frac{c'_1}{c} - h - \left(1 + \frac{v}{c}\right) \left(1 + \frac{v}{m}\right) h \right]$,

где в квадратных скобках стоит положительная величина. Это неравенство означает, что при таких условиях всякий прогресс техники ведет к падению нормы прибыли.

Второй: $v'' > 1 + \frac{\left(\frac{1 + \frac{c'_1}{c}}{h} - 1\right) + \frac{\omega v}{o c} \left(1 - \frac{v_1}{v}\right) \frac{1}{h}}{\left(1 + \frac{v}{c}\right) \left(1 + \frac{v}{m}\right)}$ и соответ-

ственное неравенство для v' .

1) Так как v' и v'' близки к единице (и больше 1), то и $h = \frac{v'}{v''}$ должно быть близко к единице и всегда удовлетворять неравенствам $v' > h > \frac{1}{v''}$. Если $v'' > v'$, то, т.к. $\frac{v'}{v''} > \frac{1}{v''}$, получим $1 > h > \frac{1}{v''}$. Если $v' > v''$, то, т.к. $\frac{v'}{v''} > v'$, получим $v' > h > 1$.

Величина h может изменяться поэтому только в известных узких пределах.

2) Так как $v'' > 1$, то приведенное в тексте неравенство возможно лишь при условии, что $h < 1 + \frac{c'_1}{c}$; так как и $v' > 1$, то сюда добавляется условие

$$h > 1 - \frac{\frac{c'_1}{c}}{\left(1 + \frac{v}{c}\right) \left(1 + \frac{v}{m}\right)}$$

В итоге будем иметь $1 + \frac{c'_1}{c} > h > 1 - \frac{\frac{c'_1}{c}}{\left(1 + \frac{v}{c}\right) \left(1 + \frac{v}{m}\right) - 1}$

Тогда $\lambda > 1$, т.е. при таких условиях всякий прогресс техники ведет к повышению нормы прибыли.

$$\text{Третий: } 1 + \frac{\left(1 + \frac{c'_1}{c} - 1\right) + \frac{\omega}{o} \frac{v}{c} \left(1 - \frac{v_1}{v}\right) \frac{1}{h}}{\left(1 + \frac{v}{c}\right) \left(1 + \frac{v}{m}\right)} > r'' > 1 + \frac{1 + \frac{c'_1}{c} - 1}{\left(1 + \frac{v}{c}\right) \left(1 + \frac{v}{m}\right)}$$

и соответствующие неравенства для v' .

Тогда значащая часть неравенства для λ лежит между нулем и единицей, т.е. в этих условиях прогресс техники ведет в некоторых случаях к понижению нормы прибыли, в других — к повышению. Следовательно, и здесь, если обесценение может удовлетворять условиям не только одного из трех разобранных случаев, можно говорить лишь о преобладающей тенденции движения нормы прибыли.

Если, наконец, мы отбросим предположение неизменности средних периодов оборота, но введем для $\frac{v'}{v''}$ обозначение h , то получим

$$\lambda > \frac{o'}{\omega' 1 - \frac{v_1}{v}} \frac{c}{v} \left[\left(1 + \frac{v}{c}\right) \left(1 + \frac{v}{m}\right) (r'' - 1) h + h - \frac{o'}{o} - \frac{c_g}{c} \left(\frac{\omega'}{\omega} - \frac{o'}{o}\right) - \frac{c'_1}{c} \right]$$

и будем иметь те же три случая с подобными же результатами.

$$\text{Первый: } r'' < 1 + \frac{\frac{o'}{o} + \frac{c'_1}{c} + \frac{c_g}{c} \left(\frac{\omega'}{\omega} - \frac{o'}{o}\right)}{h} - 1 \quad \text{и соответствующее}$$

$$\left(1 + \frac{v}{c}\right) \left(1 + \frac{v}{m}\right)$$

неравенство для v' ; при этих условиях всякий прогресс техники ведет к падению нормы прибыли.

$$\text{Второй: } r'' > 1 + \frac{\frac{o'}{o} + \frac{c'_1}{c} + \frac{c_g}{c} \left(\frac{\omega'}{\omega} - \frac{o'}{o}\right)}{h} - 1 + \frac{\omega' v}{o' c} \left(\frac{o_1}{o} - \frac{v_1}{v}\right) \frac{1}{h}$$

$$\left(1 + \frac{v}{c}\right) \left(1 + \frac{v}{m}\right)$$

и соответствующее неравенство для v' ; при этих условиях всякий прогресс техники ведет к повышению нормы прибыли.

1) В этом случае существуют известные условия, ограничивающие h .

$$\text{Третий: } 1 + \frac{\frac{o'}{o} + \frac{c'_1}{c} + \frac{c_g}{c} \left(\frac{\omega'}{\omega} - \frac{o'}{o}\right)}{h} - 1 + \frac{\omega' v}{o' c} \left(\frac{o_1}{o} - \frac{v_1}{v}\right) \frac{1}{h} > r''$$

$$\left(1 + \frac{v}{c}\right) \left(1 + \frac{v}{m}\right)$$

$$\text{и } r'' > 1 + \frac{\frac{o'}{o} + \frac{c'_1}{c} + \frac{c_g}{c} \left(\frac{\omega'}{\omega} - \frac{o'}{o}\right)}{h} - 1 \quad \text{и соответствующие неравен-$$

$$\left(1 + \frac{v}{c}\right) \left(1 + \frac{v}{m}\right)$$

ства для v' ; при этих условиях прогресс техники ведет в некоторых случаях к понижению, в некоторых — к повышению нормы прибыли.

И в этом общем случае, если обесценение может удовлетворять условиям не только первого и не только второго случая (следовательно, только третьего или двух любых или всех трех), можно говорить лишь о преобладающей тенденции движения нормы прибыли.

Мы рассмотрели, таким образом, помимо общего, пять весьма важных частных случаев. Общим во всех рассмотренных нами частных случаях является неизменность средних периодов оборотов o и ω ¹⁾.

Первый. Прогресс техники идет только в производстве средств роскоши. В этом случае норма прибыли всегда падает.

Второй. Прогресс техники идет в производстве средств производства для производства средств роскоши (только в нем или в нем и в производстве средств роскоши). В этом случае прогресс техники может вести иногда к падению, иногда к повышению нормы прибыли, в зависимости от среднего обесценения элементов постоянного капитала. Норма прибыли падает независимо

от прочих условий, если $r'' < 1 + \frac{c'_1}{c}$; повышается независимо от

прочих условий, если $r'' > 1 + \frac{c'_1}{c} + \frac{\omega' v}{o' c} \left(1 - \frac{v_1}{v}\right)$, может падать или повышаться в зависимости от других условий, если

$$1 + \frac{c'_1}{c} + \frac{\omega' v}{o' c} \left(1 - \frac{v_1}{v}\right) > r'' > 1 + \frac{c'_1}{c}$$

Третий. Прогресс техники идет в производстве средств необходимого потребления (только в нем или и в производстве средств роскоши). В этом случае прогресс техники может вести, как и в предыдущем случае, иногда к падению, иногда к по-

1) Изменения которых, впрочем, за год играют меньшую роль, чем изменения других величин, так как непосредственные изменения ω и o в результате прогресса техники относительно наиболее медленные.

вышению нормы прибыли, в зависимости от среднего обесценения элементов воспроизводства рабочей силы. Норма прибыли падает, незави-

симо от прочих условий, если $r'' < 1 + \frac{\frac{c'_1}{c}}{\left(1 + \frac{v}{c}\right) \left(1 + \frac{v}{m}\right) - \left(1 + \frac{c'_1}{c}\right)}$,

повышается, независимо от прочих условий, если

$$r'' > 1 + \frac{\frac{c'_1}{c} + \frac{\omega}{o} \frac{v}{c} \left(1 - \frac{v_1}{v}\right)}{\left(1 + \frac{v}{c}\right) \left(1 + \frac{v}{m}\right) - \left(1 + \frac{c'_1}{c}\right) - \frac{\omega}{o} \frac{v}{c} \left(1 - \frac{v_1}{v}\right)}; \text{ может}$$

падать или повышаться в зависимости от других условий, если

$$1 + \frac{\frac{c'_1}{c} + \frac{\omega}{o} \frac{v}{c} \left(1 - \frac{v_1}{v}\right)}{\left(1 + \frac{v}{c}\right) \left(1 + \frac{v}{m}\right) - \left(1 + \frac{c'_1}{c}\right) - \frac{\omega}{o} \frac{v}{c} \left(1 - \frac{v_1}{v}\right)} > r''$$

$$\text{и } r'' > 1 + \frac{\frac{c'_1}{c}}{\left(1 + \frac{v}{c}\right) \left(1 + \frac{v}{m}\right) - \left(1 + \frac{c'_1}{c}\right)}$$

Четвертый. Прогресс техники идет как в производстве средств необходимого потребления, так и в производстве средств производства (только в них или и в производстве средств роскоши) так, что размер среднего обесценения, как элементов постоянного капитала, так и элементов воспроизводства рабочей силы, одинаков ($v' = v'' = v$). И в этом случае, как и в предыдущих, прогресс техники может вести иногда к падению, иногда к повышению нормы прибыли в зависимости от размера среднего обесценения. Норма прибыли падает,

независимо от прочих условий, если $r < 1 + \frac{\frac{c'_1}{c}}{\left(1 + \frac{v}{c}\right) \left(1 + \frac{v}{m}\right)}$,

повышается независимо от прочих условий, если

$$r > 1 + \frac{\frac{c'_1}{c} + \frac{\omega}{o} \frac{v}{c} \left(1 - \frac{v_1}{v}\right)}{\left(1 + \frac{v}{c}\right) \left(1 + \frac{v}{m}\right)}$$

и может падать или повышаться в зависимости от других условий, если

$$1 + \frac{\frac{c'_1}{c} + \frac{\omega}{o} \frac{v}{c} \left(1 - \frac{v_1}{v}\right)}{\left(1 + \frac{v}{c}\right) \left(1 + \frac{v}{m}\right)} > r > 1 + \frac{\frac{c'_1}{c}}{\left(1 + \frac{v}{c}\right) \left(1 + \frac{v}{m}\right)}$$

Пятый и шестой (общий). Прогресс техники идет и в производстве средств производства и в производстве средств потребления, или только в первом (в одном производстве средств производства для производства средств необходимого потребления или и в производстве средств производства для производства средств роскоши¹⁾).

Прогресс техники может и здесь вести иногда к падению, иногда к повышению нормы прибыли, в зависимости от размеров среднего обесценения в частности рабочей силы. Норма прибыли падает, независимо

от прочих условий, если $r'' < 1 + \frac{1 + \frac{c'_1}{c} - 1}{\frac{h}{\left(1 + \frac{v}{c}\right) \left(1 + \frac{v}{m}\right)}}$ (здесь, как и ниже,

приводим неравенство для пятого случая, для шестого будем иметь аналогичное неравенство), повышается, независимо от прочих условий, если

$$r'' > 1 + \frac{\left(\frac{1 + \frac{c'_1}{c} - 1}{h}\right) + \frac{\omega}{o} \frac{v}{c} \left(1 - \frac{v_1}{v}\right) \frac{1}{h}}{\left(1 + \frac{v}{c}\right) \left(1 + \frac{v}{m}\right)}$$

и может падать или повышаться, в зависимости от других условий, если

$$1 + \frac{\left(\frac{1 + \frac{c'_1}{c} - 1}{h}\right) + \frac{\omega}{o} \frac{v}{c} \left(1 - \frac{v_1}{v}\right) \frac{1}{h}}{\left(1 + \frac{v}{c}\right) \left(1 + \frac{v}{m}\right)} > r'' > 1 + \frac{1 + \frac{c'_1}{c} - 1}{\left(1 + \frac{v}{c}\right) \left(1 + \frac{v}{m}\right)}$$

Однако эти наши выводы правильны лишь при условии, что действительные значения v' и v'' в каждом из рассмотренных случаев не ограничены одним первым или одним вторым неравенством (тогда возможно было бы только падение или только повышение нормы прибыли).

¹⁾ Во всех этих случаях как v' , так и v'' больше единицы.

Напр., для случая четвертого наши выводы правильны лишь при

$$\text{условию, если возможно не только } r < 1 + \frac{\frac{c_1}{c}}{\left(1 + \frac{v}{m}\right) \left(1 + \frac{r}{c}\right)}$$

$$\text{или не только } r > 1 + \frac{\frac{c_1 + \frac{\omega}{\sigma} \frac{r}{c} \left(1 - \frac{v_1}{m}\right)}{\left(1 + \frac{v}{m}\right) \left(1 + \frac{r}{c}\right)}, \text{ но если либо возмож-}$$

$$\text{но только } 1 + \frac{\frac{c_1 + \frac{\omega}{\sigma} \frac{r}{c} \left(1 - \frac{r_1}{v}\right)}{\left(1 + \frac{r}{m}\right) \left(1 + \frac{r}{c}\right)} > r > 1 + \frac{\frac{c_1}{c}}{\left(1 + \frac{v}{m}\right) \left(1 + \frac{r}{c}\right)},$$

либо (разумеется, для разных случаев прогресса техники) эти два неравенства и одно из двух других, либо оба эти другие, либо возможны все эти неравенства.

Чтобы судить о том, осуществляется ли в действительности указанное выше условие, попробуем определить размер v' , v'' и v для соответственных случаев, что, как было уже отмечено, невозможно без того, чтобы не принять во внимание не только изменения общей величины, напр. c и v , но и изменения их структуры по отраслям производства.

Однако для нашей цели нет необходимости учитывать изменения структуры по каждой отрасли производства в отдельности и достаточно ограничиться их отражением на соотношении основных подразделений производства (что иногда возможно только приблизительно, т.-е. только для большинства случаев применения прогресса техники).

Общий размер среднего обесценения v' , v'' или v может быть определен, исходя из того обстоятельства, что обесценение происходит прежде всего благодаря сокращению необходимой для производства данного количества продуктов рабочей силы, а значит, и соответственному сокращению вновь создаваемой стоимости. Но если рабочая сила, а с нею и вновь создаваемая стоимость сократилась в тех отраслях, где произошел прогресс техники, напр., на 10%, то обесценение составит лишь часть этих 10%: во 1-х, потому, что в стоимости продукта вновь создаваемая стоимость составляет лишь часть (тем меньшую, чем более высок достигнутый уровень техники) и, во 2-х, потому, что обесценение (т.-е. уменьшение стоимости единицы продукта) из-за уменьшения падающей на единицу продукта вновь создаваемой стоимости частично уравновешивается тем, что (хотя и на меньшую величину) возрастает падающая на единицу продукта переносимая стоимость, т. к. в тех отраслях, где имел место прогресс техники, одновременно с сокращением переменного капитала идет и (хотя и количественно меньший) рост постоянного.

Если при прогрессе техники периоды оборотов (ω , σ) не изменяются, то сокращение рабочей силы в отношении $\frac{v_1}{v}$ ведет к со-

кращению всей вновь создаваемой стоимости с $v + m$ до $\frac{v_1}{v} (v + m)$,

т.-е. на величину, равную $\left(1 - \frac{v_1}{v}\right) (v + m)$. В то же время переносимая часть стоимости всей продукции (принимая размер продукции той отрасли—или тех отраслей,—где имел место прогресс техники, неизменным и учитывая пока изменения стоимости только в этой отрасли) вследствие роста основного капитала возрастет на $\lambda (v - v_1)$. Падение стоимости продукции (учитывая пока только изменения стоимости продукции той отрасли или тех отраслей, где имел место

прогресс техники) составит в итоге $\left(1 - \frac{v_1}{v}\right) (v + m) - \lambda (v - v_1)$ или

$$\left(1 - \frac{v_1}{v}\right) \left(v + m - \lambda v\right)^1.$$

Если прогресс техники имел место только в производстве средств потребления, то обесценение всей продукции этим и ограничится, так как стоимость продуктов прочих отраслей (помимо той или тех, где имел место прогресс техники) останется без изменений ²⁾.

Определим, исходя из этого, v'' для третьего приведенного выше случая (прогресс техники в производстве средств необходимого потребления, т.-е. средств воспроизводства рабочей силы). Т. к. речь идет о прогрессе техники в производстве средств потребления, и именно средств необходимого потребления, то обесценение рабочей силы, взятой в исходном ее размере, т.-е. в размере

$$\text{простого ее воспроизводства, составит } \left(1 - \frac{v_1}{v}\right) \left(v + m - \lambda v\right)^3.$$

¹⁾ При изменении периодов оборота получим падение стоимости продукции, равное $\frac{1}{\sigma'} \left(\frac{c'}{\sigma} - \frac{v_1}{v}\right) (v + m - \lambda v)$.

²⁾ Т. к. для них изменится только величина оплачиваемой части вновь производимой стоимости, но не величина последней. Дальнейшие изменения в связи с наступившим изменением нормы прибыли изменят лишь распределение обесценения по отраслям, но не общую его величину.

³⁾ Здесь необходимо оговорить следующее обстоятельство. Если имеет место расширенное воспроизводство рабочей силы, то обесценение ее прежнего количества составит несколько меньшую величину. При простом воспроизводстве рабочей силы (которое может иметь место и при значительном интенсивном развитии производительных сил и расширении производства на базе его) возможно, что все те средства необходимого потребления, в производстве которых имел место прогресс техники, будут целиком потреблены в воспроизводстве рабочей силы, и их обесценение целиком перенесено на прежнюю рабочую силу. При расширенном воспроизводстве рабочей силы это невозможно; при нем обесценение прежней рабочей силы составит только часть обесценения средств необходимого потребления, и именно часть, соответству-

Так как далее до данного прогресса техники стоимость рабочей силы составляла v , то коэффициент ее обесценения v''

будет равен $\frac{v}{v - \left(1 - \frac{v_1}{r}\right)(v + m - \lambda v)}$ или, что то же,

$$1 + \frac{1}{\frac{v}{v + m - \lambda v} - 1 - \frac{v_1}{v}}$$

В этом выражении λ может лежать между нулем и единицей.

ищую той части, какую составляют средства необходимого потребления, идущие на простое воспроизводство рабочей силы, по отношению ко всем произведенным средствам необходимого потребления.

Однако эта часть очень близка к 1. Если норма прибыли p , и если бы вся масса прибавочной стоимости целиком шла на экстенсивное расширение производства, то все подразделения производства в том числе и производство средств необходимого потребления, расширились бы в $1 + p$ раз, где p , как известно, всегда небольшая дробь (в пределах, повидимому, не выше $\frac{1}{3}$, а по большей части значительно ниже напр., $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{6}$ и т. п.).

Однако только часть массы прибавочной стоимости идет на расширение производства (едва ли больше $\frac{1}{3}$, остальное на потребление капиталистов, землевладельцев, их государства и т. п.). Далее идущая на расширение производства часть прибавочной стоимости может рассматриваться, как состоящая из двух частей, из которых одна идет на расширение производства на основе интенсивного развития производительных сил (на основе прогресса техники) без увеличения рабочей силы, и другая на расширение производства на основе экстенсивного увеличения производительных сил (хотя бы и на новой технической базе) с соответственным увеличением рабочей силы, а значит, и производства средств необходимого потребления. Поэтому производство средств необходимого потребления расширится не в $1 + p$ раз, а в меньшее

число раз, в $1 + \frac{p}{n}$ раз. На простое воспроизводство рабочей силы тогда пойдет

$\frac{1}{1 + \frac{p}{n}}$ ее часть средств необходимого потребления, и обесценение рабочей силы, взя-

той в размере ее простого воспроизводства, составит $\left(1 - \frac{v_1}{v}\right) \left(r + m - \lambda v\right) \frac{1}{1 + \frac{p}{n}}$.

Однако $\frac{1}{1 + \frac{p}{n}}$ очень близко к 1 (едва ли бывает меньше 0,9 и даже 0,95).

Т. к. принятие во внимание этой поправки только излишне усложнило бы дальнейшее изложение, ничего не изменив в выводах, то мы ее не вводим, принимая

$\frac{1}{1 + \frac{p}{n}}$ равным 1 (что совсем точно, когда прогресс техники не сопровождается ростом

применяемой капиталом рабочей силы, и очень близко к действительности и при росте ее).

Поэтому пределы всех возможных значений v'' ограничены сле-

дующими условиями $1 + \frac{1}{\frac{v}{v + m} - 1 - \frac{v_1}{v}} > v'' > 1 + \frac{1}{\frac{v}{m} - 1 - \frac{v_1}{v}}$

Сопоставив эти неравенства для v'' с выведенными для него прежде, можно решить вопрос, может ли иметь место в действительности только первое или только второе из выведенных прежде неравенств для.

А именно, т. к. всякое v'' больше $1 + \frac{1}{\frac{v}{m} - 1 - \frac{v_1}{v}}$, то для

того, чтобы могло иметь место только повышение нормы при-

были, необходимо и достаточно, чтобы $\frac{1}{\frac{v}{m} - 1 - \frac{v_1}{v}}$ было

больше $\frac{\frac{c'_1}{c} + \frac{\omega}{o} \frac{v}{c} \left(1 - \frac{v_1}{v}\right)}{\left(1 + \frac{v}{m}\right) \left(1 + \frac{v}{c}\right) - \left(1 + \frac{c'_1}{c}\right) - \frac{\omega}{o} \frac{v}{c} \left(1 - \frac{v_1}{v}\right)}$

Точно так же, т. к. всякое v'' меньше $1 + \frac{1}{1 + \frac{m}{v} - 1 - \frac{v_1}{v}}$,

то для того, чтобы могло иметь место только падение нормы

прибыли, необходимо и достаточно, чтобы $\frac{1}{1 + \frac{m}{v} - 1 - \frac{v_1}{v}}$ было

меньше $\frac{\frac{c'_1}{c}}{\left(1 + \frac{v}{m}\right) \left(1 + \frac{v}{c}\right) - \left(1 + \frac{c'_1}{c}\right)}$

Ближайшее рассмотрение обоих неравенств показывает, что при любом уровне развития капитализма они могут иметь место лишь в исключительных случаях, показывает, следовательно, что при всяком уровне развития капитализма имеет место как падение, так и повышение нормы прибыли.

Неравенство

$$\frac{1}{\frac{v}{m} \frac{1}{1 - \frac{v_1}{v}} - 1} > \frac{\frac{c'_1}{c} + \frac{\omega}{o} \frac{v}{c} \left(1 - \frac{v_1}{v}\right)}{\left(1 + \frac{v}{m}\right) \left(1 + \frac{v}{c}\right) - \left(1 + \frac{c'_1}{c}\right) - \frac{\omega}{o} \frac{v}{c} \left(1 - \frac{v_1}{v}\right)}$$

может быть легко приведено к виду $\frac{\omega}{o} < 1 + \frac{m}{v} + \frac{c}{v} \left(1 - \frac{c'_1}{c} - \frac{v_1}{v}\right)$

Так как все входящие в это неравенство величины, кроме $\frac{c'_1}{c}$ и $1 - \frac{v_1}{v}$ представляют собой величины, независимые от данного прогресса техники, то для рассмотрения этого неравенства необходимо еще выяснить отношение между $\frac{c'_1}{c}$ и $1 - \frac{v_1}{v}$.

c'_1 есть постоянный капитал, понавообившийся для применения освобожденной рабочей силы, стоимостью v'_1 (равной $v - v_1$). Можно предположить, что, как правило, органический состав этого дополнительного капитала (применяемого во всех отраслях производства) не будет значительно отличаться от исходного среднего $\left(\frac{c}{v}\right)$. Скорее всего он будет несколько выше, т. к. речь идет в известной части о производстве новых машин, введенных благодаря прогрессу техники, а также и о тех отраслях, где произошел прогресс техники. Итак, вообще говоря, $\frac{c'_1}{v'_1}$ будет близко к $\frac{c}{v}$ и по большей части больше его (но может быть в отдельных случаях и меньше). Отсюда следует, что $\frac{c'_1}{o}$ также будет близко (и скорее всего больше) величины $\frac{v'_1}{v}$ или, что то же, $1 - \frac{v_1}{v}$.

Принимая это во внимание, мы можем перейти к рассмотрению нашего неравенства.

При среднем органическом составе добавочного капитала (капитала $c'_1 + v'_1$), т. е. при $\frac{c'_1}{c} = 1 - \frac{v_1}{v}$ рассмотренное выше неравенство примет вид $\frac{\omega}{o} < 1 + \frac{m}{v}$. При уровне развития капитализма,

когда норма прибавочной стоимости достигает 100%, т. е. при $\frac{m}{v} = 1$, средний период оборота основного капитала составляет около 10 лет (т. е. $\omega = 10$), а средний период оборота оборотного капитала, ве-

роятно, около 1/4 года; поэтому $\frac{\omega}{o}$ лежит, примерно, около 40 и не может быть меньше 2.

Если $\frac{m}{v} < 1$, то и $\frac{\omega}{o}$ будет меньше, чем в первом случае, но будет оставаться больше 2 в то время, как $1 + \frac{m}{v}$ будет равно единице с дробью.

Если $\frac{m}{v} > 1$ и равно 1 1/2, 2 или 3, все же $1 + \frac{m}{v}$ остается меньше $\frac{\omega}{o}$, которое при этом также возрастает по сравнению с первым случаем.

Итак, во всех этих случаях неравенство $\frac{\omega}{o} < 1 + \frac{m}{v}$ невозможно.

Если органический состав добавочного капитала будет выше

среднего, то тогда неравенство $\frac{\omega}{o} < 1 + \frac{m}{v} + \frac{c}{v} \left(1 - \frac{c'_1}{c} - \frac{v_1}{v}\right)$

окажется тем более невозможным.

Только в том случае, если органический состав добавочного капитала значительно ниже среднего (а такие случаи могут быть лишь редким исключением), приведенное выше неравенство может оказаться удовлетворенным.

Напр., при $\frac{m}{v} = \frac{1}{3}$; $\frac{c}{v} = 1$; $\omega = 2$; $o = 1$ неравенство было бы удовлетворено только при органическом составе добавочного капитала втрое более низком, чем средний.

А напр., при $\frac{m}{v} = 1$; $\frac{c}{v} = 5$; $\omega = 10$; $o = 4$, оно уже не может быть вообще удовлетворено¹⁾.

Неравенство $\frac{1}{1 + \frac{m}{v}} \frac{1}{1 - \frac{v_1}{v}} - 1 < \frac{\frac{c'_1}{c}}{\left(1 + \frac{v}{m}\right) \left(1 + \frac{v}{c}\right) - \left(1 + \frac{c'_1}{c}\right)}$

может быть приведено к виду $\frac{\frac{c'_1}{c}}{1 - \frac{v_1}{v}} > \left(1 + \frac{v}{m}\right) \left(1 + \frac{m + v}{c}\right)$.

¹⁾ Этот пример, как и все последующие, носит лишь иллюстративный характер. Различные значения величин $\frac{c}{v}$, $\frac{m}{v}$, ω и o иллюстрируют разные уровни

Это неравенство может быть удовлетворено только в том случае, если органический состав добавочного капитала будет значительно выше среднего (так, при $\frac{m}{v} = \frac{1}{4}$ и $\frac{c}{v} = \frac{1}{2}$ он должен быть в $17\frac{1}{2}$ раз выше среднего, при $\frac{m}{v} = 1$ и $\frac{c}{v} = 5$ почти в 3 раза выше среднего, при $\frac{m}{v} = 2$ и $\frac{c}{v} = 11$ почти вдвое выше среднего).

Итак, при любом уровне развития капитализма каждое из рассмотренных нами двух неравенств может быть удовлетворено лишь в отдельных исключительных случаях (именно при значительном отклонении органического состава добавочного капитала от среднего). Следовательно, при прогрессе техники в производстве средств необходимого потребления, ни при каком уровне развития капитализма не могут быть осуществлены условия, при которых имело бы место только повышение или только падение нормы прибыли вне зависимости от конкретных особенностей отдельных случаев прогресса техники.

Напротив того, в большинстве случаев падение или повышение нормы прибыли будет в каждом отдельном случае определяться именно этими конкретными особенностями.

Определим теперь v' для второго приведенного выше случая (прогресс техники в производстве средств производства для производства средств роскоши).

Падение стоимости продукции тех отраслей, где имел место прогресс техники, выразится уже исчисленной раньше (для v'') величиной $\left(1 - \frac{v_1}{v}\right)(v + m - \lambda v)$.

Однако, поскольку в данном случае мы имеем дело с обесценением средств производства, обесценение не ограничится этим, так как понизится стоимость и средств роскоши. Их стоимость также понизится на ту же величину $\left(1 - \frac{v_1}{v}\right)(v + m - \lambda v)$. Этим обес-

ценение и ограничится, если продукция той отрасли или (тех отраслей), в которых имел место прогресс техники, представляет собой только средства роскоши, но не средства производства для производства средств роскоши.

Если продукция этой отрасли представляет собой средства производства для производства средств роскоши (или средств их производства, т. е. средства производства для производства средств роскоши, так сказать, 2-й ступени), то будут иметь место и дополнительные обесценения, равные для каждой ступени $\left(1 - \frac{v_1}{v}\right)(v + m - \lambda v)$.

развития капитализма. Установление действительного размера этих величин для разных уровней развития капитализма возможно только в результате специальной работы над эмпирическим материалом.

При n ступеней будем иметь общий размер обесценения произведенных средств производства равным $n \left(1 - \frac{v'}{v}\right)(v + m - \lambda v)$.

Если продукция этих отраслей частью представляет собой частью средства производства для производства средств роскоши (или средств их производства, но низших, чем n -ая, ступеней), то общий размер обесценения средств производства будет

больше $\left(1 - \frac{v_1}{v}\right)(v + m - \lambda v)$ и меньше $n \left(1 - \frac{v_1}{v}\right)(v + m - \lambda v)$.

С другой стороны, стоимость средств производства увеличится (учитывая материальные изменения только в той отрасли, где имел место прогресс техники) на $\lambda \omega (v - v_1)$ ¹⁾. Так как до прогресса техники стоимость постоянного капитала составляла c , а с учетом его роста в той отрасли, где имел место прогресс техники, составит до обесценения $c + \lambda \omega (v - v_1)$, то коэффициент среднего обесценения элементов постоянного капитала v' будет равен

$$v' = 1 + \frac{c + \lambda \omega (v - v_1) - n \left(1 - \frac{v_1}{v}\right)(v + m - \lambda v)}{c + \lambda \omega (v - v_1)}$$

2) или, что то же,

$$v' = 1 + \frac{1}{\frac{c + \lambda \omega \left(1 - \frac{v_1}{v}\right) v}{n \left(1 - \frac{v_1}{v}\right)(v + m - \lambda v)} - 1}$$

В этом выражении λ может лежать между нулем и единицей. Поэтому

$$1 + \frac{1}{\frac{c}{n \left(1 - \frac{v_1}{v}\right)(v + m)} - 1} > v' > 1 + \frac{1}{\frac{c + \omega \left(1 - \frac{v_1}{v}\right) v}{n \left(1 - \frac{v_1}{v}\right) m} - 1}$$

1) При изменении периодов оборота будем иметь $\lambda \frac{\omega'}{\omega} \left(\frac{\omega'}{\omega} - \frac{v'}{v}\right) v$.

2) Так как строение (по отраслям производства) дополнительного постоянного капитала c_1 , вообще говоря, мало отличается от строения c , а масса c_1 по сравнению с c всегда очень невелика, то можно принять коэффициент обесценения всего постоянного капитала $c + \lambda \omega (v - v_1) + c_1$ равным нечисленному коэффициенту обесценения постоянного капитала $c + \lambda \omega (v - v_1)$.

В приведенном в тексте неравенстве для v' число n может быть равно числу ступеней, которые проходит процесс обесценения или меньше его. Однако n не может быть меньше единицы. Если учесть и моральное снашивание, то n нужно заменять большей величиной n' .

Необходимо иметь в виду, что n фактически не может быть больше 3 или 4 (напр., при прогрессе техники в производстве орудий для добычи сырья, $n = 3$), а большей частью будет лежать между 1 и 2. Дело в том, что продукт, в производстве которого имел место прогресс техники, почти всегда служит одновременно отчасти средством производства, отчасти средством потребления, и если средством производ-

Сопоставив эти неравенства для v' с выведенными для него прежде, можно решить вопрос, может ли иметь место в действительности только первое или только второе из выведенных прежде для неравенств.

А именно условием их осуществимости являются (аналогичные выведенным выше для предшествующего случая) неравенства

$$c' > \frac{c}{n(1-\frac{v_1}{v})(v+m)-1} \quad \text{и} \quad \frac{1}{c+\omega(1-\frac{v_1}{v})v} > \frac{c'}{c} + \frac{\omega}{c} \frac{v}{c} (1-\frac{v_1}{v})$$

Неравенство $\frac{c'}{c} > \frac{1}{n(1-\frac{v_1}{v})(v+m)-1}$ может быть приведено к виду $\frac{c'}{1-\frac{v_1}{v}} > n(1+\frac{c'}{c})\frac{v+m}{c}$

При среднем органическом составе добавочного капитала неравенство это примет вид $1 > n(1+\frac{c'}{c})\frac{v+m}{c}$. Неравенство это осуществимо только при высоком уровне развития капитализма и при небольшом n . Так, при $\frac{m}{v} = 1$; $\frac{c'}{v} = 5$; $n = 1$; $\frac{c'}{c} = \frac{1}{100}$, будем иметь $1 > \frac{101}{250}$; однако при тех же условиях, но $n = 3$ будем

иметь уже $1 > \frac{303}{250}$, что невозможно.

Итак, прогресс техники ведет независимо от прочих условий к падению нормы прибыли, если прогресс техники захватывает при высоком уровне развития капитализма ¹⁾ производство средств производства для производства непосредственно средств роскоши и если органический состав добавочного капитала соответствует среднему.

Эти условия легче удовлетворимы, если органический состав добавочного капитала выше среднего, и труднее, если он ниже среднего.

Неравенство
$$\frac{1}{c+\omega(1-\frac{v_1}{v})v} > \frac{c'}{c} + \frac{\omega}{c} \frac{v}{c} (1-\frac{v_1}{v})$$

$$\frac{1}{n(1-\frac{v_1}{v})m} - 1$$

ства, то только отчасти 2-й и более высокой степени, а отчасти 1-й. Поэтому многократное обесценение захватывает лишь часть его и средняя повторяемость обесценения (по отношению ко всему обесценению) дает небольшую величину.

¹⁾ При $\frac{c'}{v} < 1$ неравенство это вообще не может быть удовлетворено (если органический состав добавочного капитала соответствует среднему).

может быть приведено к виду

$$1 > \left[\frac{c'}{c} + \frac{\omega}{c} \frac{v}{c} \right] \left[\frac{1}{n} \frac{c}{m} + \left(1 - \frac{v_1}{v}\right) \left(\frac{v}{m} \frac{\omega}{n} - 1\right) \right]$$

При среднем органическом составе добавочного капитала это неравенство примет вид

$$1 > \left(1 + \frac{\omega}{c} \frac{v}{c}\right) \left[\frac{1}{n} \frac{c}{m} + \left(1 - \frac{v_1}{v}\right) \left(\frac{v}{m} \frac{\omega}{n} - 1\right) \right]$$

Неравенство это, если только n не слишком велико, неосуществимо¹⁾.

В итоге мы приходим к выводу, что при прогрессе техники в производстве средств производства для производства средств роскоши ни при каком уровне развития капитализма не могут быть осуществлены условия, при которых имело бы место только повышение или только падение нормы прибыли вне зависимости от конкретных особенностей отдельных случаев прогресса техники.

И здесь в большинстве случаев падение или повышение нормы прибыли будет в каждом отдельном случае определяться именно этими конкретными особенностями.

Определим теперь v для четвертого приведенного выше случая (когда прогресс техники ведет к одинаковому среднему обесценению рабочей силы и элементов постоянного капитала; мы примем здесь, кроме того,—к одинаковому среднему обесценению и элементов прибавочной стоимости).

Падение стоимости продукции тех отраслей, где имел место прогресс техники, выразится уже исчисленной для предшествующих

случаев величиной $\left(1 - \frac{v_1}{v}\right) (v + m - \lambda v)$.

Поскольку прогресс техники затронул и производство средств производства, их обесценение (в той отрасли, где имел место прогресс техники) будет передаваться и дальше (так как стоимость

¹⁾ Примем, что $n = 4$, тогда рассматриваемое неравенство примет вид: $1 > \frac{1}{4} \frac{\omega}{c} \frac{v}{c} + \frac{1}{4} \frac{c}{m} + \left(1 - \frac{v_1}{v}\right) \left(1 + \frac{\omega}{c} \frac{v}{c}\right) \left(\frac{\omega}{4} \frac{v}{m} - 1\right)$. Если $\frac{\omega}{4} \frac{v}{m} > 1$ и σ не больше 1, то неравенство это становится невозможным. Но это как раз имеет место. $\frac{\omega}{4} \frac{v}{m} > 1$ означает, что $\frac{m}{v} < \frac{\omega}{4}$. При $\frac{m}{v} = 1$ (норма прибавочной стоимости 100%) ω составляет около 10. С изменением $\frac{m}{v}$ изменяется в том же направлении

или ω , и неравенство $\frac{m}{v} < \frac{\omega}{4}$, насколько можно судить, всегда остается в силе. Тем более это относится к тем случаям, когда $n < 4$.

Если органический состав добавочного капитала ниже среднего, неравенство тем более неосуществимо. Оно становится осуществимым, если органический состав добавочного капитала значительно выше среднего.

средств производства переносится на продукт соответственного производства). Таким образом, все обесценение средств производства, идущих на простое их воспроизводство, поскольку это обесценение вызвано непосредственно прогрессом техники в той отрасли, где он имел место, вызовет такое же по размеру обесценение рабочей силы и элементов прибавочной стоимости (т.-е. средств необходимого потребления, идущих на простое воспроизводство, с одной стороны, и средств роскоши и идущих на расширение производства средств производства и средств необходимого потребления—с другой).

Поэтому независимо от того, в каких отраслях имел место прогресс техники, общее обесценение рабочей силы и элементов прибавочной стоимости составит ту же исчисленную уже раньше величину $\left(1 - \frac{v_1}{v}\right) (v + m - \lambda v)$.

При одинаковом среднем обесценении рабочей силы и элементов прибавочной стоимости можно принять, что обесценение рабочей силы составит часть, соответствующую доле стоимости рабочей силы во всей вновь произведенной стоимости, т.-е. $\left(1 - \frac{v_1}{v}\right) (v + m - \lambda v) \frac{v}{v + m}$. Тогда коэффициент обесценения рабочей силы r составит

$$\frac{v - \left(1 - \frac{v_1}{v}\right) (v + m - \lambda v) \frac{v}{v + m}}{v - \left(1 - \frac{v_1}{v}\right) (v + m - \lambda v) \frac{v}{v + m}} \quad \text{или} \quad v = 1 + \frac{1}{\left(1 - \frac{v_1}{v}\right) (v + m - \lambda v)^{-1} - 1}$$

В этом выражении λ может лежать между нулем и

единицей. Поэтому $1 + \frac{1}{\frac{1}{1 - \frac{v_1}{v}} - 1} > v > 1 + \frac{1}{\frac{1}{1 + \frac{m}{v}} - 1}$

Сопоставив эти неравенства для r с выведенными для него прежде, мы найдем, что условием осуществимости только первого или только второго из выведенных прежде для r неравенств являются неравенства

$$\frac{\frac{c'}{c}}{\left(1 + \frac{m}{v}\right) \left(1 + \frac{c'}{c}\right)} > \frac{1}{1 - \frac{v_1}{v}} - 1 \quad \text{и} \quad \frac{1}{1 + \frac{m}{v}} - 1 > \frac{\frac{c'}{c} + \frac{c'}{c} \frac{v}{c} \left(1 - \frac{v_1}{v}\right)}{\left(1 + \frac{m}{v}\right) \left(1 + \frac{c'}{c}\right)}$$

Неравенство $\frac{\frac{c'}{c}}{\left(1 + \frac{m}{v}\right) \left(1 + \frac{c'}{c}\right)} > \frac{1}{1 - \frac{v_1}{v}} - 1$ может быть

приведено к виду $\frac{\frac{c'}{c}}{1 - \frac{v_1}{v}} > \left(1 + \frac{m}{v}\right) \left(1 + \frac{c'}{c}\right) + \frac{c'}{c}$

1) В действительности в случае расширения производства средств необходимого потребления на несколько меньшую величину, но очень близкую к ней. См. третью сноску на стр. 31.

Это неравенство может быть удовлетворено только в том случае, если органический состав добавочного капитала будет значительно выше среднего (так, при $\frac{m}{v} = \frac{1}{4}$, $\frac{c}{v} = \frac{1}{2}$ и $\frac{c'}{c} = \frac{1}{100}$ он должен быть в 15 раз выше среднего, при $\frac{m}{v} = 1$; $\frac{c}{v} = 5$ и $\frac{c'}{c} = \frac{1}{100}$ в $2^{1/2}$ раза выше среднего).

Неравенство $\frac{1}{\frac{1 + \frac{m}{v}}{1 - \frac{v_1}{v}} - 1} > \frac{\frac{c'}{c} + \frac{c'}{c} \frac{v}{c} \left(1 - \frac{v_1}{v}\right)}{\left(1 + \frac{m}{v}\right) \left(1 + \frac{c'}{c}\right)}$ может быть при-

ведено к виду $1 + \frac{c'}{c} > \frac{\frac{c'}{c}}{1 - \frac{v_1}{v}} + \frac{c'}{c} \frac{v}{c} \left[1 - \frac{1 - \frac{v_1}{v}}{1 + \frac{m}{v}} \left(1 + \frac{c'}{c} \frac{c}{1 - \frac{v_1}{v}}\right)\right]$

При среднем органическом составе добавочного капитала это неравенство примет вид $\frac{c'}{c} \frac{v}{c} \left[1 - \frac{1 - \frac{v_1}{v}}{1 + \frac{m}{v}} \left(1 + \frac{c'}{c} \frac{c}{1 - \frac{v_1}{v}}\right)\right] < \frac{c'}{c}$

или $\left(1 - \frac{v_1}{v}\right) \left(1 + \frac{v}{m}\right) < \left(1 - \frac{v_1}{v}\right) \left(1 + \frac{v}{m} \frac{c}{v}\right)$, которое неосуществимо, если $1 - \frac{v_1}{v}$ не становится исключительно велико¹⁾.

Если органический состав добавочного капитала выше среднего, то рассматриваемое неравенство еще труднее осуществимо. Оно легче осуществимо, если органический состав добавочного капитала значительно ниже среднего.

К аналогичным выводам приводит в данном случае и рассмотрение обесценения средств производства, идущих на простое их воспроизводство (т.-е. элементов постоянного капитала).

1) Дело в том, что, как было указано выше, $1 - \frac{v_1}{v}$, т.-е. относительное сокращение (вследствие прогресса техники в одной отрасли или нескольких отраслях) в сей рабочей силы капиталистического общества за год представляет всегда незначительную величину (вероятно, в среднем порядка $\frac{1}{100}$ или даже $\frac{1}{1000}$). С другой стороны, $\frac{v}{c}$ и $\frac{c}{v}$ изменяются всегда в одном направлении; при $\frac{c}{v}$, лежащем между 5 и 10, $\frac{v}{c}$ лежит примерно между 30 и 50, и соответственно $\frac{v}{c} \frac{c}{v}$ во всяком случае не превышает 1; при всяком другом уровне развития капитализма $\frac{v}{c} \frac{c}{v}$ также не может значительно превысить 1.

Поэтому $\left(1 - \frac{v_1}{v}\right) \left(1 - \frac{v}{m} \frac{c}{v}\right)$ остается, как правило, величиной порядка $\frac{1}{100}$ в то время, как $\left(1 - \frac{v_1}{v}\right) \left(1 + \frac{v}{m}\right)$ является величиной порядка 1.

Падение стоимости продукции тех отраслей, где имел место прогресс техники, составит, как уже сказано выше,

$$\left(1 - \frac{v_1}{v}\right) (v + m - \lambda v)$$

эту величину мы для краткости обозначим через A .

Поскольку прогресс техники захватил и производство средств производства, произойдет вследствие падения стоимости этих средств производства дополнительное падение стоимости всех вообще продуктов, в производстве которых применяются эти средства производства. Однако при этом дополнительном обесценении понижается только та часть стоимости каждого продукта, которую составляет переносимая, но не вновь создаваемая стоимость.

Если всю стоимость продукции (за период оборота оборотного капитала) обозначить через t , и переносимую часть стоимости через \bar{c} ¹⁾, то будем иметь $t = \bar{c} + v + m$. Стоимость продукции после обесценения продукции тех отраслей, где имел место прогресс техники, составит в нашем обозначении $t - A$.

Дальнейшее обесценение коснется только переносимой стоимости \bar{c} и будет равно известной части первого обесценения A , размер которой зависит от того, в какой мере прогресс техники затронет средства производства, идущие на простое воспроизводство (т.-е. \bar{c}), и в какой мере остальные продукты. Обозначим эту часть через r , где r меньше 1.

При одинаковом обесценении тех и других можно принять, что прогресс техники затронет средства производства, идущие на простое их воспроизводство, в соответствии с их удельным весом во всей продукции (т.-е., что $r = \frac{c}{c + v + m}$ ²⁾).

После первого дополнительного обесценения стоимость продукции составит $t - A - rA$. Это дополнительное обесценение затронет только переносимую часть стоимости, но затронет ее у всех продуктов, в производстве которых расходуются продукты отрасли, затронутой прогрессом техники. Это дополнительное обесценение вызовет в свою очередь новое обесценение всех продуктов, в производстве которых расходуются продукты, обесценившиеся в силу преж-

1) \bar{c} будет равно постоянному оборотному капиталу c_n и снаниваемой части основного c_g , т.-е. $\bar{c} = c_n + c_g$.

2) Если обесценения v' и v'' неодинаковы и если их отношение $\frac{v'}{v''}$ обозначить через h , то (при условии, что среднее обесценение элементов прибавочной стоимости также равно v''), получим, что $r = \frac{hc}{hc + v + m}$, т. к. обесценение средств производства, идущих на простое их воспроизводство, будет определяться не только их первоначальной стоимостью, но и их относительным (по отношению к обесценению средств необходимого потребления) обесценением.

них обесценений. Мы можем принять, что в этой стадии обесценение захватит все продукты. Но оно снова коснется только переносимой ценности и составит часть предыдущего обесценения (равного rA), зависящую от отношения стоимости той части продукции производств средств производства, которая пойдет на простое их воспроиз-

водство, к стоимости всей продукции. Это отношение равно $\frac{c}{c + v + m}$

т.-е. r^1). Тогда новое обесценение составит $r^2 A$. Обесценение будет идти дальше. Дальнейшие обесценения составят $r^3 A$, $r^4 A$ и т. д., а все они в совокупности составят, включая и первые два обесценения

$$A + rA + r^2 A + \dots = A(1 + r + r^2 + \dots) = \frac{A}{1 - r} = A \frac{c + v + m}{v + m}$$

При одинаковом обесценении как рабочей силы, так и элементов постоянного капитала и прибавочной стоимости, можно принять, что из этого совокупного обесценения на постоянный капитал, придется часть, соответствующая удельному весу во всей продукции его вос-

производимых элементов, т.-е. часть равная $\frac{c}{c + v + m}$. Итак, обес-

ценение элементов постоянного капитала составит

$$A \frac{c + v + m}{v + m} \frac{c}{c + v + m} = \left(1 - \frac{v_1}{v}\right) (v + m + \lambda v) \frac{c}{v + m}$$

Тогда коэффициент обесценения элементов постоянного капитала составит $\frac{c}{c - \left(1 - \frac{v_1}{v}\right) (v + m + \lambda v) \frac{c}{v + m}}$ или, как это мы получили

$$уже, v = 1 + \frac{1}{\left(1 - \frac{v_1}{v}\right) (v + m + \lambda v) - 1}$$

Итак, при прогрессе техники, равномерно затрагивающем (т.-е. приводящем к одинаковому относительному обесценению продукции) как производство средств производства, так и производство средств необходимого потребления и средств роскоши, ни при каком уровне развития капитализма не могут быть осуществлены условия, при которых имело бы место только повышение или только падение нормы

1) При $v' = v''$ и $\frac{v'}{v''} = h$ будем опять иметь $\frac{hc}{hc + v + m}$.

2) Этот вывод предполагает, что относительное обесценение элементов как постоянного капитала до данного прогресса техники, так и постоянного капитала после него (т.-е. капитала c и капитала $c + \lambda \omega (v_1 - r_1) + c'_1$) одинаково, и что одинаково относительное обесценение элементов как всего постоянного капитала c , так и той его части \bar{c} , стоимость которой переносится за год на продукцию. Т.-е. в частности предполагает, что прогресс техники одинаково затронет как элементы основного, так и элементы оборотного (постоянного) капитала.

прибыли вне зависимости от конкретных особенностей прогресса техники; напротив, именно ими будет в большинстве случаев определяться, наступит ли в результате данного прогресса техники падение или повышение нормы прибыли.

Рассмотрим теперь еще случай прогресса техники в производстве средств производства для производства средств необходимого потребления (также при неизменных средних периодах оборотов). В этом случае будет иметь место обесценение как элементов постоянного капитала, так и рабочей силы (последней, т. к. стоимость средств необходимого потребления понизится вследствие уменьшения переносимой части их стоимости). Итак, в этом случае и v' и v'' больше единицы.

Обесценение рабочей силы выразится при этом (как и средств роскоши в случае прогресса техники в производстве средств производства средств производства средств роскоши) величиной $(1 - \frac{v_1}{v})(v + m - \lambda v)$, а коэффициент обесценения рабочей силы v'' будет равен (как в случае прогресса техники в производстве средств необходимого потребления): $1 + \frac{1}{\frac{c}{c+m-\lambda v} - 1 - \frac{v_1}{v}}$

Отсюда (принимая $\lambda = 0$ и $\lambda = 1$) получаем неравенства

$$1 + \frac{1}{\frac{1}{1 + \frac{m}{v}} - 1 - \frac{v_1}{v}} > v'' > 1 + \frac{1}{\frac{1}{m} - 1 - \frac{v_1}{v}}$$

Сопоставив эти неравенства с выведенными для v'' при условии неизменности средних периодов оборота (и при неограниченной никакими специальными условиями v'), найдем, что условием осуществимости только первого или только второго из выведенных прежде для неравенств являются неравенства

$$\frac{1 + \frac{c}{c}}{(1 + \frac{m}{m})(1 + \frac{v}{c})} - 1 > \frac{1}{1 + \frac{m}{m} - 1 - \frac{v_1}{v}} - 1 \quad \text{и} \quad \frac{1}{\frac{1}{m} - 1 - \frac{v_1}{v}} > \frac{1 + \frac{c_1}{c_1} + \frac{w}{v} \frac{v}{c} (1 - \frac{v_1}{v}) - h}{(1 + \frac{v}{m})(1 + \frac{v}{c})h}$$

Неравенство $\frac{1 + \frac{c_1}{c_1}}{(1 + \frac{m}{m})(1 + \frac{v}{c})} > \frac{1}{1 + \frac{m}{m} - 1 - \frac{v_1}{v}} - 1$ может быть

Приведено к виду $h < \frac{1 + \frac{c_1}{c_1}}{(1 + \frac{v}{m})(1 + \frac{v}{c}) + \frac{1}{1 + \frac{m}{m} - 1 - \frac{v_1}{v}} - 1}$ или

$$h < 1 - (1 - \frac{v}{v})(1 + \frac{m}{m}) \frac{1 + \frac{c_1}{c_1} + \frac{w}{v} \frac{v}{c} (1 - \frac{v_1}{v})}{1 + (1 - \frac{v}{v})(1 + \frac{v}{m})(1 + \frac{m}{c})} \quad \text{(или для краткости } h < B)$$

При среднем органическом составе добавочного капитала получим.

$$h < 1 - (1 - \frac{c}{c})(1 + \frac{m}{m}) \frac{\frac{1}{m} (1 + \frac{m}{c} + v) + (1 - \frac{v}{v}) + \frac{1}{1 - \frac{v_1}{v}}}{1 + (1 - \frac{v}{v})(1 + \frac{v}{m})(1 + \frac{m}{c})}$$

Неравенство $\frac{1}{\frac{1}{m} - 1 - \frac{v_1}{v}} > \frac{1 + \frac{c_1}{c_1} + \frac{w}{v} \frac{v}{c} (1 - \frac{v_1}{v}) - h}{(1 + \frac{v}{m})(1 + \frac{v}{c})h}$ может быть

приведено к виду $h > \frac{[1 + \frac{c_1}{c_1} + \frac{w}{v} \frac{v}{c} (1 - \frac{v_1}{v})] (\frac{1}{m} - 1 - \frac{v_1}{v})}{(1 + \frac{v}{m})(1 + \frac{v}{c}) + \frac{v}{m} \frac{1}{1 - \frac{v_1}{v}} - 1}$ или

$$h > 1 + \frac{1 - \frac{v}{v}}{1 + (1 - \frac{v}{v})(1 + \frac{m}{c} + v)} \left\{ \left(\frac{c_1}{c_1} - 1 \right) + \frac{w}{v} \frac{v}{c} (1 + \frac{m}{m}) \left[1 - \frac{1}{\frac{1}{m} - 1 - \frac{v_1}{v}} \right] - \frac{1 + (1 - \frac{v_1}{v}) + \frac{w}{v} \frac{v}{c} \left[1 + \frac{1}{\frac{1}{m} - 1 - \frac{v_1}{v}} \right]}{1 + \frac{c}{m}} \right\}$$

При среднем органическом составе добавочного капитала получим

$$h > 1 + \frac{1}{\frac{1}{m} - 1 - \frac{v_1}{v}} \frac{(1 - \frac{v_1}{v})(1 + \frac{m}{m})}{1 + (1 - \frac{v_1}{v})(1 + \frac{m}{c} + v)} \left\{ 1 - \left[1 + (1 - \frac{v}{v}) \frac{1 + \frac{w}{v} \frac{v}{c}}{1 + \frac{m}{m}} \right] \right\} \quad \text{(или для краткости } h > D)$$

Так как $\frac{[1 + \frac{c_1}{c_1} + \frac{w}{v} \frac{v}{c} (1 - \frac{v_1}{v})] (\frac{1}{m} - 1 - \frac{v_1}{v})}{(1 + \frac{v}{m})(1 + \frac{v}{c}) + \frac{v}{m} \frac{1}{1 - \frac{v_1}{v}} - 1} > \frac{(1 + \frac{c_1}{c_1}) (\frac{1}{1 + \frac{m}{m}} + \frac{1}{1 - \frac{v_1}{v}} - 1)}{(1 + \frac{v}{m})(1 + \frac{v}{c}) + \frac{1}{1 + \frac{m}{m} - 1 - \frac{v_1}{v}} - 1}$, то

все математически возможные положительные значения h распадаются на три группы $h > D$, $h < B$ и $D > h > B$. При $h > D$ прогресс техники ведет только к повышению нормы прибыли, при $h < B$ только к понижению ее, при $D > h > B$ как к понижению, так и к повышению.

При среднем органическом составе добавочного капитала B , как мы видели, меньше 1¹⁾; D при среднем органическом составе добавоч-

1) Напр., при $1 - \frac{v_1}{v} = \frac{1}{100}$; $\frac{m}{v} = 1$; $\frac{c}{v} = 5$ получим $B = 0,97$ (приблизительно), след. $h < 0,97$. При $1 - \frac{v_1}{v} = \frac{1}{100}$; $\frac{m}{v} = \frac{1}{4}$; $\frac{c}{v} = \frac{1}{2}$ получим $B = 0,92$ (приблизительно), след. $h < 0,92$.

ного капитала, повидимому, при всяком уровне развития капитализма больше 1¹⁾. Тогда значения h , в пределах между D и B это — значения, более близкие к единице; и так как h вообще должно быть близко к единице, то для большинства, а иногда, возможно, и для всех значений h будем иметь $D > h > B$.

При более высоком, чем средний, органическом составе добавочного капитала D и B увеличиваются, при более низком, чем средний, уменьшаются, следовательно, значения h , лежащие в пределах между D и B , передвигаются соответственно к величинам большим или меньшим единицы, а значит и легче выполнимыми становятся условия, при которых всякий прогресс техники ведет в первом случае только к падению и во втором только к повышению норм прибыли.

Мы приходим, таким образом, к выводу, что и при прогрессе техники в производстве средств производства для производства средств необходимого потребления, повидимому, ни при каком уровне развития капитализма не могут быть осуществлены условия, при которых имело бы место только повышение, и ни при каком уровне развития капитализма условия, при которых имело бы место только падение нормы прибыли вне зависимости от конкретных условий данного прогресса техники, которыми в большинстве случаев как раз и определяется повышение или падение норм прибыли.

Наконец, в случае прогресса техники как в производстве средств производства, так и в производстве средств необходимого потребления и производстве средств роскоши при неизменных средних периодах оборотов и при одинаковом обесценении рабочей силы и элементов прибавочной стоимости, но отличном от них обесценении элементов постоянного капитала, будем иметь (обозначая r'' через h) для r'' (подобно r в случае одинакового обесценения)

$$1 + \frac{1}{\frac{1}{1 - \frac{r''}{c}} - 1} > r'' > 1 + \frac{1}{1 + \frac{v}{m} - 1}$$

Сопоставляя эти неравенства с выведенными для r'' прежде в соответственном случае (при условии неизменных средних периодов оборотов и неограниченных никакими условиями v' и r'') найдем, что условием осуществимости только первого или только второго из выведенных для r'' неравенств являются неравенства

1) Напр., при $1 - \frac{v_1}{c} = \frac{c_1}{c} = \frac{1}{100}$; $m = 1$; $v = 1$; $c = 5$; $\omega = 30$ получим $D = 1,04$ (приблизительно), след. $h > 1,04$.

При $1 - \frac{v_1}{c} = \frac{c_1}{c} = \frac{1}{100}$; $m = 4$; $v = 2$; $\omega = 2$ получим $D = 1,01$ (приблизительно), след. $h > 1,01$.

$$\frac{1 + \frac{c}{m} - 1}{(1 + \frac{v}{m})(1 + \frac{c}{c})} > \frac{1}{1 - \frac{v}{c} - 1} \quad \text{и} \quad \frac{1}{1 + \frac{v}{m} - 1} > \frac{1 + \frac{c}{c} + \frac{v}{c}(1 - \frac{v}{c}) - h}{(1 + \frac{v}{m})(1 + \frac{c}{c})h}$$

Неравенство $\frac{1 + \frac{c}{m} - 1}{(1 + \frac{v}{m})(1 + \frac{c}{c})} > \frac{1}{1 - \frac{v}{c} - 1}$ может быть при-

ведено к виду $h < 1 - (1 - \frac{v}{c}) \frac{(1 - \frac{c}{c}) + (1 + \frac{v+m}{c})\frac{v}{m} + \frac{c}{c}(1 - \frac{v}{c})}{1 + (1 - \frac{v}{c})(1 + \frac{v+m}{c})\frac{v}{m}}$

(или для краткости $h < B$). При среднем органическом составе добавочного капитала будем иметь:

$$h < 1 - (1 - \frac{v}{c}) \frac{(1 + \frac{v+m}{c})\frac{v}{m} + (1 - \frac{v}{c})}{1 + (1 - \frac{v}{c})(1 + \frac{v+m}{c})\frac{v}{m}} \quad \text{Неравенство}$$

$\frac{1}{1 + \frac{v}{m} - 1} > \frac{1 + \frac{c}{c} + \frac{v}{c}(1 - \frac{v}{c}) - h}{(1 + \frac{v}{m})(1 + \frac{c}{c})h}$ может быть приведено к виду

$$h > 1 + \frac{(1 - \frac{v}{c})(1 + \frac{v}{m})}{1 + \frac{v}{m} + (1 - \frac{v}{c})(1 + \frac{v+m}{c})\frac{v}{m}} \left\{ \left(\frac{c}{c} - 1 \right) + \frac{\omega v}{c} \left[1 - \frac{\omega}{c} - (1 - \frac{v}{c}) \frac{1 + \frac{c}{c} + \frac{v}{c}(1 - \frac{v}{c})}{1 + \frac{v}{m}} \right] \right\}$$

(или для краткости $h > D$). При среднем органическом составе добавочного капитала будем иметь:

$$h > 1 + \frac{c}{c} \frac{(1 - \frac{v}{c})(1 + \frac{v}{m})}{1 + \frac{v}{m} + (1 - \frac{v}{c})(1 + \frac{v+m}{c})\frac{v}{m}} \left[1 - \frac{\omega}{c} - (1 - \frac{v}{c}) \frac{1 + \frac{c}{c} + \frac{v}{c}(1 - \frac{v}{c})}{1 + \frac{v}{m}} \right]$$

Итак, если органический состав добавочного капитала соответствует среднему, то при всяком уровне развития капитализма B будет меньше единицы, D больше единицы, а все, близкие к единице значения h , будут лежать в пределах между D и B , и, следовательно, условия, при которых всякий прогресс техники ведет только к падению¹⁾ или только к повышению²⁾ нормы прибыли, осуществимы в лучшем случае только для немногих значений h .

1) При $1 - \frac{v_1}{v} = \frac{c_1}{c} = \frac{1}{100}$; $m = 1$; $v = 5$ получим $B = 0,986$ (приблизительно) след. $h < 0,986$.

При $1 - \frac{v_1}{v} = \frac{c_1}{c} = \frac{1}{10}$; $m = 4$; $v = 2$ получим $B = 0,877$, след. $h < 0,877$.

2) При $1 - \frac{v_1}{v} = \frac{c_1}{c} = \frac{1}{100}$; $m = 1$; $v > 5$; $\omega = 30$ получим $D = 1,058$ след. $h > 1,058$.

При $1 - \frac{v_1}{v} = \frac{c_1}{c} = \frac{1}{100}$; $m = 4$; $v = 2$; $\omega = 2$ получим $D = 1,019$ след. $h > 1,019$.

При более высоком, или при более низком, чем средний, органическом составе добавочного капитала становятся легче выполнимы условия при которых всякий прогресс техники ведет в первом случае только к падению и во втором только к повышению нормы прибыли.

Итак, при прогрессе техники во всех подразделениях производства, но равномерно затрагивающем (т.е. приводящем к одинаковому обесценению) как средства необходимого потребления (средства производства рабочей силы), так и элементы прибавочной стоимости, ни при каком уровне развития капитализма не могут быть осуществлены условия, при которых имело бы место только повышение или только падение нормы прибыли независимо от конкретных условий данного прогресса техники, которыми, как правило, как раз и определяется наступление повышения либо падения нормы прибыли.

Мы рассмотрели, таким образом, следующие пять случаев прогресса техники:

1. В производстве средств роскоши.
2. В производстве средств необходимого потребления.
3. В производстве средств производства для производства средств роскоши.
4. В производстве средств производства для производства средств необходимого потребления.
5. Во всех этих подразделениях одновременно при условиях одинакового относительного обесценения рабочей силы и элементов постоянного капитала и прибавочной стоимости (или только рабочей силы и элементов прибавочной стоимости).

Оказалось, что, кроме первого случая (при котором норма прибыли всегда падает), во всех остальных случаях, при любом уровне развития капитализма, всегда возможно осуществление условий, когда в зависимости от конкретных особенностей данного прогресса техники наступает либо падение, либо повышение нормы прибыли, а помимо того, иногда и осуществление таких условий, когда любой прогресс техники ведет к падению нормы прибыли, и таких, когда любой прогресс техники ведет к повышению нормы прибыли.

Но так как технический прогресс идет либо в одном, либо в нескольких, либо во всех из четырех основных подразделений производства, и либо во всех пропорционально, либо в каких-нибудь преимущественно, то всякое применение прогресса техники или относится к одному из пяти рассмотренных выше случаев или может быть сведено к ним.

Мы приходим, таким образом, к выводу: при любом уровне развития капитализма прогресс техники ведет в одних случаях к понижению, в других к повышению нормы прибыли. Движение нормы прибыли всегда носит беспорядочно колебательный характер, и вообще направление этого движения может существовать только как его преобладающая тенденция.

(Продолжение следует)

Л. Крицман.

О МАТЕМАТИЧЕСКОМ МЕТОДЕ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ¹⁾

I

Основоположником математической школы, как указывают Вольпас (Théorie mathématique de la richesse sociale, p. 9) и Ирв. Фишер (статья «Cournot and mathematical economic» в Quarterly Journal of Economics, vol XII, 1898, стр. 120), является французский экономист Август Курно, выпустивший в 1838 году свою работу «Recherches sur les principes mathématiques de la théorie des richesses».

Правда, у Курно были в этой области предшественники. Наиболее крупные из них—Канар («Principes d'économie politique» 1801) и Уэвель («Mathematical exposition of some doctrines of political economy», Cambridge, Philosophical Transactions, 1830, стран. 191—230).

Эти экономисты прибегали тоже к математической форме изложения и пытались облечь свои основные положения в символическую форму. Но математическая форма изложения еще не достаточна для того, чтобы квалифицировать данного экономиста, как математика. Необходим еще добавочный и чрезвычайно существенный момент—математический метод исследования. Этот момент мы встречаем впервые только в произведениях Курно.

Правда, Уэвель пытался из своих формул сделать целый ряд экономических выводов, но у него математический метод получил слишком узкое применение. Уэвель пытался разрешить следующий вопрос, который, скорее, относится к теории налогов, чем к политической экономии—кем оплачивается земельный налог—собственником ли земли, за счет ренты, или потребителем. В основе анализа Уэвеля лежит совершенно неверное положение (цитир. соч., стр. 201), что «повышение цен обратно пропорционально сокращению предложения». Уэвель, в отличие от Рикардо и Томсона (ibid., стр. 196), на основании своих формул приходит к выводам, что в известных случаях налог падает на потребителя (когда предложение остается не изме-

¹⁾ Настоящая статья представляет из себя 2 главы готовящейся к печати работы об основных течениях в субъективной школе политической экономии. Первая часть посвящена австрийской и математической школе; вторая часть американской школе. Содержание первой части: 1) общая характеристика субъективной школы, 2) математический метод в политической экономии, 3) австрийская школа, 4) теория Курно, 5) теория Госсена, 6) теория Джевонса, 7) теория Вальраса и Парето, 8) другие экономисты математики, 9) теория Дмитриева, 10) общая характеристика математической школы.

ненным и спрос повышается соответствующим образом), в других случаях налог падает на землевладельца (когда спрос и предложение остаются неизменными); наконец, в некоторых случаях налог падает на ту и другую сторону. Уэвель, насколько нам известно, не сделал никакой попытки разработать математическим путем какую-либо крупную проблему теоретической экономии.

В отличие от Уэвеля, Канар пытается разрешить одну из основных задач политической экономии. Канар пытается (цитиров. сочинение, стр. 26) определить, почему цена устанавливается на определенном уровне. При разрешении этой задачи Канар устанавливает целый ряд формул, но последние представляют из себя лишь перевод на математический язык его положений, полученных совершенно независимо от данных формул. Приведу для иллюстрации некоторые его уравнения.

Канар поставил своей задачей дать формулу для определения цены. Последняя определяется, по его мнению, борьбой между покупателями и продавцами. Разность между наиболее высокой ценой, которую хотят получить продавцы, и наиболее низкой ценой, которую согласны дать покупатели, Канар обозначает буквой L (latitude). Рыночная борьба ведется из-за этой разности. Продавцы стараются, чтобы покупатели уплатили всю эту разность, а покупатели стремятся установить наиболее низкую цену, т.е. низвести эту разность до нуля.

Предположим, что цена установится на том уровне, при котором надбавка к наиболее низкой цене будет равна x ; очевидно, что продавцам удалось повысить цены на x единиц, а с другой стороны, покупателям удалось снизить цены на $L-x$. Тот факт, что цена установилась на данном уровне, Канар объясняет соотношением сил покупателей и продавцов. Сила покупателей, по Канару, прямо пропорциональна нужде (b) и конкуренции (n) продавцов. Точно так же сила продавцов прямо пропорциональна нужде (B) и конкуренции (N) покупателей. В зависимости от соотношения сил отдельные участники обмена выиграют большую или меньшую часть разности L . На этом основании Канар устанавливает следующее уравнение $x : BN = (L-x) : bn$ (цитир. сочин., стр. 29), откуда он выводит, что $bnx = BN(L-x)$ и, следовательно, $x = \frac{BN}{BN+bn} L$. Последнее

уравнение дает возможность, по Канару, вычислить величину надбавки к наиболее низкой цене, которую согласны уплатить покупатели за данные товары. Наиболее низкая цена равна, по Канару, заработной плате (S), затраченной на производство данного товара.

Поэтому, уравнение цены принимает такой вид $P = S + \frac{BN}{BN+bn} L$ (ibid., стр. 36). Если нужда и конкуренция покупателей (или, что то же самое, сила продавца) равна 0, то BN в нашей формуле будет равно 0 и $P = S$. Если, наоборот, нужда и конкуренция продавцов bn (или сила покупателей) равна 0, то $bn = 0$ и $P = S + L$.

Если какой-нибудь товар проходит через целый ряд производителей, пока он попадает в руки потребителей, то формула цены получает следующий вид (ibid., стр. 39).

$$P = S + \frac{BN}{BN+bn} L + S' + \frac{B'N'}{B'N'+b'n'} L' + S'' + \frac{B''N''}{B''N''+b''n''} L'' + \dots$$

где S, S', S'' означают заработные платы в отдельных фазах производства, $BN, B'N', B''N''$ — нужду и конкуренцию покупателей продуктов различных фаз производства, а $bn, b'n', b''n''$ нужду и конкуренцию продавцов в соответствующих отделах производства.

Если силы покупателей и продавцов признать равными, т.е. если допустить, что $BN = bn, B'N' = b'n', B''N'' = b''n''$, то можно предыдущую формулу упростить следующим образом:

$$P = S + \frac{1}{2} L + S' + \frac{1}{2} L' + S'' + \frac{1}{2} L'' + \dots$$

обозначим сумму всех разностей $L + L' + L''$ через λ , тогда данную формулу можно заменить следующей: $P = S + S' + S'' + \dots + \frac{1}{2} \lambda$.

Распределение λ между отдельными сферами производства, т.е. распадение λ на L, L', L'' , зависит от „способностей“ (capacités) отдельных сфер, которые определяются, по Канару, количеством затраченного труда. „При прочих равных условиях, — пишет Канар (ibid., стр. 50), — та отрасль (производства), которая затрачивает вдвое больше труда, получает вдвое большую часть разности“ (latitude λ).

Способности отдельных сфер Канар обозначает через C, C', C'' , а общую совокупность способностей через Σ . Общая разность λ должна распределиться пропорционально отношениям «способностей», т.е. пропорционально $\frac{C}{\Sigma}, \frac{C'}{\Sigma}, \frac{C''}{\Sigma}$ и т. д.

Поэтому приведенную выше формулу Канар заменяет другой

$$\text{формулой: } P = S + \frac{C\lambda}{2\Sigma} + S' + \frac{C'\lambda'}{2\Sigma} + S'' + \frac{C''\lambda''}{2\Sigma} + \dots = S + S' + S'' + \dots + \frac{\lambda}{2} (C + C' + C'') = S + S' + S'' + \dots + \frac{1}{2} \lambda.$$

Наконец, Канар переходит к рассмотрению последнего случая, когда соотношение сил покупателей и продавцов в каждой отрасли производства принимает различные формы и может иметь различную величину. В этом случае общая надбавка x будет зависеть от соотношения сил всех продавцов, или, вернее, производителей, с одной

стороны, и потребителей, с другой стороны. Если обозначить силу отдельных продавцов (или производителей) через f, f', f'' и потребителей через F , то получим $x = \frac{(f + f' + f'' + \dots)}{f + f' + f'' + \dots + F}$.

Сила каждого производителя прямо пропорциональна его «способности» и обратно пропорциональна его нужде и конкуренции. Такое же соотношение получается и для потребителя. Поэтому, по Канару, можно написать ряд таких уравнений (ibid., стр. 53—54).

$$f = \frac{c}{bn}, \quad f' = \frac{c'}{b'n'}, \quad f'' = \frac{c''}{b''n''}, \quad \dots \quad F = \frac{C}{BN}$$

Если ввести вместо f в приведенную выше формулу его значения, то получим окончательное уравнение

$$P = S + S' + S'' + \dots + \frac{\left[\frac{c}{bn} + \frac{c'}{b'n'} + \frac{c''}{b''n''} + \dots \right] \lambda}{\frac{c}{bn} + \frac{c'}{b'n'} + \frac{c''}{b''n''} + \dots + \frac{C}{BN}}$$

Теория Канара представляет из себя весьма причудливую и запутанную амальгаму из элементов теории полезности («нужда») и трудовой теории («способности», пропорциональные трудовым затратам). Математический элемент имеет чисто иллюстративное значение. Все поправки и усложнения формул вытекают из внесения новых условий, при чем это внесение совершенно не зависит от математического анализа формул. Последние фиксируют лишь результаты, полученные нематематическим путем. Поэтому Канара нельзя даже по методологии причислить к представителям математической школы.

На анализе основных положений Курно мы остановимся позже. Здесь достаточно только указать, что Курно рассматривает основные экономические категории, как функции определенных переменных, например, спрос, как функцию цены, $D = F(p)$. Установивши основные функциональные зависимости, Курно дальше исследует характерные особенности этих функций, выясняет условия максимума этих функций и разворачивает ряд формул, охватывающих отдельные моменты общественной организации товарного производства — от полной монополии — через ограниченную конкуренцию — к неограниченной конкуренции.

Курно дал первое экономическое произведение, разработанное с помощью математического метода. Но он еще не создал настоящей школы. Произведение Курно прошло почти незаметно для его современников. Курно остается одиноким, и поэтому он скорее может быть назван предтечей математической школы, чем ее основателем.

Курно непосредственно нельзя отнести к психологической школе. В начале своего труда (в I главе) он совершенно категорически заявляет, что наши потребности и суждения о полезности не смогут служить основанием ценности (de valeur), которую он понимает исключительно, как объективную меновую ценность. Для Курно, таким образом, характерно отсутствие субъективного подхода к экономическим категориям. На этом основании его обычно причисляют к смитовской школе. Нам кажется, что эта характеристика экономической теории Курно является неверной. Несмотря на то, что Курно признал ошибочность психологического обоснования теории ценности, он фактически (бессознательно для себя) разделяет методологию субъективной школы. Вопрос этот более детально разработан в гл. 4.

Пока укажем на следующий характерный прием Курно, который сближает его с экономистами психологической школы. Курно начинает свой анализ с рассмотрения случая монополии. Теория монопольных цен является исходным пунктом построения теории цен в условиях неограниченной свободной конкуренции. Между режимом полной монополии и неограниченной конкуренции Курно устанавливает ряд промежуточных звеньев и тем самым качественное различие между двумя системами экономики превращает в количественное. Выбор монополии, как исходного пункта анализа, является весьма показательным, ибо в условиях полной монополии, которую берет Курно, цены товара определяются волей монополиста, который должен учитывать лишь закон спроса. Характерно также и то, что Курно начинает свой анализ с рассмотрения того случая, когда отсутствуют издержки производства, т.е. когда отсутствует вообще производство, и монопольные продукты являются дарами природы. Свою основную формулу Курно выводит для этого совершенно гипотетического случая, и лишь затем он вводит производственный момент в качестве усложняющего фактора.

Курно, таким образом, по своей методологии, по принципам построения своей теории, несомненно, находится в родстве с психологической школой. Его методологическое credo, однако, недостаточно еще оформилось, выкристаллизовалось, и поэтому он может быть лишь причислен к предшественникам математической школы.

Под влиянием неудачи Курно в 1863 г. выпустил новую книгу «Principes de la théorie des richesses», в которой он дает изложение всех основных положений своей теории, но без всяких математических доказательств. Это произведение тоже не пробило льда индифферентизма по отношению к идеям Курно.

Такая же участь постигла и другого крупного экономиста, давшего образец математического исследования и изложения, — Госсена. В своей книжке «Entwicklung der Gesetze des menschlichen Verkehrs und der daraus fließenden Regeln für menschliches Handeln» Госсен дает математическую разработку основных принципов теории предельной полезности. Установивши общие законы субъективной ценности (получившие название 1 и 2 закона Госсена), Госсен дает математи-

ческую формулу распределения отдельных благ потребляющим их субъектом и числовую таблицу, иллюстрирующую основные математические результаты. Затем он исследует вопрос о равновесии между отрицательным результатом работы—чувством усталости—и полезным эффектом работы. Здесь Госсен устанавливает новую формулу, которая была дальше развита Джевансом.

В работе Госсена мы в неразвитой форме встречаем все основные положения теории Вальраса и Джеванса. Одним из существеннейших недостатков работы Госсена является форма изложения. Чрезвычайно тяжеловесный язык (Вальрас совершенно верно сказал, что книга написана allemand—достаточно по-немецки, см. Вальраса «Un économiste inconnu Hermann Henrich Gossen», Journal des économistes, 1885), загромождение книги многочисленными формулами и утомительными числовыми упражнениями, отсутствие деления на главы и т. д.—все это делает книгу Госсена чрезвычайно неудобочитаемой. Влияние Госсена было еще меньше, чем Курно. Обескураженный неудачей, Госсен изъясил из оборота почти все изданные экземпляры своей книги. Совершенно случайно проф. Adamson в одном из произведений Kautz'a (см. Jevons—«Theory of political economy», стр. XXXI) наткнулся на указание о работе Госсена, посвященной исследованию полезности, и сообщил об этом своему другу Джевансу. Лишь с величайшим трудом через несколько лет удалось найти в одной германской книжной лавке экземпляр Госсена. Это произведение было вторично издано. Джеванс в предисловии ко 2 изд. своей «Theory of political economy» и Вальрас (в указанной выше статье) сделали попытку популяризовать основные идеи Госсена.

Теоретическая концепция Госсена имеет смешанный характер. С первого взгляда может показаться, что Госсен может быть безоговорочно причислен к математикам. Как известно, Джеванс и Вальрас вынуждены были признать, что Госсен предвосхитил их формулы. Действительно, у Госсена мы встречаем первую формулировку принципа наиболее рациональной организации потребления, получившего, по инициативе Лексиса, название 2-го закона Госсена и представляющего из себя важнейший постулат математической школы. Госсен затем на основании этого принципа первый установил формулы цены, которая имеет известное родство с уравнениями Джеванса и Вальраса. Госсен пытается все важнейшие экономические процессы объяснить на основании принципа максимума полезности, и в этом отношении могут быть найдены точки соприкосновения у нашего экономиста с математиками. Для Госсена, как и для последних, характерен частнохозяйственный подход к явлениям народного хозяйства.

Но в госсеновской теории, с другой стороны, имеются элементы, которые роднят его с австрийцами. В отличие от математиков, которые исходным пунктом своей теории выбрали частнохозяйственную единицу в эпоху товарного хозяйства, Госсен оперирует с натуральным хозяйством. Поэтому принцип наиболее рациональной организации потребления у Госсена получает другую формулировку, чем у позднейших математиков. Кроме того, каузальный метод у Госсена сильнее выра-

жен, чем у других математиков. Можно было бы сказать, что Госсен является предшественником 2 школ—австрийской и математической; в его теории отдельные элементы обеих теорий причудливым образом переплетаются между собой¹⁾.

Третьим экономистом, давшим образец математического метода, можно считать Дюпуи, французского инженера, опубликовавшего в журнале «Annales des ponts et chaussées» 2 статьи—а) во 2 серии, VIII том, за 1844 г. «De la mesure de l'utilité des travaux publics» и б) в № 207, 2 сер. за 1849 г. «De l'influence des travaux publics sur l'utilité des voies de communication». Дюпуи при помощи геометрического метода устанавливает основные моменты теории полезности и субъективной ценности. Ему принадлежит первая формулировка идеи consumer's surplus или consumer's rent.

Но Дюпуи не дал систематического изложения своих взглядов и его работа тоже прошла незамеченно.

Мы видим, что постоянные неудачи преследовали первых представителей математического метода. В чем причина этого явления? Можно ли единственную причину этого факта видеть в том, что форма изложения Курно и Госсена была слишком трудная и непосильная для их современников, или же здесь действовали какие-то другие более глубокие и серьезные причины? Этот вопрос имеет весьма важное значение, ибо он может быть поставлен и по отношению к современной математической школе. Работы Вальраса, Парето, Эджвортса, Джеванса, Лаунгардта, Ирв. Фишера нашли значительно большие круги читателей, чем работы Курно и Госсена; тем не менее, влияние математической школы неизмеримо слабее, чем влияние столь близкой ей по своему духу и концепции австрийской школы. Чем объясняется этот факт, столь характерный для всех произведений экономистов-математиков? Может ли быть этот факт всецело объяснен недостаточной математической подготовкой современных экономистов, или же здесь действуют добавочные причины, хотя бы так называемая бесплодность математического анализа в политической экономии, на этом вопросе мы остановимся позже, в конце настоящей главы.

Новую эпоху создал Джеванс, выпустивший в 1871 г. свою книжку «Theory of political economy». Джеванс составил список трудов экономистов, применявших математический способ. Этим самым установлена была известная преемственность в работах математического направления. Джеванс далее в I главе своей книги поставил вопрос о необходимости превращения экономической науки в математическую науку и дал блестящее по форме изложение основных принципов. Почти одновременно с Джевансом (несколько позже) и независимо от него Вальрас публикует свой главный труд «Eléments d'économie politique pure ou théorie de la richesse sociale» (вопрос о приоритете Вальраса и Джеванса был ими разрешен в журн. «Journal des économistes» за 1884 г.).

¹⁾ Вопрос этот подробнее рассмотрен в 5 главе.

С этого момента можно говорить о создании целой школы исследователей математической школы, которая нашла своих представителей в самых различных странах: Германии (Лаунгардт), Австрии (Ауспич и Либен, Шумпетер), Англии (Маршалл, Джевонс, Уикстед, Эджвортс), Италии (Парето и целая школа его учеников, Панталони), в Америке (Ирвинг Фишер), в Швеции (Кассель, Виксель) и т. д.

II

Что же характеризует математическую школу, что связывает всех экономистов, примыкавших к этой школе? Связывает ли их только общность методологических принципов, общность применяемого метода—именно математического метода,—или же связи эти прочнее и сильнее и заключаются в общности исходных теоретических принципов, в общности теоретических результатов? Есть ли математическая школа только школа экономистов, применявших математический метод, или же это школа, создавшая определенную экономическую теорию, экономическую систему? Достаточно ли для характеристики математической школы говорить о ее методе, или же необходимо для исчерпывающего изложения включить новые моменты?

Как ни странно, но в работах экономистов-математиков мы такого вопроса не встречаем. Систематизации всех результатов, полученных различными экономистами-математиками, мы еще не имеем.

Общий ответ будет вытекать из всего дальнейшего изложения. Пока можно отметить, что все крупнейшие экономисты-математики стоят на общей экономической платформе; все они являются сторонниками принципа предельной полезности; все они солидаризуются с исходными пунктами австрийской школы; все они пытаются перевести на язык математических формул основные понятия психологической школы. Конечно, среди экономистов-математиков мы замечаем расхождения по целому ряду вопросов,—все же мы имеем право говорить об общем экономическом *сredo* представителей этой школы¹⁾.

Чем характеризуются методологические принципы математической школы? Обычно отвечают, что ее представителями выдвигается на ряду с прежде практиковавшимися методами новый метод математики. В такой общей и неопределенной форме этот ответ неудовлетворителен. Ведь, к помощи математики прибегали и прибегают многие экономисты, весьма далеко отстоящие от математической школы. В произведениях Рикардо числовые иллюстрации, облегчающие возможность понимания основного процесса умозаключения, встречаются весьма часто и играют весьма солидную роль. Как можно представить себе отчетливо теорию дифференциальной ренты (II глава) или вопрос о влиянии зарплаты на цены (4—5 отдел I главы), или о

¹⁾ В этой главе мы ограничимся рассмотрением только методологии экономистов-математиков, притом только с формальной стороны. Социологическая характеристика методологии математиков дана в I главе.

влиянии периода оборота капитала на цены (4 отд. I главы) без соответствующей схемы.

В «Капитале» Маркса мы встречаем многочисленные примеры математической обработки и иллюстрации. Достаточно указать на математическую формулировку закона ценности в I гл. I тома («ценность прямо пропорциональна количеству затраченного труда и обратно пропорциональна производительной силе труда»), на совершенно ясную, выраженную в символической форме, математическую связь между различными формами ценности (простой, развернутой, всеобщей и денежной), на математическую формулировку основных законов денежного обращения в 3 гл. I тома, на учение о норме и массе прибавочной ценности в 7, 9 и 16 гл. (здесь Маркс рассматривает различные формулы нормы прибавочной ценности и дает математическое выражение 3 законам массы прибавочной ценности), на теорию абсолютной и относительной прибавочной ценности (это качественное различие Марксом превращается в количественное различие и графически иллюстрируется); на 15 главу I тома, где дается ряд математических формулировок законов соотношения между прибавочной ценностью, ценой рабочей силы, производительностью труда, интенсивностью труда и длиной рабочего дня; на знаменитые схемы простого и расширенного воспроизводства в 3 отд. II тома, на анализ зависимости между нормой прибыли и нормой прибавочной ценности (вся 3 глава II тома носит математический характер); на теорию уравнения нормы прибыли и цен производства (2 отд. III тома); на тенденцию понижения нормы прибыли (3 отдел III тома; ведь последняя представляет математический вывод из закона повышения органического состава капитала); на многочисленные схемы дифференциальной ренты в 4 отделе III тома.

В общем «Капитал» дает богатейший материал для разработки математической стороны учения Маркса.

Булгаков («Капитализм и сельское хозяйство», том I, стр. 87) обвиняет Маркса даже в чрезмерном пристрастии к применению математического метода. «Многочисленные таблицы»,—пишет он, «в чрезмерном изобилии пестрящие страницы III тома «Капитала», носят характер иллюстраций известных уже положений и являются скорее результатом чрезмерного иногда пристрастия Маркса к облачению своих (нередко очень простых) мыслей в сложную математическую одежду».

Вопрос о математической стороне экономического учения Маркса специально рассматривается в книге Цейтлина «Наука и гипотеза», глава VI (которая носит следующее название: «Метод доказательства закона взаимодействия тяжелых и электрических масс Ньютона-Кавендиша-Максвелла сравнительно с методом исследования К. Маркса и Ф. Энгельса»).

По мнению Цейтлина (ibid., стр. 175) «труд Маркса насквозь математичен по внутреннему своему содержанию».

Из буржуазных экономистов обратил внимание на математическую сторону экономических работ Маркса Леоне (статья «Leon

Walras und die hedonistisch-mathematische Schule von Lausanne», Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik, Band XXII, стр. 42).

«Сам Маркс,—пишет Леоне.—в «Капитале» не ограничивается применением некоторых формул элементарной математики; его заметки, касающиеся дифференциального исчисления, несмотря на многочисленные допущенные ошибки, свидетельствуют о том, что он стремился приблизиться к математическому методу в экономике, или же создать себе иное представление о применимости математики к изучению экономических вопросов».

Отрицательную характеристику Маркса, как экономиста-математика, дают Борткевич («Wertrechnung und Preisrechnung im Marxschen System», в Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik, Band XXV) и Э. Ланге («Karl Marx, als volkswirtschaftlicher Theoretiker» в Conrad's Jahrbücher, III Folge, 14 Band, стр. 551).

С другой стороны, если взять все основные положения теоретиков австрийской школы, то и здесь мы встречаем применение математики. Укажу лишь на схему Менгера (или Бем-Баверка), иллюстрирующую основной принцип предельной полезности; на теорию цен Менгера, разработанную в виде схем; на схему конного рынка Бем-Баверка, разъясняющую учение австрийцев о механизме образования рыночных цен; на графическую иллюстрацию Бемом закона образования ценности производительных благ; на уравнения Визера и т. д.

Нельзя ли на основании всех этих примеров сделать вывод, что математический метод является достоянием всех экономистов, а не монополией математической школы; что различие между экономистами-математиками и прочими экономистами только количественное, а не качественное (только в пропорции и величине математических доз, вводимых в экономический анализ), что сам термин «математическая школа политической экономии» имеет столь же мало прав, как и термин «абстрактная школа политической экономии».

Этот вопрос приводит нас непосредственно к выяснению основных особенностей методологии экономистов-математиков.

Первая особенность методологии экономистов-математиков заключается в признании того, что математический метод есть не метод изложения, а метод исследования. Роль математического метода не должна сводиться к иллюстрации экономических положений и законов, полученных другим путем. Роль математического метода не должна сводиться к популяризации экономической теории, к облегчению усвоения основных результатов экономического анализа. Нет, математический метод мыслится, как метод развития науки, как орудие научной мысли.

В качестве примера математической формулы, которая выполняла, преимущественно, роль иллюстративного материала, можно указать на знаменитый закон народонаселения Мальтуса. Мальтус не настаивал, что население всегда обязательно возрастает в строгой геометрической прогрессии, а средства существования—в арифмети-

ческой прогрессии. Обе прогрессии служат лишь показателями неодинакового темпа увеличения средств существования и населения. Население имеет тенденцию быстрее возрастать, чем средства существования, но его рост, конечно, не обнаруживает такой строгой закономерности. Мальтус имел в виду дать не точную формулу, а лишь иллюстрацию.

В качестве другого примера такой формулы можно привести знаменитый закон Кинга. В первоначальной формулировке он гласил, что с уменьшением урожая на 10% цены повышаются на 30%, с уменьшением на 20%, цены—на 80%; с уменьшением на 30%, цены—на 160%, с уменьшением на 40%, цены—на 280%, с уменьшением на 50%, цены на 450%. Молилари придал этому закону более общую формулировку («Курс политической экономии», стр. 80): «Когда отношение в количествах двух товаров, предлагаемых в обмен, изменяется в арифметической прогрессии, то отношение ценности этих товаров, или цена их, изменяется в прогрессии геометрической». Но весьма любопытно, что через несколько страниц Молилари считает нужным подчеркнуть, что его формула вовсе не претендует на научную точность. «Впрочем,—пишет он, (ibid., стр. 84)—для нас не важно, имеет ли или нет приведенная выше формула математическую точность. Главное дело, как мы увидим, в том, что изменения в отношении количеств двух предметов, предложенных в обмен один на другой, порождают гораздо большее изменение в отношении, существующем между их ценностями, или в их цене». Таким образом, у Молилари указанная выше формула служит лишь в целях более яркой иллюстрации.

Нужно отметить, что и среди математиков-экономистов мы встречаем часто примеры того, что математические формулы служат для иллюстрации. Достаточно указать на формулы Госсена. Все формулы последнего основаны на той предпосылке, что функциональная зависимость между изменением количества благ и полезностью отдельных единиц может быть выражена в виде прямой линии. Иными словами, формулы Госсена имеют лишь значение для одного частного, вернее исключительного, случая; для громадного большинства случаев эти формулы иллюстрируют лишь соотношения между некоторыми элементами. Точно так же и Маршалля можно лишь с натяжкой отнести к математической школе. Математический метод в его «Principles of economics» играет лишь вспомогательную роль и тоже преимущественно используется, как орудие иллюстрации некоторых экономических положений.

Экономисты-математики не настаивают на том, что форма изложения должна быть непременно математическая. Здесь приходится считать с низким уровнем математического образования среди экономистов. Экономист, разработавший теорию при помощи математической теории и пришедший к целому ряду новых результатов, может затем в интересах более широкого распространения своих идей перевести свои результаты на обычный язык (см. Bouvier—«La méthode mathématique en économie politique» в журнале «Revue d'économie poli-

tique», 1901, стр. 1030). Научное доказательство закона больших чисел может быть дано лишь при помощи теории вероятностей, теорем Бернулли-Лапласа и Пуассона. Но это не исключает возможности познакомить с идеей этого закона и с наиболее элементарными доказательствами людей, не владеющих математическим анализом. Как указывает Вальрас («Éléments d'économie politique», 1900, стр. 428), «Весьма немногие из нас в состоянии прочесть «Математические начала натуральной философии» Ньютона или «Небесную механику» Лапласа; и, тем не менее, мы все принимаем на веру, сделанное сведущими людьми, описание мира астрономических явлений, согласно закона всеобщего тяготения. Почему бы точно таким же образом не принять описание мира экономических явлений, сделанного согласно закону свободной конкуренции?»

Экономисты-математики не скрывают от себя того факта, что недостаточное знакомство экономистов с математикой значительно затрудняет распространение математических теорий среди экономистов. Отсюда наиболее умеренные из них делают вывод о необходимости популяризации основных положений экономической теории, полученных математическим способом, о желательности более экономного употребления математических формул. Весьма определенно в этом направлении высказывается Эджвортс (статья «Application of mathematics to political economy». Собрание сочинений, том II, стр. 286—287). «Математика является как бы всеобщим языком физических наук. Она является для физиков (естественников) тем, чем была латынь для схоластиков; но она, к несчастью, является непонятным греческим языком для многих экономистов».

В виду этого, автор, который желает читаться широкой публикой, который не говорит, подобно французскому автору, «j'imprime pour moi» (я печатаю для себя), не должен умножать математических специальных выражений выше необходимого минимума, каковой, насколько мы имеем основание предполагать, не является весьма значительным. Бережливое употребление формул, часто являющееся элегантностью у естественника, является необходимостью для экономиста. В самом деле, нужно допустить, что наши математические построения должны рассматриваться как своего рода леса, которые нужно убрать, коль скоро научное здание закончено. В доказательство Маршалль, один из величайших авторитетов в данной области, говорит: «Когда мы уясняем себе какой-либо трудный экономический вопрос математическим рассуждением, мы обычно находим, что лучше отбросить нашу математику и выразить то, что нам нужно, общепонятным языком».

Еще решительнее высказывается в этом направлении другой представитель математической школы, Кунингем, который тоже сравнивает математические методы доказательства с лесами. («A geometrical political economy, being an elementary treatise on the method of explaining some of the theories of pure economic sciences by means of diagrams»). Кунингем пишет (ibid., стр. 127): «Главной функцией математики в приложении к экономике является не разре-

шение проблем, но помощь в понимании истин; поскольку же последние нами поняты, мы можем отстранить математику, подобно тому, как убирают леса после окончания постройки».

По Кунингему выходит, что экономист, использовав математический метод и получив необходимые выводы, может сказать математике: «мавр сделал свое дело, мавр может уйти».

Таким образом, экономисты-математики не настаивают на том, чтобы всякое изложение теоретической экономики носило обязательно математический характер. В целях популяризации можно поступиться математической формой. Решающее значение имеет для них способ обоснования экономической теории, способ установления основных соотношений между элементами экономической системы. Здесь математики неумолимы.

Результаты экономического анализа могут быть изложены, по их мнению, в любой форме,— это дело, если можно так выразиться, методики, а не методологии, но получены они должны быть математическим путем. Только этот путь, с точки зрения экономистов-математиков, гарантирует наибольшую точность результатов.

Вторая особенность математической школы заключается в том, что при помощи математического метода она пытается разрешить не отдельные частные проблемы теоретической политической экономики, а пытается охватить весь экономический процесс в целом. Представители других методологических течений, отрицательно относящиеся к математической школе, не отрицают, что отдельные проблемы могут разрешаться математическим способом. Например, Бернар в статье «De la méthode en économie politique» в журнале «Journal des économistes», 1885, 2, 15 стр., в качестве иллюстраций таких частных проблем, получивших математическую формулировку, указывает закон Грешама, закон Кинга и Давенанта, закон Мальтуса и т. д. Эгим признается только вспомогательное, субсидиарное значение математического метода. Как остроумно выражается Пенлеве в его предисловии к французскому переводу книжки Девонса «La théorie de l'économie politique», стр. XV, в таком случае «в построении политической экономики она (математика) уподобится как бы случайной прислуге, призываемой для черной работы, но к которой не обратятся за советом по общим вопросам ведения хозяйства».

Представители математического метода держатся другого взгляда. Они считают, что отдельные частные проблемы можно разработать без помощи математики, но для того, чтобы получить общую картину всего экономического процесса, чтобы уяснить формы зависимости, существующей между всеми элементами экономической системы, не достаточно обычных методов исследования, а необходима помощь математики.

Весьма сжато сформулирована эта вторая особенность методологии математиков в следующем заявлении Гебера (статья «Die sogenannte Lausanner Schule der politischen Oekonomie» в «Zeitschrift für Sozialwissenschaft», 1910, стр. 710): «Существуют обширные области

математической экономии, которые могут быть разрабатываемы без применения математики; но для создания полной картины взаимозависимости всех явлений хозяйственной жизни применение ее необходимо. Поскольку возникает необходимость исследования большего числа явлений в их взаимной обусловленности, обычная форма рассуждения становится неприложимой, и конкретные понятия приходится заменять абстрактными символами. Последние значительно более простым и наглядным способом допускают лучший контроль выводов, часто в чисто схематической форме. Существует ли более простое средство убедиться в разрешимости какой-либо проблемы, чем сравнение числа неизвестных величин с числом заданных для них условий, которым они должны удовлетворять?»

Более обстоятельно этот вопрос разработан у Парето.

В первой главе мы приводили заявление Парето о том, что чрезмерная сложность экономических явлений, выражающаяся во взаимодействии многочисленных факторов, делает необходимым применение математического метода. На ряду с анализом отдельных процессов, отдельных категорий (например, цен, полезностей, субъективных оценок, издержек производства и т. д.), перед экономистом, по мнению математиков, стоит еще одна крупная задача — увязать все эти отдельные элементы в одну общую систему, дать математическое выражение всем основным количественным зависимостям между отдельными условиями, дать универсальную систему уравнений, которая охватила бы весь хозяйственный процесс в целом. Такая система уравнений дала бы наиболее общее выражение общественного взаимодействия, характеризующее данную экономическую систему и условия равновесия последней. Составление такой системы уравнений могло бы, по мнению математиков, служить завершением экономической теории, осуществлением основной задачи теоретической экономики — дать анализ законов равновесия данной экономической системы. Дальнейшая задача должна заключаться в уточнении количественных соотношений, в получении таких математических формул, которые все больше приближались бы к реальной действительности и могли бы служить отправным пунктом для объяснения отдельных категорий.

По мнению Парето, процесс изучения взаимодействия между отдельными элементами экономической системы, процесс уточнения получающихся формул и научного прогресса проходит через 3 фазы (см. «Cours d'économie politique», vol. II, § 580): α) мы ограничиваемся констатированием существования взаимодействия, не входя в дальнейшее изучение; β) мы знаем важнейшие связи, существующие между отдельными элементами А, В, С (например, если А увеличивается, В уменьшается) и γ) мы имеем возможность вычислить величину всех этих элементов и дать совершенно точное выражение условий равновесия. Идеалом всякой науки является достижение стадии γ ; этого идеального состояния достигли лишь некоторые науки, например, астрономия; обычная политическая экономия (т.-е. не математическая) находится в стадии α , т.-е. в лучшем случае, по Парето, она ограничивается признанием взаимодействия отдельных моментов; применение

же математического метода переводит политическую экономию из стадии α в стадию β потому, что математический метод дает возможность конкретизировать основные формы экономического взаимодействия.

Основной недостаток предшествовавшей экономии Парето видит в игнорировании этого взаимодействия или в неумении точно определить условия равновесия (§ 59¹). Смертный грех теории издержек производства заключается в том (§ 693), что эта теория рассматривает процесс производства совершенно изолированно от всего экономического целого, разрывает связи, существующие между производством и потреблением, и в результате дает однобокое искаженное представление об экономическом процессе.

Ахиллесову пяту всей прежней экономии, тенденцию искания повсюду только причинной связи вместо установления функциональной зависимости Парето объясняет отсутствием правильного математического подхода и, математического образования у экономистов (указанное сочинение, § 559¹).

Третья особенность методологии математической школы заключается в том, что математический метод рассматривается не как один из методов, к помощи которого прибегает экономист, на ряду с другими методами, но как основной важнейший метод, как метод, который только один в состоянии дать политической экономии полную научную законченность. Экономическая теория получает свою последнюю санкцию от математики. Только последняя в состоянии дать совершенно законченное доказательство экономических теорем.

Эту мысль Вальрас выражает в следующих словах («Éléments d'économie politique pure», стр. XIV): «Вся эта теория является теорией математической, т.-е. если ее и можно изложить обычным языком, то доказать ее должно математически. Утверждать некоторую теорию — это одно дело; доказать ее — это дело другое. Я знаю, что в политической экономии каждодневно даются и применяются мнимые доказательства, которые являются ничем иным, как голыми утверждениями. Но я именно полагаю, что политическая экономия станет наукой лишь в тот день, когда она сможет доказать то, в отношении чего до сих пор она ограничивается почти одним голым утверждением. Для того же, чтобы доказать, что цены товаров, представляющие из себя количество денег, которые могут быть обменены на эти товары, действительно определяются такими-то и такими-то данными или условиями, по-моему, абсолютно необходимо, во-первых, построить согласно этих условий или данных систему уравнений, число которых строго соответствовало бы числу неизвестных, корнями этих уравнений должны быть искомые количества, и, во-вторых, установить, что действительная взаимозависимость явлений представляет собой эмпирическое решение упомянутой системы уравнений».

¹) Вопрос о каузальном и функциональном анализе подробно разобран в I главе нашей работы.

III

Проблема о применении математического метода в теоретической экономике распадается на 3 проблемы: а) вопрос о возможности применения математического метода; б) вопрос о пределах применения и о роли математического метода, о соотношении последнего с другими методами в теоретической экономике и в) вопрос о формах применения математического метода. Наибольшее значение, конечно, представляет из себя первый вопрос. Если была бы доказана принципиальная невозможность применения математики в теоретической экономике, то все остальные вопросы отпали бы. В данном случае методологии экономистов-математиков необходимо было бы противопоставить диаметрально противоположную методологию, основанную на полном отрицании применения математического метода.

Но, с другой стороны, в случае положительного разрешения первого вопроса не следует делать вывод о возможности солидаризоваться с экономистами-математиками в области методологических проблем. Ибо признание возможности применения математики не означает еще признания примата математического метода в теоретической экономике. Вслед за признанием за экономистом права пользования математическим методом встает вопрос о пределах этого пользования, об условиях этого применения, о предпосылках пользования математикой и т. д.

Последний вопрос, т. е. вопрос о формах применения математического метода, не имеет большого принципиального значения. Формы применения математики определяются на основании принципа целесообразности: тот математический прием заслуживает предпочтение, который позволяет легче, скорее, удобнее разрешить данную задачу. С другой стороны, очевидно, что формы применения математики не могут оставаться фиксированными и неизменными. Нельзя установить стандартных методов, которые были бы наиболее пригодны для разрешения всякой проблемы. С изменением характера проблемы могут меняться формы применяющихся математических приемов. Поэтому мы ограничимся лишь несколькими замечаниями по 3 вопросу.

Некоторые экономисты-математики выдвигают вопрос о преимуществах геометрического (графического) или аналитического метода. Так, Ауспиц и Либен, Джэвонс-сын, Маршалль, Кунингем и др. преимущественно пользуются графическим методом. Если рассматривать математический метод, как орудие иллюстрации и популяризации тех или иных экономических положений, то преимущество, несомненно, должно быть отдано графическому методу. Но вопрос получает иное решение, если оперировать математикой, как методом исследования. Как известно, графический метод получил очень широкое распространение среди экономистов американской школы, но это не дает еще права причислять последних к математической школе; недостатки графического метода заключаются в том, что он дает возможность изображения лишь зависимости между 3 переменными (если давать пространственные изображения) или даже между

2 переменными (если ограничиться плоскостными изображениями). Поэтому попытки уложить все важнейшие экономические положения в Прокрустово ложе графических изображений и диаграмм должны приводить к искусственному упрощению данных положений, к элиминированию зависимостей между величинами; в качестве примера можно привести теорию Ауспиц и Либена (см. ниже, главу 8), основанную на отрицании зависимости между спросом на данный товар и ценами других товаров. Совершенно неверный постулат Ауспиц и Либена, что цены всех остальных товаров должны рассматриваться, как неизменные величины и, следовательно, как независимые от цены данного товара, в значительной мере вытекает из тенденции этих экономистов дать графическое обоснование своему анализу.

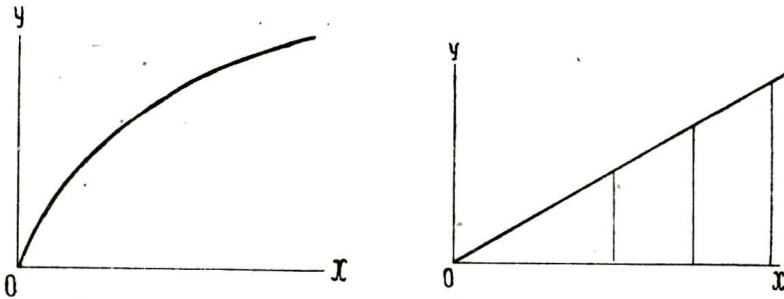
Некоторые экономисты (например, Кассель) выдвинули вопрос о необходимости ограничиться лишь применением элементарной математики, о нецелесообразности пользования более сложными математическими приемами. Этот вопрос, конечно, не допускает категорического разрешения. Было бы в высшей степени нецелесообразно отказаться „всерьез и надолго“ от всякого пользования высшей математикой, даже там, где это будет необходимо. Необходимо, кроме того, отметить, что вообще нет принципиального различия между элементарной и высшей математикой, что граница между ними является весьма условной. Но, с другой стороны, нужно отметить, что возражения Касселя представляют из себя здоровую реакцию против попыток экономистов-математиков усложнить экономический анализ без всякой к тому необходимости. Так, привнесение в теоретическую экономию понятий о бесконечной делимости товаров и непрерывности экономических функций является совершенно ненужным усложнением экономических проблем.

Если обратиться к Марксу, то мы должны будем констатировать, что последний не случайно не прибегал к приемам высшей математики. Все основные зависимости, которые Маркс установил между отдельными категориями, носят, по большей части, весьма элементарный характер и могут быть выражены в виде уравнений 1 степени. Большей частью Маркс говорил о прямой и обратной пропорциональной зависимости между отдельными величинами («стоимость товара прямо пропорциональна количеству и обратно пропорциональна производительной силе воплощенного в нем труда», «Капитал», т. I, стр. 7; «производительность машин обратно пропорциональна величине той составной доли стоимости, которая переносится ими на продукт», *ibid.*, стр. 382; «дееспособность рабочей силы обратно пропорциональна времени ее деятельности», стр. 389; «производимые различными капиталами массы стоимости и прибавочной стоимости, при данной стоимости и одинаковой степени эксплуатации рабочей силы, пропорциональны величинам переменных составных частей этих капиталов», *ibid.*, стр. 282; «абсолютная величина стоимости, прибавляемая к товарам транспортом, при прочих равных условиях, обратно пропорциональна производительности транспортной промыш-

ленности и прямо пропорциональна расстояниям, на которые товары передвигаются», «Капитал», том II, стр. 123).

В качестве иллюстрации различия формул Маркса и субъективистов, по их сложности и необходимости применения различных математических приемов, можно привести основные формулы по теории ценности.

По Марксу, ценность товаров прямо пропорциональна количеству затраченного труда. Эта зависимость может быть изображена в виде прямой линии (на оси абсцисс отложены величины затраченного общественно-необходимого труда; на оси ординат—величины ценности). С увеличением вдвое количества затраченного труда ценность увеличивается вдвое. Если представить эту зависимость в виде функции, т.е. если рассматривать ценность, как функцию затраченного труда, то первая производная этой функции будет постоянная величина.

По теории предельной полезности, субъективная ценность зависит от предельной полезности, которая, в свою очередь, представляет из себя функцию двух переменных — общей полезности всего запаса и количества отдельных единиц, входящих в состав данного запаса. Зависимость предельной полезности от величины запаса носит более сложный характер и изображается в виде кривой линии (на оси абсцисс отложены величины запаса, ординаты представляют общие полезности). Полезности отдельных единиц могут быть найдены на основании дифференцирования данной функции, при чем первая производная представляет из себя переменную величину.

Основные зависимости между отдельными категориями в теории Маркса являются более элементарными, чем у субъективистов. Поэтому вопрос о целесообразности применения высшей математики по отношению к теории Маркса является весьма спорным. Во всяком случае, применение более сложных математических приемов может быть допущено лишь в тех случаях, где такое применение оправдывается характером проблемы, особенностями отдельных величин и зависимостей.

Прежде чем приступить к решению первого вопроса, т.е. о возможности применения математики в теоретической экономике, не-

обходимо ответить на другой вопрос — стоит ли применять математический метод; оправдывается ли применение математики; есть ли необходимость в самой постановке этого вопроса, нет ли основания отказаться от математического метода, как от бесплодного метода, не дающего никаких результатов. Эта проблема связана с вопросом о целесообразности применения математического метода и, следовательно, с вопросом о преимуществах последнего.

Некоторые экономисты оспаривают наличие какой бы то ни было роли участия математики в получении основных выводов экономистов-математиков. Так, Кернс ¹⁾ писал по адресу математиков следующие слова: «По моему крайнему убеждению, рабочий аппарат математики не приспособлен для нахождения экономических истин. Если это положение не обосновано, то его легко можно опровергнуть, указав какой либо экономический закон, ранее неизвестный и установленный именно подобным образом. Мне, однако, неизвестно, чтобы такого рода доказательство применимости математического метода было приведено. Высказывая подобное мнение, я не намерен отрицать того, что можно пользоваться геометрическими построениями и математическими формулами при изложении экономических доктрин, достигнутых другими методами» (курсив Кернса).

Жид в своей статье «La théorie de l'économie politique de M. Stanley Jevons» — «Journal des économistes», 1881 — обвиняет математиков-экономистов в том, что они, для пушией важности, если можно так выразиться, облачают свои выводы, полученные нематематическим путем, в математические формулы: «Нужно заметить, что математика есть повод для того, чтобы на языке Сивиллы выразить то, что можно великолепно понять на обычном языке. Мы подозреваем, что экономисты-математики как бы кокетничают тем обстоятельством, что постигнуть их могут лишь посвященные, и девизом своим избрали: odi profanum vulgus et arceo (ненавижу и отвергаю простую чернь)». По Ш. Жиду, экономисты используют математику для того, чтобы нанести внешний блеск, лоск и щегольнуть своей quasi-ученостью.

По отношению к таким противникам применения математики, как Кернс или Ш. Жид, можно сказать, что они вместе с водой из ванны выбрасывают и ребенка. Из того, что при неудачном пользовании математика дала очень бедные результаты или, вернее, привела к извращению целого ряда положений, нельзя сделать вывод о полной непригодности математического метода. Вина падает не на самый метод, а на неумелое пользование последним.

Необходимо отметить, что представители математической школы совершенно верно указали на целый ряд преимуществ математического метода. Основное преимущество последнего заключается в том, что он дает возможность уточнить наши представления о количественных соотношениях между отдельными категориями. В области углубления количественного анализа экономических явлений мате-

¹⁾ «The character and logical method of political economy», стр. IV.

матике принадлежит, несомненно, очень крупная роль. Всякая попытка более детальной разработки теории воспроизводства (анализ пропорций между отдельными сферами народного хозяйства), теории спроса и предложения, теории локализации (о выборе наиболее выгодного «местоположения» для данного предприятия) и т. д. упирается в необходимость уточнения количественных соотношений, а следовательно, в необходимость пользования математикой. Математические приемы, к которым прибегает данный экономист, могут быть весьма элементарными, но от этого они не перестают быть математическими.

В качестве примера вывода, полученного благодаря пользованию математикой, можно указать на известную формулу Тюнена естественной, т. е. оптимальной заработной платы $S = \sqrt{aP}$ (где a означает заработную плату, равную физиологическому минимуму, а P — ценность продукции данного рабочего). При помощи дифференциального исчисления Тюнен получил определенное (другой вопрос о правильности) выражение для естественной заработной платы. Математика помогла из предпосылок (как увидим дальше, совершенно ошибочных) сделать все логические выводы и установить все количественные связи. Ошибочный вывод, к которому пришел Тюнен, объясняется ошибочностью его исходных предпосылок, а не применением математики. Последняя, наоборот, дала возможность из совершенно неправильных предпосылок получить весьма оригинальные и интересные выводы.

Неудивительно, что Маркс, при всякой попытке уточнения количественного анализа, прибегал к математическим формулам (см. напр. 3 главу III тома «Капитала»). Энгельс в примечании к этой главе пишет (стр. 44): «в рукописи имеются еще очень подробные вычисления разности между нормой прибавочной стоимости и нормой прибыли ($m' - p'$); она обладает разнообразными любопытными особенностями, и ее движение обнаруживает случаи, когда обе нормы удаляются друг от друга или сближаются друг с другом. Эти движения можно изобразить в виде кривых». На основании этого отзыва, а также целого ряда мест из «Теорий прибавочной ценности» можно судить, что Маркс при выяснении тех или иных понятий, очень широко прибегал к всевозможным вычислениям. При помощи этих вычислений Маркс пытался получить представление о всесторонней зависимости между отдельными величинами.

Весьма любопытно сопоставление некоторых положений у Рикардо и Маркса, в которых Маркс, в общем, повторяет Рикардо, но пытается дополнить анализ великого английского экономиста рассмотрением других количественных зависимостей и рассматривает соответствующие положения Рикардо, как частный случай другого более общего правила. Так, положения Рикардо о зависимости между отношением прибавочной ценности к заработной плате и производительностью труда Маркс дополняет целым рядом новых положений («Капитал», том I, глава 15) о зависимости между данным отношением (v и m) и интенсивностью труда или длиной рабочего дня.

Анализ Рикардо о влиянии повышения заработной платы на цены производства Маркс дополняет анализом влияния понижения заработной платы («Капитал», том III, глава 11). Учение Рикардо о тенденциях изменения дифференциальной ренты, при условии повышения хлебных цен и падающей производительности последующих затрат труда на данных участках, Маркс дополняет всесторонним анализом тенденции изменения ренты при самых различных условиях (неизменной, убывающей и возрастающей цене; неизменной, убывающей или возрастающей производительности трудовых затрат; *ibid.*, главы 41, 42, 43). Всюду, где речь идет о количественных соотношениях между отдельными категориями, Маркс пытается охватить все возможные случаи зависимости между отдельными величинами. Очевидно, что дальнейшее развитие марксистской экономики в области количественного анализа должно происходить в двух направлениях: с одной стороны, необходима более детальная группировка отдельных факторов, влияющих на те или иные экономические соотношения; необходимо установление более детальных, а следовательно, более сложных формул; с другой стороны, необходимо все частные случаи привести к более общему выражению, найти обобщающие формулы для целого ряда зависимостей. При разрешении этих обеих задач математика может оказать очень ценные услуги. Ибо при анализе более сложных зависимостей применение формул является могущественным средством экономизирования затраты нашей умственной энергии и дает возможность получать выводы с наименьшей затратой сил.

Математический метод на ряду с этой своей основной функцией в теоретической экономике имеет еще целый ряд преимуществ, облегчающих экономический анализ.

Значение математики, с точки зрения экономистов-математиков, заключается не только в том, что она дает возможность наиболее сжатого, краткого и точного выражения экономических фактов, как указывает Вальрас (в «*Études d'économie politique appliquée*», стр. 68). «Многие относятся к изучению математики с отвращением; математика, однако, дает возможность более точного, более полного, более ясного и скорейшего анализа, чем обычное рассуждение; над последним она обладает преимуществом, подобным преимуществу для целей путешествия железной дороги над дилижансом». Математика в известной степени страхует экономиста от возможности частых ошибок (см. Bela Weisz—«*Die mathematische Methode in der theoretischen National Oeconomie*», статья в *Conrad's Jahrbücher*, 1 Folge, XXX, стр. 301). «Здесь математический метод представляет, по сравнению с рассуждением, излагаемым обычными словами, то преимущество, что в то время, как при применении последнего в процессе какого-либо сложного умозаключения легко может случиться, что мы упустим тот или иной элемент, или неумышленно введем чуждый, или, наконец, мы не всегда сразу и не столь легко уловим взаимозависимость отдельных элементов,— при помощи математики логический процесс становится надежнее, и, что в высшей степени

важно, это достигается без умственного перенапряжения, неизбежного в первом случае». Эта страховка имеет силу, конечно, лишь при условии правильного применения математики. В противном случае, экономист к ошибкам чисто экономического характера может прибавить ошибки математические, как, например, сделал Курно по вопросу о выгодах, получаемых потребителями благодаря таможенным пошлинам (указания на математическую ошибку Курно см. в ст. Ирв. Фишера «Cournot and mathematical economics» в «The Quarterly Journal of Economics» 1898 г., XII, стр. 129, или Эджвортса статья «Cournot» в Dictionary of Polit. Econom. by Palgrave, стр. 446).

Во всяком случае, экономист, дающий математическое выражение тому или иному положению, должен предварительно выяснить, имеет ли он дело с переменной или с постоянной величиной; если с переменной, то должна ли она рассматриваться, как переменная независимая или как функция; если как функция, то зависит ли от одной переменной или от нескольких; если от нескольких переменных, то являются ли они независимыми или нет; является ли эта функция прерывистой или непрерывной; дифференцируется ли она или нет, т. е. сам процесс математического оформления экономических данных толкает мысль экономиста на выяснение таких вопросов и данных, мимо которых он обычно прошел бы (см. статью Akin Karoly в «Revue d'économie politique», 1887, стр. 349).

Математический метод имеет то крупное преимущество, что он позволяет скорее вскрыть ошибки, чем какой-либо другой метод. Он требует, с одной стороны, очень ясной и отчетливой формулировки исходных предпосылок анализа, а с другой, позволяет из этих предпосылок сделать все выводы и доводить до абсурда ошибочную теорию. На эту сторону дела было обращено еще внимание наиболее ранними сторонниками математической школы. По их мнению, математический метод важен не только тем, что он позволяет двигать вперед экономическую науку, но также и тем, что он позволяет вскрывать наше незнание, уяснять все трудности данного вопроса, избегать ошибок.

Так, Уэвелль, один из первых экономистов, употреблявших математический метод, считает («Mathematical exposition of some doctrines of political economy» в Transactions of the Cambridge Philosophical Society, 1830), что без помощи математического метода трудно избежать 3 видов ошибок (ibid., стр. 194). «Обычно бывают (при игнорировании математического метода) три вида ошибок, которых трудно избежать. Возможно неправильное выведение законов (служащих предпосылками); возможно ложное рассуждение, благодаря сложности проблемы; наконец, возможно игнорирование отклоняющих влияний, сказывающихся на действии данного закона. Между тем рабочий аппарат математики доставляет средство избежать все указанные недостатки. Он делает необходимым точное обоснование предположений, открывающихся, таким образом, всестороннему рассмотрению; он делает рассуждение почти непогреш-

шимым, наконец, он дает результат, который можно сравнить с практикой, и таким образом, показывает, разрешена ли проблема лишь приблизительно или нет».

В этом же направлении высказался Дюпюи («Annales des ponts et chaussées», 1844, стр. 342), который утверждает, что «когда мы чего-либо не можем знать, много значит уже знать, что мы ничего не знаем». Также и Курно писал (цитирую по статье Эджвортса «Application of mathematics to political economy», собр. сочин., II том, стр. 281): «Нашим скромным намерением было не значительно расширить область науки, как таковой, но, скорее, показать (что также, безусловно, по-своему полезно) все то, чего нам не хватает, чтобы дать истинно научное решение вопросов, смело ставящихся в ежедневной полемике». Точно так же Девонс считает важной заслугой математического метода, что он предостерегает против слишком поспешных обобщений (Theory of political economy, стр. 157). «Одно из превосходств тщательного изучения экономических теорий то, что оно делает нас весьма осторожными с заключениями, когда предмет не является достаточно простым».

Наконец, представители этой школы считают, что математика дает возможность уточнять определение отдельных категорий, уяснять содержание отдельных понятий. В качестве примера экономисты-математики ссылаются на центральное понятие психологической школы — понятие предельной полезности. Как указывает Шумпетер (см. статью «Über die mathematische Methode der theoretischen Oekonomie» в «Zeitschrift für Volkswirtschaft, Sozialpolitik und Verwaltung», 1906, Band 15, стр. 312), политическая экономия путем длительных поисков пыталась установить тот процесс, который значительно раньше был открыт Ньютоном и Лейбницем в области механики и аналитической геометрии, — процесс дифференцирования. Предельная полезность может быть точно определена только как I производная полезности блага по количеству этого блага (на анализе этого понятия мы остановимся дальше¹⁾). Вне математических методов не может быть сконструировано исходное понятие теоретической субъективной ценности. Что касается другого понятия Gesamtwert (совокупной ценности, ценности всего запаса благ), то Шумпетер считает, что это понятие было не только оформлено, но непосредственно установлено при помощи математики. Процесс отыскания предельной полезности, который с точки зрения математической школы является процессом дифференцирования, процессом отыскания производной, неизбежно приводит нас к вопросу о действии, обратном дифференцированию, об отыскании интеграла, т. е. в данном случае совокупной ценности.

Возможно, что Шумпетер, в данном конкретном случае, переоценил роль математики (ибо пример математической интерпретации предельной полезности скорее говорит об отрицательном значении некоторых форм пользования математикой). Но нет сомнения в том, что в известных случаях математический анализ помогает уяснить

¹⁾ В 3 главе.

не только количественные связи между категориями, но и само содержание последних. Так, например, наиболее общее определение ренты (дифференциальной и абсолютной) связано у Маркса с его известными уравнениями ренты («Теории прибавочной ценности», том II, вып. 2, стр. 32—33). Маркс дает следующие уравнения (*A. P.* означает абсолютную ренту, *D. P.* — дифференциальную ренту, *C. P.* — сумму общей ренты, *I. Ц.* — индивидуальную ценность, *P. Ц.* — рыночную ценность, *Ц. П.* — цены производства):

$$A. P. = I. Ц. - Ц. П. = V$$

$$D. P. = P. Ц. - I. Ц. = X$$

$$C. P. = A. P. + D. P. = I. Ц. - Ц. П. + P. Ц. - I. Ц. = V + X = P. Ц. - Ц. П.$$

На основании этих уравнений получается следующее определение суммы ренты: «сумма ренты равна излишку рыночной ценности над индивидуальной ценностью плюс излишек индивидуальной ценности над ценой производства, или она равна излишку рыночной ценности над индивидуальной ценой производства» (*ibid.*, стр. 213). На основании этой формулы те случаи, когда получается исключительно дифференциальная или абсолютная рента, могут рассматриваться, как частные случаи. Между тем, эта формула, дающая наиболее общее выражение суммы ренты, получена на основании элементарной математической операции — сокращения двух одинаковых величин с противоположными знаками.

Необходимо, кроме того, отметить, что попытки установления количественной зависимости между отдельными величинами приводят к уяснению и уточнению отдельных понятий. Так, например, понятие органического состава капитала было введено Марксом для того, чтобы увязать изменения производительной силы труда, выражающиеся в изменении технического состава капитала, с изменением состава капитала по ценности. В поисках этой зависимости Маркс сконструировал новое понятие, которое является своеобразным синтезом технического и ценностного состава капитала. Дальнейшие попытки углубления анализа органического состава должны также вестись по математической линии. Неясными, например, остались вопросы о том, можно ли дать органическому составу какое-либо самостоятельное выражение, не являясь ли это понятие трансцендентным (в математическом смысле) и т. д.

Во всяком случае, не может быть никаких сомнений в том, что математический метод имеет ряд преимуществ (список последних можно было бы удлинить). Математика может уточнить количественные результаты, уяснить содержание отдельных понятий, натолкнуть на новые проблемы, устранить некоторые ошибки путем приведения данных положений к абсурду и т. д.

Поэтому отказываться от помощи математики из-за ее бесплодности было бы нецелесообразным.

IV

Против применения математического метода в теоретической экономии был выдвинут ряд возражений (см. сводку этих возражений в книге Билимовича «К вопросу о расценке хозяйственных благ», стр. 172—188). Мы остановимся лишь на наиболее важных.

Прежде всего, в качестве аргумента выдвигают чрезвычайную сложность экономических явлений, затрудняющую возможность всякого учета, наличие огромного количества внеэкономических факторов. Этот аргумент бьет значительно дальше цели, ибо он с равным правом может быть распространен на всякое применение абстрактного метода. К помощи абстракций прибегают потому, что всякий объект изучения отличается громадной сложностью; поэтому изучение отдельных явлений возможно лишь на основании их упрощения, элиминирования всех усложняющих моментов, искусственного построения отдельных категорий. Если бы не было внеэкономических факторов, то можно было бы не прибегать к абстрактному методу. Конечно, большая сложность экономических явлений затрудняет возможность их математической обработки. Но различие между возможностью применения математики в физике и в теоретической экономии в данном случае носит не качественный, а количественный характер. Спор может идти не о самой возможности проникновения математики в экономии, а о степени этого проникновения, об интенсивности этого процесса, о формах применения математики и т. д. Принципиального значения приведенный выше аргумент не имеет.

Наиболее ходкий и часто встречающийся аргумент противников математического метода заключается в указании на несоизмеримость экономических явлений.

Приведу несколько цитат. Милль в «Системе Логики» (книга III, гл. 24, § 9) пишет: «Математические начала там неприменимы, где причины, определяющие какой-либо род явлений, так мало доступны нашему наблюдению, что мы не можем соответствующим наведением обнаружить их числовые законы». А Кернс в предисловии к своей книге «Logical Method» (preface VII), разбирая методологию Джемсона, подчеркивает, что применение математического метода невозможно, пока нам не удастся получить посылки, допускающих точное числовое определение.

Шмоллер (статья «Volkswirtschaftslehre und Methode», § 16 в «Handwörterbuch der Staatswissenschaften», 8 Band) пишет: «Однако новых достойных внимания выводов и истин весь этот метод (математический) не дал. Быть чем-либо большим, чем своеобразным способом иллюстрации известных уже явлений, он не может, поскольку в основе его лежит игнорирование природы экономических явлений и их первопричин. Построения и формулы (Konstruktionen) оперируют с элементами, не поддающимися в действительности точному определению и измерению, и вызывают иллюзию несуществующей точности подстановкой фиктивных величин на место естественных причин и не поддающихся измерению условий рынка».

Эти же возражения были выдвинуты и со стороны математиков. Так, Лексис, в статье «Grenznutzwert» в «Handwörterbuch der Staatswissenschaften», 1 Supplem. Band, видит основной недостаток экономистов-математиков в том, что они оперируют с интенсивными величинами (ощущения) так, как будто существует определенная устойчивая единица измерения этих величин.

Пенлеве в предисловии к французскому переводу книги Жевонса «La théorie d'économie politique», стр. IX, пишет: «Но даже и в статистической форме, наука о числах может иметь суждение лишь о величинах, измеримых и вполне определенных. Возьмем, например, понятие длины: выбрав единицу измерения, мы сможем измерить длину отрезка, размеры предмета в данный момент, если нам известны лишь данный предмет и единица измерения. Для аналогии из области политической экономии возьмем понятие ценности. Примем за единицу измерения ценности ценность одного грамма чистого золота. Сможем ли мы, единственно лишь путем рассмотрения предмета, куска рыбы скажем, определить ценность его в данный момент? Точнее, существует ли вообще определение ценности, общеприемлемое подобно определению длины, посредством которого ценность любого предмета в каждый данный момент времени была бы измерима (подобно его размерам, весу и т. д.) при наличии единственно лишь двух условий: самого предмета и единицы измерения? Легко понять, что подобного определения быть не может».

Основной аргумент противников математического метода заключается в том, что математика имеет дело с исчислением величин, экономические же величины, как величины субъективные, психические, зависящие от многих индивидуальных факторов, не поддающихся точному учету и измерению, не могут быть точно исчислены; поэтому математике здесь нечего делать. Все схемы и формулы экономистов-математиков являются произвольными и никакой практической ценности не имеют. Отсюда прямой вывод, что применение математического метода в политической экономии наталкивается на непреодолимые препятствия, заключающиеся в самой природе экономического материала. Эти аргументы на тысячу ладов повторяются экономистами самых различных направлений.

Этот аргумент, несомненно, имеет весьма серьезные основания, но при одном чрезвычайно важном условии, если он направлен против представителей субъективной школы. Субъективные категории, например, полезности, действительно, не поддаются точному измерению.

Мы, в лучшем случае, можем сказать, что потребность в одном благе интенсивнее, чем потребность в другом; можно составить ряд полезностей отдельных благ, из которых каждая предыдущая полезность будет больше или меньше последующей. Но возможность установления точных количественных соотношений между отдельными полезностями (например, что полезность одного блага в n раз больше полезности другого блага, где n может принимать всевозможные значения) является весьма проблематической. Отсюда выходит, что

все формулы математиков, в которых фигурируют полезности или другие субъективные категории, например, формулы о пропорциональности предельных полезностей, лишены серьезной базы, ибо эти формулы приписывают полезностям такие свойства, как, например, находиться в определенных количественных отношениях друг к другу, которые у них отсутствуют фактически.

Жевонс и Вальрас указывают (см. главы 6 и 7), что измерение полезностей возможно лишь на основании объективных фактов, например, рыночных цен. Этим самым математики расписываются в невозможности непосредственного измерения субъективных величин.

Нужно отметить, что в данном случае вопрос идет не о практических трудностях измерения отдельных конкретных субъективных категорий, а о теоретической возможности установления определенных количественных соотношений между субъективными величинами. По совершенно верному замечанию Билимовича (цитир. сочин., стр. 187), «с практической неизмеримостью можно было бы не считаться. Я, например, не могу практически измерить количества производимого в мире хлеба или быстроты оборота монеты в стране, но я знаю, что собранный урожай и время оборота монеты — величины теоретически измеримые и выразимые числом. Интенсивность же потребностей, равно как полезности предметов и их субъективные ценности не только практически, но и теоретически (курс. авт.) неизмеримы, поэтому не только практика, но и теория не может обращаться с ними, как с величинами измеримыми».

Теория кривых безразличия (см. главу 7) дает нам интересную иллюстрацию конфликта, разыгрывающегося в недрах экономической теории между субъективным обоснованием и математическим методом. В I главе нами указывалось на парадоксальность того симбиоза, который устанавливается между математикой и субъективизмом. Этот брак имеет свои серьезные основания. Но субъективная база стесняет возможность широкого размаха математического метода. Субъективизм, дающий почву для слишком далеко идущих увлечений математикой, превращается в путы для широкого применения математики. И в теории кривых безразличия математический метод восстает против субъективной базы теоретической экономии. Парето пытается создать экономическую теорию, в которой не было бы даже упоминания о предельной полезности. Одним из мотивов построения теории кривых безразличия для Парето послужило желание избежать важнейшего возражения против всякой математической субъективной теории — невозможности измерения субъективных явлений. Наличие этого конфликта является новым подтверждением тех трудностей, на которые натываются всякие попытки применения математики к субъективной экономической теории.

Любопытно отметить, что противники математического метода, приводящие этот аргумент, в большинстве случаев стоят на точке зрения субъективного понимания экономических явлений. Поэтому легко объяснить их огульное отрицание применения математики для всякого экономиста.

Противники математического метода не отрицают возможности измерения объективных фактов экономики, например, величины спроса, предложения, издержек производства. Ахиллесовой пятой экономики, с точки зрения задачи измерения, являются лишь субъективные процессы, например, ощущения удовольствия и неудовольствия, потребности в данном предмете, ощущения усталости от работы и т. д. Кернс основным недостатком работ математической школы, в частности Джевонса, считает игнорирование специфических особенностей психических явлений (отсутствие единицы измерения). Кернс указывает, что применение математического метода возможно только в двух случаях (см. его «The character and logical method of Political Economy», 1888 г., стр. V): «Пока не будет доказано, или что психические проявления могут быть выражены в точной количественной форме, или, наоборот, что явления экономические не зависят от них».

Здесь Кернс совершенно верно отмечает, что возражение о неприменимости математики сохраняет свою силу, пока мы останемся на точке зрения субъективизма.

Точно так же и Фойт (статья «Zahl und Mass in der Oekonomik» в «Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft», 1889 г., стр. 584—585) считает невозможным применение математики на том основании, что субъективные категории не поддаются точному измерению. Между тем они составляют, по его мнению, основу всей теоретической экономики—«то, что в области естественных наук представляло бы крупный недостаток,—субъективность в оценке массы, является в экономике существенным ее свойством, желать устранить которое не имело бы никакого смысла. Физика стремится по возможности элиминировать субъективизм, в экономике же он не только терпим, но составляет одну из важнейших основ ее. Если бы способность субъективного желания благ не была у разных лиц различна, то меновые связи были бы невозможны».

Кернс и Фойт отвергают математический метод, исходя из субъективного понимания экономических явлений. Стоит лишь нам от этой точки зрения отойти, стоит лишь признать, что политическая экономия, по выражению Зомбарта, имеет дело не с индивидуальной мотивацией, а с лимитацией этих мотивов, что субъективные ощущения и мотивы не являются предметом экономического анализа, как все принципиальные, теоретические трудности измерения отпадают. Я подчеркиваю теоретические трудности измерения огромные практические трудности. Возьмем, например, норму прибыли. Маркс подчеркивает, что точное установление для данного момента нормы прибыли представляет, в отличие от нормы процента, огромные практические затруднения, но теоретически это вполне определенная количественная категория. Еще более практических затруднений на пути исчисления трудовых ценностей и даже цен производства (если учесть все многочисленные колебания цен, отклонения последних от цен производства, неопределенность самой нормы прибыли и т. д.). Но практически трудное еще не значит невозможное, неосуществимое. Теоретически мы можем абстрагиро-

ваться от всех этих практических трудностей и мыслить все эти категории—ценности, цен производства, нормы прибыли и т. д.—как вполне поддающиеся исчислению и измерению.

Необходимо отметить, что для экономической теории, стоящей на почве объективного понимания экономических явлений, существуют наиболее благоприятные условия для применения математики, чем в какой-либо другой отрасли социальных наук. Прежде всего все экономические категории, с которыми оперирует теоретическая экономия, носят ценностный характер (цены, цены производства, заработная плата, прибавочная ценность, прибыль, процент, рента и т. д.). Ценностные же категории поддаются идеальному сравнению, сопоставлению и соизмерению. На помощь математике тут приходит стихийная конкуренция между отдельными товаропроизводителями. Благодаря этой конкуренции, происходит отвлечение от конкретных индивидуальных особенностей отдельных видов товаров и труда. Все виды труда приводятся к абстрактному труду; все товары рассматриваются, как материализованное выражение одной и той же субстанции ценности. Устанавливается монизм всех товаров, получается идеальная почва для их соизмерения.

Конечно, и в социалистическом (вообще в организованном обществе) не исключается возможность определения абстрактного труда (в другом смысле), затраченного на производство тех или иных товаров. Но там такое исчисление потребует очень сложных методов и составления колоссальной системы уравнений; в товарном же хозяйстве все исчисления производит рынок. Каждый товаропроизводитель имеет перед своими глазами определенные результаты, воплощенные в рыночных ценах. С этой стороны все возражения против самой возможности измерения экономических явлений отпадают.

Правда, измерение отдельных категорий наталкивается на сильнейшие препятствия. На практике приходится иметь дело со значительными трудностями. Можно привести целый ряд категорий, которые с большим трудом поддаются измерению, например, норма прибавочной ценности, норма прибыли, прибавочная ценность, цены производства и т. д. Чем дальше отстоят данные категории от явлений, которые имеются на поверхности рыночного мира, чем больше промежуточных звеньев между данными явлениями и теми фактами, которые непосредственно выступают перед производителями, тем труднее поддаются соответствующие категории измерению (так, например, массу прибавочной ценности труднее измерить, чем массу прибыли; последнюю труднее измерить, чем процент на капитал и т. д.). Но практические трудности нисколько не говорят о теоретической невозможности измерения тех или иных категорий.

Теоретическая экономия занимается изучением не отдельных конкретных явлений, а идеального товарно-капиталистического хозяйства. В центре внимания нашей науки стоят общие законы экономических явлений. Почему данный фунт сахару стоит x , а не y коп., это—задача, выходящая из рамок политической экономии. Далее, политическая экономия устанавливает общие законы, например,

теории ценности, не на основании изучения отдельных рыночных цен, суммирования отдельных конкретных фактов, статистической обработки описательного материала. Основные категории политической экономики, основные законы экономики устанавливаются не на основании отдельных конкретных фактов; наоборот, изучению и описанию отдельных экономических фактов должно предшествовать создание экономической теории.

Поэтому вопрос об измеримости отдельных конкретных фактов экономики совершенно не связан с вопросом о математическом построении теоретической политической экономики, ибо в последней речь идет об общих законах явлений. Задача экономиста заключается только в том, чтобы дать математическое выражение взаимозависимости отдельных экономических явлений, рассматриваемых в общем виде. Практическая же приложимость полученных формул, возможность практического использования этих формул—это вопросы, находящиеся вне сферы теоретической экономики. Экономист, разрабатывающий математическую теорию стоимости, не должен дать калькуляционных формул.

Этот факт еще отметил Курно в предисловии к своей книге¹⁾: «Я указывал, что авторы, специалисты в этих вопросах, повидимому, ложно представляют себе сущность применения математического анализа к теории богатств. Создалось убеждение, что употребление знаков и формул не может иметь другой цели, кроме цифровых вычислений. И поскольку чувствовалось, что посредством самой теории предмет не поддается подобному числовому определению, следствием было мнение, что пользование формулами способно привести к заблуждениям; во всяком случае оно представлялось надуманным и педантичным. Однако лица, привыкшие к математическому анализу, знают, что предметом его не являются лишь цифровые вычисления, но что он употребляется также и для установления отношений между величинами, не поддающимися цифровой оценке, между функциями, законы коих невозможно выразить алгебраическими символами. Употребление математических обозначений естественно всякий раз, когда приходится иметь дело с отношениями между величинами» и т. д.

Отдельные представители математической школы сами подчеркивают невозможность практического использования полученных формул, например, для определения текущих рыночных цен. Так, например, Эджевортс (Dictionary of Political Economy, edited by Palgrave, vol. I, статья Curves, стр. 473) очень скептически относится к пророчеству Джевонса о возможности использования статистического материала для определения предельных полезностей, кривых полезности, спроса в отдельных конкретных случаях: «Надежда Джевонса получить кривые спроса путем статистических наблюдений («Theory of Political Economy», стр. 23) может быть названа химерической». Еще более решительно по этому вопросу высказывается

1) «Théorie mathématique de la richesse», стр. VII—VIII.

Парето¹⁾: «Это определение (теоретич. условий цен) ни в коем случае не имеет целью привести к цифровому вычислению цен. Мы видели, что в примере со 100 лицами, 700 товарами возникнет 70.699 условий (699 уравнений цен 700 товаров (ценность денег принимается равной единице); 70.000 уравнений распределения 700 продуктов между 100 лицами); в действительности множество обстоятельств, игнорированных нами до сих пор, увеличит еще это число, следовательно, мы должны будем решить систему в 70.699 уравнений. Практически это вне возможности алгебраического анализа, и еще более превзойдет его возможности, если принять во внимание сказочное число уравнений, которое получится при населении в 40 миллионов и при нескольких тысячах товаров».

По совершенно верному замечанию Эджевортса (статья в «Mathematical method in political economy» в Dictionary of Political Economy, edited by Palgrave, vol. II, стр. 711), политическая экономика имеет «основное условие для применения математики — постоянство количественных — хотя не всегда числовых — соотношений». Решающее значение имеет тот факт, что между отдельными экономическими явлениями устанавливаются совершенно определенные количественные зависимости, которые могут получать математическое выражение. Такие количественные зависимости, несомненно, существуют, и анализ их представляет весьма важное значение.

Прежде всего, эти зависимости существуют в области образования рыночной ценности. Последняя, как известно, является регулятором распределения общественного труда. Между распределением труда и величиной трудовых затрат, при данном уровне производительности труда, существует совершенно определенная зависимость. По правильному замечанию И. Рубина (вступительная статья к этюду Розенберга «Теория стоимости у Маркса и у Рикардо», стр. 40), «поскольку в данной социальной форме происходит процесс перераспределения и развития производительности труда, движение «количественно определенных масс общественного совокупного труда», подчиненное «железному закону строго определенных пропорций и отношений («Капитал», I, стр. 334), постольку огромное значение приобретает количественная, если можно так выразиться, «математическая» сторона явлений стоимости». При анализе ценности зависимости носят еще сравнительно элементарный характер. Теория прибавочной ценности имеет дело с более сложными зависимостями, поскольку норма прибавочной ценности зависит от целого ряда факторов. Процесс перераспределения массы прибавочной ценности между различными группами капиталистов (включая сюда и землевладельцев, получающих ренту) предполагает наличие целого ряда количественных соотношений между отдельными капиталистическими категориями (прибавочной ценностью, прибылью, процентом, рентой и т. д.). Вопрос еще более осложняется, когда устанавливаются монополии, и процесс перераспределения прибавочной ценности становится еще более запутанным.

1) «Manuel d'économie politique», стр. 233.

Для более точного уяснения механики капиталистического производства необходимо очень детальное и глубокое изучение всех количественных связей и соотношений между отдельными элементами капиталистической системы. Здесь создается весьма благоприятная почва для применения математики.

Еще ярче выступает математический элемент при изучении воспроизводства общественного капитала. Основная задача экономиста при изучении соответствующих явлений воспроизводства заключается в установлении основных пропорций между важнейшими подразделениями общественного производства. Учение о законах пропорциональности дает ключ к пониманию стихийных нарушений равновесия в капиталистической системе. Известно, какую роль играют схемы простого и расширенного воспроизводства для построения теории воспроизводства.

По нашему мнению, Р. Люксембург недооценила роли Марксовых схем, поскольку она утверждает, что эти схемы имеют лишь иллюстративное значение («Накопление капитала или что эпигоны сделали из теории Маркса» (антикритика), 1922, стр. 27): «Самому Марксу и во сне не приходила мысль выдавать свои собственные математические схемы за доказательство (курсив автора), что накопление фактически возможно в обществе, состоящем лишь из капиталистов и рабочих». «Математические схемы служили Марксу лишь примером, иллюстрацией (курсив автора) его экономических мыслей, как «Tableau économique» Кенэ была лишь иллюстрацией его теории, или, как, например, карты земли, относящиеся к разным временам, были иллюстрациями господствовавших в эти времена астрономических и географических представлений». Основные соотношения между I подразделением (производством средств производства) и II подразделением (производством средств потребления) для простого воспроизводства могут быть установлены и без помощи схем и формул. Для более сложных случаев (например, для решения вопроса о воспроизводстве основного капитала или о воспроизводстве денежного материала) схемы оказываются весьма ценными теоретико-познавательными орудиями. При изучении же более сложных зависимостей (например, между 3, 4 и n подразделениями, см. интересную статью Л. Крицмана «Об условиях равновесия капиталистического производства», журн. «Народное хозяйство», ноябрь 1920 г. и след.) формулы становятся незаменимым орудием исследования. На основании этих формул можно получить значительно более точное представление о всевозможных законах пропорциональности в данной капиталистической системе. Конечно, сами формулы недостаточны для решения вопроса о причинах нарушения равновесия в капиталистическом хозяйстве, но они дают представление об условиях этого равновесия и, следовательно, облегчают уяснение соответствующих экономических процессов.

Даже при изучении динамики капиталистического хозяйства, при анализе эволюции соответствующих категорий математика может найти себе применение. Рикардо, как известно, огромное значение

приписывал законам количественных изменений отдельных капиталистических доходов (заработной платы, прибыли, ренты). Тенденция ренты к повышению освещает для Рикардо целый ряд экономических вопросов.

У Маркса один из основных законов динамики капиталистического строя — тенденция нормы прибыли к понижению — получен на основании анализа математической формулы нормы прибыли. Этому закону (или, вернее, тенденции) Маркс приписывал очень важное значение, поскольку «норма прибыли, это — та сила, которая приводит в движение капиталистическое производство; производится только то и постольку, что и поскольку можно производить с прибылью. Отсюда страх английских экономистов перед понижением нормы прибыли» («Капитал», том III, стр. 241). Известно, что Маркс связывал объяснение кризисов с тенденцией нормы прибыли к понижению.

В области теории ренты (в вопросе об эволюции ренты) анализ формул дал возможность Марксу сделать целый ряд весьма важных выводов. Прежде всего, сама идея возможности существования абсолютной ренты, как разности между ценностью и ценами производства, вытекает из анализа формулы нормы прибыли и теории цен производства. На основании математического анализа условий изменения разности между ценностью и ценой производства Маркс смог внести очень существенные коррективы в учение Рикардо о влиянии технических усовершенствований на хлебную и денежную ренту («Теории приб. ценности», том II, ч. I, стр. 64—68). Маркс, на основании учета влияния органического состава капитала, пришел к тому выводу, что в известных случаях (когда технические усовершенствования приводят к уменьшению доли постоянного капитала, благодаря экономии на этом капитале) возможно даже увеличение абсолютной хлебной ренты в результате соответствующих технических усовершенствований.

Точно так же, на основании анализа формул цен производства и нормы прибыли, Маркс выяснил различие в эволюции ренты в случае восходящей (переход от худших земель к лучшим) и нисходящей (переход от лучших земель к худшим) последовательности. Во втором случае происходит понижение нормы прибыли, в связи с чем увеличивается разность между ценностью и ценами производства хлеба, т. е. увеличивается абсолютная рента. («Теории приб. ценн.», т. II, вып. II, стр. 37—38).

Указанные примеры свидетельствуют о том, что Марксу не было чуждо применение математического метода. Наоборот, сама система Маркса, по своему построению, очень напоминает стройную математическую теорию. По верному замечанию И. Рубина (ibid., стр. 21) «экономическая система Маркса изучает ряд усложняющихся типов производственных отношений между людьми, выраженных в ряде усложняющихся социальных форм, приобретаемых вещами». Экономическая структура капиталистического общества, т. е. объект изучения теоретической экономики представляет из себя сложнейший комплекс производственных отношений, весьма разнородных и разно-

образных, но связанных общим единством. На почве этих качественных различий между отдельными категориями, которые, в рамках данного капиталистического способа производства, могут быть сведены к количественным различиям, возникает ряд благоприятных возможностей для применения математики. Во всяком случае, отсутствуют такие непреодолимые препятствия, которые сделали бы химерической и утопической идею о возможности применения математики в тех или иных формах в теоретической экономике.

Суммируя все эти данные, мы имеем право утверждать, что никаких оснований против возможности применения математического метода в политической экономике нет.

V

Политическая экономика изучает общие законы экономических явлений, рассматриваемых, как объективные процессы, и вопрос о нахождении общей единицы измерения может представлять лишь практические трудности. Но из этого не следует, конечно, что методология математической школы должна быть полностью принята. Теперь встает другой вопрос, основной вопрос о пределах применения математического метода. Здесь и начинается критика экономистов-математиков. Здесь мы прежде всего и должны поставить вопрос о примате математического метода.

Прежде всего встает вопрос о том, насколько соответствуют действительности ожидания математиков революционизировать политэкономию с помощью применения математического метода. Может ли последний, сам по себе, совершить чудо, совершить тот переворот, который можно было бы сравнить с переходом от астрологии к астрономии¹⁾? Можно было бы ответить на этот вопрос указанием на собственную практику математиков. Последние оказались в положении крыловской синицы, которая обещала зажечь море. Во всяком случае, они не дали таких выдающихся результатов, которые могли бы оправдать громадные надежды, возложенные на применение математики. Но этот аргумент был бы недостаточным. Из того факта, что существующая до сих пор практика приложения математического метода к теоретической экономике не дала ощутительных результатов, нельзя еще делать вывода о бесплодности математического метода. Может быть, виноват в данном случае не математический метод, а неумелое пользование последним. Совершенно верно заметил Шумпетер («Über die mathematische Methode», стр. 3), что «даже со стороны противника (метода математического. И. Б.) нельзя ожидать, чтобы он отверг математическое, по существу, рассуждение, потому лишь, что отправные пункты одного какого-либо определенного исследователя были ложными, или потому что результат использован ошибочно, либо метод был неправильно применен».

¹⁾ Такое положение высказывает в одном из своих произведений Эджворте.

Поэтому встает более общий вопрос — является ли применение математики в теоретической экономике необходимым и достаточным условием для перевода последней из донаучного состояния в научное. Прежде чем ответить на этот вопрос, необходимо сделать несколько предварительных замечаний.

Методологию каждого экономиста можно характеризовать с двух сторон — формальной и материальной. С формальной стороны метод характеризуется определенными формами логического процесса, процесса умозаключения. Метод может быть охарактеризован, как метод индуктивный или дедуктивный, абстрактный, аналитический, исторический, математический и т. д. Здесь речь идет только об известных приемах обработки материала, и ни о чем больше. Но одна формальная характеристика метода совершенно недостаточна. Возьмем, например, абстрактный метод. Под последним мы понимаем метод изолирования многочисленных усложняющих второстепенных факторов; метод выделения основных, решающих, важнейших моментов, характеризующих данное явление. Но такое определение абстрактного или изолирующего метода неизбежно вызывает новый вопрос — а что же должно служить критерием важности, значимости данного признака? Если абстрагирование вообще есть изолирование основного явления, то спрашивается, что мы должны изолировать.

Для того, чтобы получить полное представление о данном конкретном проявлении абстрактного метода, недостаточно знать формальную сторону метода, нужно знать прежде всего характер материалов, нужно прежде всего знать границы, пределы абстракции. Это приводит нас к вопросу о материальном характере экономической методологии.

Методология австрийской школы и Маркс, с чисто формальной стороны, в общем и целом, одинаковы. И здесь, и там мы видим наличие абстрактного и дедуктивного метода. Но содержание и характер экономических теорий глубоко различны. И это различие прежде всего вытекает из неодинакового представления о границах экономического исследования, о пределах абстрагирования.

Можно ли остановить экономический анализ на изучении объективного механизма образования цен, или же надо продолжить его и вступить в дальнейшую фазу, в область субъективных оценок. Лежат ли субъективные оценки по ту сторону экономического анализа, можно ли от них абстрагироваться или нет — вот основной вопрос, основной источник расхождения между психологической школой и трудовой теорией ценности.

Или возьмем другой вопрос. Достаточно ли формулы, что ценность товаров определяется их редкостью, можно ли принять редкость товаров, наличные запасы товаров за нечто данное и оборвать здесь экономический анализ, или же надо идти дальше и выяснить, от чего зависит эта редкость, не определяется ли она количеством затраченного труда? Можно ли абстрагироваться от производства или нет? Это кардинальный вопрос. От ответа на этот вопрос зависит вопрос о достаточности или недостаточности теории предельной полезности.

Все это вопросы уже не о формальной стороне методологии, но о ее материальном содержании. Эти вопросы играют доминирующую, решающую роль, ибо эти вопросы определяют центральную проблему теоретической экономики — где границы, где пределы экономического анализа.

Ведь всякий анализ можно вести до бесконечности. Причинно-следственный ряд нельзя оборвать на одном каком-нибудь звене, которое к этому ряду не принадлежало бы. Всякую причину можно рассматривать, как следствие определенных причин. Причин, действующих в конечном счете, нет. Понятие конечной причины включает в себе внутреннее противоречие, ибо всякая причина есть член бесконечного причинно-следственного ряда. Конечные причины могут быть лишь в условном смысле, с точки зрения данной теоретической дисциплины.

Например, Маркс в I главе I тома «Капитала» устанавливает зависимость между величиной ценности и количеством затраченного общественного необходимого труда. Последняя величина определяется данным уровнем техники или производительной силой труда. Производительная сила труда, в свою очередь, является продуктом целого ряда причин. На это указывает Маркс в I главе. Но анализ этих причин уже не интересует экономиста. Он принимает производительность труда, как нечто данное. Его интересует определенный участок причинно-следственного ряда. Вопрос о границах этого участка имеет решающее значение для определения физиономии данной экономической теории.

На этот условный характер последних причин указывает и Бем-Баверк в своей статье: «Wert, Kosten und Grenznutzen» в *Conrad's Jahrbücher*, 3 Folge, 3 Band, стр. 353: «Прежде всего необходимо себе уяснить, в каком смысле вообще возможно один какой-либо фактор, будь то предельная полезность или издержки, называть «последним» или в конечном счете решающим регулятором ценности. Такой способ выражения никоим образом не может быть употреблен для того, чтобы обозначить им именно буквально самое последнее звено в цепи причин и воздействий, кои конституируют ценность материальных благ. Наоборот, совершенно ясно, что предельная полезность наравне со стоимостью, суть лишь члены в этой цепи, которые в свою очередь определяют вещами, еще более удаленными факторами; предельная полезность, например, как только что было указано, определяется соотношением потребности и запаса; потребности, в свою очередь — всякого рода моментами физиологического, морального, культурного, исторического свойства; запас — природными факторами, факторами техники — производственными, интеллектуальным развитием, организацией общества, правовыми и имущественными отношениями».

Вопрос же о материальном характере экономической методологии зависит от общей социологической концепции данного экономиста; формально-логические приемы исследования являются лишь вспомогательными приемами, которые дают возможность извлечь из основных посылок все необходимые выводы. Исходные посылки, пределы ана-

лиза категорий, критерии правильности или неправильности — все это не может быть установлено на основании одного формального метода, все это диктуется материальным содержанием метода, определяемого общей теоретической концепцией экономиста.

По существу, само различие между формальной и материальной стороной метода является искусственным, продуктом абстракции. Чисто формального метода изучения не может быть. Всякая абстракция должна быть абстракцией от чего-то; всякая абстракция должна оперировать чем-то. Всякий метод изучения есть единство формального и материального элемента. Всякий формальный метод обязательно предполагает, в качестве предпосылки для своего применения, определенное теоретическое представление об объекте изучения. Всякий формальный метод действует в определенных границах, предначертанных общей теорией, сознательно или бессознательно признаваемой данным экономистом. В качестве примера метода методологии, безукоризненной с формальной стороны, но совершенно ошибочной по своему материальному содержанию, можно указать на Тюнена. Последний (в своем «*Der isolirte Staat*», 2 Theil, Erste Abtheilung) пытается построить абстрактную теорию естественной заработной платы (*Naturallohn*). т.-е. оптимальной заработной платы, которая была бы наиболее выгодной для рабочих. При построении своей теории Тюнен делает ряд предположений, вполне допустимых. Так, он предполагает существование совершенно изолированного общества, наличие одинакового плодородия. Но наряду с этим Тюнен делает следующее предположение, которое опрокидывает всю его теорию заработной платы (*ibid*, стр. 90—99): «Среди нации, которую мы здесь рассматриваем, нет еще капиталистов, которые заставляли бы других работать на себя, но каждый работает сам для себя. Однако рабочие делятся на 2 класса, а именно: 1) на таких, которые заняты созданием капитала, и 2) на таких, которые с одолженным капиталом работают за свой счет. Последних я буду называть «рабочими» без дальнейших оговорок. То, что они удерживают от продукта труда, после вычета процентов на одолженный капитал, составляет оплату их труда».

Таким образом, Тюнен пытается построить теорию заработной платы для такого общества, которое совершенно не знает класса капиталистов. Капиталистические доходы (заработная плата и процент) предполагаются в некапиталистическом обществе. Иными словами. Тюнен так увлекся своими абстракциями, что он отвлекся от капиталистического способа производства, от необходимых социальных и исторических условий для существования заработной платы. Сам Тюнен вынужден был признать, что его теория совершенно неприложима к современному строю (*ibid.*, стр. 204). «Совсем по другому обстоит дело при наших европейских отношениях, где нельзя найти уже бесхозяйственной земли, и где рабочий лишен возможности уклониться от предложения низкой заработной платы со стороны нанимателя, прибегнув к обработке некультивируемого еще участка земли. Таким образом, здесь интересы капиталиста и рабочего не только расходятся, но становятся диаметрально противоположными».

Другим примером может служить теория Визера (см. «Der natürliche Werth»). Визер пытается построить экономическую теорию ценности для коммунистического общества. По его мнению, только в коммунистическом обществе можно изучить экономические категории в их чистом виде, поскольку там не оказывает влияния фактор экономического неравенства людей, наличие классов, имеющих различную покупательную способность.

Двойственный характер экономической методологии вытекает из особого положения, занимаемого теоретической экономией. С одной стороны, она является частью социальных наук и находится в подчиненном положении по отношению к социологии. Сознательно или бессознательно, каждый экономист является социологом, т. е. имеет определенное социологическое credo. В основе всякой экономической теории лежит определенная социологическая концепция. Последняя может быть выведена из важнейших предпосылок экономического анализа, которые непосредственно высказываются экономистом или молчаливо им принимаются. Экономическая теория лишь развертывает те выводы, которые *implicite* заключаются в социальной теории. Поэтому критерием правильности любой экономической теории служит оценка правильности исходной социологической точки зрения. Так, в основе экономической теории Маркса лежит исторический материализм, в основе теории предельной полезности — индивидуалистическо-психологическое понимание общественных явлений.

Совершенно неправильными являются представления об автаркии, о полной независимости от других дисциплин теоретической экономики. Так, М. Вебер пишет (статья «Die Grenznutzlehre und das psychophysische Grundgesetz» в «Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik», Band 27, 1908, стр. 553): «как и в каком смысле это (пользование другими науками) совершается в нашей области, вполне будет зависеть от поставленных нами требований, и всякая попытка а priori решить, какие теории других дисциплин должны явиться основными для политической экономики, является праздною, подобно всем попыткам создания «иерархии» наук по образцу Конта. В теоретической экономике (в учении о ценности) мы вполне самостоятельны». Положение Вебера неверно потому, что нельзя вырвать теоретическую экономию из общей цепи социальных наук; нельзя изолировать экономическое исследование. Всякий экономический анализ предполагает определенные предпосылки, а последние, в свою очередь, зависят от социологической концепции экономиста. Материальное содержание методологии характеризует зависимое состояние теоретической экономики. Основная характеристика данного способа производства, основные законы изменения последнего — уже даны экономисту-математику. Точно так же он должен знать важнейшие стороны данного экономического процесса, он должен знать, от каких элементов можно и от каких нельзя отвлечься при анализе данного явления. Эти предпосылки вырабатываются на основании материала других теоретических дисциплин. Поэтому сила абстрактного анализа прямо пропорциональна широте исторического кругозора и

исторического обоснования основных предпосылок. Между историей народного хозяйства и теоретической экономией устанавливается взаимодействие (которого, конечно, ни в коем случае нельзя смешивать со слиянием или смешением обеих дисциплин): история хозяйства дает материал для уточнения основных предпосылок, для исследования модификации отдельных условий; теоретическая экономия своим анализом облегчает и делает возможным изучение конкретных экономических явлений и процессов.

Но имеется другая крайность. На ряду с признанием полной автаркии возможна другая крайность — отрицание теоретической экономики, как особой науки, признание ее частью социологии. Эта точка зрения нашла себе защитников среди представителей исторической школы. Наиболее яркое выражение она нашла себе в работах Шелля и Ингрэма: «В глазах Шелля, — пишет Левитский («Задачи и методы науки о народном хозяйстве», стр. 164), — высшая фаза развития для науки о народном хозяйстве наступит только тогда когда она совершенно исчезнет, как самостоятельная наука о материальных и хозяйственных интересах, и превратится в социологию, т. е. науку, рассматривающую общество со всех сторон его жизни — политической, юридической, религиозной, экономической и т. п.». Такую же точку зрения защищает Ингрэм в своей «Истории политической экономики». Эта точка зрения также является совершенно неверной. Детальное изучение всех сторон общественной жизни, всего комплекса социальных отношений возможно лишь путем применения метода изолирующей абстракции. Политическая экономия получает от социологии определенные предпосылки. Она предполагает данный уровень производительных сил, данную форму производственных отношений, данные имущественные отношения, данный способ мотивации (ценность как основной стимул, а не потребительная ценность, и т. д.). Но раз эти предпосылки установлены, экономический анализ получает известную независимость; он может отвлечься от небольших колебаний в имущественных отношениях, метода мотивации и т. д. Экономисту достаточно самой общей характеристики основных условий его анализа. Дальше, его внимание фиксируется лишь на одной стороне социального организма — на экономической структуре, на форме производственных отношений. В рамках, отведенных общей социологической теорией, экономический анализ движется самостоятельно, отвлекаясь от всякого детального рассмотрения неэкономических факторов. Здесь проявляется относительная независимость, самостоятельность теоретической экономики, как отдельной дисциплины. Здесь выступает на смену формальная сторона методологии. Успех экономического анализа зависит не только от правильного выбора основных предпосылок, но и удачного или неудачного пользования абстрактным методом.

Материальная и формальная стороны экономической методологии характеризуют одновременно состояние и положение теоретической экономики: последняя должна быть признана и зависимой и независимой от других теоретических дисциплин. главным образом, от

социологии. Она зависима в установлении своих основных предположений, в определении общих условий анализа, в выработке критерия важности тех или иных признаков, от которых можно или нельзя абстрагироваться. Она независима в разработке имеющихся данных, в умении оперировать абстрактным методом, в возможности отвлечься от всякого более детального анализа неэкономических факторов.

Правильность той или иной экономической теории зависит от методологии в целом, включая в последнюю и формальную, и материальную стороны. Применение абстрактного дедуктивного метода является необходимым, но недостаточным условием для правильного построения экономической теории. Тот факт, что данный экономист пользуется абстрактно-дедуктивным методом, не решает еще вопроса о степени научности его теории. Для полной оценки последней необходимо исследовать материальное содержание его методологии, т. е. проанализировать все его явные и скрытые предпосылки. Успех научного прогресса в теоретической экономике определяется, таким образом, не только развитием формально-логических методов, но и уточнением основных исходных посылок, уяснением социологической характеристики данной теории.

Все эти соображения с полным правом могут быть отнесены к методологии математической школы. Математический метод есть формальный метод. Он движется в рамках, очерченных экономической теорией. Он не в состоянии создавать какие-то новые понятия. Он не в состоянии совершать чудес—превращения политической экономики из донаучного состояния в научное: он не может служить критерием правильности или неправильности той или иной экономической теории. Он есть только вспомогательное орудие, которым пользуется экономист. Он только помогает экономисту более полно развернуть из данного теоретического положения все необходимые выводы. Экономист может прекрасно владеть математическим методом и притом к совершенно неверной и, следовательно, к ненаучной теории. Вопрос о правильности, точности, степени научности экономической теории лежит совершенно вне компетенции математики. Это вынуждены признать и некоторые более умеренные экономисты-математики.

Шумпетер в приведенной выше статье («Über die mathematische Methode der theoretischen Oekonomie», стр. 32) пишет: «Математика является не более, как логическим методом, который ничего нового, неизвестного, а потому и ничего ошибочного внести не может, но который, если он вообще применим, правильно выполняет формальные задания».

Викселль в своей книге («Über Wert, Kapital und Rente nach der neueren nationalökonomischen Theorien», стр. 28) пишет: «Математический метод изложения должен лишь облегчить рассуждения, сообщить результатам наглядность и таким образом содействовать предотвращению возможных логических ошибок,—не более. Большого он ничего не может сделать».

«Из горна математического анализа можно извлечь лишь те положения, которые были туда вложены».

Ирвинг Фишер в своей книге «Mathematical Investigations in the theory of value and prices» в «Transactions of the Connecticut Academie of Arts and Sciences», volume IX, part, стр. 106—107, приводит цитату математика Peierce из его книги «Linear Associative Algebra»: «Математика не открывает законов, поскольку она не является наукой индуктивной, также не творит она теорий, поскольку она не есть гипотеза, но математика является судьей и законов и теорий». «Я привел эту цитату,—продолжает Ирвинг Фишер,—потому, что я полагаю, что многие, в особенности же экономисты, не уясняют себе общего характера математики. Существует представление, что физик сидя в своем кабинете может посредством вычислений, как некоего талисмана, выдумать какой-либо закон физики. Некоторые экономисты надеялись на подобного рода таинственное применение математики в своей науке».

Еще более решительно высказывается в этом направлении такой видный представитель математической школы, как Эджевортс. Он считает своим долгом предостеречь против переоценки значения математического метода в политической экономике. Он пишет (статья «Mathematical Method in Political Economy» в «Dictionary of political economy, edited by Palgrave, volume II, стр. 712): «Однако оценка (математического метода) будет неправильной, если не принять во внимание его недостатков и искажений, возможных при его применении. Одним из первых, присущих всякому явлению, в особенности новому, является возможность быть переоцененным. Как говорит проф. Маршалль: «Когда действительные условия определенных вопросов предварительно не изучены, подобного рода разработка (математическая) немногим лучше, чем насос для выкачивания нефти при отсутствии нефтеносного слоя». Кроме того, положительные стороны применения математического метода могут не окупать усилий, необходимых для овладения им».

Таким образом, из среды математической школы раздаются отдельные голоса, предостерегающие против излишнего увлечения математикой, против переоценки роли математического метода. Целый ряд видных экономистов-математиков считает нужным указать, что одно применение математики еще недостаточно для получения гарантии против всяких теоретических ошибок. Этим самым внимание экономиста направляется не только в сторону математической разработки экономических данных, но и в сторону анализа основных предпосылок, от которых зависит правильность или неправильность конечных результатов.

В связи с этим встает вопрос о том, может ли быть принята эта более умеренная формулировка математической методологии? Ибо в последнем случае вопрос о примате математического метода еще не исключается, этот вопрос переносится лишь в другую плоскость.

Нельзя уже говорить в данном случае о том, что математический метод есть метод, который является достаточным условием для

превращения полит. экономии в точную науку, что он в состоянии вскрыть все ошибки и конструировать точную экономическую теорию. Можно лишь утверждать, что это есть важнейший формально-логический прием, наилучший способ обработки данного материала, в данных пределах, при данных предпосылках и при данном критерии правильности. Можно лишь говорить о примате математического метода среди формально-логических методов.

С точки зрения более умеренных математиков, экономист, установив общие предпосылки и принципы своей теории, выработав определенный подход к экономическим категориям и соответствующий критерий, разрабатывает эти данные, главным образом, при помощи математических приемов: центральное место в работах экономистов-математиков занимают математические формулы; составлению достаточной системы уравнений приписывается решающее значение. Исходный и конечный пункты экономического анализа лежат вне математики, но основное русло анализа, центральная часть носит все же математический характер. В связи с этим встает вопрос о том, может ли математический метод играть центральную роль при разработке основных положений экономической теории, или же он должен дополнять экономический анализ путем уточнения полученных результатов и выяснения отдельных количественных отношений. Это вопрос о роли математического метода в экономическом исследовании.

И. Блюмин.

(Окончание следует)

ЛИГА НАЦИЙ О СОВЕТСКОЙ КООПЕРАЦИИ

(Доклад Коопсекции Комакадемии)

I

Бюро Труда Лиги Наций выпустило в конце прошлого года обширный труд, посвященный «Кооперации в Советской России».

Масштаб книги, тщательная обработка огромного материала, имевшегося в распоряжении авторов, длительность исследуемого периода (1918—1924 г.г. включительно), охватившего фактически все важнейшие этапы кооперативной политики революции, в тесной их связи с основными этапами экономики и политики революции, вообще: и в особенности, проникающее всю книгу стремление органически увязать судьбы кооперации с политикой — именно с политикой Советского государства и компартии — все вместе придает книге тот особый привкус, который создал ей широкую популярность в буржуазных кругах Европы. По всем внешним признакам это — научно-исследовательская работа, основанная на строжайшей документации и многочисленных ссылках на источники.

Нет надобности особо подчеркивать анонимность книги. Ее писали не просто студенты, под руководством сведущего доцента, — ее писали люди, прекрасно владеющие тем, что принято называть научно-исследовательским методом; отказ автора дать печать своего имени на работе или, правильнее, нежелание Лиги иметь ее на своих изданиях, конечно, не является случайностью: писавшие ее российские эмигранты на службе Лиги Наций напечатанием своего имени, конечно, рисковали бы лишь дискредитировать книгу.

«Советская кооперативная литература чрезвычайно значительна» — отмечается в введении к книге. Именно книга Лиги Наций, столь почтительно, с тоном уважения отзывающаяся о советской кооперативной литературе, с чрезвычайной яркостью обнаружила, что в нашей печати, несмотря на то, что она работала в условиях весьма суровой цензуры революции, имеется в столь исчерпывающей полноте критический материал, столь густые краски теней, недостатков, ошибок, что Лиге Наций ничего другого и не нужно было, чтобы соответственной обработкой достичь своих целей. Недаром введение благодарит в изысканных выражениях и Центросоюз, и Фундаментальную Библиотеку Центросоюза за обмен изданиями.

Авторы в известной степени правильно указывают в введении, что положение кооперации в советской экономике еще не определилось с

окончательной четкостью; указывая на борьбу различных течений, они обещают освещать «различные течения», т.е. «беспристрастно» приводить все «за» и «против», особенно из дискуссий на больших этапах совкооперации.

Советскому читателю сразу, конечно, понятны те выгоды, которые предоставили авторам те особенности в наших дискуссиях, которые нередко вносили в них не только дух борьбы мнений, из столкновений которых рождается истина, но и дух ведомственного и звращения. И с тем большей тщательностью они использовали противоречия и разногласия в нашей статистике, общей и кооперативной.

Действительное же значение книги Лиги о совкооперации далеко выходит за пределы ее заголовка. Ибо содержание или, правильнее, ее внутренний смысл бесконечно шире последнего. Авторам вполне доступно понимание глубочайшей связи, которая существует между революцией, борьбой за социализм и судьбами кооперации в СССР, между общей экономикой и политикой государства и кооперативной политикой: авторам хорошо известно и влияние условий гражданской войны, усугубленных интервенцией и блокадой. И хотя большинство страниц книги посвящено кооперации, но речь идет не только и не столько о советской кооперации, самой по себе, сколько о том, как она отражала (в своих организационных, хозяйственных и политических формах) борьбу между коммунизмом, социализмом с одной стороны, и капитализмом — с другой. И, казалось бы, что в соответствии с этой бесспорной чертой книги она должна была бы увязать надстройку (кооперацию) с базой (судьбами революции, политическими и хозяйственными), т.е., говоря по-марксистски, поставить изложение «на ноги», дать социальный и политический генезис революции, установить ее объективные предпосылки и субъективные факторы, ее классовое содержание, чтобы тем самым облегчить понимание судеб кооперации в СССР. Авторы, однако, уклонились от подобной постановки, — и не столько, быть может (и даже вероятно всего) потому, что им чуждо понимание революции, как одной из форм классовой борьбы, сколько потому, что «хозяину» (Лиге) это было бы и невыгодно, и даже конфузно. И более того: ведь история революции, как и история советской кооперации, имеет своим введением империалистическую войну и ее результаты. Но вспоминать об этом — значило бы быть прогнанным с работы в самом ее начале, — и авторы поставили всю историю «на голову».

Не было мировой войны, русский народ не стал пушечным мясом Антанты; народное хозяйство не хирело и не распалось; капиталистическая промышленность и торговля не вырождались. Как *deus ex machina*, пришли коммунисты и стали осуществлять свою программу — осуществили коммунизм — и вот вам их опыт на примере кооперации.

Мы тоже, как и авторы книги, привыкли — и не без основания — делить истекший период революции на два больших этапа:

1919—1921 г.г. — военный коммунизм и 1921—1925 г.г. — нэп, вкладывая в тот и другой вполне конкретное содержание. Однако, принимая это деление и делая его исходным пунктом всего содержания книги, авторы нигде не применяют слова «военный коммунизм», называя его «*Communisme integral*», интегральный, всеобщий коммунизм; и это — не неудачный либо небрежный вольный перевод, а определенная, целостная концепция. 1918—1921 г.г. — это эпоха коммунизма вообще (большой заголовок 1 части), это — эпоха интегрального коммунизма. Это — период действительного, полного осуществления программы коммунизма, социализма. А 1921—1924 г.г. — это эпоха борьбы хотя и славшего ряд позиций, «*Communisme integral*», но все же еще «борющегося» с живительным воздухом свободной торговли. Вы хотите знать, что такое осуществленный, претворенный в жизнь коммунизм? Посмотрите на Россию 1919—1922 г.г. и вы увидите — имя ему — смерть. А свободная торговля — это жизнь, начало жизни.

И естественно, что при изображении нэпа делается соответствующее ударение лишь на одном: на живительном дуновении воздуха свободной торговли, ибо он «один» источник жизни.

Нэп же, как экономическая политика, ставшая себе целью восстановить хозяйство на путях новых, без хозяйственной и политической реставрации, т.е. именно те стороны нэпа, которые составляют своеобразную особенность советской политики, — об этом никаких мало-мальски обстоятельных суждений в книге не имеется.

И, как это подтверждено будет далее, вся книга — это голос Лиги о Советской России, познаваемой на примере кооперации. Почитайте, мол, граждане, что значит опыт осуществления социализма, и вы познаете, что он неизбежно ведет к краху, вы познаете, что только... капитализм есть вечная истина. Вся книга насквозь пропитана этим положением, уже логически вытекающим из социальной природы Лиги Наций.

II

Эпический тон, всегда научная внешность и как будто холодное беспристрастие не могут скрыть для мало-мальски осведомленного читателя «метода» книги. Поставив вообще изложение «на голову», отказавшись от анализа объективных условий, подготовивших Октябрьскую революцию и вызвавших гражданскую войну; отказавшись от мало-мальски научного анализа объективно и исторически сложившегося участия старой кооперации и различных ее групп и оттенков в политике и революции, авторы нашли для себя наиболее подходящим метод историко-повествовательный, лишь в заключении дав свою «философию» этой истории. Этот метод полностью соответствовал цели, ибо не нужно было особых премудростей, кроме подбора одних фактов и взглядов, умолчания о других, чтобы добиться цели, дать «свою» историю кооперации.

На самом деле: авторы начинают прямо с коммунистической теории кооперации¹⁾, как она преимущественно сложилась в огне революции и гражданской войны, затем прямо от нее переходят к изложению кооперативной истории 1918—1919 г.г.; как будто в ней можно что-нибудь действительно понять без анализа 1914—1917 г.г.

Читатель напрасно поставил бы вопрос, чем именно был рост кооперации за годы войны и революции 1917 года? Не подвергалась ли она внутренней, органической перестройке, не превращалась ли постепенно старая кооперация уже до Октября в орган распределения? Не смыкалась ли с временным правительством и политическими партиями, от формальной нейтральности переходя к открыто активной политической борьбе? Идя на фактическое огосударствление, добровольно—при Керенском— вступив в состав его правительства, отдав добровольно на его поддержку все свои силы, старая кооперация затем не вступила ли на путь борьбы с Октябрьской революцией, тем самым поставив судьбы кооперации в тесную связь с судьбами разлагавшегося и погибшего старого капитализма русского?

И совершенно замалчивая даже то, что целиком должно было характеризовать подробно описываемые книгой годы (1918 и дал.), т.е. совершенно не анализируя влияния интервенции, блокады, борьбы с контрреволюцией; забывая, умалчивая о том, что не по доброй воле в 1919—1920 г.г. Советы вынуждены были вести хозяйство осажденной крепости, т.е. установить именно военный коммунизм.—авторы пишут свою историю. Но и самое ловкое мастерство не спасает их от «прорывов»: то здесь, то там оброненное правдивое признание ярко обнаруживает, что они прекрасно понимают значение всех этих моментов и часто одной фразой проливают совершенно иной свет на дело. Но все же увязки «базы и надстройки»—экономики и политики—нет в книге; увязаны лишь две вещи: идеология компартии, в своеобразно творимой автором форме «Communisme integral» и ее эксперимент, т.е. осуществление этой идеологии. «На голову»—в полном смысле этого слова. И этого вывода не могут ослабить различные места книги, где указывается на непрерываемую связь кооперативной политики с объективной экономической необходимостью.

Мы знаем, что восстановительный процесс в нашем хозяйстве за 1921—1925 г.г. в графическом изображении—это змейка со множеством долин и вершин (конъюнктурные колебания), но неизбежно с движением, в целом, снизу вверх; и если провести к змейке внизу касательную прямую, связанную со всеми точками кризисов, неудач, или то же самое сделать сверху, соединив все пункты подъемов, ликвидации затруднений, и писать историю по этим линиям, то одна из них

¹⁾ Стр. 1.

будет книгой Лиги Наций, а другая, скажем,—ведомственных хроникеров, которые захотели бы написать одну сплошную восторженную оду на успехи СССР.

Но если историю мирного времени нельзя писать, подбирая факты под одну краску, допустимо ли это по отношению к эпохе социальных землетрясений, потрясших половину мира? Уроки революции прошли даром, дав толчок мозгам даже самых отсталых мешан; лишь на авторов книги революция, как объективный общественный процесс, не произвела никакого впечатления, ибо они ее как будто даже не заметили. Правильнее было бы, однако, сказать, что авторы просто не считают приятным о ней вспоминать, ибо эта самая революция виновата в том, что они вместо того, чтобы сидеть министрами в России, очутились в Женеве на побегушках у Лиги Наций.

Что авторам нечуждо вообще понимание судеб кооперации в СССР, видно из принятого ими разделения ее истории по периодам, а именно: 1) политика компромисса—1918 г.,—так охарактеризованная в связи с попытками правительства революции вступить в соглашение со старой кооперацией, взяв ее под контроль; 2) огосударствление кооперации—1919 г.,—т.е. превращение ее в орган публичного права революции, обслуживающий все граждански правоспособное население; 3) падение роли кооперации, как самостоятельного хозяйственного фактора—1920 г. (накануне нэпа). Эти три этапа вместе отнесены к первой боевой эпохе революции—военного коммунизма, называемого авторами «интегральным».

Эпоха же строительства при нэпе разделена на два этапа: 1) 1921 г. до конца 1923 г.—этап реформы, «ликвидаций коммунистической политики» и подготовка к полному переходу на добровольность; 2) 1924—1925 г.г.—современный этап, переход на добровольность.

Сколько же они посвящают периоду роста—1923—25 г.г.—этому особо знаменательному периоду? 68 страниц (279—234) из книги в 380 страниц. И понятно почему: на 280 страницах за 1921—1923 г.г. дан сгусток, квинтэссенция «ужасов», дефектов и т. д. Читатель, таким образом, уже настроен, и беглое изложение периода 1924—1925 года, с замазыванием фактов, извращением перспективы, изображением «побед» частной торговли в 1924 г. (как раз тогда, когда ей наносились чрезвычайно серьезные удары и административным и экономическим давлением)—все это нужно было для того, чтобы не ослабить впечатления от 280 страниц, от той основной части книги-памфлета, которая должна показать, что не следует ни производить революции, ни превращать кооперацию в орудие победоносной революции.

Мы повторяем: в книге есть немало отдельных характеристик, правилных сенок. Более того: в каждом разделе—в одном более, в другом менее—имеются страницы, и иногда десятки, хладнокровно излагающие: пусть только отрицательные черты, но все же достаточно объективно. Но за каждым из них неизменно и закономерно следует выкрутас, в котором рельефно вырисовываются и волчий зуб, и лисий хвост, и змеиное шипение.

Книга посвящена, главным образом, потребительской кооперации: лишь в главе о теории кооперации (1—16), главе об общей советской кооперативной политике имеется часть (37—48, 58—64, и 72—81, всего 21 страница), посвященная сельскохозяйственной и кустарно-промышленной кооперации, о которых введение обещает дать самостоятельные монографии. Думается, что неслучайно выбор вначале пал именно на потребительскую кооперацию, ибо именно в ней, как в зеркале, отразилась та черта нэпа, которая означала стремление во что бы то ни стало сохранить командные высоты в товарообороте за государством и кооперацией, чтобы не допустить хозяйственной реставрации.

III

«Советская кооперация»,—говорится во введении к книге,—«играет в настоящее время значительную роль в развитии обмена. Она оказывает воздействие на промышленность и сельское хозяйство, и, следовательно, на условия труда и жизни трудящихся классов». Итак, она связана с проблемами труда; таким образом, читателю становится понятным, почему ее изучением занялось бюро труда. Правда, мы бы прибавили—не только труда, но и безработицы... российских эмигрантов, которым книга дала хлеб...

«Какое место занимает кооперация в экономической системе современной России?... В социальной политике государства?... Каково ее влияние на положение рабочего класса?». «Все эти вопросы глубочайшим образом связаны с изучением социальных и экономических условий современной (подчеркнуто нами) России». Так говорит предисловие. Отлично. Книга написана в 1925 г.: относится ли к современной России и захваченный ею период 1918—1921 г.? Безусловно, да: чтобы понять кооперацию 1925 г., надо знать ее судьбы за 1918—1921 г.г. Чтобы понять, однако, ее судьбы и за эти годы, надо же знать, что же случилось с кооперацией накануне 1918 г., чем она стала за годы войны и первый год революции? Уже здесь выявляется все лицемерие ученых Лиги.

Первая глава «Коммунистическая теория кооперации»¹⁾ не включает в себе чего-либо нового в смысле критической оценки: в ней нет извращений, но в ней немало путаницы. Правильно устанавливая связь теоретических тенденций этого времени с развитием взглядов на кооперацию ортодоксального марксизма, революционного его

¹⁾ Стр. 16.

крыла, авторы смешивают теоретическую оценку возможной роли кооперации при осуществленном полностью и претворенном в жизнь социализме и коммунизме с теоретическим обоснованием тактических, революционно-боевых приемов овладения старой кооперацией.

Они смешивают идеологическое оправдание революционного воздействия на последнюю в условиях гражданской войны и борьбы за социализм с общей теорией кооперации при осуществленном социализме. Ибо Октябрь еще только революция, опрокидывающая старый порядок,—это начало борьбы за социализм; лишь закончив гражданскую войну, 1921 год открыл далее новый этап хозяйственного строительства и экономической борьбы в условиях нэпа между вооруженным силой политической власти социализмом и разоруженным капитализмом. И естественно, что в условиях гражданской войны общие социалистические тенденции революции смешивались, а часто и поглощались соображениями военной целесообразности, диктуемой хозяйством осажденной крепости, которой грозил и внешний враг, и голодная смерть. Что кооперация, в ее исторически (в XIX—XX веке) сложившейся форме, в законченном социалистическом обществе уступит место иным формам, очевидно даже и для Вебба (см. «Кооперация и государство будущего») и для Ганса Мюллера (см. «Richtlinien für Genossenschaftsgesetzgebung»); но что кооперация—в переходную эпоху, когда появляется новый фактор, именно хозяйство пролетарского государства, борющегося с еще достаточно грозными капиталистическими тенденциями—естественно и неизбежно втягивается в эту борьбу, становясь по ту или иную сторону баррикады, ныне просто исторический факт. И чем ближе она к терпящим поражение классам, тем более она разделяет вместе с ними их судьбу, т.-е. гибнет, ликвидируется; чем ближе к трудящимся, тем более она смыкает свои силы с революцией, бросает их на ее чашу весов, становится ее слугой, аппаратом, обслуживающим осажденную крепость революции. Буржуазные кооператоры Германии, как и других стран, не побоялись добровольно отдать свой хозяйственный аппарат на службу борящемуся за мировое владычество империализму, превратив на годы войны (не за страх, а за совесть) кооперацию в аппарат всеобщего снабжения, распределения, в органическую часть военного государственного хозяйства кайзера; в нашей работе «Вопросы социализации и кооперации в Германии» мы доказали, что работа кооперации на службе буржуазного государства и в условиях военного регулирования означала полное выветривание старых кооперативных принципов, публично-правовой характер работы кооперации и ликвидацию всех рочдельских принципов (дивиденда на забор), и т. д., и т. д. Военный «коммунизм» буржуазии (за счет народа) проводился министрами-кооператорами: Тома во Франции, Вандервельде в Бельгии, Мюллером в Германии, Прокоповичем в России... И если превращение кооперации в илота империалистической буржуазии было для последней экономической необходимостью, то у бур-

жуазии не было политической необходимости побудить ее «принудительно» стать илотом: вожди кооперации сами, добровольно, отдали себя и кооперацию на службу кайзеру, Пуанкаре, Георгу, что было чистым золотом для последних... И, конечно, если бы старая русская кооперация столь же добровольно отдала бы себя на службу Октябрьской революции, то история кооперации за 1918—1921 г.г. совсем не включала бы в себя «принудительности», ликвидации и т. д.; это превосходно обнаружено авторами же в книге, в главе об эпохе «компромисса»¹⁾ 1918 года, когда Ленин буквально судорожно пытался уловить хоть какую-нибудь зацепочку для соглашения со старыми кооператорами. А с другой стороны, мы хорошо знаем, что подписавший одно из первых соглашений с Соввластью Д. Коробов и ряд других старых кооператоров убежденно считали, что обслуживание всего населения отнюдь не противоречит задачам кооперации, и он не разделял непримиримых настроений, ибо он менее многих других был заражен партийно-политическими тенденциями.

Что в огне борьбы 1919—1920 г.г. «принудительность» эпохи военного коммунизма иногда смешивалась с всеобщностью, публично-правовым характером организации распределения в законченном социалистическом обществе — это верно; но что эта принудительность (ликвидация добровольности, запись всего населения) была прежде всего мерой экономической и политической необходимости, вытекающей именно из факта борьбы за социализм, а не уже его осуществления, — авторами сознательно затушевано. «Но мы еще не вступили в полосу социализма», — писал Мещеряков, горячий поборник «принудительности»²⁾, — «мы переживаем переходный период, период диктатуры пролетариата. Мы все еще боремся против капитализма». И интересы этой борьбы, интересы снабжения революции, интересы подавления сопротивления буржуазии требовали превращения кооперации в общенародный аппарат снабжения революции. То же самое делали с кооперацией правительства Деникина и Колчака: в тех областях, где они властвовали, они получали в лице кооперации орган снабжения, — получали от кооперации изъявление покорности, — а где этого не получали, они поступали просто: ее разгромяли, уничтожили, реквизировали³⁾. Об этой логике борьбы — авторы естественно не упоминают.

Авторам все же приходится отмечать связь «идеологии» с «базой»: утверждая, что кооперативная политика 1918—1919 г.г. была следствием «теории компартии»⁴⁾, они проговариваются, что она должна была, очевидно, «придать старой кооперации новые формы, более приспособленные к новым условиям». Значит, была не только

1) Стр. 16—23.

2) «Новые идеи в кооперации», 1919 г., стр. 21.

3) Это очень хорошо известно англичанам и французам, поддерживавшим тогда Деникина и Колчака.

4) Стр. 9.

«идеология», но и «условия»! Но чтобы ослабить это неудобное указание, тут же прибавляется, что нажим «инспирировался в меньшей степени экономической необходимостью, чем политическими соображениями»¹⁾. Это значит — ровно ничего не понимать: поскольку буквально всякий фунт хлеба и пуд дров были условием, чтобы «политически» продержаться на фронте, постольку экономика и политика были тогда совершенно слиты. И, конечно, новые организационные формы кооперации были тогда для революции прежде всего экономической необходимостью. по сути дела. И более того: эти формы были подготовлены объективным историческим развитием старой кооперации, постепенным перерождением ее ткани, под влиянием распада старого хозяйства и товарного оскудения.

Всякий, умеющий разбираться в исторических фактах и знакомый с нашей кооперацией дореволюционных военных годов и 1917 г., отлично знает, что силой исторической и экономической необходимости кооперация развертывалась в орган всенародного распределения продуктов, регулирования рынка и цен. Всем известно, что мысль о превращении кооперации во всенародный орган распределения, объединяющий все население, начала довольно рано пробиваться в кооперативной среде. Безнадежность в 1916 г. при самодержавии разрешить продовольственную задачу, снизить цены, толкала уже тогда мысль ответственных идейных руководителей кооперации на поиски совершенно новых путей. Особо замечательной была передовая редакционная статья центрального органа кооперации (помещенная в конце 1916 г. в № 37 «Союза Потребителей») под заголовком «Основная экономическая задача».

«... Все трудовое население должно быть замкнуто общей кооперативной цепью в целях установления рационального и в известной мере принудительного экономического порядка. Необходимо создать новый аппарат, регулирующий все отношения, способный прибегать к властному вторжению в частное хозяйство, контролирующей все экономические проявления общества и государства».

«Все внимание в работе, все усилия сосредоточены около главной — вокруг возведения общенародного кооператива».

Стремление народного банка (кооперативного) получить монопольное право на организацию производства и распределения в России сельскохозяйственных машин и орудий уже в начале 1917 г.²⁾ говорит о том же.

Авторы вышеприведенной статьи прекрасно понимали, что при самодержавии это невозможно, и потому довольно прозрачно намекали далее на политические задачи — свержение самодержавия. Но что их организационная и хозяйственная мысль правильно устанавливала

1) Стр. 9.

2) «Союз Потребителей» № 19, 1917 г. — «В министерстве продовольствия».

при этом тенденции развития, что элемент всеобщности, принудительности назревал, становился экономической необходимостью—было несомненно.

«...В результате общего проведения справедливого отчуждения,— писал О. Ланин в том же центральном органе в статье «Хлебная повинность или принудительное отчуждение»¹⁾),—верховное распоряжение хлебом сосредоточится в руках народа. Национализация хлебного дела явится полным ответом на основной вопрос современности: как решить задачу о хлебе, которая ныне расширяется до общей проблемы о том, как наладить снабжение народа всем, что необходимо ему для жизни и хозяйства. Разумеется, действительное собрание, быть может, вернее отобрание хлеба возможно провести в порядке очередей, по отдельным звеньям. Примерно таким образом—от скупщика и торговца, через помещика и крупного сельского хозяина, к трудовому крестьянину».

«... Вопрос о хлебе для народа разрешается в условиях объявления его национальным достоянием». «... Но где в действительности общественно-творческие силы, достаточные для исполнения этих предначертаний? Ведь подлинное завоевание хлеба на указанном пути возможно, как следствие решительного вторжения потребителя в сложившийся хозяйственный порядок, в результате как бы властного водружения над ним диктатуры потребительского, экономического принципа».

Здесь программа революции: свергнуть царизм и приступить к отобранию хлеба у тех, кто им спекулирует, грабя народ; это — прообраз разверстки — «prelevement forcé», предложенной кооперативным органам. И точно так же еще ранее в статье «Твердые цены»²⁾ центральный орган кооперации намечал так роль твердых цен:

«... Не преувеличивая значения твердых цен в деле борьбы с дороговизной и бестоварьем, вполне допуская при дальнейшем обесценении денег возможность и даже необходимость установления новых более высоких твердых цен раньше нового урожая...». «Московский Союз Потребительских Обществ тем не менее признает, что в сочетании с другими продовольственными мероприятиями — организацией распределения путем карточной системы, упорядочения снабжения путем плановых перевозок, организацией закупочных центров, реквизициями и т. д. — твердые цены могут положить тот или иной предел нарастанию цен».

Революция 1917 г. еще более рельефно побудила кооператоров, вступивших в министерство продовольствия, поставить эти задачи, как задачи революционной борьбы, в интересах народа вынужденной применять насилие ко всем эксплуататорам. К сожалению, тогдашняя кооперация не нашла в себе сил от слов полностью перейти к делу. Но вот что она говорила в передовой статье своего центрального органа в начале революции³⁾:

1) „Союз Потребителей“ № 44, 1916 г.

2) „Союз Потребителей“ № 29, 1916 г.

3) Статья „Всероссийский продовольственный съезд“ в № 16 1917 года.

«... Путем добровольного соглашения с капиталистами, помещиками, банкирами, при условии охраны их чудовищных барышей, найти путь к спасению народного хозяйства не представляется возможным. С неперерекаемой ясностью это установлено на опыте частных проявлений как продовольственной неурядицы, так общеэкономического кризиса».

И далее, вот что говорил тот же орган в 1917 г. о принудительном засеве полей¹⁾.

«...Сущность разработанного проекта сводится в общем и главном к следующим положениям. Принудительный засев земель через посредство продовольственных комитетов имеет в виду доведение посевной площади у их владельцев до размеров, бывших в прежние годы... «Продовольственные комитеты должны организовать особые дружины с передачей в их распоряжение инвентаря, семян, удобрений и т. п.». «Ныне все хозяйство воюющих стран вступило на путь планомерной организации, которую необходимо стремиться удерживать и на будущее в целях развития производительных сил и в интересах потребительских слоев. Рост государственных начал в хозяйстве, всякого рода планомерное направление хозяйственной жизни необходимо утверждать и углублять... «В общем выводе необходимо признать, что все предложения проекта засева пустующих земель крайне важны, ибо определяются разумными задачами современности. Революционный народ должен получить не только внешнее право на хлеб,—нет, он обязан осуществить это право. Таков призыв революции».

Вот каким языком говорили кооператоры, пытаясь помочь февральской революции, буржуазной коалиции... Но они не сделали полностью соответствующих выводов, когда надо было разрешать эти задачи плечом к плечу с Октябрьской революцией.

IV

Объективный ход экономического развития, таким образом, выводит кооперацию за пределы ее исторически сложившихся форм и задач. Сама старая кооперация, когда она не за страх, а за совесть пыталась помочь февральской революции в борьбе с хозяйственным распадом, не только не чуралась принципа принудительного хозяйства, но даже сама его намечала. И в этом отношении она мало чем отличалась от западно-европейской кооперации всех стран, которые война ввергла в пучину товарного оскудения, ибо в обстановке последнего единство системы распределения продуктов диктовалось прежде всего интересами народных масс. Население в массе почти и не ощущало перехода кооперации от формально выдохшегося добровольного начала на так наз. принудительное. Ибо последнее ничего общего не имело ни с принудительностью, свойствен-

1) „Союз Потребителей“ 1917 г., № 13—14.

ной, например, воинской повинности, либо трудовой повинности, установленной для буржуазии в эпоху революции. Карточка приписки к кооперативу означала для гражданина лишь выражение того оскудения, которое само по себе обязательной припиской к кооперативу не усиливало и не ослабляло, лишь гарантируя именно трудящимся распределение остатков прежде всего среди них. Принудительность ощущала лишь значительная часть кооперативной бюрократии, ибо участие в снабжении всего населения означало работу для победы революции, а это не входило в ее программу.

Ярче всего это вывисло в отношении старой кооперации к политике и политической борьбе. С одной стороны, кооперация не могла не работать в непрерывном контакте с новой властью, в руках которой оказалась промышленность и все запасы. Кооператоры, как опытные дельцы, очень быстро освоились с Наркомпродом, даже энергично помогали ему строить свой аппарат. И замечательно, что буржуазный Моско (Моск. Областной Кооп. Об'единение), учрежденный кадетами и объявивший борьбу Центросоюзу, как средоточию более левых группировок, состоял в наитеснейшем контакте с Наркомпродом. Дело дошло до того, что самое строительство райсоюзов было приспособлено к районам действия продорганов, ибо иначе нельзя было бы получить продукты для распределения. Подбирая по возможности все, что оставалось от начавшегося уже в 1917 г. распада капиталистических предприятий, хозяева которых разбегались, кооперация отнюдь не оставалась в стороне от политики и прежде всего отдала весь аппарат кооперации на службу врем. правительству. Делегирование представителей кооперации в состав правительства означало активную поддержку временного правительства. Центральный орган кооперации объяснял это след. образом в официальной передовой статье¹⁾:

«Обладает ли кооперативное дело правом на политические действия? Да, несомненно, обладает. Никогда потребительская кооперация не отворачивалась от подобных выступлений, ибо она только ветвь общего движения трудящихся за свое освобождение. Поэтому всюду, где трудовое население, как нераздельное целое, как слитный класс, сталкивается с гнетом внешних условий и добивается расширения прав, где трудящиеся, придавленные тяготами общественного порядка, поднимаются на борьбу за достойное вольного человека существование, — потребительская кооперация, оказывая мощную поддержку освободительному движению труда, становится как бы в положение непосредственного участника политической жизни...»

...«Теперь совершается возведение нового государственного здания».

...«Исключительность настоящего призыва кооперации на постоянную политическую службу в том, что предполагается не отдельное выступление, а систематический, планомерный ряд выступлений». «Предуказываются возможности

¹⁾ „Союз Потреб.“ 1917 г., № 26 — „Политические выступления потребкооперации“.

такого положения и необходимость таких действий, когда кооперация на долгий срок вплетается в политическую жизнь. В этом и новизна постановки старого вопроса: имеется ли теперь неизбежность сомкнуть кооперативные ряды политическим строем?»

«Цель политической работы выражается определенным образом: необходимо взять в руки железную метлу и выбросить весь сор, все гиблое и вредное, что отравляет жизнь страны, что мешает народному делу».

Сказано сильно и ярко! Как будто кооператоры осознали, что наступил момент осуществить и ту всенародную организацию кооперации, и принудительность, о которой они говорили в 1916 г. (см. выше цит.), но которым мешало самодержавие. И по отношению к государству коалиции, буржуазному государству, кооператоры не боялись целиком и полностью добровольно слить свое дело с делом государства. Вот что писал об этом историк А. Меркулов в том же официальном органе кооперации¹⁾:

«Широкий взгляд на значение кооперации в общенародной жизни проявил Центросоюз после февральской революции. Приглашенный временным правительством для заведывания продовольственным делом в стране, представитель и важнейший работник Центросоюза В. Н. Зельгейм развил на мартовском съезде союзов и объединений чистую государственную точку зрения по вопросу об участии кооперации в деле продовольствия. Согласно докладу съезд высказался за самое деятельное содействие со стороны кооперации государству в борьбе с продовольственным кризисом, одобрил выставленное В. Н. Зельгеймом положение, что интересы собственно-кооперативные при этом должны быть подчинены, интересам государственным».

«В этот исторический момент Центросоюз лишь более явственно проявил черту, которая характеризовала его и в прошлом; никогда он не стоял на почве узко-кооперативных интересов, никогда не защищал кооперативного эгоизма по отношению к любому практическому вопросу».

Подчинение интересам государства... Когда это государство изменило свою классовую природу, когда свергнуто было правительство Керенского, старая кооперация не изменила ему: она вступила на открытый путь политической борьбы..., ибо поддержать новое государство Советов, отдать себя ему на службу кооперация не пожелала. Авторы книги²⁾ берут ее под защиту и здесь не могут скрыть апологетического характера своей работы по отношению к непримиримой части старой кооперации; хотя, по мнению авторов, кооперация, вообще, не политика и свою оппозицию обосновывала хозяйственными соображениями, они вынуждены были признать, что кооперация поддерживала времен. правительство³⁾ и «оказывала влияние на его политику».

¹⁾ То же, 1918 г., № 39 — „Роль Центросоюза в кооперат. и обществ. движении в России“.

²⁾ См. стр. 19.

³⁾ Там же.

«Сохранение кооперации мотивировалось также многочисленными политическими соображениями»¹⁾. Не так же, а в этом все дело... «Большевики не участвовали в кооперации»,—пишут авторы²⁾. В этом вся философия авторов, выдающая их с головой; среди коопбюрократии, головок 1918 г., было действительно мало большевиков, но в массе членов их было немало, а главное, число их неуклонно росло. Только благодаря этому на съезде рабкооперации в декабре 1918 г. оказались 121 коммунист и 87 их противников, о чем рассказывают авторы³⁾. Но так как их история—это история «вождей кооперации», то все дело ставится «на голову»; но и здесь им не удается скрыть истины. В кооперации, говорят авторы, «участвовали беспартийные, эсеры, с.-д., кооператоры ждали краха советской политики и не желали, чтоб с ней крахнула и кооперация»⁴⁾. Таким образом, ясно, почему «при этих условиях (т.-е. потому, что вожди были членами антисоветских партий? А. Ф.) старые вожди кооперации не могли решиться на подчинение их органам коммунистического государства»⁵⁾. Правильней было бы сказать «не хотели». Позиция же рабкооперации (до овладения ею большевиками) была не только против кооперативной, но вообще «против большевистской экономической политики». Политика—вот где гвоздь вопроса.

Продовольственная работа революции—это сугубо политическая работа; недаром Антанта хотела удушить революцию голодной смертью. И понятно, что если бы старая кооперация столь же добровольно отдала себя Советам, как в свое время Керенскому, то никакой «принудительности» и не было бы. Это надо иметь в виду, читая главу книги об оценке компромисса Ленина со старой кооперацией в 1918 г. и о чрезвычайно быстрой ликвидации его.

«Компромисс» 1918 г. заключался в соглашении Советов с кооператорами, выраженном в декрете 12 апреля 1918 г. о потребобществах. Текст декрета не говорил ни о принудительности, ни о ликвидации членских взносов, но все его содержание означало реальный шаг на пути к превращению кооперации в общенародный орган распределения,—и поэтому рассматривать компромисс, как победу старой кооперации⁶⁾, как отступление Советов, конечно, неправильно. Но авторы правильно уловили мотивы, которыми руководствовался «наиболее решительный сторонник соглашения с мелкобуржуазной массой», именно В. Ленин⁷⁾. Советы, конечно, желали, чтобы кооператоры их поддерживали так же, как в свое время Керенского, и тогда Зельгейм был бы, конечно, членом коллегии НКПрода, как и в 1917 г. Непримиримыми в большей мере были кооператоры, чем В. Ленин, ибо для Советов было бы с политической точки зрения весьма важно—

1) Стр. 19.

2) Там же.

3) Стр. 27.

4) Стр. 19.

5) Там же.

6) Стр. 21.

7) Там же.

и особенно в неблагоприятной международной обстановке первой половины 1918 года—приобрести союзников в лице кооператоров. Но совершенно напрасно авторы пытались в компромиссе усмотреть своего рода победу старой кооперации. Что хоззадачи Советов были столь сложны, чтоб бережно относиться к кооперации, как единственному тогда организованному органу распределения, это верно; но что компромисс здесь был лишь средством к единой цели, вынуждены были признать и сами авторы: «уступки буржуазным элементам должны были обеспечить подчинение кооперации влиянию и руководству компартии. Таковым именно было на деле основание всей коопполитики Советов»¹⁾.

Авторы, конечно, не рассказывают о том, что в это именно время Антантой подготавливалась организация армии Деникина, подготавливалась гражданская война,—и при первом же образовании внутренних фронтов часть кооперации, действовавшей в районах Деникина, армии Учредительного Собрания, а позже Колчака, втягивалась в борьбу против Советов.

Именно здесь лежит корень дальнейших событий, ибо Московские центры кооперации, давая периферии лозунг держаться «нейтралитета», который они сами осуществляли в виде замаскированной политической борьбы с Советами, не решались предложить украинской, сибирской, юго-восточной кооперации строго воздерживаться от поддержки антисоветских сил. «Беспартийное» участие в кормлении армии Деникина, в снабжении ее и т. д. было по сути дела чисто политическим действием; «беспартийно» снабжать две борющихся армии, конечно, бессмысленно. Политическая же позиция значительной части кооператоров, во главе с Прокоповичем, ярко выраженная в их самостоятельном выступлении на выборах в Учред. Собрание, показала, что для них была неприемлема не только позиция эсеров и меньшевиков, но даже эн-эсов, и что они были правее последних, т.-е. вели откровенно буржуазную политику; вчера числившиеся в этих партиях, они сегодня считали для себя позорным иметь какую бы то ни было связь даже с тогдашними антисоветскими социалистическими партиями.

Книга, в общем, правильно излагает историю овладения Советами потребкооперацией при посредстве рабочей ветви; именно в этом отряде кооперации происходил массовый отход членов от старых вождей; правильно, что отсюда Советы вели атаку против старого правления Центросоюза. Ибо последнее «оставалось в руках противников Р. К. П.»²⁾, несмотря на то, что рост влияния Центросоюза, по признанию автора, был вызван именно тем, что Наркомпрод по практическим соображениям все чаще и шире возлагал на него распределение продуктов; это, конечно, «усиливало хозяйственное значение и влияние Центросоюза»³⁾, а поскольку он играл частью роль средоточия антисоветских сил, положение становилось все более сложным. Ибо

1) Стр. 23.

2) Стр. 28.

3) Там же.

никакая государственная власть в мире не будет хладнокровно наблюдать, как учреждение, питающееся от государственных же органов продуктами и средствами, будет действовать против него же. И естественно, что политика компромисса скоро сменилась новым этапом.

За германской революцией, содействовавшей укреплению Советов¹⁾, очищению Украины и т. д., последовало вскоре обострение гражданской войны. «В классовой борьбе пролетариата,—говорил В. Милютин на III конгрессе рабкооперации,—кооперация не может оставаться нейтральной,—общие же экономические условия коренным образом изменились²⁾». Вот этой связи между экономикой и политикой авторы старались не замечать; у них разрушение хозяйства есть лишь плод большевистской политики, а не роковой, неотвратимый результат мировой, гражданской войны и интервенции, объективно и неизбежно вызывавших дальнейшую реконструкцию кооперации. И потому история ликвидации старого правления Центросоюза и огосударствления кооперации у них выступает в совершенно извращенной перспективе.

Шла борьба, и страна становилась осажденной крепостью, в которой каждая крошка хлеба должна была быть взята на учет. Кооперация фактически теряла почву под ногами, ибо периферия Центросоюза все более сливалась в процессе хоз. работы с органами НКПрода, все более становилась «вождем без массы». Уже выборы в Учред. Собрание, давшие смехотворно низкое число голосов за кооп. кандидатуры, показали реальное значение «кооперативной армии», ибо члены кооперативов (рабочие и крестьяне) находились в огне революции, политической борьбы и призыва кооператоров просто не замечали: миф о кооп. общественности, мощи и влиянии, поддерживавшийся кооператорами, пленил наших историков, хотя теперь, после всего, что случилось, просто смешно его повторять. Все, что случилось, показало, что кооп. общественность 1919 года—это был не «народ», а самая законченная форма кооп. бюрократии, жалкой—с точки зрения гигантского размаха революционной борьбы—кучкой близоруких политиков.

Эпоха компромисса, как известно, закончилась декретом 20 марта 1919 г. и введением в правление Ц-за (после победы коммунистов в рабкооперации) 10 членов коммунистов при 8 старых членах³⁾. Авторы правильно отмечают, что и в декрете 20 марта 1919 г., создавшем единую кооперацию, носящую публично правовой, общегосударственный характер, большевики⁴⁾ «не порвали совершенно с линией компромисса». Пишущему эти строки известно, что некоторые весьма авторитетные старые кооператоры, как, напр., Д. Коробов и др. считали его тогда вполне приемлемым; но введение большинства членов-коммунистов в правление Центросоюза (июль 1919 г.) кладет конец компромиссу, сохраняя, однако, возможность делового сотрудничества старых членов. И когда, как признаются авторы, вскрылась безнадежность

1) Стр. 29.

2) Стр. 31.

3) Стр. 34—35.

4) Стр. 33.

таким путем создать работоспособное правление,—ибо старые члены правления с их богатым опытом и деловым влиянием, «при неопытности новых и их занятости политической работой, продолжали—как говорят авторы—прежнюю политику»¹⁾, тем самым поддерживая такое же положение в местных союзах,—наступил момент более решительных действий.

Когда история напоминает о неприятностях, лучше умолчать. Таков метод авторов. Кооперация—большая общественная сила,—так изображали они дело, совершенно не сообщая, какую именно роль играла эта большая сила в разгоревшейся гражданской войне. Действовавшая за границей часть старых членов правления Центросоюза не выступала против интервенции и блокады их родины; отделения и конторы Центросоюза в угрожаемых наступлением неприятеля местностях при двусмысленности поведения правления легко могли стать интендантскими базами контрреволюции. Суровы законы революции и гражданской войны: недоговоренности, двусмысленности она не терпит,—особенно, если некоторые ответственные работники кооперации являлись к Деникиным, Колчакам с изъявлением лояльности, как это имело место на Украине и Сибири, и как это прекрасно известно Альберту Тома и его писателям. Происшедшее в 1920 году предание суду старых членов правления Центросоюза по обвинению в пособничестве петроградского отделения Центросоюза контрреволюции, приближавшейся в лице армии Юденича к Петрограду, а также по обвинению заграничной делегации в связи с контрреволюцией и Антантой, прогремело ведь по всей Европе и рассматривалось заграничной делегацией и, вообще, старой кооперацией, как акт грубого произвола и несправедливости. Кооперативный процесс имел большое политическое значение, и для умелого пера авторов, казалось бы, должен был бы быть благодарным материалом. И однако ни слова, ни одного слова о процессе! И мы понимаем почему: ибо, как ни оценивать процесс, было бы полной безнадежностью доказывать общественному мнению Европы, что часть старых кооператоров и особенно часть его заграничной делегации не была в лагере контрреволюции, не помогала Антанте и т. д., ибо первый Альберт Тома—редактор—знает это лучше всех.

Но и по другой причине об этом надо было умолчать. Ведь кооперация была большой общественной силой, «и так как было невозможно и даже опасно наложить руку на верные правлению Ц-за руководящие органы местных союзов, то решили распустить правление Центросоюза»²⁾. Таким образом, мы имеем здесь дело с простым обманом всей читающей зап.-европ. публики. Революция не только распустила правления местных союзов, но даже посадила правление Центросоюза в тюрьму... Почему—мы спрашиваем авторов—вы об этом умолчали? Почему вы не изложили этого, не рассказали о процессе хотя бы так, как вы это умели делать по всем другим пунктам?

1) Стр. 35—36.

2) Стр. 36.

Да потому, что вся ваша история есть тенденциозный памфлет! Да еще, может быть, потому, что кое-кто из авторов—и быть может именно подлинно виновных—был в числе преданных суду... «Наложить руки было опасно»... Если б это было так, если б кооператоры не были бы ничего не значащей кучкой, то арест их и снятие с постов в местных союзах сопровождался бы, ну... восстанием, сражениями, свержением и т. д. Просто неловко писать об этом... Ибо... ничего не случилось... А всякий грамотный человек, читавший историю революций, поймет, что значит—ничего не случилось: это значит, что старая кооперация, как общественно-политическая сила, была в 1920 г. нулем, она была, по удачному выражению Н. Бухарина, сосулькой, растаявшей от одного прикосновения огня революции.

И точно такой же подлог авторы совершают, рассказывая о последних днях существования заграничной делегации старого Центросоюза¹⁾. «По соглашению с последним», находящееся за границей имущество Центросоюза было возвращено Московскому Правлению последнего... И только? А что делала заграничная делегация? Разве часть ее не играла предательской роли лакеев Антанты? Мы не имеем здесь в виду честного В. Зельгейма и друг., уклонявшихся от этой роли. Сдача же дел и средств заграничной делегацией новым людям была признанием банкротства всей общей политики старого правления и победой советской кооперации, сколь ни слаба она была в 1922 году. Это не «соглашение», а позорный конец... И об этом авторы тоже предпочли не рассказывать, хотя эта история уж прекрасно известна всему деловому миру Европы.

И—вопреки всему искусству—авторам не удалось совершенно скрыть истину, заключающуюся в следующем: старая кооперация, верхушечный ее аппарат сыграл вполне определенную историческую роль—он был одним из последних окопов на пути политического отступления и поражения антисоветских партий и сил; он был против снабжения и питания революции, как таковой. Потеря уже до гражданской войны все специфические черты старой кооперации, она становилась государственным хозяйственным аппаратом, который, конечно, мог бы значительно более помочь хозяйству осажденной крепости революции, если бы старые вожди того хотели. И нет ничего удивительного, что победившая революция захотела использовать кооперацию, и использовала. И в Германии кайзер, а во Франции Пуанкарэ использовали кооперацию, как Керенский в 1917 году; как известно, в Германии работа кооперации по общегосударственному снабжению населения во имя «победы» была мечтой кооператоров, добровольно отдавших себя на службу империализму. И во Франции, и в Германии правительство не «сливало» кооперацию, не «принуждало»; незачем было это делать, ибо Альберт Тома и Кауфман сами сливались с Пуанкарэ и кайзером.

Есть, конечно, и разница: там кооперация поставлена была на службу буржуазии во имя эксплуатации и удержания в повинове-

¹⁾ Стр. 169.

нии пушечного мяса—трудящихся. Там была уравнительность в снабжении во имя победы буржуазии; здесь же—во имя интересов трудящихся, революции, социализма...

Старая кооперация, как общественная организация, ставшая по ту сторону баррикады, разделила судьбу старых классов: их гибель была ее гибелью. Но разделила она эту судьбу вполне «добровольно». В качестве же хозяйственной организации она разделила судьбу всех других хозяйственных форм старого строя: она фактически исчезла, растворившись в системе госорганов снабжения. Но технический аппарат ее все же достаточно сохранился, чтобы с окончанием гражданской войны и началом нового мирного хозяйственного строительства послужить первоначальным основанием для новой советской кооперации.

К концу 1920 года—говорят авторы—«советская кооперативная программа была полностью реализована». «Кооперация по декрету 13 XII 1920 г. «перешла на содержание государства»²⁾. «К концу 1920 г. компартия достигла своей цели»³⁾. «Кооперация стала окончательно простым госорганом». Программа и цели осуществились... Так наемные писак втирают очки публике. Как будто бы в условиях гражданской войны хозяйственные задачи когда-либо разрешались «по программе». В программе действительно было одно: свержение помещиков и буржуазии и их экспроприация,—оборона против контрреволюции. И как для воюющей Антанты цель была одна—раздавить Советы, а все остальное—средство, так и для революции «*Salus revolutiae—suprema lex*», и реорганизованную кооперацию революция заставила служить себе. А когда наступил мир и надо было подыматься из руин, начать строить, революция показала, что для нее строительство социалистической кооперации—первостепенная задача и более того,—первостепенное условие укрепления революции.

V

Реорганизация старой кооперации была прежде всего экономической необходимостью и проводилась она в интересах социализма. Но это еще не был претворенный в жизнь социализм, а это была борьба за него в тяжчайших условиях, когда голодный и в рубищах народ вел отчаянную борьбу со всем буржуазным миром. И когда пришла победа и оказалось возможным начать строить, тотчас начали строить новую кооперацию, ибо нэп был политикой, при ступившей к хозяйственной работе победоносной революции, а военный коммунизм—жесточкой необходимостью осажденной крепости. Авторы это понимают, когда говорят, что декреты о распределении продуктов через кооперацию³⁾ и другие подобные меры регулирования и принуждения все более развертывались, по мере того, как снабжение

¹⁾ Стр. 49.

²⁾ Стр. 50.

³⁾ Стр. 54.

пищей городского населения и сырьем промышленности «становилось иными методами невозможным»¹⁾. «Разверстка и принудительный товарообмен стали единственной формой обмена». Правильно,—и это было бедой революции, а не ее виной. И потому совершенно чудовищным является сделанный тут же авторами вывод, что «советское государство могло таким образом реализовать один из принципиальных пунктов своей программы: социализацию обмена»²⁾. С таким же правом мы могли бы сказать, что старые кооператоры, официально выдвинувшие (см. выше цитаты) и реквизицию хлеба, и принудительную организацию всенародного кооператива, добивались того же. На деле же жестокая необходимость диктовала и старым кооператорам, и Советам одни и те же методы: разница лишь в том, что первые не захотели их осуществить, когда убедились, что это будет помощь Советам и на гибель буржуазии. Только бесстыжая наглость наемников, укрывших свои имена, могла рассматривать разверстку (prelevement forcé) военного времени, как элемент осуществленного социализма.

Соображения, положенные В. Лениным в основу нэпа, изложены были авторами в общем правильно. Авторы лишь избежали рассказать, как кончилась гражданская война; как Антанта и ее лакеи потерпели поражение; как английские рабочие заставили английское правительство, истратившее почти сто миллионов фунтов на поддержку белых и удушение Советов, прекратить интервенцию; как тяжки были последствия ее в 1921—1923 г.г. и для хозяйства, и для строительства новой кооперации; как последнюю бойкотировала заграничная делегация Центросоюза, не желавшая вернуть ей имущество, и как Альберт Тома поддерживал делегацию... Ведь это кусок истории той же советской кооперации—и хорошо известный всякому грамотному европейцу,—но авторы об этом ничего не рассказали.

Нэп, содержание которого хорошо известно всем, был, однако, не тем, чем его изображают авторы: он не был просто новой политикой, он был новой формой общей политики Советов, Ленина. Тогда, в 1921 году, многим казалось, что нэп есть далеко идущая уступка капиталистическим тенденциям, заложенным в крестьянском хозяйстве. Но теперь рассматривать нэп вне общей борьбы Советов за социализм, теперь не видеть, что нэп был и стал действительным орудием такого роста промышленности, сельского хозяйства, товарооборота, восстановления денежной системы, господства гос-и коопторговли,—такого строительства, которое, давая место и капиталистическим формам, в то же время усиливает социалистические элементы,—теперь этого не видят только ослепленные злобой враги революции. Нэп—теперь это знает весь мир—оказался методом восстановления хозяйства без экономической и политической реставрации, методом укрепления и

¹⁾ Стр. 54.

²⁾ Там же.

расширения базы советской власти, условием создания государственных и кооперативных хозяйственных органов, их укрепления и экономического преодоления капиталистических тенденций развития. В этом вся суть и в этом корни советской кооперации: она была, есть и будет орудием борьбы за социализм, орудием каждодневного претворения его в жизнь.

Этого авторам не понять. Они знают, что «с начала 1922 года результаты нэпа начинают ощущаться во всех отраслях кооперации». Особенно это понимание доступно автору 1 главы III части (о потребкооперации)¹⁾, тон и объективность которого несомненно выделяется в книге. Он не шипит, во всяком случае. Он не может умолчать, что новая кооперация, в начале нэпа целиком строившаяся силами и средствами государства, постепенно расширяет свою кооперативную базу, все шире обслуживает добровольно входящих в нее членов и соответственно получает все права автономной хозяйственной организации. Косвенно, по поводу судеб военной кооперации, автор проговаривается, что и «потребкооперация эмансипируется от государственной опеки и реорганизуется в направлении независимой коммерческой деятельности»²⁾.

Но, характеризуя первый этап нэпа—1921—1923 г.г.,—автор этой главы не понял главного: надо было расшевелить рынок, из «ничего»—на месте руин пробудить жизнь, и прежде всего в захиревшем коопаппарате. Промедление было смерти подобно,—ждать пока кооперация «сама» все сделает за счет средств членов и т. д. было бы простым безумием. Ибо в начале нэпа центром проблемы было прежде всего восстановление рынка, свободы товарооборота, хозрасчета, торгового аппарата.

В этой обстановке готовить строительство новой кооперации шаблонными путями кооперации капиталистических стран довоенного времени—значило бы просто отказаться от каких-либо надежд на развитие кооперативного движения в дальнейшем. И естественно, что в первоначальном, чисто восстановительном хозяйственном периоде нэпа советская кооперация строилась в значительной степени сверху, при активном материальном участии государства... Ну, а австрийцы и немцы не прибежали к государственной помощи? Разве австрийская кооперация, растеряв все свои капиталы, просуществовала бы в переходные годы хоть месяц, если б не помощь государства, державшегося на подаяниях Антанты?

Единственной подготовкой к развитию самостоятельности было упрочение с помощью государства кооперативных форм хозяйства с тем, чтобы, по мере появления средств у самого населения, постепенно расширять привлечение их в фонды кооперации и параллельно с этим все шире развертывать чисто кооперативную сторону дела—самодетельность. Так в процессе развития мы подошли ныне вплотную к тому моменту, когда роль государ-

¹⁾ Стр. 115 и дал.

²⁾ Стр. 134.

ственной базы будет все более подкрепляться базой кооперативно-самодетельной...

И естественно, что эта своеобразно в 1921—1923 г.г. сложившаяся форма государственно-кооперативного хозяйства была, стала и будет одним из орудий борьбы за оздоровление и развитие советского хозяйства. В этом весь «грех» совкооперации, с точки зрения авторов. Этого они ей никогда не простят.

Все изображение хода событий и неудач кооперации, смотря по надобности, сопровождаются тремя, нередко исключаящими друг друга приемами объяснений: 1) недостаточные успехи кооперации 1921—1923 г.г. происходили, якобы, по вине госорганов, мешавших ей; 2) кооперация была слаба в техническом и финансовом отношении, ибо бедное население не могло давать ей средств,—и, значит, кооперация не могла брать на себя задачу устранения частной торговли; таким образом, выходит, что госорганы были правы,* не соглашаясь передать ей целиком функции товарообмена и сбыта вообще; 3) частная торговля—это та сила, которая лучше всех работает и потому везде, всегда и во всем одерживает победу, триумфально шествует все вперед и выше, и с которой никакая госторговля и кооперация ничего поделаться не в состоянии.

Что между госторговлей и кооперацией шло и идет соревнование—это верно. Но в этом именно и лежит движущая сила нэпа, построившего торгпредприятия на хозрасчете и требующего от них, чтобы они путем соревнования, на практике, улучшали дело. «Все эти госпредприятия находились во взаимной конкуренции», «каждый имел свою особую политику», «все это дезорганизовало рынок»¹⁾. Что же, авторы считали более правильным, чтобы с первых дней нэпа все было регламентировано, были бы установлены «твердые» цены (при бешено падавшей валюте), каждое торгпредприятие действовало бы по указке? Но ведь это было бы продолжением военного коммунизма? Да ведь авторы сами рассказывали, что к 1921 г. рынок исчез.—кто же мог его дезорганизовать? На стадии 1921 года—это надо понимать—всякое соревнование означало движение, жизнь..., несмотря на нередко уродливые его формы.

Развитию частной торговли в нездоровых ее формах в 1923 г. мог быть так легко положен предел в 1924 г. только потому, что, открыв нэп и допустив частную торговлю, Советы в то же время начали закреплять основные завоевания революции: помещицью землю за крестьянами, фабрики за государством, торговлю за госорганами и кооперацией. В 1919—1921 г.г. земля зарастала чертополохом, фабричные трубы не дымились, а прогнав лакеев Антанты и приступив к нэпу покончили с тем и другим, не слав ни клочка земли помещикам, ни крупной промышленности фабрикантам, ни власти буржуазии. И положили начало новой кооперации, которая ныне играет колоссальную роль в хозяйстве страны.

¹⁾ Стр. 161.

И полон лицемерия глас авторов, когда они вздыхают¹⁾ по поводу того, что в 1922 году только что зародившийся Госбанк предоставил кооперации всего лишь 16% своих кредитов; на следующей же странице²⁾ они рассказывают, что СТО обязало далее декретом увеличить кредит Центросоюзу.

В главе, излагающей состояние совкооперации в 1923 г., т.-е. до полной реорганизации на добровольный лад, до «L'Evolution recente» (начинающейся со стр. 277), в момент ее наибольших затруднений, авторы³⁾ чрезвычайно удачно «обрабатывают» читателя. «Парализующая экономическая и финансовая слабость, недостаточная организованность, ожесточенная конкуренция с госорганами и частной торговлей и—что еще хуже—между самими кооператорами—такова ситуация русской кооперации в настоящий момент». Таким образом, положение 1923 г. подносится читателю, как современное.

Система рабочего кредита, т.-е. выдача части зарплаты натурой из коопмагазинов, действовавшая по соглашению администрации и рабкоопов в 1922—1923 г.г., была жесткой необходимостью, сделавшей свое дело. Правильна была критика этого метода со стороны советских хозяйственников и кооператоров, ибо рабочим часто было нелегко. Авторы любовно подобрали всю критику,—но и вынуждены были потом сознаться: «рабкоопы исключительно руководствовались соображениями снабжения рабочих»⁴⁾. Превосходно, надо ли что-нибудь лучше! Совершенно умалчивая, что и правительство, и предприятия а в а н с и р о в а л и кооперацию, открывая ей банковский и товарный кредит, что это был единственный источник, позволявший осуществлять рабочий кредит, авторы проливают слезы насчет тягот, возложенных государством и индустрией на кооперацию⁵⁾. Это не позволяло кооперативам образовать социальные капиталы». Но, позвольте, ведь вы сами говорили, что рабочие и крестьяне не в состоянии были их дать в начале нэпа по бедности своей? Откуда же было накапливать эти капиталы, когда все заботы были направлены к сохранению реальной зарплаты рабочего предоставлением ему продуктов без сверхприбылей? «Фонды рабкоопов не позволяли проявиться активно сознательному участию рабочего класса в движении»⁶⁾. Да, фондов было мало в стране в целом; да, рабочие-члены были в известной степени «искусственно объединены»⁷⁾, что было признаком слабости кооперации в 1923 г. это правильно. Но вывод? Надо было рабкоопам отказаться снабжать рабочего? Надо было ждать, пока сами рабочие принесли бы капиталы кооперации, а пока что отдать рабочего целиком в руки частника? Т.-е. собственными руками строить «Commerces privées», ибо и он мог торговать, опираясь на тот же госкредит (авторы на это неоднократно указывали).

¹⁾ Стр. 156.

²⁾ " 157.

³⁾ " 187.

⁴⁾ " 219.

⁵⁾ Там же.

⁶⁾ Там же.

⁷⁾ Там же.

Для авторов выше всего голый «принцип» кооперации: если рабочие и крестьяне столь обеднели, что собственными средствами они еще не в состоянии были построить кооперацию в 1922—1923 г.г., то да будет лучше хилая нулевая кооперация. А то, что при хилой кооперации, слабой госторговле частная торговля имела бы возможность и в 1924 г. продолжать спекулятивное вздувание цен, что она тем самым грозила сорвать начавшуюся в 1923 г. денежную реформу, без которой улучшение хозяйства кооперации было невозможно,— до этого авторам дела нет. Авторы проливают слезы по поводу того, что кооперация, как это они вычитали из наших статей, была в это время «Purement Commerce»; совершенно верно, но это все же была не частная торговля, и на этой стадии, когда надо было позаботиться о несдаче позиций, о недопущении хозяйственной реставрации, вот эта самая «Purement Commerce» сделала немало для подготовки нового подема и особенно сужения роли частной торговли. А сделав это, мы тотчас оглянулись назад, объявив борьбу этой «Purement Commerce» с тем, чтобы коопторговля приобрела столь крепкий фундамент, чтобы она уже начала вытеснять частную торговлю на возможно более кооперативных началах.

VI

Основная особенность статистической части книги—это «разоблачение» и извращение путем тенденциозного подбора материалов. Однако далеко не везде удается при помощи соответствующих объяснений скрыть от взора читателя истинный смысл цифр. Так, в обзоре народного хозяйства за 1921—24 г.г., авторы дают ряд цифр, которые, их желанию вопреки, все же показывают неуклонное возрождение страны и приводятся авторами без указаний, к какой именно территории они относятся (СССР в целом, РСФСР, без Закавказья, Туркестана, Дальнего Востока или по Европейской России). Везде, где это им выгодно, они вносят сюда отрывочные данные за 1924 и даже 1925 год; самое замечательное, что, касаясь цен, авторы обрисовывают главным образом цены 1923 года, вставив этот материал целиком в главу, характеризующую 1924—25 годы.

Замечательна здесь черта: каждый ряд цифр, показывающих неуклонный из года в год рост и приближение к довоенному уровню, сопровождается такими мудрыми примечаниями ¹⁾: 1) по посевной площади и урожаю—«сбор хлебов ни разу не достигал довоенной нормы»; 2) по урожаю технических культур и свеклы приведены ряды за 1921—1924 г.г., неуклонно возрастающие, в процентах к 1913 г.: лен—15, 22, 32, 44; пенька—39, 58, 75, 74; сахарная свекла—4, 5, 16, 24, 27), но этим цифрам предпосылается «мы устанавливаем то же снижение»; 3) приближение численности скота к норме 1913 г.: лошадей к 69,9%; рогатого к 92,4%, и т. д., в 1924 г. «отмечаем снижение» ²⁾. Раз не достигли уровня 1913 г.—«снижение»; правда,

автор вынужден далее обронить «в 1923—24 г. обнаруживается улучшение и рост производства» ³⁾. Этого достаточно, чтобы познать дух книги. Не разглядеть неуклонного восстановления даже в труднейшие 1921—23 г.г.—могли только ученые из эмигрантов-наемников А. Тома. А привести в «L'Evolution recente» новейшие данные о дальнейшем восстановлении хозяйства для авторов было невыносимо, и потому об этом в книге ничего не найти.

Переходя к коопстатистике, мы приведем несколько образцов пользования материалами.

1) В главе о состоянии потребкооперации за 1918—21 г.г. авторы иллюстрируют положение, главным образом, на примере Центросоюза и начинают с простой фальсификации. Дав таблицу движения оборотов Центросоюза с 1916 до 1921 г., авторы приводят наши данные: 1) в бумажных рублях и 2) в довоенных золотых рублях и рядом расчеты «d'après nos evaluations» ²⁾. Перевод оборотов Центросоюза за 1916—20 г.г. был сделан в первоисточнике ³⁾ на основании а) соотношения между количеством нормированных и ненормированных продуктов в обороте; б) роста отпускных оптовых цен Центросоюза по сравнению с довоенными. И как известно, оптовые твердые цены были в десятки и иногда сотни раз ниже розничных цен рынка—и нормированных и так называемых вольных цен; всякая натуральная выдача жалованья в Центросоюзе означала поэтому спасенье от непомерно высоких вольных цен. Бухгалтерия Центросоюза установила тогда коэффициенты: для 1916—1,7, 1917—4,5, 1918—20,0, 1919—100,0, 1920—200 и 1921—325 для нормированных и 1.000 для ненормированных, на основании четкого сравнения цен по счетам отпускков товаров и довоенных. Оптового индекса, аналогичного госплановскому и др., мы за эти годы не имели. Авторы же производят «собственный расчет»: они берут «coût de la vie», т.-е. розничные цены ⁴⁾, берут падение рубля по стоимости жизни, а именно (1916—1921): 2,03; 6,73; 78,5; 716,0; 8.220 и 74.500 (!) и таким образом получают...«почти нуль»: 2,3 млн. руб. оборотов за 1920 год всех контор Центросоюза! 1920 год, когда Центросоюзу были переданы все запасы ситца, сахара, соли, обуви, металла, стекла и т. д. и т. д., и 2,3 млн. руб.! «Вот вам год огосударствления кооперации». Замечательно, что оборот главной конторы в Москве, по расчетам авторов, сложился в 0,9 млн. руб.! Это в год, когда все оставшиеся запасы распределялись через Центросоюз и т. д. Применить розничный индекс вместо оптового, взять данные о вздорожании жизни по рыночным ценам и применить их к обороту, в котором товар отпускался по наркомпродовским оптовым ценам, считавшимся тогда «даром», что это значит? По подобному же расчету выходит, что вся продукция промпредприятий Центросоюза за 1920 г. составила 59.600 руб. (вместо 2.452.028 руб.).

1) Стр. 95.

2) " 67 и дал.

3) " 67, см. примечание.

4) " 68, примечание.

Авторы сами себя разоблачают, когда они подходят к аналогичным данным о капиталах Центросоюза. Здесь они воздержались от перевода по розничным ценам, но совершили другую ловкость рук: они перевели¹⁾ наши балансы и капиталы не по индексу на дату составления баланса (1/4), а по среднему годовичному, и потому их цифры таблицы капиталов в золотом исчислении опять-таки ниже центросоюзовских (например, вместо 7.282.000 руб. в 1920—у них 4,0 млн.). Вместе с тем, переводя цифры балансов по «своим» индексам (*coût de la vie*), они не решились этого проделать с капиталами. Почему? Ведь капиталы—часть баланса, который они также перевели по своему розничному индексу. Почему же они не перевели капиталы? По простой причине: если их перевести (всего 802,1 млн. бум. руб)²⁾ по индексу авторов, то оказалось бы, что в 1920 году все капиталы Центросоюза составляли бы не 4,0 млн., а около 97 тыс. рублей из баланса в 6,917,000 руб., по расчетам авторов (по Центросоюзу 50.000.000 зол. руб.); такую цифру они привести просто не решились. Замечательно, что на стр. 164 авторы указывают, что на 1/1 1922 г. Центросоюз обладал капиталом «в 8 млн. золотых рублей, т.-е. в десять раз менее, чем перед большевистской революцией», т.-е. в 1917—1918 г.г. капитал должен был бы быть около 80 млн. руб., но и по нашим расчетам, (приведенным в книге на стр. 71) весь баланс в 1918 г. равнялся всего 59.700.000 зол. руб., капиталы же Центросоюза—4.396.000 рублей; по расчетам самих авторов, весь баланс Центросоюза³⁾ составил всего 15.298.572 зол. руб. в 1918 г. и 11.216.769 руб. в 1919 г., а капитал Центросоюза составлял в 1918 г. 2,3 млн. руб., т.-е. в 4 раза меньше, чем на 1/1 1922 г., а не в 10 раз больше! Нужна ли более беспримерная беззастенчивость?

Для чего же это было нужно? Разве наши цифры сами по себе в эти тяжелые годы выглядели столь весело, чтоб надо было их «исправлять»? Разве блокада и гражданская война не усиливали товарного оскудения и не уменьшили сами по себе оборотов страны? И если росли обороты Центросоюза, то только потому, что государство все больше передавало ему запасы, и именно в 1920 г., когда эта политика достигла наивысшего напряжения, Центросоюз показал 94,7 млн. зол. руб. оборотов. Авторам же надо было доказать, что⁴⁾ «борьба, которую советская власть вела в 1918 и 1919 г.г. против кооперации, нашла свое отражение в огромном падении оборотов Центросоюза». «Рост был только в соврублях».

Хотя червонец кладет конец ловкости рук авторов уже при самом своем зарождении, но они не унывают и недурно маневрируют: после ряда вышеприведенных манипуляций с оборотами Центросоюза они вынуждены уже отказаться от «собственных расчетов» (*pos evaluations*), пытаясь лишь опорочить наши. Вынужденные признать

1) Стр. 71.

2) " 71.

3) " 71.

4) " 66.

значительный рост оборотов Центросоюза с 1921 по 1923—24 год¹⁾, они пытаются утопить этот вывод свойственными книге «доказательствами».

2) Говоря о заготовках Центросоюза в 1921 году, авторы в таблице приводят²⁾ данные общегосударственного плана заготовок за весь год, т.-е. до нового урожая 1922 г., а итоги заготовок Центросоюза лишь до 1 ноября, т.-е. за 2 первых месяца; понятно, что итог является уничтожающим для Центросоюза, но тут же ниже отмечается, что уже к 1/1 1922 г. «натуробмен достиг 35% плана».

3) Характеризуя работу Губрайсоюзов в 1923 году и не будучи в состоянии замолчать, что они по кварталам росли так: 86, 100, 131 и 270 млн.,—авторы, ссылаясь на то, что это червонные, а не золотые рубли, спешат сказать, что «в довоенных рублях обороты в сравнении с 1922 г. выросли весьма мало»³⁾, но от пересчета воздержались, ибо это показало бы лживость подобного заявления.

4) Характеризуя работу местных союзов, авторы производят над ней ряд «экспериментов»: а) оборот в 465 млн. за 1923—24 год превышает оборот 1922—23 г. (166 млн. руб.) почти в 3 раза; чтобы ослабить впечатление, авторы пишут, что в обороты 1923—24 г. входят и обороты «райсоюзов, заместивших областные отделы Центросоюза, сделавших в 1922—23 г. оборот в 80 млн.»⁴⁾. Авторы нарочито не привели в таблице валовых оборотов из книги «Потребкооперация в 1923—24 г.», которую они сотни раз цитируют, ибо она бы разоблачила подлог.

5) Не будучи в состоянии совершенно затушевать рост кооперации и дав общую таблицу движения валовых оборотов⁵⁾ за 1922 и 1923—24 годы, авторы в дальнейшем останавливаются на цифровом анализе главным образом 1922—23 года. в то время, как оборот 1923—24 г. вырос—валовой—на 140%, а в довоенных рублях на 69%. Рядом с этим дав маленькую табличку⁶⁾, показывающую рост общих розничных оборотов кооперации на 153% в червонных и на 75% в довоенных рублях, авторы на той же странице дают детально цифровые сопоставления розничных оборотов за 1922—23 г. с таковыми же 1921—22 года (а не 1923—24 с 1922—23 и 1921—22), получая таким образом возможность утверждать, что в деревнях «обороты остались стационарны». О намечившемся же в 1924—25 г. новом росте оборотов, о чем авторы были осведомлены, ибо по другим поводам цитируют материалы 1925 года,—ни слова.

6) Излагая ход снабжения кооперации со стороны госорганов за 1922—23 и 1923—24 г.г. авторы приходят к выводу, что «кооперация умирала, изнемогала, (a succombé) от конкуренции госорганов»⁷⁾. На

1) Стр. 166.

2) " 140.

3) " 180.

4) " 181.

5) " 238.

6) " 240.

7) " 267.

предыдущих же 2 страницах¹⁾ даны цифры, из которых видно, что в 1922—23 г. кооперация получила 16,0% гостоварной массы, а в 1923—24 г.—25%; на биржах она закупила 16,2% в 1922—23 г. и 29,7% в 1923—24 г. Так авторы сами себя разоблачают; но и этих их данные не дают точного представления о той огромной связи между госпромшленностью и кооперацией, которая из года в год неизменно растет, приняв в 1924 и 1925 году исключительные размеры.

7) В соответствии со всем изложенным авторы изображают в цифрах полное «господство» и вообще «победу» частной торговли в СССР. Это достигается тем, что авторы главным образом используют цифры, характеризующие момент наивысшего за описываемые годы роста частной торговли именно 1923 г. и, во-вторых, главным образом базируются на данных о числе предприятий, включая сюда 1 разряд, т.е. огромное число частных торговцев — разносчиков и лотошников (торгующих на открытом воздухе). Так, авторы показывают²⁾, что среди 426½ тыс. частных предприятий числилось I разряда 310¼ тыс. мелочных; в IV же разряде (оптоворозничные) в эту пору (лето 1923 г.) частные имели по таблице книги³⁾ 57,4% предприятий, а в V (оптовые)—44,6%, а по оборотам⁴⁾ в IV разряде—50,4%, а в V—14,5%. Приведя в IV гл. кое-какие данные за 1923—24 и 1924—25 г.г. по частной торговле⁵⁾ и отметив там происшедшее уже в 1923—24 г. падение их с 51% до 44,8%, авторы, однако, не указали, о каких именно оборотах идет речь — оптовых или розничных. Но вся фальшь позиции авторов вскрыта ими же на странице 344, где они подносят читателю итоги «успехов» частной торговли в 1923—1925 г.г.

В ней они показывают, что частная торговля в деревнях и мелких провинциальных городах имела следующий оборот в млн. рублей:

	М.лн. руб.	Относит.
1923/4 г., I кварт.	77	100
.. II	100	130
.. III	85	110
.. IV	85,2	107
1924/5 г., I	93,6	122
.. II	99,3	129

1) Стр. 265 и 266.

2) .. 271.

3) Там же.

4) Стр. 272.

5) .. 344.

Что же означают эти цифры? Действительно ли они говорят об устойчивости частной торговли,—что ее роль хотя бы сохранилась прежняя? На это авторы дали бы правильный ответ, если бы они рядом показали бы, как одновременно росла за эти же периоды кооперация, госторговля. Цифры у них имелись, сопоставим их:

	Обороты ¹⁾ частной торговли в деревнях и провинц. городах		Обороты ²⁾ кооперации в деревнях		Обороты ²⁾ кооперации в городах	
	Абсол. в млн.	Относительно	Абсол. в млн.	Относительно	Абсол. в млн.	Относительно
1923/4 г. I кварт.	77	100	58	100	98	100
.. II	100	130	90	155	137	139
.. III	85	110	120	207	201	205
.. IV	82,5	107	142	244	214	215
1924/5 г. I	93,6	122	216	370	298	304
.. II	99,3	129	224	385	280	286

Грамотные читатели поймут теперь, чего стоят утверждения авторов о победах частной торговли.

8) Излюбленный способ, характеризующий «беспристрастие» авторов,—это цитировать критику, использовать целиком элементы памфлетов против кооперации (в Советской стране они тоже имеют место), но по возможности умолчать об ответе защитников кооперации. Это ярче всего выразилось в главе IV, в которой авторы использовали книжку Дейчмана «Кооперация в деревне, как она есть», изданной в Ростове на Дону в начале 1924 г. и имевшей целью в форме памфлета вскрыть все дефекты нашей торговли и кооперации, дороговизну, неумение торговать, чтобы показать причины кризиса осени 1923 года и наметить пути оздоровления. Эта книжка, однако, имела одну особенность: она в полемическом увлечении пыталась взвалить на кооперацию всю ответственность за кризис и высокие розничные цены того времени, хотя кооперация тогда занимала на рынке 15—17% его оборотов и уже поэтому не могла диктовать цен всему рынку. Наоборот, как это показано и в книге Лиги,

1) Стр. 344.

2) См. потреб. кооп. в народном хозяйстве в 1923/4 г. и отчет 40-го Собр. Уполномоченных Ц-за. В таблице, приведенной в книге, даны цифры только по оборотам частной торговли без крупных городов; поэтому полный итог оборотов частной торговли значительно выше, но нас здесь интересует сравнительная динамика роста кооперации и частной торговли.

1923 год был годом наибольшего развития частной розничной торговли, которая вела политику бешеного вздувания цен; вместе с тем это был год умирания старой валюты, что чрезвычайно усиливало дороговизну, ибо торговля спасала себя от убытков от падения валюты так называемой «восстановительной ценой», т.е. внося эти убытки в цену товара.

Кооператоры ответили на обвинение памфлета Дейчмана целым рядом статей. И замечательно, что авторы многократно использовали книгу «Потребкооперация СССР за 1922—23 и I полугодие 1923—24 г.»¹⁾, но совершенно прошли мимо помещенного в ней же, написанного автором сего, ответа Дейчману в защиту кооперации (стр. 106—114), как и умолчали о книге, вышедшей на Дону же «Кооперация, как она должна быть» (в возражение Дейчману). Еще более замечательно, что материал памфлета весь помещен в главу о 1924—25 годе, не имея никакого отношения к этим годам, ибо 1924—25 год характеризуется именно ликвидацией отрицательных явлений, приведших к кризису сбыта в 1923 году.

9) Пытаясь умалить роль кооперации в потреблении рабочего и крестьянина, авторы в главе «L'Evolution recente» ограничиваются данными лишь по г. Москве за 1923 год (до ликвидации кризиса²⁾) по горрабкопам, а по деревенским обществам лишь за 1922—23 год. Годичная продажа члену у них по Москве—90 р. 36 к.; за 1923—24 же год она по стране в среднем достигла, по статистике Центросоюза, 108 руб. 90 коп., а в 1924—25 году—151 р. 39 коп., приближаясь уже к покрытию 60—70% расходов рабочего на закупки чисто потребительских товаров (по разным районам различно—от 40 до 90%); об этом авторы умалчивают. По деревне они дают лишь расчет на 1 душу населения, показав³⁾ среднюю закупку сельчанина⁴⁾ в кооперативе за год по СССР 99 коп. и 1 р. 65 коп. по Украине⁵⁾; при этом авторы «забыли» прибавить к заголовку таблицы на стр. 222 поквартального движения закупок, что цифры показывают размер ежемесячных закупок, оставляя впечатление, что это—закупка за квартал. Цифру же 1923—24 г., им хорошо известную, они предпочитают не приводить: 3 р. 48 коп. на 1 душу (вместо 99 к., показанных за 1922—23 г. в книге Лиги), и конечно, цифра 1924—25 г.—8 р. 80 коп.—для авторов совсем неприятна; на пайщика же средний оборот в деревне в 1923—24 г. достиг 39 р. 72 коп., а в 1924—25 г. 84 руб. Эти цифры свидетельствуют неопровержимо о том, что селькооперация неуклонно приближается к охвату покупательской силы деревни; однако окончательно ее покрыть и вытеснить целиком частную торговлю—работа годов. но год за годом ко-

1) Стр. 381, библиограф: указания.

2) Стр. 207.

3) Стр. 220 и 222.

4) На душу, на хозяйство будет в среднем в 5 раз больше; авторы показывают размеры ежемесячных закупок, из которых слагаются приведенные далее годовые.

5) Стр. 220.

операция к этому приближается. Мы хорошо знаем, на основании бесспорных фактов, подтвержденных личными впечатлениями посещающих СССР иностранцев, что в оптовой торговле господствующие позиции уже целиком заняты гос.- и коопторговлей, а в рознице—на 55,7%,—а частная торговля может развертываться лишь в меру, признанную самим государством допустимой. Все же искусство изложения авторов создает совершенно иное впечатление: в этом и заключается лживость всей конструкции книги, хотя каждая цифра ее и сопровождается ссылками на источник.

10) Роль кооперации, как проводника товаров госпромышленности—этот важнейший показатель глубочайшей связи госхозяйства с кооперацией—изображена в отрывках на стр. 265 за 1922—23 г., на стр. 266 за 1923—24 год и на стр. 371 за тот же год и I полугодие 1924—25 года. Замечательно, что на этот раз авторы привели несколько цифр целиком за I полугодие 1924—25 г., показав в % роль кооперации по сбыту продукции госпромышленности.—повидимому, в расчете, что тем самым будет показано снижение роли кооперации, в 1923—24 г. получившей 28,5% от оборотов гострестов и ВТС, а в последующем (за I полугодие 1924—25 г.)—20%. Авторы с пониманием дела разбросали цифры, не дав абсолютных цифр, а последние говорят вот о чем: кооперация получила только от централизованной части госпромышленности и госторговли в 1923—24 г. на 448 млн. руб., в 1924—25 году на 1.004 млн. руб.

Столь же велико лицемерие авторов, когда они проливают слезы насчет того, что¹⁾ роль кооперации по ее закупкам на биржах невелика, а именно, что в 1923—24 году и за I полугодие 1924—25 г. ее закупки выросли по МТБ с 16,9 до 20,4%, а на провинциальных биржах с 30,1 до 30,6%. Если учесть, что оборот бирж составлял за 1923—24 г. 3.016 млн. руб. и за 1924—25 г. 6.393 млн. руб., и что кооперация закупила на биржах товаров в абсолютных цифрах соответственно на 703 млн. руб. за 1923—24 г. и на 1.928 млн. руб. за 1924—25 г., то читателям ясно станет, для чего авторы «бегло» ограничиваются относительными цифрами: это—одно из проявлений тенденциозности.

VII

Какова же была роль кооперации в народном хозяйстве? В Советской России, говорит автор IV главы²⁾, «потребкооперация, кроме ее обычных задач, имеет еще другую миссию». Оказывается, что советская кооперация, действительно нечто «особое». Потребкооперация, —излагает³⁾, повидимому, уже другой автор,—рассматривается в СССР, как, во-первых, неотъемлемая часть системы госкапитализма, которая «en effet» «есть в настоящее время экономическая система государственная и кооперативная», при чем кооперация является ее

1) Стр. 372.

2) " 262.

3) " 262.

«важнейшей частью»; во-вторых, потребкооперация является важнейшим органом сбыта продукции госпромышленности; в-третьих, она является органом, призванным устранить частную торговлю и частный капитал; в-четвертых, чтобы быть в состоянии это реализовать, она естественно должна получить преимущества и поддержку от государства, с тем, чтобы она заняла «первое место в рознице и второе (после госторговли) в опте»¹⁾. И особенно важно, что устранение таким путем частной торговли и капитала «есть конечная цель, к которой стремится вся советская политика». Превосходно: Наконец, кооперация работает в стране, где государство и находящаяся в его руках крупная промышленность готовы ей помогать выполнять ее цели—вытеснить частную торговлю. Увы, авторы мало радуются этому, и все их усилия направлены к тому, чтобы доказать, что «Commercé privée» непобедима.

Авторы правильно ставят три вопроса: 1) в какой мере удовлетворены были кооперацией потребности населения в продуктах; 2) в какой мере она обеспечила сбыт продукции; 3) в какой мере удалось устранить частного посредника. Мы прибавил бы еще один, важнейший вопрос: в какой мере удалось государству с помощью кооперации справиться с затруднениями, снизить цены, провести валютную реформу, поднять продукцию промышленности, укрепить порядок.

Чтобы ответить на эти вопросы, надо было бы дать итог именно последних двух лет, 1924—1925 г.г., ибо все приведенные только что задачи кооперации, во-первых, были четко сформулированы лишь в результате осеннего кризиса сбыта 1923 г. в постановлениях XIII съезда РКП; во-вторых, начали широко проводиться лишь с начала 1924 года и, в-третьих, могли осуществляться именно лишь с 1924 г., когда проведенная блестяще валютная реформа и подъем рынка и промышленности создали для того благоприятные условия. И поставить поэтому эти вопросы было бы правильно позже—именно в следующей главе «L'Evolution recente», ответив на них по данным 1923—24 и 1924—25 г.г., а здесь изложить все затруднения кризиса сбыта осени 1923 года, роста цен, недостатки кооперации и план намеченной в начале 1924 г. реформы. Но авторы предпочли поступить иначе: они поставили эти вопросы в связи с 1922 и 1923 г.г. и ответили на них²⁾. во-первых, главным образом цифрами 1922—23 г., т.е. до 1 октября 1923 г. (включая IV квартал 1922—23 г.), во-вторых, для заметания следов и запутывания читателя на половине странички (266) внесли две таблички из итогов 1923—24 года, в-третьих, в «L'Evolution recente» они, однако, избежали широко использовать цифровой материал, уже до лета 1925 г. (до окончания книги) целиком опубликованный, ибо он показывал огромный рост кооперации в 1923—24 и первой половине 1924—25 года. Они предпочли там полностью изобразить лишь дефекты. Но и в этой главе, излагающей положение до

1) Стр. 262.

2) См. табл. и содержание IV главы, стр. 262—276.

подъема 1924 года, авторам приходится отмечать то там, то здесь что кооперация «toutefois augmenta». Покрытие 17—18%³⁾ потребности городского населения через кооперацию в 1922—23 г., конечно, величина небольшая; но все же для итогов второго года нэпа это был огромный шаг вперед от первых дней нэпа, когда никакой чисто торговой работы у кооперации не было. Авторы совершенно избегают сравнительного, динамического метода наблюдения, избегая ответа на вопрос: пусть дефектов много, а каковы все же дела в сравнении с прошлым годом, как они подвигаются из года в год,—вперед или назад?

И не будучи в состоянии совершенно скрыть истины, авторы спешат признать, что⁴⁾ «прогресс, который кооперация отметила в 1923—24 г. по сравнению (наконец, А. Ф.) с предыдущим, покончит на новейшей коопполитике, проведенной советами с середины 1924 г. в результате установления недостаточности достигнутых результатов 1922—23 г.». Это—нечто совсем другое. Но тут же вносится поправка, что «тем не менее кооперация играла все же «малозначительную» роль и т.д., и т.д., и прибавляется совершеннейший вздор о том, что «кооперация изнемогала (a succombé)⁵⁾ перед конкуренцией госорганов»; это в 1924 году, когда в колоссальной степени увеличился отпуск госорганами товаров кооперации, как это показано на предыдущих же двух страницах книги⁶⁾, нами цитированных выше.

Авторы понимают, что новая политика 1924 года полностью ушла и недостатки кооперации, и ошибки регулирования, и пассивность членов, и торговлю ради торговли, имевших место в 1923 году. Они понимают, вместе с тем, что огромную роль в этом играли объективные условия, беднота, необходимость сосредоточить все силы и средства прежде всего на основном условии всякого упорядоченного товарооборота—денежной реформе. И блестящее проведение ее показало, что с 1924 года советы справились с элементарными затруднениями, народная масса все шире становилась у станков и плугов, начался новый подъем роста продукции, и создались условия для нового этапа кооперации. Полное проведение добровольности, освященное статьями Ленина о кооперации, означало, что рост дохода рабочих и крестьян открывает, наконец, возможность постепенного роста их вкладов, их средств, их материальной заинтересованности и их активного участия в руководстве кооперацией. Но великие задачи социалистического строительства, возлагаемые советами на кооперацию, не допускали, чтобы государство перестало усиливать позиции кооперации своей финансовой и политической поддержкой,—не дотацией, а здоровым кредитом, товарным и банковским. Вместо того, чтобы кредитовать частную торговлю, как делают госбанки Франции, Англии, Германии, Госбанк и госпромышленность СССР кредитует кооперацию в огромных размерах, опровергая тем самым уверения о том, что кооперацию в СССР преследуют гос-

1) Стр. 263.

2) " 267.

3) " 267.

4) " 265 и 266.

органы. Возложить же все финансирование на плечи членов, когда кооперация в СССР призвана устранять частную торговлю и стать основным органом обращения товаров, было бы лишь на руку частной торговле и на радость авторам книги. Авторы ведь сами признаются¹⁾, что население лишь с трудом могло покрывать паи, по бедности; но ведь реформа 1924 г. еще не сделала трудящихся богатыми, она лишь спасла их заработок от бед падающей валюты, она открыла возможности. И чтобы вновь свергнуть «принудительность», которой в кооперации 1923—24 г.г. реально не ощущал ни один член кооперации, чтобы показать, что всякий шаг вперед не есть результат общего улучшения хозяйства СССР, а лишь чудесное действие принципа добровольности, авторы вновь свергают «Communisme integral». Переводя упорно и настойчиво слово «военный коммунизм» «Communisme integral» т.-е. продолжая совершать просто подлог, авторы сводят все же не отрицаемые ими успехи 1924 г. к целебному действию принципа добровольности. Конечно, советские кооператоры (на них ведь ссылаются авторы) возлагали все свои надежды на добровольность, самостоятельность, самокритику членов, но мы не утописты и знаем, что сразу в 1924 г. мы сотен миллионов не соберем! А так как поставленные реформой 1924 г. задачи были грандиозны, то, конечно, они могли осуществиться лишь при одновременном усилении связи госорганов с кооперацией, т.-е. расширением ей коммерческого и банковского кредита, поддержкой ее налоговыми протекционизмом и т. д. и т. д.

И, конечно, в 1924 г. кооперация сделала большой шаг вперед не столько в связи с добровольностью, сколько в связи с усилением поддержки кооперации со стороны государства, с единым фронтом госторговли и кооперации в борьбе с частной торговлей и с прямым нажимом государства на последнюю (налоги, решительное преследование спекуляций), регулирование цен и т. д.

Мы совершенно не считаем нужным отрицать организационные и коммерческие дефекты нашей коопторговли, неумение торговать, опасный рост цен, имевшие место в 1923 г., и новые опасности роста розничных цен в 1925 году. Но все это ничего общего не имеет, например, с бешеным ростом цен, вызванным обесценением валюты и спекуляцией частной торговли в 1923 г.; это—целиком изжитые недостатки. Но авторам нужно было все это внести в материал последнего периода, чтобы затемнить бесспорные успехи, которые мы имели в 1924 и 1925 г.г. И поэтому, приводя критику, нередко одностороннюю и излишне придирчивую, они не приводили наших ответов в защиту кооперации, которые показывали вздорность многих обвинений и тенденциозный их характер.

Самое замечательное в четвертой части книги, в заключении— это изложение судеб частного капитала в торговле. Этот герой романа авторов непрерывно одерживает победы над всеми,—он царствует

¹⁾ Стр. 284—285.

и управляет рынком, он бог и царь. Это не он получил в 1924 и 1925 годах чуть ли не смертельные удары, не он спешит перебраться с цен север Сибири и тюрьмы, это не он чувствует себя угнетенным, а не ностями за границу, не он, прорвавшийся на спекуляции, заполняет господствующим классом. Кто им поверит?

Авторы не могут скрыть, однако, что им хорошо известно содержание борьбы с частной торговлей²⁾, начатой в 1924 году. Они правильно отметили, что вопреки крайней тенденции целиком ликвидировать оптовую частную торговлю³⁾, влиянием не пользовавшейся, восторжествовала в принципе политика преодоления и вытеснения частной торговли не мерами административного воздействия, а посредством экономической конкуренции госторговли и кооперации, путем, главным образом, развертывания их торговой работы, их внутреннего совершенствования, удешевления расходов и цен, и при помощи предоставления кооперации ряда преимуществ.

Правильно подметив, что в обстановке 1924 г. выявились новые разногласия между госторговлей и кооперацией по вопросу о роли союзов, о непосредственной связи госорганов с низовой кооперацией, авторы замалчивают, что эти разногласия возникли в результате огромного роста снабжения кооперации со стороны тех же госорганов; и спор о том, как доставлять товары низовой кооперации—через систему союзов или систему синдикатов и торгов, ныне в 1926 г. вошедший в новую фазу, означает не что иное, как неуклонное искание наимыгоднейших, наикратчайших путей движения товара от фабрики к потребителю. Тот, что эти споры и поиски идут рядом с непрерывным ростом и госторговли и потребкооперации, сделавшей в 1924—25 г. оборот в 3.905 млн. руб., а за 1 полугодие 1925—26 г. более 3 миллиардов и занявшей ныне в 1926 г. первое место в мире по обороту, говорит о том, что эти споры—чистый кислород для нас.

После всего изложенного является чудовищным вздором утверждение авторов, что⁴⁾ «коопполитика 1924 г. вызвала не только уменьшение, но, наоборот, увеличение общих расходов кооперации», ибо оно основано на извращении смысла цитаты из статьи А. Швецова, в которой последний пытался доказать, что общие накидки на фабричную цену, благодаря увеличению передаточной сети госорганов (отделений трестов, синдикатов и т. д.), оказались для низовой кооперации выше, чем если бы товар к ней проходил через союзную сеть, т.-е. что союзы выгоднее, чем госорганы, а отнюдь не то, что расходы самой кооперации стали выше.

Боевая задача, возложенная государством и экономической ситуацией на кооперацию, заключающаяся в ликвидации результатов кризиса конца 1923 г., как известно, вызвала огромный рост оборотов, который обгонял рост всех остальных элементов (капиталов,

¹⁾ Стр. 315 и дальше.

²⁾ „ 319—320

³⁾ „ 338 и дальше.

качества работы). «Без сомнения, — признавали авторы¹⁾, — общие торговые операции кооперации весьма выросли; но этим успехам не соответствовало реальное благополучие, ибо оно не было поддержано достаточно капиталами». Правильно, ибо если бы за оборотами поспевали бы и капиталы и качество и т. д., то мы через три—четыре года достигли бы чуда; чудес в хозяйстве, как известно, не бывает. Авторам не понять между прочим, как все же при таком росте оборотов мы справлялись с затруднениями, ибо они забыли, что пришла на помощь растущая скорость оборотов.

Совкооперация весьма была озабочена тем, чтобы установить связь между темпом роста оборотов, капиталов, качества,—и без всяких уверток подвергла критике пройденный в 1923—24 г. путь, установив его опасные стороны и пытаясь наметить правильный путь, чтобы избежать новых опасностей. Кооператоры, естественно, жаловались²⁾, что их капиталы не поспевают за оборотами; проявляли тревогу, что возложенная на них задача по охвату рынка и вытеснения частного капитала не сопровождается столь же быстро ростом активности членов и т. д. Эта здоровая самокритика была подхвачена авторами целиком и полностью для того, чтобы доказать, что все осталось, вообще, постарому. «Мы видим,—говорят они,—к концу 1924 г., после введения новой экономической и кооперативной политики 1924 г., что ситуация кооперации и ее методы остались те же, что и в 1922 и 1923 г.г.»³⁾. Даже ситуация после валютной реформы, вызвавшей удивление всех беспристрастных буржуазных экономистов мира? «Таким образом, ни одна из проблем, стоявших перед потребкооперацией к началу 1924 года и решение которых признавалось необходимым, в целях улучшения кооперации и хорошего функционирования госпромышленности, к концу года не была разрешена». Не говоря уже о том, что, например, полный охват рынка и полное вытеснение частного капитала кооперацией не могло быть и не было поставлено, как задача одного 1923—24 г. все же именно в этом году, чего не могли скрыть авторы⁴⁾, кооперация выросла по сравнению с 1922—23 г., взятым за 100, до 266 и, конечно, чье-то место заняла, а именно уменьшила роль частного капитала.

VIII

«Эта новая политика привела к противоположным результатам»⁵⁾.

«Общее мнение было таково», что, «несмотря на значительные успехи, которые проявила кооперация в 1924 г.», «она не оказалась в состоянии полностью заместить частную торговлю»⁶⁾ и что «необхо-

1) Стр. 306.

2) Стр. 341.

3) Стр. 341.

4) Стр. 367.

5) Стр. 342.

6) Стр. 350—351.

димо ее¹⁾ сохранить, если пожелать избежать кризиса сбыта, обнаруженного в начале 1925 г.». Тут все—перлы лицемерия и извращения. С одной стороны, после изображения якобы краха кооперации и победы частной торговли,—признать все же «значительные успехи»; с другой стороны, открытие Америки, что кооперация в 1924 г. еще не оказалась в состоянии полностью заместить частную торговлю,—как будто это было задачей одного года; и, наконец, кратковременная заминка весны 1925 года, вслед за которой началась полоса столь крупного роста спроса, что недостаток товаров—вот уже год—стал хроническим явлением, несмотря на неуклонный рост продукции, изображается как серьезный «crise de vente».

Казалось, если «общее мнение» об итогах 1924 года было таково, как это изображают авторы, то неизбежно было бы коренное изменение всей коопполитики. Певцы «частной торговли» приготовились пожать лавры,²⁾ но, увы, в результате дискуссии в конце 1924 и 1925 г., которая подводила итоги политики 1924 г. (XIII съезд партии) и которая, как казалось авторам, была на пользу кооперации, руководящие органы СССР не только не пошли на политику снижения роли кооперации, но совершенно наоборот: вопреки всем росказням книги, СТО «тем не менее»³⁾ постановил помочь кооперации изжить «финансовые затруднения, выдать ей из бюджета II полугодия 1924 г. 4 млн. руб. для увеличения основных капиталов потребкооперации», вместе с тем указав, что частному капиталу должны быть предоставлены нормальные условия работы. И авторы так заканчивают четвертую часть книги³⁾: «Таким образом, к началу 1925 г., через год после своего провозглашения, новая торговая политика—и в частности по отношению к кооперации—еще раз была подвергнута изменениям, которые необходимо вытекали из условий, в которых развивалось хозяйство страны». Каким именно? Содействие частной торговли против кооперации, или наоборот? И к каким именно результатам привели эти «изменения»? Ответим на это лишь парочкой таблиц:

Обороты торговых предприятий в СССР (оптовых + розничных)⁴⁾

(по данным НКТ)

	(В т ы с . р у б л.)			
	Государ.	Кооператив.	Частн.	Всего
1922/3 г.	3,204 41,5%	1,123 14,5%	3,392 44,0%	7,719 100%
1923/4 г.	6,500 45,0%	2,846 19,7%	5,090 35,3%	14,436 100%
1924/5 г.	10,780 50,4%	5,270 24,7%	5,314 24,9%	21,364 100%

1) Частную торговлю.

2) Стр. 352.

3) Стр. 353.

4) „Внутренн. торговля СССР в 1924/5 г.“

Роль трех видов торговли в % в опте и рознице

	Оптовая торговля		Розничн. торговля	
	1923/4 г.	1924/5 г.	1923/4 г.	1924/5 г.
Госторг	62,8	68,9	16,4	22,8
Кооперация	15,9	19,2	25,9	32,9
Частная	21,3	11,9	57,6	44,3

Валовые обороты и число членов всех видов кооперации

	(В млн. руб.)		Число членов 1/X 25 г. в млн.
	1923/4 г.	1924/5 г.	
Потребкооперац.	2.050	3.904	9,3
Сельскохозяйственн.	600	1.200	5,0
Кустпромкооперац.	227	554	0,5
	2.877	5.542	14,8

Данные же первой половины 1925—26 г. говорят, что одна потребкооперация достигнет валового оборота за год в 6 миллиардов руб. Спрашивается, как же случилось это «чудо»? Каким образом после «успехов частной торговли» кооперация могла так подняться? Где советские кооператоры взяли средства на это? Ведь книга Лиги рассказывает, что больше всего в России любят частную торговлю и в кредитах кооперацию «сжимают». Вот ответ, который дается на эти измышления очищенным от взаимных расчетов сводным балансом потребкооперации:

	А к т и в				Б а л а н с		П а с с и в			
	Неподвижные средства		Оборотн. средства				Собственн. средства		Заемные средства	
	Млн. р.	%	Млн. р.	%	Млн. р.	%	Млн. р.	%	Млн. р.	%
1 X—24 г.	115,7	23,0	502,1	77,0	615,8	100	244,0	39,0	373,8	61
1 X—25 г.	137,7	14,7	802,7	85,3	940,4	100	280,9	29,9	659,5	70,1

Происходившее с 1924 г. накопление не могло, естественно, поспевать за ростом оборотов; накопив из паевых взносов и прибылей около 36 млн. рублей, кооперация могла увеличить свой валовой оборот за год на 1.850 млн. руб. лишь благодаря товарному и банковскому кредиту государства; задолженность системы на 1/X 1925 г. составляет по вкладам пайщиков и кредитным учреждениям 217,6 млн. руб., задолженность госпромышленности и торговле—303,4, по авансам и разным счетам потребкооперации—48,5 млн. р., а остальное—90 млн. руб.—прочим видам кооперации, заграничные кредиты, частным фирмам, по налогам и сборам и т. д. Таким образом, 520 млн. р.—это коммерческий, торговый и банковский госкредит. Кооперация уже имеет около 300 млн. собственных средств, и ее задолженность есть чисто товарно-к о м м е р ч е с к и й и банковско-к о м м е р ч е с к и й кредит, чистая же госсубсидия для поддержки наиболее слабых звеньев составила в 1924—25 году всего 12,1 млн. руб.

В стране, где банки и промышленность в руках государства, оптовая торговля на 88,1% в руках госторговли и кооперации, а розничная на 55,7% (к 1/X 1925 г.), в этой стране, совершенно естественно, коммерческий товарный и банковский кредит есть кредит от государства. И частный капитал им пользуется в СССР, но, увы, в размерах таких: на 1/X 1925 г. общая задолженность по всем кредучреждениям составляла 29,6 млн., в то время как все виды кооперации (включая потребкооперацию на 178,5 млн.) получили 310,8 млн. руб.—ровно в 10 раз больше.

Из изложенного также вытекает напряженность финансовой проблемы у потребкооперации; но теперь, имея уже около 300 млн. собственных капиталов, трудности 1922—24 г. полностью преодолены. Теперь все зависит от двух вещей: во-первых, от укрепления денежной, банковской и промышленной систем СССР и, во-вторых, от роста качества коопработы и доверия членов, постепенно увеличивающих пай и вклады в кооперацию.

После этого фактического материала нет надобности подробно разбирать «conclusion» книги Лиги, в котором авторы не только подводят итоги пройденному пути, но и дают целую философию «нормального» развития кооперации. Остановимся лишь вкратце:

«Интегральный коммунизм потряс самые устои кооперации»¹⁾, ликвидировав в 1919—1920 г. индивидуальную и частную инициативу и тем «всякую возможность коопдвижения». «Вместо того, чтобы быть созданным по инициативе населения», новая огосударственная организация 1919—1920 г. служила «политическим, экономическим целям коммунистического государства»²⁾.

При оценке же периода нэпа авторы в «conclusion» еще более сгущают краски, стремясь доказать, что кооперативная политика при нэпе и переход на добровольность были полным отказом от социализма. Добровольность, по их мнению, означала «возврат к принципам,

1) Стр. 355 и дальше.

2) Там же.

на которых коопдвижение было построено до большевистской революции»¹⁾. «Это было ликвидацией последних следов коммунистической политики»²⁾. Авторы с кислой миной отмечают, что «денежная реформа»³⁾, без всякого сомнения, оказала счастливое влияние на хозяйственную жизнь и в том числе в сфере кооперации, для того, чтобы сказать, что все сложилось бы хорошо, если бы опять не вмешалась та самая коммунистическая политика, от которой, по их же утверждению, не осталось «последних слов»;—«как раз тогда, когда кооперация⁴⁾ понемногу начала пробуждаться от тяжелого наследия кризиса 1923 г. и организовывать свою работу на новых принципах, вводя ее в границы возможного, она была вынуждена взять на себя роль столь же тяжелую, как в 1921—23 г.г. и которая была признана, как важнейшая причина слабости кооперации».

Замечательно, что используя мою статью («Очередные проблемы» и другие и обзоры за 1923—24 год⁵⁾), в которых я доказывал необходимость остерегаться бурного роста оборотов, вследствие растущего напряжения финансов и недостаточного роста участия членов (средствами и самодеятельностью), авторы ссылаются на мое указание, что дальнейший столь же бурный рост оборотов в 1924—25 г. потребовал бы увеличения оборотных средств кооперации на 200 млн. рублей. Тогда я не предполагал, что государственное хозяйство уже настолько окрепло, чтобы оно могло добавочно дать эту сумму кооперации увеличением банковского и товарного кредита. Факты показали, что обороты за год увеличились вновь на 90,4% с 1923—24 к 1924—1925 г.; как видно из сводного баланса (см. выше), заемные средства увеличились на 285,7 млн. рублей, но при всем том темп роста в 1924—25 году был уже не бурным, как в 1923—24 г., а более ровным (I квартал—100; II—98,4; III—103,9; IV—116,9). Таким образом, мое указание о более умеренном темпе оправдалось, но это ни в какой мере не остановило общего роста кооперации.

Ненужность и нецелесообразность «полного устранения частного капитала», о чем мы писали в конце 1924 года⁶⁾, ровно ничего общего не имеет с поддержкой частного капитала. Полностью устранить его — наша цель, но тут есть свой темп; авторы поспешили⁷⁾, говоря, что «не оставалось другого решения вопроса», как устранить все административные и экономические (курсив наш. А. Ф.) препятствия» для частной торговли. Увы, через две страницы приведенные резолюции XIV партконференции заключали в себе решение не понижать роли кооперации; сохранение же в известных пределах частной торговли признается в резолюции необходимым лишь

1) Стр. 363.

2) " 363.

3) " 363.

4) " 366.

5) " 372—3.

6) " 373.

7) " 374.

потому, что «кооперация и госторговля не в состоянии еще полностью обслуживать оборот»¹⁾. И авторы с горечью признаются, что резолюции XIV конференции (май 1925 г.) полностью соответствуют резолюции XIII съезда²⁾: «в конце концов, резолюция не изменила советской коопполитики». «Кооперация признается постарому важнейшей системой распределения», ее надо поддерживать преимуществами в кредите и условиях платежа (по сравнению с частным капиталом) и даже «долгосрочным кредитом из бюджета»³⁾. Ужасно. «Проблемы потребкооперации окончательно не разрешены до сих пор»... И в заключение авторы еще раз убеждают, что советская кооперация не построена на инициативе масс, что она остается экономическим органом на службе общей экономполитики; а кончается книга надеждой на возврат целиком к принципам, на которых построена кооперация «всех других стран»⁴⁾, т.-е. возврат к старой кооперации, не приемлющей ни революции, ни борьбы за социализм, — вот их идеал.

Философия «истории кооперации», предлагаемая авторами, обнаруживает вместе с тем их невежество. Они говорят⁵⁾: нормальный путь развития после 1921 года должен был закономерно повторить этапы развития старой кооперации, а именно: «сначала по инициативе масс должна была быть учреждена сеть потребобществ: потом следует объединение их в союзы, объединяющие деятельность низовой сети; и позже (plus tard) учреждение Центросоюза и т. д.». Увы, история в России шла как раз наоборот: Моск. Союз Потребобществ (Центральный Союз) возник ведь в 1898 г., почти в кооперативной пустыне; по единодушной оценке историков русской кооперации, низовая сеть была чрезвычайно слаба; потом начинается рост низовой рабочей и сельской кооперации (1905—1913), затем (1913—1918) строились местные союзы, а Моск. Союз реорганизуется во Всероссийский Союз союзов. И, во-вторых, этот метод в 1921—23 г.г., если бы он производился исключительно за счет инициативы и средств «самого населения», оказавшегося по указаниям книги в 1921 г. в нищете, был бы путем лет на двадцать, а пока... действительно победила бы частная торговля. Случилось же наоборот.

Мы не осмелимся доказывать, что наша кооперация уже является достаточно прочным базисом социализма; ей еще многого для этого нехватает. Мы знаем,—перед ней стоит труднейшая задача: «действительное кооперирование действительных масс населения». Мы знаем, что предстоит трудный и длинный путь... Но мы знаем, что еще никогда, нигде перед кооперацией в такой конкретной форме не открывались величайшие перспективы подлинно социалистического строительства, как перед кооперацией СССР. Ибо она имеет то, чего не имеет ни одна страна мира: поддержку государства, кровно заинте-

1) Стр. 376.

2) " 377.

3) " 378.

4) " 378.

5) " 357.

ресованного—по своей социальной природе—в развитии кооперации. И ей не страшно пользоваться этой поддержкой «сверху», особенно после опытов австрийцев и германцев, не брезгавших поддержкой «своих» правительств, на хлебах у Лиги и Америки состоящих.

Книга Лиги не могла затушевать и того, что советская кооперация уже с 1924 г. вступила в полосу неуклонно растущего укрепления новых кооперативных начал. На помощь государственному фундаменту кооперации постепенно разворачиваются чисто кооперативные источники ее роста—самодеятельность, материальная заинтересованность, средства народных масс, добровольно строящих кооперации в союзе с советским государством. Это—главное, и в этом—причина злобы и бешенства врагов, и в этом—разница новой кооперации от старой: настоящий возврат к старым принципам, о котором в заключении мечтают авторы, это—превращение кооперации в орудие борьбы с советским государством.

И в целом, по сути дела, по подлинному содержанию, книга Лиги—не научное исследование, а работа на заказ, в которой научное знание, поступившее в лакеи Лиги, продало свое первородство и с неподражаемой ловкостью рук составило тенденциозный, злобствующий памфлет, полный извращений, лицемерия и лжи. Волчий зуб и лисий хвост неизменно торчат из книги, отчетливо видные для всякого осведомленного человека. Но именно осведомленного, ибо трудно непосвященному подвергнуть сомнению страницы, наполовину состоящие из цитат, не верить Ленину, Рыкову, резолюциям ВКП, госторговцам, кооператорам.

Книга Лиги—это собрание всех отрицательных оценок, всех критических замечаний, всей самокритики советской общественности и кооперации; это—наиполнейший сборник всех затруднений, кризисов, памфлетов, это—сборник изречений, которыми сами творцы советов и кооперации критиковали себя, следуя заветам учителей—Маркса и Энгельса. Но если бы столь же тщательно были изложены и подъемы, и выходы из кризисов, и достижения, и победы, именно то, что так поражает взор всякого, скажем, европейца, побывавшего у нас пару раз (с интервалом в три—четыре года), то книга была бы не тенденциозным памфлетом, а научным исследованием.

Авторы, вероятно, уже ознакомились с итогами 1924—25 г. и 1 половины 1925—26 г., и им опять придется отметить «рост», «прогресс» кооперации, но нынешний спор между госорганами и кооперацией опять окрылил их надежды. Увы, каждый кризис был, есть и будет началом нового роста. Так будет и на сей раз. А критиковать мы будем постарому, на зло врагам, ибо в этом наша сила, несмотря на то, что лакеи Лиги опять на этом смогут заработать.

А. Фишгендер.

К ВОПРОСУ О ПЕРВОБЫТНОМ МЫШЛЕНИИ В СВЯЗИ С ЯЗЫКОМ В ОСВЕЩЕНИИ А. А. БОГДАНОВА ¹⁾

Всякий раз, когда заходит речь о происхождении звуковой речи человечества, перед заинтересованными на первый план выступает материал, физиологически порождаемый, и техника его внешней обработки; эта формальная сторона занимает все внимание. Сущность речи, общественный стимул ее зарождения ускользает в погоне исследователя за уточнением техники внешнего ее проявления. Почему это так? Едва ли по осознанному намерению уйти от оси проблемного задания. Скорее по естественному устремлению в сторону наименьшего сопротивления. Помню, много, много лет тому назад при выдвигании мною ряда методологических упущений и перечне известных в печати, но неучтенных фактических данных по вопросу, печаталась менее важному, именно вопросу об одном армянском диалекте, предмете диссертации, автор ее на диспуте мне очень дружески заметил, что его задание сводилось к своевременному представлению исследования на соискание ученой степени, что ему, конечно, не удалось бы сделать, если бы он вступил на путь выполнения всех указывавшихся ему пробелов. Хотя работа тов. Богданова не диссертация (впрочем, печаталась она в дискуссионном порядке), но автор, несомненно, спешит итти путем свободным, не стесняя себя материалами и вознею с ними, поскольку дело касается связи первобытного мышления с генезисом языка и эволюциями в его жизни. Ведь между началом и историческими эпохами речи теперь абсолютно не пустота, а насыщенность материалами; тов. Богданов, на наш взгляд, прав, когда он предостерегает (на словах не первый) от переоценки первобытности т. н. диких племен и пишет (стр. 80): «Первобытное мышление, как и вся первобытная жизнь, лежит за пределами исторической для нас досягаемости. Очень часто—в большинстве случаев—социологи и этнологи подразумевают под этим выражением примитивное мышление дикарей, современных и известных в прошлом, хотя почти столь же часто делают оговорки о неточности такого понимания», но когда тут же он нам открывает, что для него «все дело идет об упрощающей абстрактно-аналитической конструкции, выведенной из наблюдений над примитивным мышлением, с одной стороны, над тенденциями разви-

¹⁾ Учение о рефлексах и загадки первобытного мышления („Вестник Коммунистической Академии“, кн. X. 1925, стр. 67—96).

тия мышления—с другой. Это, в сущности, гипотеза, но научно-законная и научно-необходимая для объяснения всего данного нам материала», то нам такая предрешенная схематичность и абстрактность представляется обреченным делом.

С другой стороны, нам кажется возвратом к прошлому, несмотря на использование величайшего из достижений современной науки,—учения о рефлексах, когда звуки человеческой речи явно выводятся, в целом психо-физическом восприятии языка, к технике произношения, независимой от общественности. Пока речь в плоскости абстрактных рассуждений, как будто все в порядке; так в следующих строках: «трудо-вые рефлексы, как и все вообще сложные двигательные реакции организма, в силу величайшей связанности нервного аппарата, никогда не ограничиваются всецело сокращением тех специальных мускулов, которые выполняют необходимую в каждом данном случае для организма работу. Путем иррадиации нервного возбуждения с одних центров на другие, в реакцию постоянно вовлекаются, в равной мере, и другие мышцы; получают «сопутствующие» движения, непосредственно излишние, в роде судорожных подергиваний всех конечностей и grimасы лица при больших напряжениях, высовывания языка при писании у обучающихся детей»... «Так или иначе, эти «сопутствующие» сокращения представляют во всякой трудовой реакции некоторую неизбежную часть ее. Специально для занимающей нас задачи значение получили те из них, которые связаны со звуком,—совместные сокращения мышц дыхательных, гортанных, глоточных, ротовых. Эта часть реакции, благодаря свойствам звука, доступна членам коллектива и тогда, когда трудовой акт выполняется вне поля их зрения; она, следовательно, может играть роль «сообщения» об этом акте и вообще его «обозначения». Именно такова и оказалась, в результате исторического приспособления, роль этих «трудо-вых криков» или «трудо-вых междометий»: они стали первичными корнями речи, из них развилось в ряду тысячелетий все ее богатство».

Но когда дело доходит до представления этих самых «первичных корней», рассуждение оказывается одной метафизикой: утверждения делаются до справки в языковых фактах, независимо от них или с обоснованием на произвольном истолковании фактов, как то можно видеть из примечания, помещенного под текстом для разъяснения со словами нем. hauen—'рубить', фр. feu, нем. Feuer—'огонь' и Flamme—'пламя'.

Гов. Богданов человеческую речь думает разъяснить аналогией, как он утверждает, «полной аналогией... в стадной жизни других животных» (стр. 74). Он уверен, что «с этим согласится всякий, кто когда-либо внимательно наблюдал хотя бы «галочный парламент». когда у этих птиц обсуждается вопрос о местных перелетах. Я могу прибавить к этому лишь такое же аподиктическое утверждение: «С Богдановым и очень многими, разделяющими его точку зрения по части генезиса речи, согласятся те, кто не наблюдал человеческой звуковой речи, ее особенностей и особых совершенно ясно определяющихся источников зарождения, не имеющих ничего общего ни с самопроизвольным выявлением себя, ни звукоподражательностью».

Об эмоциональных междометиях у человека и у животных говорится в плоскости явлений одного порядка. Если бы в нашем распоряжении были в готовом виде или палеонтологически добытые т. н. «эмоциональные междометия» человекообразного существа, когда оно было на одной стадии развития с животным, когда оно было животным,—дело другое. Но этого нет. Автор в наличном состоянии человеческой речи находит те первичные слова, их отбирает, таковы «охать», «ахать», «вить», возводимые к междометиям «ох», «ах», вероятно, «вы» (я бы подсказал из грузинского «вуй»), и автор предполагает их не относимыми к трудовым корням. Хорошо, конечно, что автор эту дифференциацию производит и сам отмечает, повидимому, с особым вниманием (стр. 74): «только развитие подобных эмоциональных корней чрезвычайно слабо и ограничено по сравнению с корнями трудовыми,—вещь также вполне понятная». Это вполне понятно, но нам неясно, как он себе представляет многочисленные трудовые корни, и какая произведена работа, доказывающая, что т. н. эмоциональные междометия не являются также корнями трудового производства? Никто не может оспаривать, что арм. «abaq», немецк. wehe, груз. «вуй», «глах» или «ваглах», фр. hélas и т. д. и т. д.—эмоциональные междометия, но нет никакой возможности считать их так же, как «ах», «ой» и т. п., происшедшими в порядке эмоционального творчества, а не трудового производства, без которого немислима человеческая звуковая речь, обязательно членораздельная, а «ах» и «ой» совершенно членораздельны и имеют свою генетическую историю, тождественную с палеонтологией трудовых корней.

О мимике и, надо думать, с подразумеванием жестов автор говорит, но и тут он стремительно (стр. 75) несется к упрощенной форме мимики, или к упрощенному восприятию линейной речи, или игнорированию ее, когда он пишет (стр. 75): «мимический знак есть первично именно некоторая часть того действия, которое им символизируется. В массе случаев это просто схематизированное, т.-е. сокращенное и упрощенное воспроизведение самого действия» и т. д. Автор думает, что это легко обнаруживается исследованием. Мне же сдается, как бы эти предполагаемые «схематизированные воспроизведения самого действия», поскольку они органические части линейной речи, не оказались в положении тех «эмоциональных междометий», которые в среде звуковой речи никак не раз'единить с корнями трудового производства.

А главное, автор совершенно не учитывает, что: 1) линейная речь, предшествовавшая звуковой, отнюдь не язык аффектов, а выражение, символическое, также трудового производства, но все-таки организованного труда, и им создававшегося мышления, и до появления звуковой речи человечество проделало долгий путь развития, передав звуковой речи громадное наследие мыслей и способов их символизации. Между звуковой речью и человеком-животным—целая пропасть, бездна творческой культурной работы человечества.

Гов. Богданов утверждает (стр. 74): «Языка животных люди до сих пор не знают, потому что не умеют их наблюдать целесообразно, т.-е. с выдержкой организационно-биологической точки зрения. Ее первые опорные пункты—принцип голосовой координации действий и

принцип «самообозначения» рефлексов действительными междометиями (принцип Нуаре) — тут должны дать надежный метод и твердое руководство».

Не знаю, со временем мы, может быть, получим такой надежный метод и твердое руководство для генезиса галочной речи, но не могу не высказать в такт или в шаг с утверждениями т. Богданова касательно галочной речи, в параллель им, что «языка людей также не знают с точки зрения генезиса те же люди, даже ученые люди, именно потому, что не сумели целесообразно наблюдать подлежащий человеческий материал»: так именно грешили в выборе объекта наблюдения, сосредоточивая его, главным образом, если не исключительно, на культурных языках, преимущественно письменных, или изолированно на одних т. н. языках бесписьменных, без увязки с культурными, древнеписьменными и исторически культурными, и в связи с этим не учитывали громадного значения социологического подхода к явлениям человеческой речи, при котором элемент физико-биологический отходит также на более, чем на второй план, как элемент психофизического восприятия речи. Так, например, основные пока предпосылки научно-сравнительного изучения звуковой речи, ее различных типов и видов, именно закономерные звукосоответствия или корреспонденции разъясняются не физиологически, не с физиологией связанной биологией, а социологически, в связи с определенным схождением различных племен в одной производственной работе или в одной хозяйственной жизни; в связи с координацией и исходя из координации своих, т. е. одного племени, голосовых данных с голосовыми данными чужими, т. е. другого или других племен, в разрезе утверждения не принципа «самообозначения», а принципа «взаимопонимания средством языкового взаимообщения (при звуковой речи словесного). При том вовсе и не было погрешности преодолеть трудности того, чтобы делиться не «самообозначением» (это в рефлексивной речи позднейший момент), а техникой смысловой связанности, т. к. семантика, значимость, у всех народов общая, нет никакой трудности в ее усвоении. Ясное дело, что при таком фактическом положении дела, свидетельствуемом языковыми материалами, у нас сомнение, поможет ли нам сейчас в должной мере знание галочной речи, вообще речи животных, и особенно связанная с природной произвольно-коллективной речью животных «выдержанная организационно-биологическая точка зрения».

При таком подходе трудно сберечься и от некоторого мистицизма: «не случайно гений¹⁾ русского языка обозначил старые обычные у нас формы парламентского обсуждения словом «галдеть» — одного корня с названием галки» (стр. 74, прим. 1). При чем тут «русский гений»? И русский, и не русский гении имеют одни и те же закономерные пути, неустранимые в отборе звуковых комплексов, используемых для выражения тех или иных представлений, одних для глагола порядка 'говорить', 'болтать', 'шумно говорить', 'галдеть', и совершенно иных для

¹⁾ Курсив наш.

всех предметов одного порядка с галкой, т. е. 'птиц', связанных с представлением о 'небе', как особо мы находим особые слова для 'рыб', связанных с представлением о 'воде', гесп.: 'реке', 'море' и т. п.

Автор вовсе не игнорирует социального момента глотогенеза, но ему отводит особое место и особый момент в самой звуковой речи, предполагая, что человек начал свое речевое творчество со звукового языка. Начало человеческой речи это прямо и непосредственно физиологическое (мы возвращаемся не только к до-яфетидологической, но и до зрелой индоевропеистической теории, к началу XIX века). Язык, даже звуковой язык, автор предполагает возникшим до трудом — организованным трудом — созданной материальной культуры, которая и есть предпосылка творчества речи. При таком упрощении понятно, если от человеческого языка, не нуждающегося для своего генезиса в искусственной культуре, легко переходит автор к галочному языку, или наоборот, человека, начавшего говорить звуковой речью, ставит в момент творчества речи на высоте галочной культуры.

Лишь впоследствии с момента выработки социальных путей человек отходит от галочной культуры с таинственно-стихийно созданными корнями. Автор, между прочим, пишет, что способ формулирования слов-понятий «уже идет не первоначальным стихийно-непосредственным, физиологическим путем, не путем простого обрыва «звуковой» части действительного психического комплекса, а сложным социальным путем: через комбинирование, варьирование и подбор комбинаций и вариаций старых стихийно социальными создававшихся первичных корней». Автор поясняет свой взгляд о психофизическом выпящении звуковой речи примером на индоевропейском корне «ku» (стр. 80—81), и, не процитировав его in extenso, мы были бы к нему несправедливы, так как в нем имеется ряд совершенно правильных соображений и положений: «Поясню это на примере, заимствованном из прежних моих работ¹⁾. Индо-европейский корень «ku» (в усиленной форме «sku») соответствует понятию «рыть», «копать»; возможно, что его началом явился звук, вырывающийся при акте копания от надавливания грудью на рукоятку примитивного орудия, подобного заступу; тогда это — первичный корень, часть трудовой реакции. Так как физиологически эта звуковая часть реально воспроизводится всего легче, то она выступает и тогда, когда налицо имеются лишь неполные, даже весьма неполные, условия реакции, как целого, и когда наибольшая часть этого целого остается на уровне стремления или двигательного образа. Та сумма условий, при которых данная реакция возникла впервые в организме работника-дикаря, когда он ей научался, была вся обстановка коллективно-трудового акта копания: другие работники, занятые этим делом, надлежащие орудия в их руках, углубления в почве, груды вырытой земли и пр. Но когда весь сложный рефлекс упрочился в организме, то достаточно уже некоторой доли этих условий, иногда очень малой,

¹⁾ „Наука об обществ. сознании“ (стр. 63, по 3-му изд. 1923 г.); „Падение великого фетишизма“ (стр. 24—25, изд. 1910 г.), где критически приводится цитата на ту же тему из Ursprung der Sprache Нуаре.

чтобы он вновь выступил на сцену в форме неполной реакции: главные составляющие движение сокращения массивных и удаленных от мозга мускулов—не практически реально, а ослабленными до степени двигательных образов; некоторые легко воспроизводимые части, особенно звуковой рефлекс, в действительном внешнем проявлении, хотя бы и ослабленном, но уже доступном слуховому восприятию. Это бывало и тогда, когда человек видел орудие копанья, или груды вырытой земли, или просто яму, даже не выкопанную людьми, или животное, роющее землю и пр. Все это тоже «обозначалось» звуком «ку», т.-е. вызывало его, как отзвук в человеке, естественный и «понятный» для других членов коллектива, совпадающий с таким же отзвуком в их психо-физиологических системах. Так на деле получалось неопределенное множество значений, разными соотношениями связанных с основной действительной реакцией—трудовым актом копанья. Все то, что в новейших языках выражается огромным потомством слов, происходящих от корня «ku», выражалось тогда самим этим корнем»¹⁾.

Но в то же время возврат к изжитым мыслям и невероятным по наивному отбору примерам: «и несмотря на огромный путь развития, на колоссальное усложнение, бесчисленные вариации, встречаются еще случаи, когда в корнях слов можно уловить первичные трудовые междометия. Так, немецкий глагол «hauen» 'рубить'—прямо напоминает о грудном звуке «ha», вырывающемся при ударе у дровосека; русское «ухнуть» (в песне «Дубинушка») от аналогичного «ух» бурлаков. Французское «feu», немецкое «Feuer», как и латинское «flamma»... эти слова, обозначающие 'огонь', напоминают о том придыхательном губном звуке, в роде «ффы», которым сопровождается раздувание огня» (Наука об общественном сознании, изд. 3-е, 1923 г., стр. 59).

Языковые факты, палеонтологически освещенные, ставят т. Богданова, не имевшего, очевидно, случая их учесть, в полное противоречие с тем, что в отношении таких слов, как 'рубить' и 'огонь' или 'пламя', теперь выяснено в смысле их происхождения. Ни о каком междометии не может быть и речи ни в какой стадии развития человеческой речи, когда интересуемся генезисом представления «рубить». Впервые, «рубить»—такое представление, которого вовсе и не было в природе человеческого быта до создания человеком культуры, соответствующей для производства этого именно действия, т.-е. «рубить», а когда человечество было на этой уже высокой ступени развития, то оно давно успело выйти из пелен самопроизвольных, не нормируемых мышлением звукоиспусканий или «самообозначений». Конкретно глагол «рубить», как бы он ни звучал, т.-е. по-немецки «hauen», или по-грузински «гар», или по-русски «рубить», или по-китайски и т. д., и т. д., имеет одинаковое, одно и то же семантическое происхождение, речь при этом идет не о грамматической категории «рубить», «hauen» и т. п., а о звуковом комплексе, с которым было связано представление о возможности производить им такое действие. Предмет этот 'железо' ('топор'), нареченное тем словом, которым до 'железа', до 'меди' и

¹⁾ Напр., русское «копать»; латинск. cavus — пустой, sculpo — долбить; франц. sape — логреб и т. д.

до 'бронзы', вообще до металла, назывался 'камень', а до использования 'камня', как орудия производства или борьбы, тем же словом называлась 'рука' (все по функциональности). Между прочим, созвучие части одного из двух племенных слагаемых в русском слове «рубить», именно «ру», совершенно не случайно со слогом «ру» в составе русского слова «ру-ка»... Русское слово «ру-ка» (равно его славянские разновидности, не исключая польского эквивалента с назализацией губного гласного) есть скрещенное двуплеменное слово. От доисторического населения черемисы сохранили простой вид слова «ру» без скрещення с тем же значением 'рубить'. Такова история и немецкого hauen, собственно его основы, не ha, а hau и т. д., чем не место здесь заниматься, но при чем тут метод и техника галочной речи? Или при чем междометие самообозначения ha-, в природе фактически не существующее? Таково же наивное отношение к возникновению слова для обозначения термина 'огня' или 'пламени', на каком бы языке ни было, не только с начальным «фф», ассоциирующимся у т. Богданова с раздуванием огня, но с начальными «ц» или «д», «м», «л», напр., в грузинском «цецхл», в мегр. «дачхир» и сванск. «лемесг», где никакой ассоциации с психофизическим восприятием их начальных звуков, ассоциации с огнем, нет и не может быть. Не может быть потому, что «огонь» изобретен (и это абсолютно не учтено т. Богдановым) на очень высокой ступени человеческой культуры. Мифический для нас Прометей, с которым у греков связывается изобретение огня, его похищение с неба,—весьма молодой человек с точки зрения эволюции культуры человечества. Он недалек от времени возникновения самой так наз. индо-европейской расы, в языковом отношении самого позднего образования, и потому также без прослеживания до-индоевропейских корней и основ греч., лат., немецк., русского и др. языков этой расы новой формации на слова из этих языков абсолютно нельзя возлагать того бремени, которое возлагает т. Богданов; ими нельзя так просто, без палеонтологического разьяснения и формы, пользоваться в какой-либо части, тем более произвольно выделяемой, как «фф» из flamme или ha из hauen и т. п. для отнесения таких слов не только в до-индоевропейские, но и до-семитические, до-угрофинские и до-турецкие, до-синтетические китайские, до-яфетические эпохи, когда, допустим, могла быть речь галочной природы у человека, очевидно, тогда не совсем у человека, а существа, не обладавшего еще звуковой речью, следовательно, в те эпохи, когда этих слов вовсе не было и не могло быть.

Но где здесь не только «первобытное мышление», но даже пути или возможности доискаться до первобытного мышления? Да нигде. Его нет, ибо уважаемый автор, идя внимательно за своим абстрактным и схематическим построением (почему он вопрос для себя признает решенным, стр. 94), не считается не только с нормами первобытного мышления, которое надо еще, допустим, выяснить, но и с фактами, бесспорными фактами в эволюции человечества, как, напр., хотя бы с поздним появлением 'огня' и даже такой, казалось бы, простой техники, как 'рубка'.

ПРОТИВ МЕХАНИЧЕСКОГО МИРОПОНИМАНИЯ ¹⁾

„К диалектическому пониманию природы заставляют прибегнуть накопляющиеся естественно-научные факты; еще легче приходят к нему, если к диалектическому характеру этих фактов присоединяется знание законов диалектического мышления“.

Энгельс. Анти-Дюринг.

Спор, ведущийся в настоящий момент вокруг так наз. «механистического» естествознания, принадлежит к числу тех, которые затрагивают самые основы марксизма. Изучая произведения основоположников нашей теории, мы привыкли считать, что общественная жизнь человека является продолжением (хотя и в иных формах) жизни природы, и аналогично этому методология естествознания в своих коренных основах одина с методологией общественных наук. Если эту мысль, красной нитью проходящую через все философские работы Маркса и Энгельса, считать правильной, то с неизбежностью приходишь к выводам о громадных опасностях, стоящих в настоящий момент перед теорией марксизма, взятой в целом. Раз нам сказано, что никакой диалектики природы нет и быть не может: все мысли о сем суть продукт «гегельянщины»; раз нам—более мягко и менее ясно—указано на то, что диалектика в достижениях «современного» естествознания «перешла в свою противоположность» и конкретизировалась, как механическое понимание природы;—то кто же запретит кому-нибудь выскочить и заявить, что весь марксизм, по сути дела, строится на основе механической концепции?! Произвести подобное заявление будет тем более легко, что, не говоря уж о механическом поветрии в естествознании, и в остальных областях марксизма—в политике и историческом материализме, в теории социализма и в политике—мы встречались и, увы, встречаемся с рецидивами такого же характера. Кто-нибудь объявит, что Марксов «Капитал» есть, в сущности, трактат по современной математике. Иной подчеркнет, что исторический материализм знает лишь механическую причинность. Третий заявит, что и социалистическое общество не избавится от прибавочной стоимости. Четвертый, ничтоже сумняшеся, механически перенесет политический лозунг вчерашнего дня на день сегодняшний. Разве не трудно все это обобщить, надергать соответствующее

¹⁾ Помещая ст. т. Милонова, редакция открывает на страницах „Вестника“ обсуждение затронутых в статье вопросов.

шее количество цитат и с громким криком заявить, что марксизм был, есть и всегда будет механическим материализмом? Труд не такой уж большой. И можно ожидать, что в скором времени действительно появится некто, подобный блаженной памяти Дюрингу.

Но нам нет необходимости ждать появления этого крикливого и протекционного персонажа. Отмеченные выше факты и так с достаточной силой вопиют о необходимости уже сейчас, не забывая критики механического материализма в области естествознания, переходить к критике его, как цельного мировоззрения и своеобразной единой методологии.

1. О законе сохранения энергии

Представителям современного механического направления указывают: «не будет преувеличением» сказать, что «лейт-мотивом всех философских работ Энгельса (конечно, и Маркса. К. М.) является критика механического материализма с точки зрения материалистической диалектики»¹⁾. На это они глубокомысленно заявляют: мы стоим на почве нового, механистического понимания, а не механического материализма XVIII в. Отличие первого от второго, с их точки зрения, заключается в том, что механистическое признает «универсальность закона сохранения энергии и превращение ее форм из одних в другие». При таком возращении у неразобравшегося в вопросе читателя создается впечатление, что механистическое мировоззрение есть действительно нечто новое, отличное от взглядов старых механистов. Так ли это?

Тов. Деборин блестяще показал²⁾, что механистическое мировоззрение, как выходящее «основную и в сущности единственную форму движения... в простом перемещении», тождественно самому обыкновенному механизму. К этому остается добавить лишь ряд исторических справок. С их помощью мы намерены показать, что, во-первых, современные механисты совершенно напрасно с пренебрежением относятся к материализму XVIII в., который в некоторых пунктах стихийно становился на диалектическую точку зрения. Во-вторых, что закон сохранения энергии был гениально предвосхищен философией значительно раньше его открытия естественными науками. Следовательно, видеть в его признании основную характеристику современного мировоззрения, значит, по меньшей мере, грешить против истории. Позабыв справиться с историей философии и естествознания, наши механисты за чечевичную похлебку «механистического» наименования продали своих отцов, не только признававших, но и обосновывавших то, что сейчас именуется механистическим мировоззрением.

Вот факты.

Рене Декарт жил, как известно, намного раньше «современных» механистов. Его объяснение природы,—говорит Куно Фишер,—покоит-

¹⁾ Деборин. Энгельс и диалектическое понимание природы. „Под Знаменем Марксизма“, № 10—11, 1925 г., стр. 6.

²⁾ Там же, стр. 39 и сл.

ся всецело на математико-механических принципах¹⁾. Однако не только в том смысле, что движение понимается им, как простое перемещение, но и в том, что он странным образом, — как отметит, очевидно, современный механист, — превосходит принципиальную точку зрения последнего. Декарт тоже признает (правда, не в нашей терминологии: ведь прошло три столетия!) закон сохранения энергии и переход одной ее формы в другую. В своих «Началах философии» он говорит буквально следующее: «Хотя бы... движение было только модусом в движимой материи, оно, однако, имеет известное и определенное количество; и мы легко понимаем, что оно может оставаться всегда одним и тем же в отношении к совокупности всех вещей, хотя изменяется в отдельных частях материи»²⁾.

Вот почему Маркс в своих замечаниях о французском материализме XVIII в. характеризует Декарта, как механиста, отнюдь не видя причин для изобретения нового термина — «механистический». Маркс говорит: «В своей физике Декарт приписывает материи творческую силу и рассматривает механическое движение, как проявление ее жизни»³⁾.

Но, может быть, такая общность во взглядах Декарта и современных «механистических» материалистов — чистая случайность? Может быть, механическому пониманию (и Декарту, как его представителю) не было свойственно признавать закон сохранения энергии?

Чтобы ответить на эти вопросы, можно было бы на рассмотрении отдельных моментов истории естествознания показать, что закон сохранения энергии пользовались задолго до Гельмгольца и Р. Майера, при чем пользовались более или менее сознательно. Для уразумения этого каждый с пользой прочтет соответствующие выдержки, приведенные Махом в его «Принципе сохранения работы»⁴⁾. Общую же характеристику положения дает известный историк естествознания Фр. Даннеман: «Зародыши принципа энергии или закона о единстве и сохранении силы могут быть прослежены вплоть до XVIII столетия и даже, если ищут первых намеков, значительно дальше»⁵⁾. И тут важно отметить, что все ученые, так или иначе превосходившие научную формулировку закона сохранения энергии, были одно-

1) «История новой философии», т. I, стр. 349. Курсив автора.

2) Сочинения Декарта. Перевод Сретевского. Т. I, Казань, 1914 г., стр. 55. Курсив мой. Ср. Энгельс «Диалектика природы». Инст. М. и Энг., ГИЗ, 1925 г., стр. 21: «Неуничтожаемость движения уже заключается в положении Декарта, что во вселенной сохраняется всегда одно и то же количество движения... Значит, и здесь естествоиспытатель через двести лет (очевидно, Р. Майер. К. М.) подтвердил философа».

3) Карл Маркс о французском материализме XVIII в., см. Энгельс. «Людвиг Фейербах». Приложение, стр. 79, русск. изд. 1923 г.

4) Русский перевод Г. Котляра. Изд. 1909 г. СПб. См. стр. 8—22.

5) Даннеман правильно замечает, что закон сохранения энергии есть «принцип исключенного *perpetuum mobile*». Последний свойственен механике со времени ее возникновения. См. Dr. Fr. Dannemann: «Wie unser Weltbild entstand?» Stuttgart, 1912 г., стр. 88 и сл. См. также его «Die Naturwissenschaften in ihrer Entwicklung und in ihrem Zusammenhange dargestellt», Zweite Aufl. B. IV, стр. 213 и сл.

временно механистами. Таковы: Галилей, Стевин, Гюйгенс и др. Однако в данной связи нас должно интересовать другое — именно признание всеобщности закона сохранения энергии, его универсальности. А последнее мы сможем найти до «современного» естествознания только в философии. Поэтому вслед за Декартом рассмотрим других представителей последней.

Стояли ли французские материалисты XVIII в. на точке зрения «современного» «механистического» закона о сохранении энергии? Да, и притом признавали его универсальное значение. Единственное, что мы в данном отношении можем поставить им в упрек, так только незнание, что через две с половиной сотни лет именно здесь заострятся споры с механистами. Не зная этого, они не дали, к сожалению, вполне ясной формулировки; нужна, как говорил Гегель, «тяжелая работа мысли», чтобы узнать их действительные взгляды.

Откройте русский перевод «Системы природы» Гольбаха и на 23 стр. вы прочтете следующую мысль: «Мы скажем, пишет Гольбах, что движение — это способ существования (*façon d'être*), вытекающий необходимым образом из сущности материи; что материя движется благодаря собственной своей энергии; что ее движение происходит от присущих ей сил; что разнообразие ее движений и вытекающих отсюда явлений происходит от различия свойств, качеств, сочетаний, заключающихся первоначально в различных первичных веществах, совокупностью которых является природа». Или на стр. 36: «...движение дает начало, сохраняет некоторое время и разрушает последовательно одну с помощью другой части вселенной, между тем, как сумма существования остается всегда одной и той же».

На все это можно возразить лишь тем, что в приведенных цитатах Гольбах¹⁾, говоря о движении, все время сбивается фактически на закон сохранения вещества, который так блестяще и с такой силой защищали все французские материалисты. О сохранении энергии он как будто не говорит. Но послушайте Вольтера, критиковавшего материалистов. В своей «Philosophie générale»²⁾ он пишет: «Материалисты должны также поддерживать (ту мысль), что движение внутренне присуще материи. Тем самым они вынуждены сказать, что движение никогда не могло и никогда не сможет ни увеличиваться, ни уменьшаться». (Курсив мой). И надо сказать, что Вольтер совершенно правильно подметил интересующую нас особенность французского материализма. Материя и энергия для них едины. Именно поэтому, поскольку все они подчеркивали, что «из ничего не может ничего возникнуть», т. е. подчеркивали закон сохранения вещества, они вынуждены были к утверждению закона сохранения энергии, хотя последний и не формулировали

1) Ср. также Ламеттри — «Избранные сочинения», Инст. Маркса и Энгельса, ГИЗ, М.—Л. 1923 г., стр. 47 и 53.

2) Т. I, p. 25, Oeuvres complètes, Paris, 1822.

достаточно отчетливо. Если кто-нибудь прицепится к отсутствию таких точных формулировок и на этом основании попытается отвергать данное положение, того придется пригласить обдумать такую проблему: как могли французские материалисты, будучи и оставаясь механистами, отвергать душу, как специальную способность или силу, если не признавали закона сохранения энергии? Не трудно понять, что они стояли в данном случае на точке зрения «современного механистического» мировоззрения.

Но продолжим наши исторические справки. Никто, надеемся, не станет отрицать, что Бюхнер, Фогт и Мошотт были механическими, а не какими-нибудь иными материалистами¹⁾. Однако, первый из них, к стыду современных механистов, не признающих своего родства, вполне ясно говорит о законе сохранения энергии, как важнейшем законе мира и теоретическом принципе. «Точно так же, как материя несоздаваема, неуничтожима, непреходяща, бессмертна и связанная с ней сила. Соединенная в бесконечном количестве с бесконечным количеством материи она в теснейшем союзе с нею и подобно ей совершает непрерывный и нескончаемый круговорот и выходит из какой бы то ни было формы или соединения в том же самом количестве, в каком вступила в него. Насколько несомненен факт, что материя не создается и не уничтожается, а лишь изменяет вид, настолько же несомненно и то, что нет ни одного случая, в котором сила была бы произведена из ничего или обращена в ничто, другими словами, была бы рождена или уничтожена». Так начинается глава «Бессмертные силы» Бюхнеровской работы «Сила и материя»²⁾. И эта же мысль лежит в основе всех его рассуждений. Аналогичное мы найдем и у Мошотта, если перелистаем его «Семнадцатое письмо» из «Круговорота жизни»³⁾.

О чем же говорят все эти выдержки и исторические справки? Лишь о следующем: современные механисты напускают на читателя совершенно ненужный туман, а на себя излишнее величие, когда утверждают, что их точка зрения в корне отличается от концепций механистического материализма XVIII в. При этом они забывают ту связь, которая существует между последним и материализмом XVII и XIX веков. На все это мы уже указывали выше.

Однако выдержки и справки характеризуют современные «механистические» устремления и с некоей другой стороны. Дело обстоит таким образом. Можно и надо не соглашаться с материалистами-механистами в их механических концепциях. Однако в их положениях не трудно отметить то великое и ценное, что действительно переходит в диалектический материализм. Как материалисты, они всегда подчер-

1) Впрочем, для сомневающегося приведем такие слова Бюхнера: „Макрокосмическое и микрокосмическое бытие во всех моментах своего возникновения, жизни и уничтожения повинуются только механическим законам, заложенным в самих вещах“ („Сила и материя“, русск. изд. 1907 г., пер. Н. Полялова.—Предисловие, стр. XIV. Курсив автора). Трудно сказать яснее!

2) Стр. 15. Курсив автора.

3) Der Kreislauf des Lebens. Zweite Aufl., Mainz, 1855, стр. 322—375.

кивали—и это было отмечено выше—единство материи и движения, материи и энергии. И постольку они близко подходили к дополненно современному пониманию. Новейшие же механисты, увлеченные своим вновь открытым «отличием» от гениальных защитников материализма в прошлом, стоят на деле значительно ниже их. Они любят потолковать на тему о тождественных материальных частицах, к коим должно быть сведено все многообразие мира. Однако, когда дело доходит до решительного определения их общей точки зрения, они утверждают, что механистическое миропонимание тождественно признанию универсальности закона сохранения энергии, и только. Этим самым создается опасность забвения вещества, материи, и наши «марксисты» бесконечно близко приближаются к плоскому энергетизму Оствальдовского толка. И от этого не отговоришься никакими сердитыми словами о «современной науке», гегельянщине или иной чепухе, как не отвертеться и небрежным пожатием плеч. Ибо, что говорит Оствальд? В своих известных лекциях по натурфилософии названный автор приглашает нас бросить взгляд на энергетическую картину мира. «Мы тотчас увидим,—говорит он,—что мы на самом деле можем подвести под это понятие (энергии. К. М.) все физические явления, данные нам в опыте. Мы замечаем, что все происходящее во внешнем мире может быть исчерпывающим образом охарактеризовано, когда указывается род и количество тех энергий, которые тратятся или превращаются в данном процессе»¹⁾. Таким образом, энергетик Оствальд говорит то же, что и механисты. Ведь в данном случае он понимает универсальность закона сохранения энергии вовсе не так, что количество последней не может быть ни создано, ни уничтожено. Он видит крупнейшее достижение (как и наши механисты) в том постулате, что данный закон «исчерпывающим образом» характеризует все явления. Здесь Оствальд замещает материализм энергетикой, уничтожает его. Мы видим, следовательно, что пренебрежительное третирование французского материализма имеет под собой рациональную основу. Если они никогда не забывали материализма, всегда связывали движение с материей, то наши механисты это «забыли» сделать. Вытекающие отсюда различия аналогичны отличию энергетизма от материализма. Ведь и Оствальд там, где он не настроен решительно против этого последнего, постоянно «забывает» говорить о материи в ее единстве с энергией. А отсюда могут быть сделаны только идеалистические выводы. Не грозит ли это и современным механистам, несмотря на их постоянные толки о тождественных материальных частицах? В дальнейшем мы постараемся доказать, что дело обстоит именно так.

Наш исторический экскурс имел своей целью, как уже было указано, показать, что различия между механистическим и механическим мировоззрением надуманы не только в смысле принципиальном, но и в смысле исторического развития взглядов. Этим самым мы достигаем

1) Русск. пер. Г. А. Котляра, стр. 179.

одного чрезвычайно важного результата. Его можно формулировать таким образом: при оценке того или иного мировоззрения совершенно излишне устанавливать водораздел по линии признания или непризнания закона сохранения энергии¹⁾. Если этим не пытаются подменить материализм энергетизмом (чего современные механисты сознательно, конечно, не делают. О, нет!), то добиваются лишь внесения величайшей путаницы в принятые и целиком оправдавшие себя марксистские понятия.

Энгельс, как известно, писал—и Ленин подчеркивал, видя в отказе от этого положения величайшее извращение марксизма—что мы знаем лишь один способ определить направление и содержание философских школ—это анализ решения ими «великого основного вопроса всякой, а особенно новейшей, философии»—«вопроса об отношении мышления к бытию». «Философы,—продолжает Энгельс,—разделились на два больших лагеря, сообразно тому, как отвечали они на этот вопрос»²⁾. Идеализм и материализм—вот наименование этих лагерей. Представитель современного «механистического» миропонимания скажет, конечно, что все это достаточно элементарно. Однако изредка бывает полезно вспомнить и «элементарные» положения. Тем более, что из них, как в данном случае, неизбежно вытекают чрезвычайно важные следствия. Если мы признаем, что единственным критерием для определения материализма является признание природы, материального мира, «основным началом» (Энгельс), то нетрудно понять, что и критерием для определения школ и направлений внутри материализма может служить опять-таки лишь та же самая природа. В этом отношении громадное значение имеет то, что говорит Энгельс о двух видах материализма и о причине их возникновения. Не в пример современным механистам Энгельс в своем «Людвиге Фейербахе», несмотря на признание всего значения для науки закона сохранения энергии, устанавливает лишь два вида материалистического миропонимания: механическое (или метафизическое) и диалектическое. Ни о каком третьем виде Энгельс не говорит. Не говорит потому, что такого не существует в природе. Это не значит, конечно, что каждый индивидуальный представитель материализма обязан во что бы то ни стало принадлежать к одному из указанных видов: хотя каждый мыслитель признает последовательность первой и главной своей обязанностью, однако, многие, даже материалисты, частенько грешат по этой части. И тем не менее, указанное разделение Энгельса абсолютно верно. Эклектичное соединение бывало в истории мысли не раз, но если говорить о принципах в лучшем смысле этого слова, то, как теоретические направления, возможны лишь два—механическое и диалектическое.

¹⁾ «Принцип сохранения энергии вовсе не влечет за собой механистического мировоззрения»,—говорит М. Планк в своих «Физических очерках» (ГИЗ, 1925 г., стр. 37).

²⁾ «Людвиг Фейербах». Изд. «Красная Новь», М. 1923 г., стр. 41—42.

Однако в данной связи нас может интересовать не столько само установленное Энгельсом подразделение, сколько то, как Энгельс объясняет его. Рассмотрение этого позволит нам окончательно понять всю вымученность и надуманность современных «механистических» устремлений в марксизме.

Что говорит Энгельс?

«Старый метод исследования и мышления, который Гегель называл метафизическим, который имел дело преимущественно с предметами, как с чем-то совершенно готовым и законченным, и остатки которого до сих пор еще глубоко сидят в головах, имел в свое время великое историческое оправдание. Надо было исследовать предметы, прежде чем можно было приступить к исследованию процессов. Надо было сперва узнать, что такое данный предмет, а потом уже изучать те изменения, которые в нем происходят. Так шло дело в естественных науках. Из естествознания, рассматривавшего все предметы—и мертвые, и живые,—как готовые и раз навсегда законченные, выросла старая метафизика, принимавшая их за неизменные. Когда же изучение отдельных предметов подвинулось так далеко, что можно было сделать новый решительный шаг вперед, т.-е. приступить к систематическому исследованию тех перемен, которые происходят в этих предметах, тогда и в философской области пробил смертный час старой метафизики. До конца последнего столетия естествознание было преимущественно собирающей наукой, наукой о законченных предметах; в нашем же (XIX) веке оно стало наукой, вносящей порядок, наукой о явлениях природы, наукой о происхождении и развитии предметов и о связи, соединяющей явления в одно великое целое»¹⁾.

Энгельс здесь, как и в предыдущих выдержках, считает необходимым для понимания философских направлений связать последние с отражаемым ими материальным миром,—природой и человеческой историей. Если бы, говорит он, мир в действительности являлся только совокупностью предметов, то метафизический (механический) материализм был бы вполне прав. Однако более глубокое понимание дает нам иную картину мира, именно «великую основную мысль о том, что мир состоит не из готовых законченных предметов, а представляет собою совокупность процессов, в которой предметы... находятся в непрерывном изменении: то возникают, то уничтожаются» (стр. 61—62). Иными словами, мир диалектичен по существу своему. С этой точки зрения его и надо изучать, при чем механическое понимание сохраняет, конечно, свою относительную истинность. Следовательно, от марксизма, желающего следовать Энгельсу (и Марксу), можно было бы ожидать подчеркивания универсальности диалектики, но никак не закона сохранения энергии. Однако это между прочим. Целиком материалистическое и обязательное для марксиста обоснование как двух видов материализма, так и водораздела между ними не дает абсолютно никаких оснований для установления нового, третьего

¹⁾ «Людвиг Фейербах», стр. 62—63. Курсив автора. Ср. там же, стр. 46—47.

вида,—будем ли мы считать его промежуточным, или, наоборот, уничтожающим два другие ¹⁾. Этим своим разграничением Энгельс¹ ведь говорит, в сущности, об одном: материалист может признавать развитие, изменение, и тогда он встанет на диалектическую точку зрения; или же он не будет признавать их, видя лишь готовые неизменяющиеся вещи и в лучшем случае—движение, и тогда он остается на почве механического материализма. Установить же в качестве критерия закон сохранения энергии нельзя, ибо, если его хотят понимать, как нечто отличное от обычного механизма, он настолько двусмыслен, что не может дать основы для суждения не только о механическом или диалектическом понимании, но и о более важных и определяющих направлениях—идеализме и материализме. Ведь идеалисты (Оствальд) и материалисты, механисты и диалектики отнюдь не отрицают его. Ошибка представителей современного «механистического» миропонимания заключается как раз в том, что, забыв прямые указания Энгельса, они для определения марксизма, современного естествознания и научного миропонимания ухватились не за то, за что надо было хвататься. Выходит так, что будто бы Энгельс либо не знал универсальности закона сохранения энергии, либо, как «гегельянец», предпочел его игнорировать и попрежнему твердить лишь о механическом и диалектическом материализме.

Однако могут возразить, что выше при указании характерных черт механического материализма была допущена сильнейшая погрешка, поскольку ставился знак равенства между ним и метафизикой, и тем не менее указывалось на признание им движения. Это возражение возможно тем более, что у нас повелась привычка считать, что метафизика в смысле антидиалектики есть полное непризнание какого бы то ни было движения. Можно даже сказать, что именно здесь лежат теоретические корни «механистического» миропонимания. Метафизика, думают представители последнего, есть чистая статика, признание абсолютного покоя. Диалектика же слишком близка к пустой схоластике, к игре в понятия, чтобы «наука» могла с ней серьезно считаться. А так как «современное» естествознание доказало, что все есть движение, то «сей факт с сияющим лицом» мы и вписываем в науку под наименованием механистического. Однако такая аргументация весьма наивна: люди не знают того, что и французские материалисты XVIII в., и вульгарные материалисты XIX в. прекрасно отдавали себе отчет во всеобщности движения. И тем не менее марксисты, вслед за Энгельсом, всегда именовали их точку зрения механистической и не додумались до прибавления по сему торжественному случаю частички «сти».

¹⁾ У наших механистов весьма сильно стремление встать и над двумя установленными Энгельсом концепциями. Это видно из их «критики» классического механического материализма и их отказа от диалектики. Фактически же они скатываются к самому пошлему механизму. В этой своей методологии они дают лишь перевод Оствальда, также пытавшегося встать над идеализмом и материализмом. (Ср. «Сопоставление понятий „материя“ и „дух“ всегда наталкивалось на значительные затруднения. Простое и естественное устранение (!) их подчинением обоих понятий понятию энергии кажется мне великим приобретением» — „Натурфилософия“, стр. 5). Между тем доказано, что Оствальд—идеалист.

В этом отношении чрезвычайно важно отметить следующее. Наши механисты знают, что Энгельс критикует в «Диалектике природы» дохимический материализм, отождествляя его с механическим. Отсюда они делают тот вывод, что после возникновения научной химии механическое миропонимание само собой переходит в механистическое. Иными словами, критика Энгельса—думают они—совершенно неприложима ни к ним, ни к каким бы то ни было другим представителям механической концепции, раз они застраховали себя знанием химии. На самом же деле они проявляют этим свое полное непонимание как того, с чем боролся Энгельс, так и его собственных взглядов. Энгельс нигде и никогда не восставал против собственно-механики. Признание всей ценности этой науки в применении к сфере простого движения (перемещение) столь же отличает диалектика-материалиста, как и всякого иного ученого. Борьба идет совсем не по этой линии. Маркс и Энгельс называли материализм Бюхнера-Мошотта «вульгарным», «плоским» и «односторонним» вовсе не за признание ими движения и его теории—механики. Даже больше. Бюхнер, Мошотт и Фохт выходили за пределы собственно механики в том смысле, что признавали как физиологию, так и биологию с ее теорией развития ¹⁾ и вовсе не думали сводить их к чистой механике. И тем не менее марксисты целиком правы, когда причисляют их к «дохимическому механистическому материализму». Основания для этого таковы. Будучи физиологами, вульгарные материалисты некритически перенесли на общественную жизнь то, что имеет ценность и значение лишь в границах собственно физиологии и биологии. А Бюхнер при этом совершал и обратную операцию. Так, в своей «Психической жизни животных» ²⁾ он отождествлял социальную жизнь с жизнью животных, видя и здесь (у муравьев) республики, армии и т. д. и т. п. И постольку все эти материалисты (как и наши новейшие) были механистами. Действительно. Если особенностью диалектики является умение учитывать своеобразие отдельных форм и положений, то особенность механического миропонимания (т.-е. расширения механики за ее пределы) состоит как раз в абсолютном игнорировании качеств, т.-е. своеобразия. Вот в каком смысле говорит Энгельс о дохимическом материализме, как материализме механическом. Вот в каком смысле он (а вслед за ним и все марксисты) его критикует. Следовательно, сказать, что материализм освободился от односторонности дохимического понимания можно только тогда, когда он стал целиком и полностью диалектическим. Это значит, что мы не просто признали химию, как науку, а то, что химия, как химия, вместе с другими науками открывает нам новую, своеобразную, нацело к механике несводимую картину материальных процессов. И не за чем современным механистам прикрываться своим пизетом перед химией. Говоря открыто, и ее-то они не признают, поскольку хотят свести ее целиком к механике тождественных частиц. Действительное признание науки мы имеем только у диалектического материализма.

¹⁾ Ср., напр., Dr. Ludwig Büchner, „Aus Natur und Wissenschaft“. Leipzig, 1869. особенно стр. 286—297, а также цит. нами „Kreislauf des Lebens“ Мошотта.
²⁾ См. русск. изд. Ф. Павленкова, СПб, 1902 г.

Другим основанием для критики «дохимического» материализма, как это мимоходом мы отметили уже выше, являются неверные выводы, делаемые последним из тезиса о всеобщности движения. Механист рассуждает здесь чрезвычайно просто. Движение всеобщее. Следовательно, органическая и социальная жизнь есть только движение, перемещение. Следовательно, механика, как наука о движении материальной точки (тождественных материальных частиц), одна призвана объяснить нам все и всякие процессы. И тут он полностью и целиком встает на точку зрения дохимического материализма. Именно химия (а вслед за ней и в большей степени другие науки) показали нам, что в природе, кроме простого перемещения, существует также изменение качеств. «Всякое движение, — говорит Энгельс, — заключает в себе механическое движение и перемещение больших или мельчайших частей материи: познать эти механические движения является первой задачей науки, однако, лишь первой. Само же это механическое движение вовсе не исчерпывает движения вообще. Движение вовсе не есть простое перемещение, простое изменение места; в надмеханических областях оно является также и изменением качества¹⁾. Движение всеобщее, оно — основной атрибут материи. «Нам нечего сказать о телах, кроме их движения и кроме их отношения к другим телам» (Энгельс). Но признание этого только для механиста с его упрощением действительности может означать, что движение, как простое перемещение, объясняет все материальные процессы мира. И этот абсолютный атрибут материи — движение — относителен: при выходе за известные пределы движение снимает само себя. Оно уничтожается и сохраняется. Изменение вообще, развитие невозможно без движения, как перемены места. Но не только и даже не столько оно определяет собою химические свойства элементов, особенности организма и историческое развитие общества. Именно в этих областях наблюдаем мы то, что лишь в малой степени зависит непосредственно от простого перемещения. Вот почему столь чудовищно-карикатурно стремление механиста понять весь мир, сведя все особенности последнего к простому движению материальных частиц. Исходя из верной посылки о всеобщности движения, он, как механист, не видит объективной диалектики действительности, почему и приходит к выводам, объективно неверным, ликвидирующим все науки, кроме механики.

Наконец, третье основание для критики механического миропонимания. Последнее, взятое в его чистом и классически выраженном виде (Демокрит, Декарт, Гоббс), не знает, конечно, развития. Однако, поскольку развитие является совершенно объективным фактом действительности, постольку механист вынужден его объяснить. Но не зная диалектики, он и здесь пользуется своим механическим методом. Вот что говорит Ленин о таком распространении механики за свои пределы. «Две основные... концепции развития (эволюции) суть: развитие, как уменьшение и увеличение (курсив мой. К. М.); как

¹⁾ „Диалектика природы“, стр. 143. Курсив автора.

повторение. И развитие, как единство противоположностей (раздвоенное единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношение между ними). Первая концепция мертва, бедна, суха. Вторая — жизненна. Только вторая дает ключ к «самодвижению» всего сухого; только она дает ключ к «скачкам», к «перерыву постепенности», к «превращению в противоположность», к уничтожению старого и возникновению нового... При первой концепции движения остается в тени его самодвижение, его двигательная сила, его источник, его мотив (или сей источник переносится во вне — бог, субъект, etc.). При второй концепции главное внимание устремляется именно на познание источника «самодвижения»¹⁾. Эта оценка Ленина показывает, что обыкновенный эволюционизм, столь распространенный среди не-диалектиков, есть не что иное, как «механическое» извращение всего диалектического развития. Факт же, показывающий «органическую» связь механического миропонимания с плоским эволюционизмом, состоит в том настойчивом требовании «развязать диалектические узлы», которое так отличает наших механистов.

Возвратимся, однако, к разбору основных положений механического понимания в его чистом виде.

Энгельс, указывая одну из специфических черт ограниченности механического материализма, видит ее «в неспособности взглянуть на мир, как на процесс, как на вещество, которое находится в непрерывном развитии»²⁾. «Эта черта, — продолжает он, — соответствовала тогдашнему состоянию естествознания и связанному с ним метафизическому, т. е. антидиалектическому, методу философского мышления. Природа находится в вечном движении; это знали и тогда. Но по тогдашнему представлению это вечное движение совершалось в одном неизменном круге и, таким образом, оставалось собственно на одном месте: оно всегда приводило к одним и тем же неизменным последствиям»³⁾.

Мысль Энгельса ясна: признание движения вовсе не избавляет мыслителя от метафизики. Взятое само по себе и универсализированное, оно дает нам лишь концепцию круговорота (ср. вышеприведенные слова Ленина), топтания — хотя бы и энергичного — на месте, вечного наполнения бездонных бочек, Сизифова труда вкатывания вечно скатывающегося камня. Между тем, мир есть не только постоянное по-

¹⁾ Ленин к вопросу о диалектике. Курсив автора.

²⁾ Как видно из приведенных слов, Энгельс, вопреки современным настроениям, считает, что изменению подвержены не только формы проявления материи, но и она сама, поскольку изменяются эти формы (ср. также „Диалектика природы“, стр. 47 и 49). И это является дополнительной критикой наших механистов, которые, защищая якобы современное естествознание от нападок „гегельянцев“, неспособны понять, что наука, от имени которой они берут на себя смелость говорить, как бы нарочно заданная целью подтвердить правоту „гегельянца“ Энгельса. Теория превращения элементов, их рождения и гибели, данная новейшей физикой (см., напр., Ж. Перрен. Атомы. ГИЗ, особенно гл. 8, а также работы Резерфорда и других) блестяще доказывает правильность диалектики в этой области, как и во всех других.

³⁾ „Людвиг Фейербах“, цит. изд., стр. 46. Курсив мой.

вторение, но и история, прогресс в бесконечность. А это означает, что мир есть перманентное развитие, изменение, возникновение чего-то нового, прежде не существовавшего. Именно в признании этого факта и заключается то великое, что внесла в науку диалектика. И именно на этом постоянно спотыкаются те, для кого материалистическая диалектика, а с ней и весь марксизм остались книгой за семью печатями.

«Механистическому» материалисту, правда, кажется, что категория движения значительно более рациональна, чем категория развития и изменения: последняя представляется чуть ли не схоластической. Тем не менее, вместе с признанием или непризнанием реальности развития и изменения материального мира рождаются и падают марксизм и дарвинизм—эти величайшие научные теории современности. И если механисты предпочитают в свою защиту ссылаться на замечания Энгельса относительно значения закона сохранения энергии для «познания взаимной связи процессов, совершающихся в природе», то марксист должен иметь также в виду указание Энгельса на открытие клеток, — «этих единиц, из дифференциации и сочетания которых развиваются растительные и животные организмы», — и на теорию Дарвина, доказавшую, что «окружающие нас теперь организмы, не исключая и человека, явились в результате длинного процесса развития из немногих первоначально одноклеточных зародышей» (Людвиг Фейербах, стр. 63—64. Курсив мой). Это не значит, что марксист будет игнорировать закон сохранения энергии. Это значит лишь то, что он признает его слишком отвлеченным и абстрактным для того, чтобы помочь «конкретному анализу конкретной ситуации» (Ленин). А вель в этом-то и заключается высшая задача науки, желающей содействовать человеческой практике.

Само собой разумеется, что в ограниченной сфере механики и физики, как таковой, закон сохранения энергии имеет громадное значение для исследователя. Названный закон дает возможность исследователю постоянно контролировать свое экспериментирование и тем направлять его к достижению верных результатов. Но представьте себе, что мы пользуемся им—и только им, ибо этого-то и хотят современные механисты,—в анализе, скажем, борьбы за существование между видами и происхождения новых видов, с одной стороны, и в исследовании классово-борьбы, с другой. В лучшем случае мы придем тогда к чрезвычайно тощим результатам, а в худшем—упростив действительность, искадим ее понимание отвлеченной схемой, а то и впадём в отвлеченные дефиниции различных родов энергии... В последнем случае нам никто не запретит постулировать сначала некую нервную, а затем и духовную энергию, к чему и пришел в свое время Оствальд, правда, остановившийся на полдороге (Ср. Натурфилософия, лекция XVIII). Если же мы не дойдем до этих буквально сногшибательных выводов, то будем с глубокомысленным видом везде и всюду повторять: здесь закон сохранения энергии, одна форма перешла в другую и т. д. и т. п. Понять борьбу организмов за существование и классовую борьбу с их

колоссальной растратой энергии можно лишь с помощью закона сохранения энергии! Какой изумительный, всеохватывающий результат! Какая глубина, какая интуиция! Однако... если я знаю только это, то, по выражению Энгельса, «мне лучше всего замолчать».

Но наука не может молчать: она должна изучать. «Всякое же возможно полное изучение конкретного явления неизменно приводит к изучению его истории» (К. А. Тимирязев), чего закон сохранения энергии в его узко-механической трактовке не дает. Вот почему К. А. Тимирязев, ссылаясь на которого, его не понимая, так любят наши механисты, писал в своем «Историческом методе в биологии»: «...ни морфология, с ее сравнительным методом, ни физиология с ее методом экспериментальным¹⁾ не отвечали на все вековые запросы биологии. Только изучение самого процесса образования органических форм могло бы объяснить современный строй органического мира. Но, как задача динамическая, это изучение выходило за пределы морфологии, науки статической. В то же время, изучение этого процесса не могло быть и задачей физиологии, в ее обычных границах, как выходящее из сферы применения чисто-экспериментального метода с исключительно доступным ему настоящим. Очевидно, задача эта должна была составить предмет новой области биологического знания, восстанавливающего прошлое организмов, т. е. историю органического мира. Но так же очевидно, что эта новая отрасль исследования должна была строить свои основные положения на приобретениях двух первых, служа для них дополнением и связующим звеном»²⁾. Мы привели эту длинную выписку, так как она, если не считать некоторых терминологических неточностей (динамика вместо диалектики), превосходно отвечает на поставленный вопрос. Закон сохранения энергии «с исключительно доступным ему настоящим», при всей своей правильности, совершенно недостаточен для объяснения истории возникновения, развития и уничтожения видов. Признание этого закона является, употребляя известное выражение Л. Фейербаха, основой знания, но не самим знанием. Чтобы подойти к последнему, необходим исторический (диалектический) метод исследования.

К аналогичным выводам мы придем также и тогда, когда рассмотрим закон сохранения энергии в применении его к общественной жизни. Это тем более необходимо, что сейчас, как и прежде, делаются попытки подобного характера.

Утверждая необходимость того, чтобы процессы общественной жизни объяснялись с помощью закона сохранения энергии, марксист «странным образом» повторяет в данном случае своего антипода—позитивиста и эмпирика. Так в «Основаниях социальной философии»

¹⁾ Как мы узнаем из предыдущих строк автора—стр. 24 и сл.—и из его брошюры «Основные черты истории развития биологии в XIX ст.»—изд. Гранат, М. 1908, § 3 и § 6—экспериментальный метод покоится на признании закона сохранения энергии.

²⁾ Стр. 39, изд. 1922 г. Курсив мой.

С. Суворова¹⁾ читаем: «Закон экономии сил (для автора это равнозначно закону сохранения энергии. К. М.) является объединяющим и регулирующим началом всякого развития—неорганического, органического и социального» (293). «Маркс в основу социальной теории положил принцип экономии сил» (294), почему автор задачу своей статьи видит в том, чтобы «выяснить, каким образом всеобщий принцип экономии сил проявляется во всем ходе хозяйственного и общественного развития—в переходе от органического процесса к производственному труду, в эволюции хозяйства и общества, наконец, в смене социально-экономических формаций» (295). Этот «анализ» лишь подтверждает высказанную выше точку зрения. При этом, как и следует ожидать, автор приходит к весьма «интересным» выводам. Из них мы приведем лишь один, наиболее ярко характеризующий возможные и действительные достижения теории социальной энергетике. Оказывается, что первая фраза «Коммунистического Манифеста», столь известная каждому марксисту («Вся история предшествующего общества есть история борьбы классов»), «не охватывает всего существенного содержания истории», так как «не указывает прямо на экономическую и социальную эволюцию» (322. Подчеркнуто мною). Последняя ведь объясняется только «законом экономии сил» или принципом сохранения энергии.

Для нас особенно важны, однако, не столько эти «выводы», неизбежно приводящие в конце концов к реакционной практике (всюду и везде «сохранение энергии», «экономия сил» и «экономия мышления»!), сколько некоторые, на первый взгляд не сразу заметные, оттенки мысли Суворова. И мы сейчас же увидим, что это вовсе не одни оттенки, а нечто гораздо более серьезное.

Разбирая в своем «Материализме и эмпириокритицизме» суворовскую статью, Ленин отмечает, что «универсальный закон» Суворова абсолютно ничего не может объяснить. В этом отношении весьма характерно следующее положение «реальмонистической» философии Суворова: «Общество, как таковое, существует лишь в той мере, в какой оно проникнуто положительной связью, внутренним единством; социальная рознь, вражда и борьба—по существу (!) явления отрицательные, противообщественные... Развитие общества совершается путем противоречий... «историю делает ее дурная сторона» (328). Здесь Суворов, родивший новый универсальный закон, собственноручно подписал приговор о его смерти. Автор сам признает в этих словах, что сущности процесса, той «дурной стороны», наличие которой и обуславливает изменение, «закон экономии сил» объяснить не в состоянии. Оказывается, что этого «универсального закона», да и то с грехом пополам, хватает лишь на объяснение не изменяющегося: ему доступно, как говорит К. А. Тимирязев, лишь настоящее. Ведь упирая на «положительную связь» и «внутреннее единство» в их противопоставлении развитию и истории, Суворов лишь весьма уродливо

1) Философский сборник. Очерки по философии марксизма. Изд. „Звено“ М. 1910 г. стр. 291 и сл.

выражает ту же мысль, что и Тимирязев. Но если при этом Тимирязев, критикуя ограниченность такого метода, сумел подойти к диалектике, не зная ее, то кто же виноват, что Суворов, а с ним и все механисты, обязанные знать диалектику марксизма, ее игнорируют и постоянно расписываются в собственном убожестве?

И характерно, что на той же по существу точке зрения стоит и А. Богданов, откровенно заявляющий о своем несогласии с диалектикой. В «Философии живого опыта» он пишет о «недоразумении», в которое «впал» Энгельс по поводу диалектики жизни (стр. 246, изд. 1923 г.). «Жизнь на самом деле диалектична, но не в том смысле, что организм противоречит самому себе, будучи одновременно и «тем же» и «не тем же». Нет, суть (слушайте!) заключается в ином: организм борется со своей средой; он непрерывно отдает ей свою энергию, которую затрачивает, и непрерывно же усваивает ее энергию; он остается «тем же», поскольку два эти процесса приблизительно уравниваются, делается иным, «не тем же», поскольку один из них преобладает над другим». Нам неважны некоторые «нюансы» настоящей мысли Богданова. Нам важно его признание, что закон сохранения энергии обуславливает лишь познание настоящего, но никак не истории.

И действительно. В лучшем случае данный закон способен нам указать лишь на то, что предмет остался «тем же». Развития и изменения этот закон, в его узко-механическом понимании, не дает и дать не может. Если же Богданов в приведенной выписке как будто бы и признает изменение, когда говорит, что организм может стать и «не тем же», то только механист способен трактовать это, как признание развития. На деле же у Богданова здесь простое механическое равновесие, выход из него, и только; то же самое и у Суворова. И это лучшее, что может дать этот закон.

Уже отсюда ясно, что пользоваться в биологическом и социальном анализе (поскольку мы сейчас говорим о них) исключительно этим законом, отнюдь нельзя. Тут положение такое же, как и в выше разобранном нами случае со всеобщностью движения. Капиталистическое общество своим существованием, конечно, ни в коем случае не уничтожает и даже не нарушает закона сохранения энергии. Но так ли уже непосредственно определяет последний грандиозный рост техники, свойственный капитализму? Можно ли сказать, что мировая империалистическая война была лишь его выражением? Или, может быть, переход от капитализма к империализму был обусловлен только тем, что общество больше выкачало из природы энергии? Чем же тогда объясняется неизбежный переход к социализму? И т. д. и т. п. Достаточно поставить все эти вопросы, чтобы видеть, что механист хочет слишком многого, когда везде и всюду видит лишь одно сохранение энергии. Поистине, как говорил Гегель, «абсолютный свет есть абсолютная тьма», то, что объясняет все, не объясняет ничего в особенности. Да и к тому же, как мы указали, закон сохранения энергии дает нам лишь понимание равновесия. Но ведь последнее (говоря словами Ленина) «условно, временно, преходящее, релятивно». Абсолютно же — разви-

тие, движение. А здесь названный закон в его механической интерпретации бессилён.

Этот закон, распространенный в качестве методологического принципа на всю сферу знания, бессилён еще и потому, что дает, подобно закону сохранения вещества, лишь количественную характеристику явлений. Это чрезвычайно ярко было выражено Богдановым (см. выше): организм «не тот же» только тогда, когда существует определенная «жизнеразность» (термин Авенариуса), когда количество отданной и полученной энергии численно неодинаково. А ведь Энгельс методологически был вполне прав, когда говорил о применении математики или категории количества: «В механике твердых тел — абсолютное, в механике газов — приближенное, в механике жидкостей — уже труднее, в физике — в виде попыток и относительно; в химии — простые уравнения первой степени наипростейшей природы; в биологии — 0»¹⁾. И действительно, если механика твердых тел, в виду качественной однородности последних, вполне допускает математическую обработку движения, то уже физика и химия — не говоря о биологии и социальной жизни — низводят математику в своем качественном исследовании на роль простого подсобного орудия.

Все наши рассуждения были бы неверны при одном условии: в том случае, если бы в природе существовали только одни обратимые процессы. Однако, если даже мы и не будем стоять на той точке зрения, что в «действительности в природе не существует ни одного обратимого процесса» (Планк), то и то мы увидим, что сфера процессов необратимых чрезвычайно обширна. Биологическая же и социальная жизнь во всяком случае принадлежит к этой последней категории. Ведь никому еще не удалось наблюдать, да и не удастся, чтобы какой-нибудь вид, однажды возникший в истории развития, совершил обратную эволюцию: скажем, вид *homo sapiens* (человек) в своего общего с обезьяной предка. Точно так же совершенно невозможно, чтобы известная общественная формация (напр., капитализм) деградировал до своего исторического предшественника (феодализма). Случаи вырождения, конечно, бывают часто, но никто еще не видел, чтобы млекопитающие становились амфибиями, а эти последние превращались в простейших. Здесь мы имеем необратимые процессы.

Вот почему чисто количественный закон сохранения энергии должен быть дополнен законом ее превращения. А он обуславливает отнюдь не механическое миропонимание: сама формулировка закона говорит, что мы имеем здесь дело с качественным процессом, столь чуждым механисту. И если последнему кажется, например, что только закон сохранения энергии способен предохранить исследователя органической жизни от витализма, так как не дает места никакой «живой силе», то марксист должен положить в основу своего исследования организма закон превращения энергии: при чем и этот последний составляет «лишь основу знания, но не само

¹⁾ „Диалектика природы“, стр. 201.

знание». Закон же сохранения энергии, взятый сам по себе, может явиться лишь причиной для постулирования некоей новой прежде неизвестной энергии, скажем, «духовной», как это в свое время сделал Оствальд. Чтобы не быть голословным, сошлемся на известного виллистата, проф. Ганса Дриша. В своей книге «Витализм, его история и система»¹⁾ он совершенно правильно говорит, что «энтелехия» («автономный жизненный фактор». К.М.) не нарушает положения о сохранении энергии в организме». А что же нарушает энтелехия? Мы не ошибемся, если вслед за тов. А. М. Дебориным²⁾ и вопреки механистам, скажем, что витализм не терпит не механики, а именно материалистической диалектики, как теории исторического развития. И действительно, в предисловии к своей книге Г. Дриш объявляет себя «относящимся так отрицательно к историческому элементу в естествознании» (стр. 3. Подчеркнуто мною). Так обнимается виталист Дриш с нашими механистами... Плод этого союза — извращение марксизма и идеалистическая поспешина в естествознании. Кому это нужно?

Выше мы видели, что социальный и биологический анализ, чтобы действительно понять происхождение явлений, вынужден выходить за узкие пределы закона сохранения энергии и пользоваться законами историческими, т.е. более конкретными. При ближайшем же рассмотрении оказывается, что и физика — эта мнимая цитадель механической концепции — должна на ряду с законом сохранения широко использовать и закон рассеяния энергии, или энтропии, подходя тем самым к историческому пониманию процессов. В значительной части физики мы имеем дело с необратимыми процессами: теплота, например, не может без компенсации перейти из тела более холодного в более теплое и т. д. Вытекающий отсюда второй закон термодинамики, открытый Клаузиусом (закон энтропии), при механическом понимании процессов природы может привести к весьма реакционной теории о полном уничтожении энергии, тепловой смерти мира и т. д. (см., напр., Ауэрбах. «Царица мира и ее тень»). Ведь поскольку необратимость и рассеяние энергии являются фактом, с которым нельзя не считаться, механист, не знающий диалектической взаимозависимости сохранения и рассеяния энергии, либо противопоставляет их друг другу, как абсолютно исключаящие, либо утверждает, что энергия пропадает бесследно. Между тем с точки зрения М. Планка различие между указанными законами идет по другой линии: «В то время как первый закон (сохранения энергии. К. М.) не допускает в явлениях природы создания или уничтожения энергии, а только преобразование ее из одной формы в другую..., второй закон рассматривает вопрос о том, каким образом, особенно в каком направлении, происходят наступающие в природе изменения»³⁾. Этим самым утверждается, что закон Клаузиуса выходит за пределы собственно механического

¹⁾ Изд-во „Наука“, М. 1915 г., стр. 258. Подчеркнуто мною.

²⁾ Под Знаменем Марксизма, 1923 г., № 1—2, стр. 54, и № 3, стр. 22.

³⁾ См. превосходные лекции П л а н к а „Теоретическая физика“, изд. „Образование“, СПб, 1911, стр. 18. Следующая в тексте выдержка взята со стр. 22.

миропонимания. Особенностью его, как мы видели, является признание качественности процессов, признание переходов и изменений. Вот почему прав тот же Планк и так близок к материалистической диалектике, когда он говорит, что «с каждым необратимым процессом вселенная делает некоторый шаг вперед, следы которого ни при каких обстоятельствах не могут быть уничтожены». Второй закон термодинамики даже в узких границах физики устанавливает историю развития вселенной. И этого не могут понять наши механисты.

Только после этих справок, взятых у одного из крупнейших представителей современного естествознания, становится нам понятной как гениальность Энгельса, никогда не отказывавшегося от диалектики, так и все значение последней,—этого лучшего метода исследования. В «Диалектике природы» Энгельс, оценивая значение Декарта, предвосхитившего открытие закона сохранения энергии, не забывает, однако, отметить, что «чисто количественное выражение Декарта... недостаточно¹⁾». Однако, хотя в дальнейшем «естествоиспытатель, через двести лет подтвердил философа», наука дала и нечто новое. Вот как говорит об этом Энгельс: «Количественное (курсив автора. К. М.) постоянство движения было высказано уже Декартом и почти в тех же выражениях, что и теперь Клаузиусом, Р. Майером. Зато превращение формы движения открыто только в 1842 году, и это, а не закон количественного постоянства, есть как раз новое» (стр. 85)²⁾. Этим самым Энгельс не только подчеркивает то же, что подчеркивает и современная нам физика, но и предвосхищает тот тезис, что чисто количественный закон сохранения энергии нуждается в дополнении его законом качественным—превращением энергии. И здесь основоположник марксизма в смысле понимания пути развития науки стоит бесконечно выше механистов. Но Энгельс обращает внимание еще и на другую сторону, в его время совершенно неизвестную. В той же «Диалектике природы» (стр. 85) он говорит, что сама теория превращения энергии «превращается, если последовательно применить ее ко всем явлениями. в историческое изображение происходящих в какой-нибудь мировой системе, от ее зарождения до гибели, изменений, т.е. превращается в историю, на каждой ступени которой господствуют другие законы, т.е. другие

¹⁾ Стр. 21. Подчеркнуто, как и дальше, мною.

²⁾ Во втором предисловии к „Анти-Дюрингу“, предисловию, написанном в 1885 г., т.е. тогда, когда, согласно теории некоторых, Энгельс стал механистом, он выражался еще более определенно: „Еще десять лет тому назад новооткрытый тогда великий основной закон движения говорил лишь о сохранении энергии, о том, что движение не может быть уничтожено и не может быть создано, т.е. выражал лишь количественную сторону процесса; теперь же этот узкий отрицательный закон все более и более вытесняется положительным законом превращения энергии, впервые выражающим качественное содержание процесса и уничтожающим последнее воспоминание о внемировом творце... Закон этот служит раз навсегда установленным основанием для гораздо более содержательного исследования самого процесса превращения, того великого фундаментального процесса, к познанию которого сводится все наше познание природы“ (стр. 8—9, русск. изд. 1923 г. Курсив автора). И Энгельса еще смеют причислять к механистам!

формы проявления одного и того же универсального движения». Мы видим, таким образом, полное совпадение сознательного диалектика Энгельса со стихийным диалектиком Планком также и по вопросу о превращениях энергии, как открывающих взору исследователя историю мира.

Необратимые процессы природы заставляют нас дополнить закон сохранения энергии законом ее превращения. И постольку наука лишь экспериментально доказывает старую истину диалектики:

То, что жизнью взято раз,
Не в силах рок отнять у нас.

Именно здесь, а не в законе сохранения энергии лежит одна из предпосылок для понимания истории развития, прогресса в бесконечность. Именно признание этого и сильна современная наука и ее методология—материалистическая диалектика.

Механическое же миропонимание, застывшее на количественном анализе сохранения энергии, слишком ограничено, чтобы содействовать прогрессу знания. И эту ограниченность мы вынуждены будем отметить, когда проследим решение механистами ряда других важнейших проблем науки.

II. Проблема сведения сложного к простому

Тождество «механистического» миропонимания с механическим сказывается также и в том, что оба они требуют полного и окончательного сведения сложного к простому. Сим победиши—могли бы сказать представители обеих точек зрения.

Этой проблемой нам и предстоит заняться. При этом, поскольку и тут, как в вопросе о сохранении энергии и в ряде других, механистическое миропонимание по сути тождественно механическому, мы будем говорить о последнем.

Можно сказать, что проблема сведения является «великим, основным вопросом» теперешних споров. В этом именно видят механисты важнейший символ своей веры. И именно здесь они, с точки зрения марксизма, наговаривают больше всего чепухи, добиваются наибольшего извращения нашей методологии. Однако, на первый взгляд, их точка зрения кажется вполне приемлемой, так как каждый, услышав о ней, стремится связать ее с общепризнанным определением науки, ищущей как известно единства в многообразии. Раз это последнее признано, думают многие, значит признана и правильность механической точки зрения. Мы постараемся, однако, показать, что говорящий так «передержался» при всей своей нелюбви к философии на «самых скверных остатках самых скверных философских систем» (Энгельс).

Положение, что задача науки заключается в сведении многообразия к единству, сложного к простому,—это положение не служит и не может служить водоразделом между механистами и диалектиками. Употребляя выражение Фейербаха и здесь, можно сказать,

что, идя до этого пункта, мы сходимся с механистами, идя дальше—мы расходимся с ними. Мы расходимся в понимании самого сведения. В этом вся суть дела.

Какое требование выставляют механисты¹⁾? Гельмгольц в своей речи «О цели и об успехах естествознания» говорит: «Конечная цель естественных наук заключается в нахождении и изучении движений, лежащих в основе всех других изменений, а также причин, вызывающих эти движения, т. е. в сведениях к механике». И дальше: «В результате соответствующих исследований оказывается, что все силы природы могут быть измерены одною и той же механической мерою...». И наконец: «Всякое изменение в мире состоит только в изменении формы проявления... запаса энергии»²⁾.

Как же понимают механисты самый процесс сведения? Это разъясняет нам Л. Больцман. Оказывается, наука о природе «только разлагает комплексы на более простые, но однородные составные части», чем и «сводит более сложные законы к более фундаментальным»³⁾. Нам кажется, что в подчеркнутых словах Больцман выразил действительно суть механического сведения. Так что, собственно говоря, механическое миропонимание выставляет—как свой принципиальный тезис и необходимейшее требование—не сведение сложного к простому, а разложение сложного на его составные части. При этом, что касается наших современных «русских» механистов, то тут они не идут никуда дальше Богданова, от которого они в действительности позаимствовали свою точку зрения. Ведь последний утверждает, что «во всей своей деятельности—в практике и мышлении—человек только соединяет и разделяет какие-нибудь наличные элементы»⁴⁾, так что основной путь нахождения «элементов» (простейшего) есть «процессы раскалывания, дробления, размельчания»⁵⁾. Эти последние слова Богданова прекрасно рисуют основные черты того понимания аналитического метода, которое свойственно механистам. В сущности своей аналитический метод не есть, конечно, «раскалывание, дробление, размельчание»: и анализу, как всему в природе, присуща своя собственная диалектика, так как он неразрывно связан с синтезом, постоянно переходит в него. И этого не понимают механисты.

¹⁾ В дальнейших ссылках мы намеренно обходим современных эпигонов великих механистов-естествовников XIX в., именно потому, что при всем желании и доброй воле у них нельзя добиться полной ясности в постановке вопроса: один раз они скажут, что надо сводить все, в том числе и общественную жизнь, к механике; другой раз, убоявшись этого, идущего вразрез с марксизмом положения, заявят, что, конечно, глуп был бы тот, кто попытался бы предсказать революцию в Германии на основании механики тождественных материальных частей; один раз потребуют сведения к чистому количеству, а потом, забыв это, объявят, что такого сведения никто и не желает (Босса). Поэтому мы предпочитаем цитировать Гельмгольца и др., у которых естествовники - „марксисты“ позаимствовали некритически „свою“ точку зрения.

²⁾ „Философия науки“, ч. I, вып. I, под ред. проф. А. К. Тимирязева. ГИЗ, 1923 г., стр. 51 и 54. Курсив мой.

³⁾ Там же. Доклад Больцмана „Второй закон механической теории тепла“, стр. 147. Курсив мой.

⁴⁾ „Тектология“, изд. Гржебина. Берлин, 1922, стр. 98.

⁵⁾ „Философия живого опыта“, изд. „Книга“, 1923, стр. 278.

Категория сведения многообразия к единству, как известно, нужна науке, чтобы вскрыть за явлениями их сущность. В признании этого факта сходятся все философские направления от материализма до идеализма. Промежуточные школы—эмпиризм, рационализм, критицизм и т. д.—хотя бы даже отвергая словесно это положение, фактически признают его правильность. Все различие возникает лишь тогда, когда ставится вопрос, о каком многообразии и каком единстве мы говорим. По линии многообразия разграничение идет лишь между материализмом, с одной стороны, и всеми остальными школами и школками, с другой. Для материалиста многообразен сам мир, и постольку многообразны наши восприятия и ощущения. Для эмпирика, идеалиста и т. п. источник многообразия мира заключается в нас самих. Это общеизвестно и достаточно просто. Сложнее обстоит дело с проблемой единства. Как решают этот вопрос разные направления в материализме (механическое и диалектическое)—об этом мы будем говорить подробно ниже. Сейчас же необходимо указать—и это понадобится для дальнейшего—на решение его эмпиризмом, идеализмом и т. д. Первый, субъективно настроенный против всякой сущности, объективно неспособен, конечно, подняться над или увильнуть от этого важнейшего вопроса всякой методологии: вся «критическая» работа этого направления сводится лишь к тому, чтобы на место материальной сущности подставить «первичное восприятие», «элемент», а то—прямо и откровенно—познающего субъекта. Идеализм вообще видит сущность мира, единство многообразия в идее, трансцендентальный идеализм—в субъективной идее; рационализм—в мысли вообще, волонтаризм—в воле и т. д., и т. п. И таким образом все они сводят сложное к простому. Нам интересует самый процесс сведения, ибо в этом—в дополнении к сказанному—также лежит различие между научным и ненаучным решением данной проблемы. После выяснения этого мы увидим, к какому лагерю принадлежат материалисты-механисты.

В рамках тех взглядов, о которых было сказано выше (если исключить диалектика и одновременно идеалиста Гегеля), возможны лишь два способа сведения. Первый из них заключается в усмотрении за подлежащим анализу многообразием чего-то особенного, отдельно существующего, с многообразием не связанного. Это есть схоластическая идея субстанции, как особой «вещности», quidditas: в веревке—«веревие», в столе—«стольность», в лошади—«лошадность». Еще более отчетливо такая мысль выражена у Локка, для которого сущность есть особая поддержка, подставка (support) для ощущаемых свойств. О том же, хотя и рассматривая вопрос лишь с одной стороны—со стороны потусторонности субстанции,—говорит Кант в своей теории «вещи в себе». И поскольку все эти философские направления учат именно таким образом, они действительно метафизичны. Их метафизика сказывается в том, что «вещность» схоластики, «подставка» Локка и вещь в себе Канта—самостоятельные, вечны и неизменны. Метод постигания такой сущности—либо снятие покровов, пока укрываю-

ших сущность от глаз исследователя, либо — интуиция, роднящая эти точки зрения с верой.

Другой механический способ сведения есть разложение сложного на простое. Так, эмпирик в комплексе своих элементов ищет простейший путем разложения этого комплекса на составные части. «Видимое распадается на цвет и форму. Из многообразия цветов опять выделяются некоторые составные элементы в меньшем числе — так называемые основные цвета и т. д. Комплексы распадаются на элементы, т. е. на последние составные части, дальнейшее разложение которых нам до сих пор не удавалось». Это говорит крупнейший эмпирик последнего времени Эрнст Мах в своем «Анализе ощущений»¹⁾. Под таким пониманием, если отвлечься от его специфически махистского духа, подпишется, как это ни странно на первый взгляд, и Кант и механист. По крайней мере первый в одной из своих «Ангиномий чистого разума» фактически встает на ту точку зрения, которая формулирована им в тезисе: «Всякая сложная субстанция состоит из простых частей, и вообще существует только простое и то, что сложено из простого»²⁾. Механист приведет, конечно, в свою защиту атомистическую и электронную теорию, чем постарается показать, что тут имеет место именно разложение, дробление. Оставляя временно открытым вопрос о правомерности подобной ссылки механиста, обратим внимание на тот методологический смысл, в признании которого — мы видим — совпадают и эмпирики, и Кант, и механисты. Разложение сложного на простое методологически означает только то, что вся совокупность тех или иных элементов механически раскалывается на составные, «простейшие» части. При этом критерием для определения простоты служит в большинстве случаев произвол исследователя или сторонние, к делу мало относящиеся соображения. После подобной операции найденный элемент, сам по себе относящийся к миру явлений и потому относительный, превращается в нечто всеобщее, в субстанцию. Так делает Мах, выискивая в «комплексе ощущений» простейшие элементы, каковые он и считает затем возможным, именно как простейшие, обозначать математическими символами A B C (тела), K M (познающий субъект) и α β γ (воля, воспоминание и т. д.)³⁾. И поступая таким образом, исследователь впадает в метафизику. Эта последняя заключается, прежде всего, в том, что из сложной действительности вырывается один ее «кусочек, обломок, отрывок» (Ленин): на место взаимопереплетения ставится отвлеченная схема, которая,

¹⁾ 2-е русск. изд., С. Скирмунт, 1908 г. стр. 26—27.

²⁾ «Критика чистого разума», русск. пер. Н. Лосского, изд. 1915 г., стр. 270 и сл. — Мы говорим «фактически встает» (хотя Кант приводит и антитезис, отрицающий это положение) потому, что в доказательстве антитезиса он на деле уклоняется от выраженной в нем мысли, поскольку переводит все противоречие в область идей: во втором случае «абсолютно простое есть только идея», тогда как в первой части ангиномии «простое» понимается им как нечто реально существующее. — Мы подчеркнули слова Канта, чтобы показать, насколько арифметически понимает он проблему сложного и простого.

³⁾ «Анализ ощущений», цит. изд., стр. 29.

как всякая схема, односторонняя. Дальнейший шаг исследователя так же метафизичен: схема, обломок превращены в абсолют.

Эти два способа «сведения» сложного к простому — снятие покровов до нахождения «особой подставки и чистое разложение — методологически совпадают друг с другом не только потому, что оба они метафизичны. Их принципиальное единство сказывается в том, что один метод такого «сведения» переходит в другой. Правда, Больцман в цитированной нами статье протестует против подобного утверждения. Говоря о научном объяснении, он пишет: обычно «кажется, что мы понимаем слово «объяснение» в том смысле, что объясняемое должно быть сведено к совершенно новому, вне его лежащему принципу. Такое понимание совершенно чуждо науке. Последняя только разлагает комплексы на более простые, но однородные составные части...»¹⁾. Однако, несмотря на это утверждение Больцмана, способ разложения фактически переходит в способ сведения к «новому, вне лежащему принципу». Это отчетливее всего видно на классической атомистической теории. Этот атомизм характеризуется как раз тем, что совокупность свойств и особенностей некоторого тела он разлагает на простейшие элементы, один из которых — протяженность — является существеннейшим и определяющим все остальные. Метафизический материалист, также требующий разложения всего на атомы, гипостазировал их в самостоятельные сущности, которые, как локковская «подставка» или кантовская «вещь в себе», существуют независимо и позади явлений, скрытые рядом покровов²⁾. И надо сказать, что Ньютон был по-своему прав, когда он постулировал абсолютное пространство в качестве некоторого ящика, существующего до и независимо от отдельных реальных вещей. Точно так же по-своему правы и эмпирики, возражающие против механического понимания материи. Правда, не зная диалектики, они скатываются сейчас же к полному отказу от материи и материализма. Однако это вовсе не значит, что они в своей критике абсолютно беспочвенны. Они с полным правом упрекают таких метафизических материалистов в гипостазировании ими отдельных явлений (для эмпирика — ощущений). И такова действительно основная ошибка механического материализма в его решении проблемы сведения сложного к простому.

Так как все эти рассуждения будут, несомненно, сочтены механистами за научную реакцию, обскурантизм, гегельянщину, а то и за махизм, то мы считаем необходимым привести выписку из Ленина, которого никто, надеемся, не посмеет причислить ко всем этим разновидности анти-материализма³⁾. Это место не раз уже цитирова-

¹⁾ Цит. сборник, стр. 147.

²⁾ Тот же Больцман считает возможным говорить в другом месте цитированного выше доклада о «завесе, окутывающей сущность явлений» (стр. 146). Таким образом, он сам признает неизбежность перехода метода разложения в метод снятия покровов, если попросту не путает, как естествоведник, чуждающийся философии. Но и это несколько не подкрепляет позиций механиста.

³⁾ Впрочем, Плеханов в свое время довольно «тонко» намекал на махизм Ленина: «Ленину и окружающим его нищевцам и махистам... и т. д. (См. Энгельс, «Л. Фейербах», примечания, стр. 116). А вы, вышние, нутко!

лось, однако, механисты предпочитают отмалчиваться. В «Материализме и эмпириокритицизме» Ленин писал: Дюгем и Сталло (махисты) «воюют всего энергичнее с атомистически-механическим пониманием природы. Они доказывают ограниченность такого понимания, невозможность признать его пределом наших знаний, закоспеленность многих понятий у писателей, державшихся этого понимания. И такой недостаток старого (курсив Ленина) материализма несомненен... «Механическая теория,—говорит, напр., Сталло,—вместе со всеми метафизическими теориями гипостазировать частные, идеальные и, может быть, чисто условные группы атрибутов или отдельные атрибуты и трактует их, как разные виды объективной реальности». И Ленин прибавляет: «Это верно, если вы не отрекаетесь от признания объективной реальности и воюете с метафизикой как антидиалектикой»¹).

Итак, в данном отношении вопрос ясен.

Однако механист, при всем своем уважении к имени Ленина, сошлется на громадную роль старого атомизма — а следовательно, и метода разложения сложного на простое—в истории науки. Кроме того, скажет, что и современная электронная теория не знает иного метода познания.

Разберем эти аргументы.

Никто не думает, конечно, отрицать, исторической ценности как классического атомизма, так и метода разложения. В свое время они сыграли, а в некоторых областях знания играют и сейчас громадную роль. Достаточно указать на то, что вся механика есть по сути дела анализ явлений мира с точки зрения атомистической теории — таковы же многие отделы физики, отчасти химии. Да ведь не об этом идет спор. Спор идет о том, можно или нельзя при современном состоянии науки и научной методологии (философии) превращать принципы атомизма и его метод в нечто универсальное. Не дают ли нам наука и ее методология более высоких, более совершенных способов исследования? А на этот вопрос можно ответить лишь утвердительно.

Классическая атомная теория со своими пространственностью и непроницаемостью, как конечными свойствами частиц, права там и постольку, где и постольку мы действительно имеем эти свойства, как

¹ Ленин, сочинения, т. X, стр. 261—262. Все курсивы наши.—Поскольку трудно предвидеть, что обскурантизм увидит также и в „пренебрежительной“ трактовке протяженности (см. ниже), позволим себе привести еще одно место из той же книги: „Исчезают такие свойства материи, которые казались раньше абсолютными, неизменными, первоначальными (непроницаемость, инерция, масса и т. д. и т. п.) и которые теперь обнаруживаются, как относительные, присущие только некоторым состояниям материи“ (стр. 218). И дальше: „Как ни диковинно с точки зрения „здравого смысла“ превращению невесомого эфира в весомую материю и обратно, как ни „странно“ отсутствие у электрона всякой иной массы, кроме электромагнитной, как ни необычно ограничение механических законов движения одной только областью явлений природы и подчинение их более глубоким законам электромагнитных явлений и т. д.—все это только лишь подтверждение диалектического материализма“ (стр. 219. Курсив автора). Т. т. механисты, любящие поговорить о марксизме и ленинизме, да уж читали ли вы Ленина? Или читали, но решили позабыть? Или просто не поняли?

основные и решающие: простое движение, теория упругости тел и т. д. Анализируя все это, данная теория не вступает ни в какую метафизику, ибо эти свойства здесь и реальны и, что важнее, всеобщи и существенны. Но уже молекулярная теория категорически протестует против перенесения и на молекулы абсолютной истинности атомизма: анализом одной лишь протяженности и непроницаемости здесь дела не поймешь. Молекула ведь тем и отличается от атома, что кроме этих свойств она имеет и другие: соединяться или не соединяться с другими молекулами (химическое «сродство»), при том в таких, а не каких-нибудь иных пропорциях. И наоборот—для «разложения» какого-нибудь химического соединения совершенно недостаточно простого разбивания, раскалывания, дробления: здесь необходимы сложные реакции (скажем, электролиз для «разложения» воды на водород и кислород и т. д.). Еще в большей степени говорит за то же электронная теория. Прежде всего: если мы признаем правильность электронного строения материи, то это вовсе не значит, что для познания материальной сущности, скажем, стола или какого-нибудь другого предмета, мы должны раздробить, разложить стол на грандиозное количество мельчайших частиц, каковые и будут электронами. Этого, надеемся, не будет утверждать самый завзятый механист. И дальше: при «разложении» на электроны (мы помним, что разложение есть лишь выискивание некоторого реально существующего, но простейшего свойства), при разложении на электроны вдруг оказывается, что мы должны ввести два новых и прежде не фигурировавших понятия—положительное и отрицательное, отражающих вновь найденные нами свойства. И, надеемся, никто не потребует, чтобы в самой материальной частице мы усматривали ее положительные и отрицательные «свойства»: как известно, частица, взятая в целом, нейтральна именно потому, что в ней есть и положительный и отрицательный заряды. Таким образом, вопрос со сведением обстоит, по меньшей мере, более сложно, чем это представляет себе механическое миропонимание.

Однако сделаем скачок, столь смертельный для механистов, и перейдем к области общественных явлений. Ведь представители механического направления, поскольку они хотят иметь цельное миропонимание, вынуждены и в этой сфере знания пользоваться своим «сведением» сложного к простому. Тем не менее, как раз здесь—на анализе общественной жизни—легче всего показать всю ошибочность их популяризованных и дать, с другой стороны, правильно-марксистское решение вопроса. Однако, временно мы ограничимся лишь формулировкой отрицательного результата.

Сложное разлагается на простое.—Совершенно несомненно, что жизнь капиталистического общества, взятая в ее целом, представляет собою нечто чрезвычайно сложное,—значительно сложнее всех и всяких механических движений, физических состояний материи, химических соединений и чисто биологического развития. Как таковую ее и надо изучать. Это очевидно для всякого, хоть что-нибудь читавшего по марксизму. Поэтому мы позволим себе

не глумиться над механистом Боссэ, объявившим, сопровождая это реверансами в сторону Маркса, что «теоретически и в конечном счете (курсив автора. К. М.) социальные явления также доступны (т.е. сводимы. К. М.) не только качественному—социологическому—анализу, но и количественному—физико-химико-биологическому»¹⁾. Эту «точку зрения» мы обойдем и остановимся на той, которая признает «социологический» анализ капитализма правомочным не только в силу нашей (Маркса) неумности, а и «теоретически и в конечном счете».

Как известно, всю сложность общественных условий капитализма Маркс «сводит» к меновой стоимости. Значит ли это, что Маркс, встав на механическую точку зрения, разложил всю совокупность капиталистических отношений на составные части? Увидел население—и стал его «делить» на классы. Классы—«делить» на производственные отношения. Эти последние на формы собственности. Раздробив же их на составные части, увикел в них, как часть, меновую стоимость. Одно такое предположение абсурдно. Однако именно так должен был бы он поступить, если бы был правомочным механистом, вроде Боссэ.

Никто не станет возражать, что меновая стоимость есть простейшая категория (отношение) капитализма. И тем не менее сколько бы мы ни «разлагали» механически общество, до меновой стоимости мы никогда не дойдем. Наоборот, при таком методе «сведения» мы добьемся лишь одного: социального атомизма, иными словами—той робинзоновской, индивидуалистской, а следовательно, и субъективистской политической экономии, которой грешит, скажем, школа предельной полезности²⁾. А уже отсюда нетрудно видеть всю ненаучность и реакционность подобного метода сведения. Покажем то же самое на другом примере. Марксизм, как известно, объясняет происхождение и содержание той или иной идеологии тем, что «сводит» ее к общественным отношениям. С точки зрения последовательного механиста эту операцию можно проделать только при помощи разложения, аналогично тому, как разлагает он сознание на движение круглых атомов. Мы не уверены в том, что кто-нибудь станет всерьез защищать подобную концепцию: слишком уж ясна ее нарочитая надуманность. Однако, мы уверены, что Богданов весьма близко подходил к такому пониманию, когда выдвигал свой принцип социоморфизма. Методологически здесь то же самое: идеологии разлагаются на их составные элементы; в них усматриваются одни и те же составные части—авторитаризм, подчинение, сотрудничество; затем объявляется, что из простого сочетания этих идеологических «атомов» составляется идеология. Вель недаром так легко и просто конструирует Бога-

¹⁾ „Механистическое естествознание и диалектический материализм“. Дискуссия в НИТ'е. Сев. Печатник. Вологда, 1925 г., стр. 63.

²⁾ Ср. Н. Бухарин. Политическая экономия рабства. РИО ВСНХ. Гл. I. „Методологические основы“, особенно стр. 38—45.

нов будущую идеологию бесклассового общества—механическое разложение и соединение, как методы, освещают ему этот путь¹⁾...

Аналогичных примеров можно было бы привести весьма большое количество. Однако, и эти показывают неверность механического метода сведения. Подведем поэтому предварительные итоги.

Разложение сложного на простое, составляющее методологическую основу старого атомизма, расширенного за пределы научного его применения, ошибочно потому, что оно дает только атомы дискретные, друг с другом внутренне не связанные частицы. Оно приводит также либо к гипостазированию отдельного свойства, лишь относительно выражающего особенности явления, либо к постулированию особой, независимой от явлений существующей сущности,—приводит к метафизике (в обоих смыслах этого термина). Эти два «либо—либо» фактически и принципиально совпадают, поскольку один метод неизбежно переходит в другой. По этим причинам механисты, пользующиеся подобным способом сведения сложного к простому, действительно находятся под влиянием «самых скверных остатков самых скверных философских систем», что бы ни говорили они о своей научности, какие бы примеры из науки ни приводили. Все их ссылки—и на атомы, и на электроны и сотни других,—доказывают лишь их полную неспособность понять что-нибудь в действительно научной методологии. Последней сейчас мы и займемся.

Наши механисты, если бы у них не отнимался часто язык при одном упоминании Ленина, как диалектика, сказали бы о ниже-следующей выписке, что Ленин «передержался» на Гегеле, что он—схоласт, неогегельянец, либо выдумали бы два этапа в развитии Ленина. Марксист же должен взять ее как целиком и глубоко марксистскую.

Так мы и будем к ней относиться.

В фрагменте «К вопросу о диалектике» Ленин пишет: «...отдельное не существует иначе, как в той связи, которая ведет к общему. Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть частичка (или сторона, или сущность) отдельного. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное неполно

¹⁾ К этому замечанию относительно Богданова можно добавить также следующее. Богданов по-своему последователен, когда, с одной стороны, называет стоимость трудовой и, с другой,—превращает ее в вечную, логическую категорию. Правильно поняв, вслед за Марксом, что общество не может жить без труда, Богданов извращает основоположника марксизма тем, что разлагает всю общественную жизнь на трудовые процессы, видя, таким образом, в труде сущность капиталистической, а затем и всей общественной жизни. Дальнейший его шаг заключается в объявлении стоимости трудовой (чем благополучно ликвидируются конкретно-исторические условия труда, т.е. производительные силы, от которых зависит и форма и содержание труда), а в соответствии с этим чисто логической или биологической категорией (Ср. Рубин, Очерки по теории стоимости Маркса, 2-е изд. ГИЗ, 1924 г. — Автор хотя и употребляет термин „трудовая стоимость“, однако, в ряде мест фактически критикует это понятие, см., например, стр. 85—92 и пр.). Реакционный смысл утрирования Богдановым трудовой стороны стоимости больше всего выявился в одном из последних выступлений—см. „Вестник Комм. Академии“, № 15, стр. 210—216.

входит в общее и т. д., и т. д. Всякое отдельное тысячами переходов связано с другого рода отдельными (вещами, явлениями, процессами) и т. д. Уже здесь есть элементы, зачатки, понятия необходимости, объективной связи природы. Случайное и необходимое, явление и сущность имеются уже здесь, ибо, говоря: Иван есть человек, Жучка есть собака, это есть лист дерева и т. д., мы отбрасываем ряд признаков, как случайные, мы отделяем существенное от являющегося и противопоставляем одно другому.

Таким образом, в любом предположении (предложении? К. М.) можно (и должно), как в «ячейке», «клеточке» вскрыть зачатки всех элементов диалектики, показав таким образом, что всему познанию человека вообще свойственна диалектика. А естествознание показывает нам (и опять-таки это надо показать на любом, простейшем примере) объективную природу в тех же ее качествах, превращение отдельного в общее, случайного в необходимое, переходы, переливы, взаимную связь противоположностей. Диалектика и есть теория познания (Гегеля и) марксизма: вот на какую сторону дела (это не «сторона» дела, а суть дела) не обратил внимания Плеханов, не говоря уже о других марксистах¹⁾.

Нетрудно видеть, что эта цитата из Ленина, при всем том, что автор затрагивает ряд других вопросов, имеет самое близкое отношение к проблеме сведения.

В чем заключается вопрос, вне зависимости от способа его решения? В процессе своей практики и познания человек первоначально сталкивается с действительностью, как с чем-то сложным и хаотическим. Мир непосредственно представляется нам, как совокупность не связанных между собой отдельных явлений. В мире нет двух абсолютно одинаковых вещей. Однако, мир в то же время един, и это единство заключается в его материальности. Задача науки, как мы уже отмечали выше, и состоит в познании этого единства, в познании общего в отдельном и через него. Это общее всегда, конечно, проще всей совокупности явлений, взятых во всей их конкретности. Химические элементы качественно проще конкретных тел, стоимость — проще вырастающих на ее основе классовых отношений и т. д. Из признания этого, самого по себе правильного, факта создается, однако, опасность атомизировать действительность, «свести» ее всю и нацело к абсолютному простому, растворить в нем. Тут и лежит корень всех ошибок механиста. Эта основная тенденция, как и ее ошибочность, в своей наукообразной форме весьма резко проявляется теперь в математической логистике или — что то же — калькулятивной логике, столь настойчиво переносимой к нам А. Варьяшем. Последний в введении к своей «Истории новой философии» (ч. I, т. I, ГИЗ, 1926 г., стр. 34), характеризуя взгляды Вейля, говорит: он «выдвигает в настоящее время идею сведения высшей математики, ее основного понятия — непрерывности — к

¹⁾ Под Зн. М-ама. № 5—6. 1925 г., стр. 16. Ср. также Деборин „Философия и марксизм“. ГИЗ. 1926 г., стр. 292 и сл.; и его же — „Энгельс и диалектика в биологии“. П. Зн. М., № 1—2, 1926 г.

элементарной арифметике, т.-е. к простым законам натурального ряда числе, стремясь таким образом растворить понятие иррациональности в понятии рациональных чисел, представляющем собой обобщение целых чисел». При этом цитируемый автор настолько смел в своей поспешности, что фактически отождествляет эту тенденцию философствующих математиков с методом Маркса. О последнем мы скажем в дальнейшем, а сейчас отметим, что описанная точка зрения действительно механична по своему существу и приводит лишь к атомизму. Последнее косвенно доказывается тем, что один из крупнейших ее защитников, Б. Рессель, сам именуется свою философию «логическим атомизмом», как и тем, что основные ее посылы скопированы с монадологии Лейбница. Прямые указания мы бы нашли в рассмотрении натурального ряда чисел (1. 2. 3. 4...), из которых каждое представляет собою лишь арифметическую комбинацию числового атома — единицы. К сожалению, подробный анализ этого выходит за границы нашей темы.

В цитированном выше отрывке Ленин предлагает показать «превращение отдельного в общее» на «любом, простейшем примере». Это обязывает нас начать прямо с анализа атомистической или электронной теорий именно как простейших. Однако мы позволим себе избрать другой путь: рассмотреть эту проблему сначала на материале из общественных наук, где диалектика значительно больше разработана, и лишь после этого перейти к попытке освещения атомистики¹⁾.

Употребляя выражение Ленина, первичной «клеточкой», «ячейкой» товарного общества, как менового, является меновая стоимость — это простейшее общественное отношение. Вся сложность товарных и в частности капиталистических отношений сводится, в конечном счете, к ней. Нам предстоит рассмотреть метод этого сведения. Он станет понятнее при противопоставлении его механическому разложению.

Последнее, как мы отмечали, берет какую-нибудь отдельную особенность предмета и возводит ее в абсолют, во всеобщее. Диалектиче-

¹⁾ Цитированный уже нами Босса вместе с другими механистами выдвигает, как теоретическое требование, растворять, идя от естествознания, марксизм в последнем. Между тем, — несомненно, что, поскольку научная методология — диалектический материализм в силу ряда причин в наше время разработана значительно детальнее в общественном знании, правил обратный путь: от методологии общественных наук к методологии естествознания, хотя последняя и составляет предпосылку первой. Это имеет тем больший смысл, что общественная жизнь при всем своем единстве с жизнью природы настолько сложна по сравнению с нею, что вообще марксистская методология этих наук должна указывать путь методологии естествознания. В данном случае марксизм противопоставлен как современным механистам, так и всяким Контам с их „социальной физикой“, Спенсерам с их „социальной биологией“ и пр. Само собою разумеется, что единая методология каждый раз своеобразна; говорить об „экономике человеческого организма“ или коммунизме у животных так же неверно, как и исследовать „организм“ капиталистического общества. Именно об этом говорит Маркс в своем „Введении к критике политической экономии“ (Изд. 1922 г., стр. 24): „Анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны. Намеки на высшее у низших видов животных могут быть поняты только в том случае, если это высшее уже известно. Буржуазная экономика дает нам ключ к античной и т. д. Но отнюдь не в том смысле, который придает этому некоторые экономисты, стирая все исторические различия и во всех общественных формах находя формы буржуазные“.

ский метод сведения в этом отношении нельзя характеризовать лучше, чем это сделал сам Маркс в «Капитале». Дело идет о субстанции стоимости. В § 3 I главы I тома Маркс говорит: «Субстанция стоимости товаров тем отличается от двоицы Квикли, что неизвестно, где она находится. В прямую противоположность чувственной грубой субстанции товарных тел, ни один атом естественного вещества не входит в субстанцию их стоимости. Вы можете ощупывать и разглядывать каждый отдельный товар как вам угодно,—его стоимость остается для вас неуловимой. Но если мы припомним, что товары обладают субстанцией стоимости лишь постольку, поскольку они суть выражение одной и той же общественной единицы, человеческого труда, что субстанция их стоимости имеет поэтому чисто общественный характер, то для нас станет само собой понятным, что она может проявляться лишь как общественное отношение одного товара к другому»¹⁾. Что дает нам здесь Маркс для понимания его методологии? Сущность или простейшее, к чему мы сводим какое-нибудь многообразие, «неизвестно, где находится». Это нужно понимать, как разъясняет дальше Маркс, в том смысле, что простое ощупывание и разглядывание не показывают нам сущности. Иными словами—то, к чему мы сводим, не есть лишь кусочек многообразия, вырванный из общей связи и превращенный в абсолют, как это принимают механисты. Или еще иначе—субстанция, как всеобщее, есть везде и нигде в особенности. Поэтому она и не локковская «подставка», основная, характернейшая черта которой есть возможность воспринять ее, как нечто отдельное и самостоятельное существующее, как нечто чувственное. Что же она такое? «Субстанция стоимости имеет чисто общественный характер». Признавая это определение, механист, конечно, скажет, что оно укрепляет его в его позиции относительно сведения. И на самом деле, раз мы так сказали, может показаться, что мы следовали обычному механическому методу; мы взяли одну из особенностей, одно из свойств товарного общества—обмен товаров и возвели это свойство в абсолют. Однако, большую ошибку, пожалуй, трудно выдумать. Механист, отождествляющий методологию Маркса со своей, забывает ряд важнейших фактов, в особенности—универсальный характер обмена в то время, когда становится возможным свести к нему товарное общество. Ведь наличие простой или случайной формы стоимости становится теоретически заметным (а при рассматриваемом нами сведении мы действуем теоретически) лишь тогда, когда уже есть всеобщая, даже денежная ее форма, т.е. когда мы имеем товарное общество, когда обмен стал универсален. Именно универсальность этого общественного отношения и превращает его в субстанцию, заставляет искать в товаре кроме конкретного человеческого труда еще и абстрактный. Тут нет ни вырывания отдельных кусков из целого, ни постулирования некоей самостоятельной сущности, китайской стеной отделенной от формы своего проявления.

Все это различие Маркса от механистов мы поймем лучше, если вдумаемся в такое замечание Ленина в его «К вопросу о диалектике».

¹⁾ «Капитал», изд. 1908 г., перевод Базарова и Степанова, стр. 14.

Ленин говорит: «У Маркса в «Капитале» сначала анализируется самое простое, основное, самое массовидное, самое обыденное, миллиарды раз встречающееся, отношение буржуазного товарного общества. Анализ вскрывает в этом простейшем явлении (в этой «клеточке» буржуазного общества) все противоречия (resp. зародыши всех противоречий) современного общества. Дальнейшее изложение показывает нам развитие (и рост и движение) этих противоречий и этого общества, в Σ (сумме. К. М.) его основных частей, от его начала до его конца».

Вот именно—«основное, самое массовидное», и лишь постольку можно сводить к нему, как к простейшему, к субстанции. Однако, прочитав эту мысль, механист попытается притянуть Ленина на свою защиту. И действительно, разве не является «самым массовидным», простейшим, основным и т. д. протяженность? Не к ней ли надо «сводить» все сложные отношения буржуазного общества? Не прав ли, таким образом, механист?—Но вдумайтесь в дальнейшие слова Ленина и вы увидите, что он, конечно, не прав: Ленин в данном случае, как и всегда, диалектик. Это «простейшее» тем отличается от «простейшего» механистов, что оно не так уж просто. Ленин с полным правом упоминает здесь термин «клеточка». Современная биология стихийно становится на диалектическую точку зрения тогда, когда сводит всю сложность органической жизни к простейшему—к клетке. Однако она не забывает видеть—это нам и надо сейчас подчеркнуть,—что клетка является простейшим только в отношении, скажем, к целому организму: взятая сама по себе, она столь же сложна, как и организм¹⁾. И дальше: биология может удовлетворительно объяснять процессы органической жизни лишь потому, что признает клетку (точнее, белок) таким «простейшим», в котором в результате исторического развития заложены зародыши всех дальнейших особенностей, зародыши всей сложности органической жизни. Ведь характерно, что Ленин говорит именно о «клеточке», а не об «атоме» буржуазного общества. Будь он механистом, он вынужден был бы употреблять именно этот термин, требуя тем самым сведения к некоторым бескачественным величинам. Но Ленин не механист, и никому из представителей этой разновидности не удастся подстричь его, как и Маркса с Энгельсом, под механическую гребенку.

Подобно тому как в биологии вся сложность органической жизни сводится к белку, так и в Марксовой политической экономии вся сложность социальной жизни капитализма сводится к обмену товаров. Именно потому, говорит Ленин, что здесь, в этом «простейшем» заложены «зародыши всех противоречий современного общества»: в стоимости уже прибавочная стоимость, а следовательно, и формы собственности, и формы распределения общественного дохода (при-

¹⁾ Ср. Энгельс—Диалектика природы, стр. 17: «Простое и составное. Категории, которые тоже теряют свой смысл уже в органической природе и неприменимы здесь. Ни механическое сложение костей, крови, хрящей, мускулов, тканей и т. д., ни химическое—элементов—не составляют еще животного. Hegel, Enz. I, стр. 256. Организм ни прост, ни составной, как бы он ни был сложен» (Курсив автора).

быль, заработная плата, рента), и распадение общества на классы, их борьба и т. д., и т. л. вплоть до революции и победы коммунизма, т. е. все «от начала буржуазного общества до его конца». И если мы, следуя механистам, признаем, что в обмене товаров, как в первичном общественном отношении, в стоимости всех этих зародышей «в себе» нет, то мы приходим к ряду неутешительных для марксиста выводов: Марксов «Капитал» есть лишь агрегат друг с другом не связанных положений, а сам Маркс не доказал и теоретически вывел необходимость краха капиталистического общества, а лишь этически постулировал для пролетариата уничтожение этой юдоли плача и стенания. Мы откажемся, следовательно, от основных положений научного социализма. Понять необходимость краха капитализма, объяснить ее мы сможем только тогда, когда, следуя диалектике, в самом зарождении увидим зародыши смерти, уничтожения. А это и значит: сводить к простому можно и надо, но надо также постоянно иметь в виду тот факт, что само простое—весьма сложно, что оно — не только голое количество, но и качество¹⁾. Только таким путем избавляется исследователь от односторонностей и метафизики механического понимания. Сущность, к которой мы сводим многообразие явлений, не лежит где-то за явлениями и не отделена от них пропастью. «Nichts ist innen, nichts ist draussen, denn was innen, das ist aussen». «В этих немногих словах,—говорит Плеханов в своих примечаниях к «Людвигу Фейербаху»,—заключается, можно сказать, вся «гносеология» материализма» (стр. 121), правильно отражающая действительное положение вещей.

Белок, как простейшее и субстанция органической жизни, не находится за организмом, в некоем потустороннем мире. Он есть и сущность и явление. В качестве первой, белок не существует самостоятельно, просто как белок: даже взятый в своей исторически-первичной форме, как комочек белка, как геккелевская монара, он есть уже

¹⁾ Поскольку в настоящий момент всякого рода количественные, механические теории вновь проникают в политическую экономию (вплоть до того, что Марксов «Капитал» приравнивается Ньютоновским «Математическим Началам Натуральной Философии» и по случаю его открытия именуется «Математическими Началами Общественной Философии» — см. З. А. Цейтлин — «Наука и гипотеза», ГИЗ, 1926, стр. 184), постольку существенно необходимо противопоставить им ортодоксально-марксистский взгляд. И. И. Рубин в своих «Очерках» (гл. 8. «Основные черты Марксовой теории стоимости») говорит: «Можно только удивляться, как критики Маркса... понимали Марксову теорию стоимости в механически-натуралистическом, а не социологическом смысле» (58). И дальше: «Поскольку Маркс изучает стоимость, как социальную форму продуктов труда, обусловленную определенной социальной формой организации труда, на первый план выдвигается качественная, социологическая сторона стоимости (абстрактный труд)». И, наконец: «Основная ошибка большинства критиков Маркса заключается в том, что 1) они совершенно не поняли (de te fabula narratur, т. механист. К. М.) качественной, социологической стороны Марксовой теории стоимости и 2) ограничивали количественную сторону исследованием меновых пропорций, т. е. количественных соотношений стоимости вещей, игнорируя лежащие в их основе количественные соотношения масс общественного труда (т. е. игнорируя социальную качественность этого количества. К. М.), распределенного между отдельными отраслями производства и отдельными предприятиями» (59. Курсив автора).

организм, т. е. совокупность явлений, а не голая сущность. И одновременно белок есть явление, ибо все формы органической жизни—от монары до homo sapiens включительно—суть лишь формы проявления белка, заложенных в нем особенностей¹⁾. С другой стороны, все это не есть механическое сведение еще и потому, что здесь нет и намека на плоское раздробление сложного на простое. Ведь последняя операция, как мы отмечали, характеризуется именно тем, что разлагая сложное, дробя его, мы частное и единичное возводим во всеобщее. Белок же по существу своему универсален (в органической жизни). Аналогично обстоит дело и с категорией стоимости. Сколько бы мы ни разрубали общественную жизнь на части, такой «части», как обмен товаров или абстрактный труд, мы никогда не встретим. Именно потому, что это не «часть» общественной жизни капитализма, а его всеобщее, его сущность (даже отдельный акт обмена товаров не есть в действительности только обмен: этот акт совершается в обществе с его классовыми отношениями, государством, быть может, идеологией). Это не атом в механистском его понимании, а—если уж требуются аналогии—молекула, клетка, сохраняющие свои качественные особенности. Вместе с тем эта субстанция общественной жизни и не находится за явлениями: она не за классовыми отношениями буржуазного общества, не за производственными его отношениями—стоимость сама есть производственное отношение. Ведь именно в этом и заключается величайшее открытие Маркса. Вот почему прав цитированный уже нами Рубин, когда он начинает свой анализ с рассмотрения теории товарного фетишизма Маркса: именно общественный характер стоимости, ее качественная сторона фатально скрыта от глаз всякого рода механистов.

Тов. Деборин, критикуя механическое миропонимание, уже показал, что их основная методологическая ошибка в том, что, увлеченные отысканием единства в многообразии, тождества в различиях, они видят лишь голое единство, голое тождество²⁾. Эта оценка имеет значение и для понимания ими проблемы сведения. Приравнение явлений сущности, объяснение различий явления и сущности, гипостазирование первого в абсолют—вот то, на чем свихнулись они и извратили марксизм.

Однако мир есть синтез тождества и различия, явления и сущности. «Отдельное не существует, иначе как в той связи, которая ведет к общему». Современная классовая борьба есть проявление и

¹⁾ Мы напоминаем цитату из Маркса о том, что «анатомия человека есть ключ к анатомии обезьяны». Заложенные в белке особенности проявляются и развиваются лишь в историческом развитии и усложнении форм органической жизни. Но это отнюдь не значит, что зародышей этих особенностей не было в первичном белке. Вообще каждая предыдущая ступень органического (и социального) развития носит зародыши последующей: в этом и состоит развитие. Путь от обезьяны к человеку столь же необходим, сколь от простого товарного общества к капиталистическому. В первом случае они суть «в себе», во втором—«для себя». И здесь марксизм стоит на точке зрения подлинно научного детерминизма.

²⁾ Под Зн. Марксизма, 1926 г. №№ 1—2 и 3.

развитие, т.е. продолжение и завершение, сущности капитализма, обмена товаров, даже случайной формы этого обмена. «Общее существует лишь в отдельном, через отдельное». Мы впали бы в величайшую метафизику, если бы стали искать, скажем, абстрактного труда, как отдельной сущности, за общественными отношениями или в конкретном товаре. И т. д. и т. п. Цитированные нами выше слова Ленина о всеобщем и отдельном есть диалектически-точное изложение марксистского ответа на вопрос о сведении сложного к простому.

Проверим его еще на одном примере из общественно-научной области, а затем постараемся дать критику механического понимания в применении к той сфере, где он как будто бы наиболее силен—к атомистике и электронной теории.

Когда мы исследуем какой-нибудь конкретный исторический период общественной жизни, мы обязаны «свести» его к состояниям производительных сил и вырастающих на их основе производственных отношений. Этому учит азбука марксизма. Однако не все вдумываются, какую, собственно, операцию производит при этом исследователь. Выше мы показали, что такое сведение не может происходить по методам механического разложения или дробления конкретной действительности. Как же поступает марксист? Он действует при помощи абстракции. Иными словами—при теоретическом рассмотрении сложной действительности он умственным путем выделяет из этой сложности то простое всеобщее, что свойственно каждому отдельному явлению, но выражается последним лишь частично, лишь односторонне. Для марксиста, например, ясно, что, насколько такое общественное явление, как борьба идеологий, есть только выражение изменений, происходящих в производственных отношениях общества, а следовательно, и в его производительных силах, настолько же оно выражает эту сущность односторонне и часто в искаженном виде. «Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное неполно входит в общее». Вот почему каждое отдельное, индивидуальное явление еще не дает нам понимания его сущности: оно лишь ведет к этому пониманию. Достижение этого последнего и человечеству, в его историческом развитии, и каждому исследователю стоит «тяжелой работы мысли» и бездна практических ошибок¹⁾. Ведь нужно изучить не только данное явление в его обособленности от других, но и—что важнее всего—в его связи с другими, как качественно одинаковыми, так и различными. Говоря конкретно, надо изучить не только все основные черты данной теоретической борьбы,

¹⁾ Только марксист-диалектик способен понять всю глубину, теоретическую ценность и историческую правоту заключительных замечаний ленинского фрагмента о диалектике. „Философский идеализм есть только чепуха с точки зрения материализма грубого, простого, метафизического. Наоборот, с точки зрения диалектического материализма философский идеализм есть одностороннее, преувеличенное, überschwängliches (Dietsgen) развитие (раздувание, распухание) одной из черточек, сторон, граней познания в абсолют, оторванный от материи, от природы, обожествленный... Любый отрывок, обломок, кусочек этой кривой линии (человеческого познания. К. М.) может быть превращен (односторонне превращен) в самостоятельную, целую, прямую (линию), которая, если за деревьями не видеть леса, ведет тогда в болото, в поповщину...“ (П. Зн. М-зма,

но и другие—также теоретические—сражения. Но и этого одного недостаточно: надлежит изучить все другие процессы общественной жизни. И только тогда, найдя общее во всех этих качественно различных явлениях—в политической борьбе, этических настроениях эпохи, в классовых столкновениях и т. д. и т. п.;—мы сможем «свести» теоретическую борьбу к ее основе—изменениям в производственных отношениях людей. При этом механист понимает сложную взаимозависимость базиса и надстройки (о которых мы выше и говорили), слишком уж «по-архитекторски»: для него отдельные надстройки как бы наслаиваются друг на друга, наподобие дома с его этажами. Между тем, когда марксист устанавливает в общественной жизни наличие базиса и надстройки, он этим самым говорит о причинной зависимости, существующей между общественными явлениями, так что одни из них (базис) в конечном счете всегда обуславливают другие (надстройки). Никакого механического наслаения, никаких пластов здесь нет. Общество ведь—не дом с этажами, где одни строятся на другом. Общество есть совокупность связей и взаимозависимостей. «Общее существует лишь в отдельном, через отдельное». Производительные силы не существуют сами по себе, независимо от производственных отношений, классовой борьбы и т. п. Между тем, именно они являются субстанцией всех общественных явлений. И всякая попытка механизации, упрощения этой сложной взаимозависимости, отказ от диалектики жестоко мстит за себя исследователю. Возьмите хотя бы Шулятикова с его «Оправданием капитализма в западно-европейской философии». Его точка зрения резюмируется в следующем положении: «Все представления буржуазии о мире и человеку строятся «по образу и подобию» ее промышленных организаций. Философия—это наука об организаторах и организуемых, о дирижирующих «центрах» и дирижируемой «массе»¹⁾. Это положение как будто бы насыщено доподлинным материализмом. Разве не утверждает марксизм необходимость «сведения» идеологии к ее производственной основе? Разве Шулятиков не выражает основную тенденцию марксизма? Механист должен будет ответить на эти вопросы утвердительно. Ибо позиция Шулятикова механична по существу, а современный нам представитель этой точки зрения никак не сможет отвертеться от признания своего согласия с Шулятиковым. То, чем в особенности грешен последний, есть незнание диалектики и неумение применять ее в конкретном анализе. Производственные отношения определяют собою всю совокупность общественной жизни. Именно они, вместе с

№ 5—6, 1925 г., стр. 17—18. Курсив автора). Это прекрасное место бросает чрезвычайно яркий свет на всю историю человеческого знания. Цепляясь за частное, „сводя“ к нему, не понимая, что всякое частное только ведет к всеобщему, сущности, ни в какой мере ее не исчерпывая, отдельные философские системы невбжежно выдавали в величайшие теоретические ошибки, хотя и давали детальное исследование вопроса. Здесь и заключается основная причина как их теоретической несостоятельности, так и смены их одна другой. Здесь же—в умении учесть, что сущностью не может быть отдельная частица, обломок или кусочек мира, а только он сам—лежит основная причина подлинной истинности диалектического материализма.

¹⁾ „Моск. Книгоиздательство“, Москва, 1906 г., стр. 150.

общественными производительными силами, являются тем простейшим, к чему «сводится» вся сложность социальных явлений. Но... «спасибо за такой марксизм, который все явления и изменения в идеологической надстройке общества выводит непосредственно, прямолинейно и без остатка исключительно только из экономического базиса. Дело обстоит совсем не так уж просто. Некий Фридрих Энгельс уже давно установил эту истину, касающуюся исторического материализма... Было бы не марксизмом, а рационализмом стремиться свести непосредственно к экономическому базису общества изменение этих (автор говорит о половых. К. М.) отношений самих по себе, выделенных из общей связи их со всей идеологией»¹⁾. Так говорит Ленин. Прекрасно говорит. И эти его слова применимы ко всему так называемому экономическому материализму²⁾.

В чем основные посылки как последнего, так и его разновидности—шүлятиковщины? Они тождественны принципиальным положениям механистов.

Берется кусочек действительности, правда, очень важный—обусловленность надстройки базисом,—но все же кусочек. Последний гипостазирован как некая самостоятельная сущность. Все различия совершенно ликвидируются. А затем начинают сводить «непосредственно, прямолинейно и без остатка» все общественные явления к этой сущности. Таким образом, получается, что субстанция социальной жизни превращается в самостоятельную «подставку», на которой, как платья на вешалке навешаны, извне, прикреплены отдельные факты, процессы и т. д. Это служит основой для эклектизма в понимании базиса и надстройки общественной жизни. Только диалектический материализм способен обеспечить правильное понимание существующей здесь зависимости. Марксизм вовсе не «сводит» надстройку к базису, не растворяет первую во второй. Он лишь причинно объясняет одно другим, указывая на сущность происходящих явлений и на то, что действительность есть известная форма проявления объективной сущности. Ведь производительные силы и производственные отношения лишь частично, неполно, через сотню переходов, выражаются в идеологии, быте, государстве. Последние, отражая в каждую данную историческую эпоху состояние и изменение базиса, отражают их каждое по-своему, частично и неполно: и надстройки «имеют свою судьбу», свою историю, которая вносит в них ряд характерных черт и особенностей. Что такое понимание, прекрасно выраженное Лениным в его фрагменте о диалектике (см. выше), только одно и отражает доподлинную диалектику действительности, очень хорошо, по нашему мнению, подтверждается революционно-марксистской, ленинской теорией социалистической революции. Отмечая ее характерные черты, тов. Сталин говорит: «Раньше принято было говорить о наличии или отсутствии объективных условий пролетарской революции в

¹⁾ К. Л. Петкин. О Ленине. Воспоминания и встречи. М. Раб., 1925 г., стр. 16.

²⁾ Ср. Плеханов. О материалистическом понимании истории. Соч., т. VIII, стр. 244—247.

отдельных странах, или точнее—в той или иной развитой стране. Теперь эта точка зрения уже недостаточна. Теперь нужно говорить о наличии объективных условий революции во всей системе мирового империалистического хозяйства, как единого целого, при чем наличие в составе этой системы некоторых стран, недостаточно развитых в промышленном отношении, не может служить непреодолимым препятствием к революции, если система в целом или, вернее, так как система в целом уже созрела к революции»¹⁾. Все это значит, что теория революции целиком диалектична, не только в смысле признания скачка, но и в смысле значительно более глубоком. И эту глубину можно правильно оценить лишь с точки зрения диалектического метода. Несмотря на то, что производительные силы дореволюционной России далеко не были «готовы» для социализма, пролетарская революция началась именно в ней. Это объясняется тем, что единичное (Россия) тысячами нитей связано со всеобщим (мировым империализмом), хотя и не выражает его полностью и целиком. Но всеобщее определяет собою единичное, и, усиливая и без того присущую ему противоречия, «собрав все их в один узел и бросив их на чашу весов» (Сталин), обуславливает не только возникновение пролетарской революции, но и ее победу. Таковы действительные причины революции. Вот почему глубоко прав Ленин, когда он в своем фрагменте, отметив связь между общим и отдельным, подчеркивает: «Уже здесь есть элементы, зачатки понятия необходимого, объективной связи природы etc. Случайное и необходимое, явление и сущность имеются уже здесь...»²⁾. И этой особенности марксизма также не понимают механисты.

Но нам ответят (и, как мы видели, отвечают): может быть, в общественных науках пока (о, это мудрое «пока»!) дело обстоит именно таким образом. Однако, естествознание, в особенности атомистика и электронная теория, всем своим существованием протестуют против подобной «схоластики»³⁾. Они, скажут нам, подтверждают истину «механистического» понимания. Так ли это?—К сожалению, мы должны разочаровать наших уважаемых противников.

Когда мы говорим об атомной теории, то чаще всего даем ей сплошную характеристику. Однако на деле в ней, как теории, исторически наметились два направления: одно физико-химическое и другое то, когда успехи в этих двух областях побуждают естествознателя выходить с атомистикой за научно установленные пределы ее применения. Первое в ряде работ, начиная с Бойля, показало все научное значение этой концепции. Второе при всем своем историческом значении нередко утверждало детские-наивные вещи. Область первого—физико-химический эксперимент, область второго—умозрение. Встать

¹⁾ Сталин. Вопросы ленинизма. ГИЗ, 1925 г., М.—Л., стр. 94. Курсив автора.

²⁾ Под Зв. М-ва, № 5—6, 1925 г., стр. 16. Курсив автора.

³⁾ Генрих Кунов, также не любящий диалектику и грешащий по части механизмов, называл невольно Ленина за его диалектику «большевистским схоластом» (См. Н. Kunow. Die Marx'sche Geschichts-Gesellschafts- und Staatstheorie). Похвальная откровенность!

на точку зрения первого вовсе еще не значит быть механистом. Придерживаться и защищать второе—именно это делает теоретика исповедующим механистическое credo¹⁾.

Атомистика в физике и химии принесла громадную пользу науке, так как научила людей сводить сложность физико-химических свойств к простому—к атому и объяснять на основании изучения последнего. Отрицать этого нельзя: в такой ограниченной сфере атомистика вполне достойна своего высокого положения. Все дело в том, что это происходит вопреки механическому и в полном соответствии с диалектическим миропониманием. Поскольку атомистика научно-достаточна, (с углублением наших знаний ее заменяет, дополняя и развивая, молекулярная и электронная теории), постольку она отражает тот факт, что сущность объектов физико-химического исследования состоит в их протяженности и непроницаемости. И здесь нет никакого «механистического» понимания. Суть положения в следующем. Исторически-обусловленное научное познание на начальных стадиях может объяснить лишь простейшее: те свойства, которые непосредственно зависят от протяженности и непроницаемости. Вот почему, в частности, механика исторически была первой действительной наукой, а крупнейшие физики были в свое время атомистами. Однако в смысле решения проблемы сведения человеческого познание и здесь по необходимости вступало на диалектический, а отнюдь не механический путь. Только так оно и могло обеспечить людям колоссальные практические достижения науки в свое время. Эта стихийная диалектика состоит в том, что свойства объектов, изучаемых прежней физикой с помощью классической атомной теории, на самом деле обуславливаются соотношением частиц, т. е. протяженностью и непроницаемостью. Таким образом, эти последние отнюдь не гипостазировались в сущность. Точно так же не нужно было физика пользоваться и механическим методом разложения или дробления: протяженность и непроницаемость есть в данном случае поистине диалектическое всеобщее. Но на почве возможности такого понимания выросло в свое время другое направление—то, которое видело в протяженности и непроницаемости единственно-достаточную для объяснения характеристику всего мира—и органической жизни, и социальных отношений, и сознания. Представителями его были великие материалисты—Демокрит и Эпикур, Декарт и Гоббс, французы XVIII в. и т. д. И поскольку они требовали все и вся сводить к атомам, как протяженным частицам, постольку они были механистами: диалектического сведения, вскрывающего, что в природе все диалектично, они не знали. Именно за это—за распространение мыслей и концепций, ценных в определенной области исследования, на сферу несравненно более широкую—критиковали их Маркс и Энгельс. Именно в отказе от этой точки зрения и заключается тот великий шаг вперед, который был сделан диалектическим материализмом. Факт, что диалектическое

¹⁾ Подобным подразделением мы хотим указать только на недостатки вульгарно-механистических взглядов, отнюдь не отрицая исторических заслуг механического материализма Демокрита, Гоббса, французов и др.

сведение сложного к простому и объяснение одного другим господствуют даже в цитадели механизма—в атомистике, еще раз доказываются и подтверждается теми шагами вперед, которые сделала наука в своем развитии¹⁾. Молекулярная теория, признающая специфические качества элементов, была едва ли не важнейшей вехой на этом пути. А современная электронная теория совсем не дает никакого места для механического миропонимания и такого же решения проблемы сведения. Она, можно сказать, вопиет о диалектике. Каждый ставимый и разрешаемый ею вопрос, будем ли мы рассматривать превращение элементов, иначе—допущение развития материи, будем ли говорить о квантах энергии, или о массе, протяженности и непроницаемости, как функции движения и т. д. и т. п.,—везде и всюду мы увидим лишь тот или иной частный случай всеобщей диалектики действительности. Исследование этого может и должно составить доподлинный предмет работы современного естествоиспытателя-марксиста. Наша задача в данной связи значительно более узка: постараться проследить метод решения интересующей нас сейчас проблемы сведения.

У физика или химика нередко встречается утверждение, что «электронная теория материи не только качественно объясняет происхождение молекулярных сил в твердых, жидких и газообразных телах, но и позволяет с большой точностью вычислить величину этих сил, расстояния между атомами, их расположение, законы их движения и все наблюдаемые в природе явления»²⁾. Это значит, что естествоиспытатель хочет все свести к электронам и их движению. Считаюсь с распространенностью этой неверной концепции, мы, однако, не будем говорить о ней сейчас специально, поскольку все время возражаем как раз против этого устремления—идет ли дело о механике тождественных материальных частиц или о сведении к электронам. Мы рассмотрим лишь ту область, где электронная теория себя уже экспериментально оправдала—физику и химию,—область «молекулярных сил в твердых, жидких и газообразных телах». При этом для нас заранее должно быть установленным, что современные успехи в этой области обеспечены относительной (по сравнению с другими) простотой данной области научного исследования.

Каким же методом сведения пользуется электронная теория?³⁾

Прежде всего надо подчеркнуть, что механист сильно ошибется, если, оценивая переход науки от атомов к электронам, будет видеть в нем переход к чему-то абсолютно и окончательно простому. Один уже факт того, что на место голой протяженности и непроницаемости атомистики современная физика выдвигает такие свойства, как положитель-

¹⁾ Выше мы всюду употребляли термин „старый“ или „классический“ атомизм, желая этим показать, что современная физика отнюдь не уничтожает атомной теории, а лишь углубляет ее. Естественно, что в данном случае последняя приобретает ряд новых черт, позволяющих отличить ее от атомизма Дальтона и др.

²⁾ Акад. А. Ф. Иоффе. Современная физика. См. „Успехи и достижения современной науки и техники“. Сборник статей. „Раб. Просвещения“. М. 1926 г., стр. 11. Курсив наш.

³⁾ Мы обращаем внимание на то, что названная теория находится в стадии становления и поэтому ее методология еще не вполне установилась.

ный и отрицательный заряды, сосуществующие в атоме, свидетельствуют об отказе новейших теорий от механической «простоты»: ведь отрицательное и положительное есть свойства, качества, столь нелюбимые нашими апологетами «тождественных материальных частиц». В этой связи чрезвычайно интересно отметить, как ставит данный вопрос современная физика в работах своих крупнейших представителей. Э. Резерфорд в своей речи «Электрическая природа материи»¹⁾ уже в самом ее начале считает необходимым сказать: «В то время, как о возможном строении атомов существовали самые смутные представления, среди более философски настроенных умов была общераспространенной уверенностью в том, что атомы элементов нельзя считать простыми, ничем между собою не связанными единицами». Уже здесь Резерфорд как будто бы нарочно ставит перед собой задачу критиковать механическую концепцию. Но проследим за его мыслью дальше. Обрисовывая ту теорию, согласно которой имеется существенное различие между внешностью атома — поверхностным расположением электронов — и структурой его внутреннего ядра, Резерфорд сравнивает эти две области с точки зрения их сложности. При этом, хотя в последнее время были «достигнуты гораздо более крупные успехи», чем это казалось возможным прежде, оказывается, что «проблема строения ядра по самому существу своему гораздо труднее, нежели родственная ей... проблема о строении внешнего атома» (внешнем строении? 152). А ведь все дело как раз в том, что «химические свойства элемента определяются его ядерным зарядом» (154). Иными словами: к самому существу проблемы наука только-только начинает подходить, и это объясняется, как мы видели, объективными причинами, чрезвычайной сложностью вопроса. При этом отнюдь нельзя думать, что окончательно решена даже первая, более простая часть задачи — изучение поверхностного строения атома. Тот же Резерфорд, так подчеркивающий, что «ядро тяжелого атома (есть) весьма сложная система и в известном смысле представляет собою самостоятельный мир» (156), отнюдь не забывает видеть, что современная наука еще «не имеет ясного представления» о процессах, определяющих внешние свойства атома. Всем этим электронная теория говорит, что решение проблемы сведения сложного к простому вовсе не так уж просто, как это кажется механисту. Причина же в том, что «простое», к которому мы сводим, на деле чрезвычайно сложно²⁾. В данной связи весьма важно привести еще одно за-

¹⁾ Приложение к книге Т. Сведберга «Материя. Ее исследование в прошлом и настоящем». ГИЗ. М., стр. 129—164. Речь произнесена в 1923 г. — В дальнейшем я указываю только страницы. Курсив всюду мой.

²⁾ Резерфорд в цитированной нами речи, чрезвычайно ценной как общим обзором вопроса, так и стихийной диалектикой, сильно ошибается и к тому же противоречит себе, когда утверждает, что «природа, повидимому, работает просто» (162). Если бы этот крупный физик был знаком кроме буржуазной философии, также и с диалектическим материализмом, который он в своих научных работах так блестяще подтверждает, то он не говорил бы, что природа работает «просто». Природа «работает» нередко очень сложно. И понять эту сложность можно только при условии сознательного пользования марксистским методом исследования.

мечание Резерфорда, замечание, которое дает нам большой материал для оценки положительных и отрицательных сторон атомистики. Автор говорит: «На первых стадиях ее (Дальтоновской атомной теории. К. М.) применения к физике и химии не было надобности иметь сколько-нибудь детальное представление о размерах и строении атома. Необходимо было лишь допустить, что атомы действуют как обособленные единицы, а также знать относительные массы атомов различных элементов. В следующий период, например, в кинетической теории газов, можно было объяснить главные свойства газов, предположив, что атомы газа ведут себя как весьма малые совершенно упругие сферы. В течение этого периода... были найдены грубые определения абсолютных размеров и масс атомов» (134—135). Мы видим, что Резерфорд говорит исключительно о том, что атомистика, сводившая физико-химические свойства только к пространственности («обособленные единицы») и непроницаемости («совершенно упругие сферы»), достигла лишь «грубых определений», лишь приблизительного, частичного и относительного понимания действительности. Понадобилась электронная теория с ее поистине диалектическим методом сведения, чтобы избавить науку от односторонностей механического понимания.

Приведенные соображения Резерфорда говорят о тех действительных трудностях, которые обуславливаются, вопреки мнению рационализатора¹⁾ механиста. Сложностью изучаемых объектов и самого процесса сведения. Для механиста же здесь нет и не может быть никакой проблемы: свел к тождественным материальным частицам, и делу конец — все познано раз и навсегда. Между тем, вопрос, как показывает нам также превосходная речь Резерфорда, значительно сложнее. И действительно. Могут ли хоть сколько-нибудь уместиться в обычные механические представления важнейшие принципы электронной теории? Судите сами: «Теория электричества показывает, что масса данного электрического заряда возрастает вместе с его концентрацией и что большая масса водородного ядра нашла бы себе объяснение, если бы его объем был гораздо меньше, чем объем электрона» (141). «Силы между ядрами возрастают в конечном счете гораздо быстрее, чем этого следовало бы ожидать на основании закона обратной пропорциональности квадратов расстояний, и возможно, что на очень малых расстояниях, разделяющих протоны и электроны в ядре, приобретают значение новые, неожиданные силы» (155). С точки зрения механиста здесь все поставлено на-голову. С точки зрения диалектика все это рационально объяснимые и неизбежные факты. И это потому, что «механика была снимком с медленных реальных движений, а новая физика есть снимок с гигантски быстрых реальных движений»²⁾.

Таким же nonsens'ом для механиста и, наоборот, столь подтверждающим точку зрения диалектики кажется и следующее положение

¹⁾ Ср. Ленин, цитата на стр. 192 наст. статьи.

²⁾ Ленин, Соч., т. X, стр. 222.

ние Резерфорда: электроны и водородные ядра, или протоны, — это «вероятно, две основные и неделимые единицы, из которых построена наша вселенная, но мы можем мысленно считать возможным, что дальнейшие исследования некогда покажут, что эти единицы сложные и могут быть разделены на еще более основные единицы (entities)» (141).

Но, может быть, в другом решающем вопросе — в вопросе о понимании самой субстанции атома — электронная теория подтверждает механическую точку зрения? Тоже нет. Если последняя заключается, как мы видели, либо в постулировании совершенно обособленной сущности, либо в гипостазировании одного какого-нибудь свойства тел, то современная теория электрического строения материи отнюдь не признает ни одной из частей этой альтернативы. В этом отношении чрезвычайно характерен тот факт, что одним из первых шагов электронной теории было доказательство всеобщности электрона. «Электрон, — говорит Резерфорд (136), — вероятно, является общей единицей в строении атома», «он должен служить составной частью всех материальных атомов» и т. д. Механическое гипостазирование здесь не имеет места.

Равным образом, не можем мы сказать и того, что электрон есть какая-то бескачественная «подставка», находящаяся за явлениями. Нам представляется, что наилучшим доказательством этого служит превращение элементов в результате «вышибания» электрона из атома, точно так же, как и факт зависимости свойств и качеств 92 элементов от количества электронов в атоме. Ведь ясно, что если бы электрон был лишь локковски-механистской «подставкой» или кантовской «вещью в себе», то эта диалектическая связь между субстанцией и явлением — количеством и расположением электронов, с одной стороны, и свойствами элементов, с другой — совершенно не существовала.

Выше мы отметили, что диалектический материализм не знает сведения в смысле растворения одного в другом. И для диалектики нет ничего странного, что современная физика, вопреки механисту, стоит на этой же точке зрения. Так, Резерфорд в цитированной нами речи говорит, что для решения вопроса о распределении поверхности электронов весьма важны «общие химические свойства» (148¹⁾. С точки зрения механиста это положение грешит элементарной логической ошибкой: тут, скажет он, «порочный круг». И как будто бы действительно это так. С помощью распределения электронов физика стремится объяснить некоторые физико-химические свойства элементов. И вдруг оказывается, что сами эти свойства «весьма важны» для определения законов, управляющих движением электронов. На деле же это лишь подтверждение диалектики, указывающей на неверность механического сведения, которое способно растворить сложное в простом, но никак не объяснять его. Существующую здесь сложную взаимозависимость мы поймем только при пользовании диалектическим методом. Именно он не отрывает сущности от явления,

¹⁾ Ср. также главу 7 книги Г. А. Крамерса и Х. Гольста — «Строение атома и теория Бора». ГИЗ. М.—Л., стр. 134—156.

именно он учит, что явление не внешне прицеплено к сущности и потому наше познание первого обогащает и знание второй. Явление ведет к сущности, хотя и определяется ею.

Мы бы сильно ошиблись, само собой разумеется, если бы сказали, что электрическая теория строения материи уже целиком и полностью и притом сознательно встала на диалектическую точку зрения. Это произойдет, вероятно, еще не скоро. Вот почему, в частности, так трудно осмыслить действительную диалектику новых физических теорий. Сейчас же нам важно было подчеркнуть, что и эта цитадель изменяет механисту; подчеркнуть, что общая линия развития идет и здесь по пути, указанному марксизмом.

Только с этой точки зрения мы поймем, насколько вредны все и всякие механические устремления даже в границах специальности почтенных представителей «современного» естествознания. Реакционность их точки зрения по одному из важнейших и существеннейших вопросов методологии — по вопросу о сведении сложного к простому — в том, что они тянут назад, а не вперед.

Не марксисты-диалектики «передержались» на Гегеле, к которому, по словам Энгельса, «примеры летели бы сейчас со всех сторон», а «марксисты»-механисты передержались на давным-давно пройденных ступенях научного знания.

Было бы хорошо, если бы они выяснили себе хотя бы эту «простую» истину.

К. Милонов

Из работ Секции Естеств. и Точных Наук Коммунистической Академии

ИДЕИ ИНТУИЦИОНИЗМА И БОРЬБА ЗА ПРЕД- МЕТ В СОВРЕМЕННОЙ МАТЕМАТИКЕ

Те упреки в беспредметности современной математики, которые мы ежедневно слышим от техников и естествоиспытателей, нас, математиков, смущают очень мало. Глубоко убежденные в живой реальности того предмета, который мы изучаем, мы справедливо полагаем, что эти упреки продиктованы наивным недовольством человека, которому сегодняшняя математика мало дает для удовлетворения его сегодняшних нужд; этот человек не видит ни достижений нашей науки вне сферы его специфического горизонта, ни тех богатств, которые ему же самому эта наука сулит завтра.

Но вот за последние пятнадцать лет из среды самой математики поднялся бурный и почти фанатический поход против ее современных устремлений,—поход, ставящий под знак сомнения как раз те достижения последних десятилетий, которыми она более всего гордилась; и на знамени этого похода, имеющего своими вождями ученых мирового значения, стоит надпись, которая, если ее немного расшифровать и конкретизировать, гласит: борьба за предмет, за беспощадное изгнание из математики всего, что прячет свою беспредметность за внешней видимостью формально безупречной логической игры! Кто хочет—может стать на борьбу против этого похода; но остаться в стороне, игнорируя это нашествие истребителей, математик, интересующийся наукой, теперь не может; и это не только и не столько потому, что нападающими руководят такие люди, как Brouwer и Weyl, сколько по той причине, что орудием нападения служит аргументация, для всякого математика обязательная: ему говорят не о бесполезности его науки для техники и естествознания, а о ее глубокой внутренней болезни, о ее неблагоприятии в самой себе—неблагополучии, грозящем ей не только формальными противоречиями, но, что еще страшнее,—вырождением в беспредметное комбинирование, в шахматную игру.

То, что нас более всего удивляет в этом революционном течении, это—его неожиданный и беспримерный успех; успех совершенно несомненный, глубокий и, повидимому, длительный, несмотря на противодействие таких авторитетов, как Hilbert, и на то, что за свою последовательную и радикальную революционность новая тенденция получила наименование «математического большевизма».

Успеху этому действительно приходится удивляться. Ведь еще недавно, казалось, среди математиков царил полное согласие в том, что

в нашей науке законно и имеет право гражданства все, не заключающее в себе внутренних противоречий; «существовать» в математике означало не противоречить самому себе; о реальности предмета просто не спрашивалось, такая любознательность почиталась признаком отсталости и дурного тона. Определение математики, как науки, «никогда не знающей, о чем она говорит» (Russell), принималось вовсе не как анекдот, а как серьезная формулировка новых тенденций нашей науки. Против всей этой концепции, явившейся естественным следствием блестящих успехов математической мысли в направлении формализации науки, почти не раздавалось возражений. Орудие исследования было провозглашено самоцелью, и никто не протестовал. И вот, когда пришел Brouwer и заявил, что так нельзя, что надо знать, что ты изучаешь, надо быть уверенным в реальности изучаемого предмета, а что без этого наука превращается в бесплодный процесс самоуслаждения, тогда мы стали свидетелями неожиданного и глубоко знаменательного зрелища: мы видим, как все, что есть живого в нашей науке, постепенно—иногда сразу, с юношеским порывом, а иногда—после долгого и упорного сопротивления,—в конце концов без колебания ставится под знамя этого решительного протеста; становится потому, что перед ним стоит вопрос жизни или смерти, что формула Russell'я грозит ему мертвым тупиком и научной гибелью среди потока бесплодных и беспредметных (хоть и внутренне-непротиворечивых) логических комбинаций; мода меняется; и сейчас на Западе трудно уже говорить о принципиальных вопросах математики, не отдавая определенной доли внимания и даже признания критике нового течения, интуицизма, как окрестил его сам Brouwer, в противоположность обычному формализму. И даже сам Hilbert в 1925 г. говорит уже о различии между содержательным и формальным мышлением в математике и в сущности предпринимает радикальную ревизию своей системы обоснования математики, под несомненным влиянием критики Brouwer'a.

Мы полагаем, что именно в этом лозунге борьбы за предмет заключается основное значение новой тенденции и что в этом же—залог ее успеха; на первый взгляд такое утверждение может показаться странным, ибо Brouwer, по видимости, ополчается только против некоторых логических неточностей в обосновании современного математического анализа. Но взгляды в дело несколько глубже и кстати попытаемся на конкретном примере выяснить природу основных устремлений интуицизма.

В одной из своих последних работ Hilbert глубоко и правильно указал, что корни современного кризиса математики гнездятся в том, что ложное понятие («мнимая идея») бесконечности еще не вполне изгнано из нашей науки. В реальном мире за этим понятием не стоит никакого предмета; нет его и в нашем мышлении; все конечно—и во внешнем мире, и в нашей психике. Математика различала бесконечность потенциальную, становящуюся, и актуальную, совершившуюся. С первой покончил еще Weierstrass, и с тех пор она для математика сохранила только имя бесконечности, как исторический пережиток; стоявший же за нею предмет целиком свелся к конечному, и в этом отношении у нас

царит полная ясность. Гораздо хуже обстоит дело с бесконечностью актуальной. Множество всех целых чисел или всех точек отрезка до сих пор мыслится нами как реальные бесконечные коллекции—и в этом источник всех бедствий, потому что в реальном мире ничего бесконечного нет; мы имеем здесь дело с ложной интуицией, с термином, за которым нет предмета; развенчать эту ложную идею так, как Weierstrass в свое время развенчал потенциальную бесконечность,—вот основная и достойнейшая задача современной математики: показать, что, говоря о «бесконечном множестве», мы всякий раз мыслим некий реальный (и потому необходимо конечный) предмет, и раскрыть свойства и закономерности этого предмета.

Возьмем число π и будем разлагать его в десятичную дробь (как известно, бесконечную). Поставим такой вопрос: встретится ли когда-нибудь среди получаемых десятичных знаков сто нулей подряд? Задача, может быть, очень трудная, может быть, неразрешимая. Но для обычного математика, «формалиста», как мы будем его называть, следуя Гроуверу, эта задача, во всяком случае, имеет совершенно определенный смысл: либо такая сотня существует, либо ее нет, tertium non datur.

Вот как раз против этой постановки дела, против применимости здесь закона исключенного третьего, и восстает прежде всего интуicionист. Он говорит так: вся бесконечная совокупность десятичных знаков числа π , как реальный предмет, не существует; мы можем построить сколько угодно этих знаков, и мы владеем аппаратом для их неограниченного построения; но законченный построенный ряд есть ложная интуиция; этот ряд не существует никак, ни в каком мире, и, следовательно, он не может быть мыслим, ибо мыслимо только реальное. Итак, перед нами только аппарат для безграничного построения десятичных знаков. То, что «ряд содержит где-нибудь сто нулей подряд», мы поэтому должны и можем понимать только так, что порождающий аппарат обладает соответствующим свойством, т.-е. «сущность аппарата, порождающего разложение числа в десятичную дробь, такова, что он необходимо порождает (или, напротив, не может породить) сто нулей подряд».

Рассмотрим сначала второй (отрицательный) ответ. Тезис «предмет P по своей сущности противоречит гипотезе N » в математике всегда понимается так, что гипотеза N в совокупности с определением предмета P приводит к формально-логическому противоречию. Поэтому в силу вышеизложенного мы должны утверждение «среди десятичных знаков числа π не найдется ста нулей подряд» понимать так:

А) Определение аппарата, порождающего десятичные знаки числа π , и допущение, что в ряду этих знаков встретится сто нулей подряд, приводят, вместе взятые, к формально-логическому противоречию.

На ряду с этим тезисом рассмотрим другой:

В) Среди десятичных знаков числа π найдется сто нулей подряд.

Допустим (эмпирически возможный факт), что некоторому лицу удалось доказать неправильность тезиса А. Это могло случиться, напр., так, что из тезиса А путем конечной цепи силлогизмов удалось вывести соотношение $1=0$.

Следует ли отсюда, что справедливость тезиса В установлена? Вглядитесь в оба тезиса, и вы увидите, что никоим образом—это подтвердит самый ярый противник интуicionизма, а раз так, то тезисы А и В не являются контрадикторными, и, следовательно, применение к этой диз'юнкции закона исключенного третьего неправильно.

Вывод: утверждения: 1) среди десятичных знаков числа π найдется сто нулей подряд, 2) среди десятичных знаков числа π не найдется ста нулей подряд—если понимать их должным и единственно возможным образом—не являются контрадикторными, а потому применение к этой диз'юнкции закона исключенного третьего по меньшей мере не обосновано.

На этой почве между интуicionистом и формалистом мыслим следующий диалог:

Ф. Прекрасно. Примем вашу тройную диз'юнкцию: 1) сто нулей существуют, 2) не существуют (в вашем смысле), 3) tertium. Допустим, что имеет место tertium; тогда во всяком случае фактически искомая сотня нулей указана быть не может (ибо это дало бы 1-й, а не 3-й случай). Для меня это просто значит, что такой сотни не существует; ваша диз'юнкция на моем языке поэтому просто звучит иначе, именно так: 1) сотня существует, 2) сотня не существует, и это может быть доказано, 3) сотни не существует, и это не может быть доказано. Второй и третий из этих случаев я объединяю вместе, говоря просто, что сотни не существует, и не заботясь о доказуемости этого факта. Вы видите, что мы спорим только о терминологии.

И. Это неправильно. Тезис 1) моей диз'юнкции может иметь только то значение, что сотня нулей фактически найдена (точно так же, как второй тезис может означать только то, что фактически найдено доказательство несуществования такой сотни). Поэтому мое tertium отнюдь не исключает возможности когда-либо такую сотню найти. Кроме того, ваша формулировка этого tertium для меня не имеет смысла. Ибо «отсутствие сотни» есть свойство порождающего аппарата; если оно не вытекает из его определения (т.-е. недоказуемо), то его просто нет, ибо математический объект, раз он определен, обладает только теми свойствами, которые вытекают из его определения, и стало-быть доказуемы.

Ф. Но разве математик может стать на такую точку зрения? Неужели ответ на проблему математики может зависеть от того, что тот или иной из нас сейчас умеет или не умеет сделать?

И. Тут я умываю руки. Вопрос о существовании вашей сотни не мною был поставлен; мне до него нет дела, для меня он лишен научного смысла. Вы, поставивший задачу, должны пояснить, что она означает. Я по совести заявляю, что для меня проблема существования вашей сотни либо имеет тот смысл, какой я указал (т.-е. сводится к исторической справке, лишенной, как вы справедливо указали, всякого научного значения), либо вовсе не имеет никакого смысла. Мы, интуicionисты, не ставим и не понимаем такого рода проблем существования. Когда мне дают корзину яблок и предлагают узнать, нет ли в ней среди яблок апельсина, то я понимаю, что это значит, ибо наполненная корзина

стоит передо мною. Если же ставят вопрос о существовании вашей сотни нулей в ряду, которого не существует, как законченного целого, то я не понимаю, что это значит. Для меня ясно, что самая постановка задачи основана на ложной интуиции; вам кажется, будто перед вами — весь законченный ряд десятичных знаков числа π , и вы можете перебрать его, как корзину яблок, чтобы без возможности какого-либо tertium решить вопрос о том, найдется ли в нем ваша сотня. На самом деле законченного ряда нет; тезисы существования и несуществования вашей сотни можно понимать только так, как я указал; при этом они, конечно, не противоречивы, а, значит, допускают возможность tertium, и, следовательно, проблема существования, как таковая, теряет смысл.

Ф. Но ведь почти вся современная математика пользуется общими утверждениями и отрицаниями существования. Ваша позиция угрожает ей разгромом и обнищанием.

И. То, что вы называете разгромом и обнищанием, для меня есть очищение и исцеление. Современная математика, в своем неосторожном применении закона исключенного третьего и пользовании ложными интуициями, погрязла частично в бесплодных мнимых проблемах и грешит необоснованными утверждениями. То, что вы называете разгромом, есть весьма смиренное желание честно себе во всем этом признаться и честно попытаться отбросить все, чего не может принять научная совесть, устояв против соблазна внешне блестящих, но внутренне беспредметных и необоснованных завоеваний теории. Надо понять, что общие суждения, относящиеся к так называемым бесконечным совокупностям, лишены научного содержания и что не в них ценность нашей науки. Только отдельное, конкретное, единичная конструкция дают нам ценные завоевания математики. Математика в большей мере есть некая практика, нежели учение (*mehr ein Tun denn eine Lehre*) (Brouwer).

Итак, интуиционизм в первую голову отмечает проблемы, касающиеся существования индивидуума с теми или иными свойствами в некоторой совокупности, как только совокупность эта бесконечна, ибо тогда она становится не чем-то законченным и данным, но развертывающимся процессом, по отношению к которому самая дизъюнкция существует — не существует теряет всякий принципиальный смысл. В связи с этим интуиционизм естественно устанавливает своеобразный, прямо противоположный основным тенденциям современной математики взгляд на ценность математического достижения.

Weierstrass'у удалось построить непрерывную функцию, лишенную производной. Современная математика оценивает этот выдающийся результат, как решение важнейшей принципиальной проблемы: существует ли в совокупности всех непрерывных функций такая, которая не имеет производной? Для интуиционизма эта проблема лишена смысла. Значит ли это, что интуиционист не видит в работе Weierstrass'a никакой ценности? Отнюдь нет. Он прежде всего оценит самую кон-

струкцию Weierstrass'овой функции, как образцовое математическое сооружение. Затем, проделанное Weierstrass'ом построение ему покажет, что безнадежно искать другой конструкции — доказательства того, что непрерывность функции обязательно влечет за собою ее дифференцируемость. Все это для него весьма ценно; он не может только согласиться с тем, что конструкцией Weierstrass'a решается какая-то проблема существования.

Само по себе это различие во взглядах, хотя и весьма глубокое и принципиальное, все же, конечно, не могло бы привести ни к какой коллизии. Каждый смотрел бы на достижения нашей науки так, как ему угодно, и каждый ценил бы их по-своему. Но вот формалист, в одном из своих рассуждений, заявляет: «Допустим, во-первых, что среди десятичных знаков числа π существует сто нулей подряд; отсюда следует то-то и то-то; допустим, во-вторых, что ста нулей не существует; отсюда следует то же самое; так как tertium non datur, то наше следствие является доказанным».

Тут интуиционист выступает уже с резким протестом. Для него это tertium non datur ничем не обосновано, и потому доказательства, основанные на нем, теряют всякую силу. И не следует думать, что такие случаи в математике редки. Достаточно отметить, что теорема о существовании границы у всякого ограниченного множества, — теорема, без которой шагу нельзя ступить в современной теории функций, — эта теорема решительно отвергается интуиционистами, ибо доказательство ее приходится основывать на незаконном с их точки зрения применении закона исключенного третьего.

Таким образом, первый упрек интуиционизма направлен на логическую несостоятельность некоторых принятых в современной математике способов рассуждения. Здесь вопрос о предмете еще не поставлен, и борьба за предмет еще не началась. Но посмотрим, что происходит дальше.

Первый натиск интуиционизма отражается своеобразным и тонким путем, который был указан Hilbert'ом несколько лет тому назад. «Если вы опасаетесь, — говорит Hilbert, — что необоснованное применение закона исключенного третьего и суждений о существовании может свергнуть вас в пучину логических противоречий, то я вам могу доказать, что ваши опасения напрасны». И действительно, Hilbert'у, повидимому, удалось (или в ближайшее время удастся) доказать, что заимствованные от конечного дизъюнкция, будучи применяемы к «бесконечным» совокупностям, никогда не смогут дать повода к формально-логическим противоречиям. А если так, то, в духе всех тенденций современной математики, мы в праве принять за аксиому возможность применения закона исключенного третьего и всего, что с ним связано, ибо полем нашей работы при этом станет формально-непротиворечивая логическая система, а это — все, что в наше время требуется от математической дисциплины. Чего же вам еще надо? Не есть ли борьба против такого построения математики то же самое, как если бы вы стали возражать против неевклидовой геометрии или введения идеальных элементов, столь распространенного в современной науке? Более того,

не похоже ли это на тот обскурантизм, который в свое время не хотел примириться с введением в математику комплексных чисел?

Но интуиционист остается непримиримым. Пусть Hilbert доказал, что безоговорочное применение закона исключенного третьего не может повести к противоречиям. Этого мало. Этим одним этот закон не становится приемлемым; ложь еще не станет истиной оттого, что ее никто не заметит. Ведь речь идет о предметах, нам хорошо знакомых: совокупностях чисел, точек, функций и т. д. И вот нам предлагают допустить, что эти предметы подчиняются закону исключенного третьего, допустить, что для них имеют смысл и законы проблемы существования, и пытаются аргументировать это допущение тем, что оно никогда не поведет нас к противоречию. Может ли пойти научная совесть на такое допущение? Могу ли я признать имеющей смысл проблему, раз я по крайнему моему разумению в ней смысла не вижу? И не значило ли бы это лгать, после того как мне гарантировано, что моя ложь останется безнаказанной?

Конечно, выход из этого положения есть — принять формулу Russell'я: математика никогда не знает, с чем она имеет дело; мы говорим не о реальном, интуитивно данном предмете, а о «чем-то», подчиняющемся таким-то аксиомам. С такой точки зрения всякая непротиворечивая логическая система есть математическая дисциплина.

Но какой ценою покупается этот выход? Ценою отказа от предмета. Мы должны забыть, что мы изучаем, отказаться от самой мысли о предмете исследования; логическая структура этого предмета, оторвавшись от его реальной сущности, становится единственной целью наших научных изысканий; и даже более того: это уже не логическая оболочка нашего прежнего предмета (ибо она искажена введением новых аксиом), а самостоятельная, оторванная от всякой реальности формально-логическая система, от которой нам навсегда отрезан возврат к предмету. Нам говорят, что она стройна и прекрасна; тем хуже для падких на искушение. Мы же останемся верными предмету, потому что мы хотим заниматься наукой, изучать реальный мир, а не предаваться формально-логическому самоуслаждению.

Аналогия с неевклидовой геометрией и введением идеальных элементов неудачна и не выдерживает критики. Неевклидова геометрия есть разновидность всеобщей геометрии и, как таковая, имеет все права на существование. Ее *raison d'être* есть законное право математики сомневаться в принудительной значимости постулата Эвклида. В одних пространствах постулат этот имеет место, в других нет. Если бы дело шло только о допущении возможности применения закона исключенного третьего к некоторым совокупностям, то против этого никто бы не возражал. Но нам предлагают признать, что он имеет место во всех случаях. Это все равно, как если бы нам предложили признать, что на всех поверхностях имеет место одна и та же геометрия (с той только разницей, что этот последний тезис может быть логически опровергнут).

Если мы хотим оставаться верными предмету, то ясно, что принимать мы можем только те аксиомы, которые интуитивно оправданы

(отсюда «интуиционизм»); требование непротиворечивости с другими, уже принятыми аксиомами, остается, конечно, необходимым, но ни в какой мере не является достаточным. Нельзя по формальному соглашению навязывать предмету свойств, не заложенных в его сущности, и придавать смысл проблемам, не имеющим реального смысла. Это значило бы покончить с предметом, добровольно отказаться от него. И всей чудовищности этого шага не замечают только потому, что такого рода тенденции стали привычными и общепринятыми в современной математике. В этом ее тяжкий недуг, от которого она должна быть излечена во что бы то ни стало.

Мы видим теперь, каким путем интуиционизм приходит к лозунгу борьбы за предмет. Что в этом он ударяет нашу современную науку по ее больному месту — об этом достаточно ярко свидетельствует как его успех, так и все растущее число математиков, так или иначе оказывающихся вовлеченными в эту борьбу. Не считаться с натиском этого мощного течения научной мысли теперь уже нельзя. И как бы мы ни отнеслись к нему, одно мы вынуждены признать: интуиционизм уже сделал невозможной ту интеллектуальную установку, которая господствовала в математике пятнадцать лет тому назад; он внес в сокровищницу философии и методологии нашей науки нечто такое, что, может быть, еще не оформлено и даже не вполне осознано, но что уже ясно ощущается нами, как всеяляющее бодрость твердое завоевание, сулящее возвратить нам почву, которую мы чуть было не утратили из-под ног. Таков дух времени. И сам Hilbert в своей последней, всего несколько месяцев тому назад появившейся работе «Über das Unendliche» с недопускающей сомнения ясностью учитывает этот новый дух; одно из первых его положений гласит, что содержательно мыслить мы можем только конечное; бесконечности нет ни в природе, ни в мысли — об этом его тезисе мы уже упоминали. Hilbert настаивает только на необходимости во что бы то ни стало спасти все прекрасные завоевания последних десятилетий, и утверждает, что такое спасение возможно и, более того, почти уже им осуществлено.

Вот каков его путь: на ряду с привычными нам конечными объектами математического мышления мы вводим в рассмотрение новые идеальные элементы (чисто фиктивные образования, лишенные предметной реальности), и всю систему подчиняем определенной группе аксиом, непротиворечивость которых не подлежит сомнению. Между прочим, постулируется закон исключенного третьего в применении к бесконечным совокупностям (идеальным образованиям); построенная таким образом логическая система подлежит естественному развитию. В ходе этого развития могут быть, между прочим, получены определенные результаты, касающиеся одних только конечных (реальных) элементов системы (так, что элементы идеальные играют роль временных вспомогательных построений, подобно, напр., комплексным числам в механике или теории чисел, и в конечном итоге выпадают). Такого рода результат является, конечно, вполне содержательным и неизбежно установленным; ибо он относится только к конечным объектам, и потому истинность его или ложность может быть непосредственно про-

верена; ложными же он оказаться не может, ибо он явился выводом из заведомо непротиворечивой системы, включающей в себя полностью группу аксиом, имеющих место для конечных объектов математической мысли. Таким образом, математика бесконечного в сущности обращается в некий эвристический прием, состоящий на службе у математики конечного.

Мы еще не знаем, как отнесется интуиционизм к этой новой постановке дела. Повидимому, принципиально он может считать себя победившим. Дальнейшая дискуссия переходит уже с принципиальной на практическую почву, ибо достоинство эвристического приема, очевидно, измеряется его полезностью ¹⁾.

А. Хинчин

¹⁾ Секцией Естеств. и Точн. Наук Коммунистической Академии организован специальный коллоквиум по интуиционизму под руководством пишущего эти строки. Настоящая статья имеет характер вступительной информации; коллоквиум надеется скоро приступить к опубликованию своих трудов.

Автор пользуется случаем, чтобы высказать благодарность участникам руководимого им коллоквиума И. В. Арнольду и Г. Б. Гуревичу, доклады которых (прочитанные зимою 1925/26 г.) в коллоквиуме, значительно помогли ему при составлении настоящей статьи.

ПЛАТОН, КАК МАТЕМАТИК ¹⁾

Тема, избранная мною для настоящего сообщения, может показаться весьма специальной. Однако это не так. То или другое решение вопросов, здесь рассматриваемых, теснейшим образом связано с оценкой целой эпохи в развитии «точных» наук вообще, математики в частности. Я разумею эпоху, которую принято именовать «античной».

В настоящее время мы имеем немало работ, где с исчерпывающей полнотой собран фактический материал по истории античной науки, дошедший до нас из различных источников. Немало остроумия потрачено на истолкование темных мест того или иного текста. Но до сих пор не было сделано сколько-нибудь удачной попытки дать историю науки в подлинном смысле слова, т.-е. рассмотреть тенденцию ее развития в связи с развитием античного общества. Я говорю о научном, материалистическом подходе к вопросу, ибо нельзя, конечно, считать удовлетворительным метод объяснения, апеллирующий в конечном счете к «духу эпохи». В такого рода объяснениях нет недостатка: к ним прибегают на каждом шагу даже авторы многочисленных специальных работ; и ничего удивительного нет в том, что философско-идеалисту эта апелляция к духу эпохи позволяет в один присест нарисовать стройную картину исторического развития науки. В самое последнее время такую «картину» дал нам Шпенглер в «Закате Европы».

Замечательно при этом то, что, воздвигая воздушные замки «исторических» теорий, авторы их почти всегда обнаруживают прохладное отношение к историческим фактам. Увлеченные пылом своего «строительства», они не замечают, что не только с методологической, но и с фактической стороны они стоят на зыбкой почве. Оказывается, что «факты», «объясняемые» ими, сами представляют собой только легенды. Более того, можно в ряде случаев указать и на источники создания этих легенд и обнаружить классовую их подоплеку.

Одной из таких легенд является легенда о Платоне, как математике.

¹⁾ Статья эта представляет собой литературную обработку доклада, прочитанного осенью прошлого года в Секции Ест. и Точных Наук Коммунистической Академии. Ряд вопросов, затронутых в первых двух разделах ее, несомненно, требует более детального освещения. Если, несмотря на неполноту и некоторую догматичность изложения в этих частях, я решаюсь представить эту работу на суд читателя, то это потому, что основная тема статьи, как мне кажется, развита с достаточной полнотой, а к связанным с ней вопросам, относящимся к истории античной математики, я надеюсь в ближайшее время вернуться.
М. В.

Опровержению этой легенды, а вместе с тем и объяснению ее возникновения посвящена эта работа.

Я останавливаюсь именно на ней по двум причинам: во-первых, потому, что подлинные сочинения Платона дошли до нас в таком виде, в каком не дошли другие источники (сплошь и рядом историки науки опираются на «документы», известные только из вторых и третьих рук); во-вторых, потому, что на разборе этой легенды лучше всего выяснить те общие методологические вопросы, которые возникают при критическом изучении истории античной науки.

Нет буквально ни одной работы по истории античной науки, вообще, математики, в частности, где Платону не отводилось бы почетное место в истории математики.

Имя Платона упоминается в связи с решением проблемы об удвоении куба; в связи с нахождением рациональных прямоугольных треугольников (т.-е., таких, все стороны которых выражаются рациональными числами); в связи с приближенным извлечением квадратных корней¹⁾; в связи с формулировкой определений основных понятий в математике²⁾.

Платону приписывается установление новых методов: «аналитического», «синтетического», «аподиктического» (доказат. от противного)³⁾ в геометрии, и это признается его главной заслугой в истории математики.

Есть ли в сочинениях Платона места, дающие повод для подобных заключений? Всякий, кто даст себе труд прочесть их, убедится в том, что таких мест у Платона нет. Вы найдете у Платона немало примеров, взятых из области математики, которыми он иллюстрирует отдельные положения, высказываемые действующими лицами его диалогов; все эти примеры, как явствует из контекста, представляют апелляцию к хорошо известным и твердо установленным фактам математики. Большая часть их имеет характер простых аналогий и притом, как убедится читатель из нижеприводимых примеров, аналогий весьма поверхностных.

Далее, всякий, кто даст себе труд сличить текст Платона с теми выводами, которые делают историки математики на основании этого текста, увидит, что для того, чтобы усмотреть в сочинениях Платона даже намек на то или иное открытие, якобы, сделанное им, приходится допускать совершенно произвольные толкования, натянутость которых прямо бьет в глаза⁴⁾.

¹⁾ Cantor, Vorlesungen über Geschichte der Mathematik B. I. S. S. 201—222

²⁾ Heath, The thirteen books of Euclid's elements. Cambridge 1908, I, p. 165—171.

³⁾ Норре, Mathematik und Astronomie in klassischen Altertum^a. Heidelberg, 1911. S. 148—152.

⁴⁾ Из новых авторов, пожалуй, наиболее высоко ставит Платона, как математика, Гоппе. В указанной выше его книге (стр. 142—165) читатель найдет многочисленные ссылки на тексты Платона.

Не могу не привести здесь же один пример подобного толкования принадлежащего Гоппе¹⁾. Он утверждает, что Платон разрешил не только ряд методологических проблем самой математики, но и проблему восприятия пространства, установив, что трехмерное пространство дано нам в зрительном восприятии, как двухмерное (!).

Этот сногшибательный вывод делается на основании «толкования» известного места из «Государства» Платона²⁾, где Платон утверждает, что истинно-существующим является лишь мир идей, а «чувственный» мир является лишь слабым, несовершенным отображением его, и подтверждает это таким сравнением: человек, живущий в глубокой пещере, не видел бы предметов на поверхности земли, а знал бы их лишь по теням, отбрасываемым ими в пещеру.

Как видите, историк науки «переплатонил» самого Платона. И такое толкование» Платона не исключение, хотя, быть может, нигде не выступает с такой явной абсурдностью.

Итак, первое, что я утверждаю, — это то, что сочинения Платона, дошедшие до нас, не дают нам никакого права считать его выдающимся математиком своей эпохи, не дают оснований приписывать ему те или иные открытия в области точных наук. Что же касается свидетельств позднейших авторов, на которые опираются историки науки, то, как мы увидим, есть все основания сомневаться в их правильности.

Я утверждаю, во-вторых, что, если в истории математики Платон сыграл какую-нибудь роль, то только роль реакционную, препятствуя движению вперед математики, как науки, точно так же, как реакционной была его роль в развитии точных наук вообще.

Прежде, чем перейти к доказательству выдвинутых здесь положений, и к разбору важнейших мест из сочинений Платона, нас интересующих, я прошу разрешения в самых общих чертах набросать картину развития математических знаний греков в VI и V веках до н. э.

Наши сведения в этой области очень скудны и отрывочны, но с совершенной несомненностью можно утверждать, что бурное развитие античного общества в этот период, расцвет торговли, возвышение торговых классов греческих городов-государств, возникновение мастерских ремесленного и мануфактурного типа, кораблестроение и мореплавание, военная техника, архитектура, скульптура и живопись — все это вызвало быстрое развитие точных наук (астрономия, механика, математика).

¹⁾ Норре, Geschichte der Mathematik und der Astronomie in Altertum. S. 153.

²⁾ Платон, Государство VII, 514 А. и след.

Более того, можно проследить во многих случаях прямую связь возникающих проблем «чистой математики» с потребностями «прикладной» науки. Я не могу сейчас заняться рассмотрением возникающих здесь вопросов, не могу приводить тех аргументов, которыми, как мне кажется, мои выводы вполне подтверждаются; приведу только некоторые из этих выводов.

Из потребностей мореплавания возникает проблема конструкции часов. Первым прибором для измерения был «гномон» — палочка, отбрасывающая тень. Гномон служил и для измерения высоты вертикального предмета по его тени. Отсюда не только учение о пропорциях (числовых), но и учение о конических сечениях, ибо конец тени гномона описывает гиперболу различной формы в зависимости от времени года. Изображения этих гипербол имелись на «циферблате» солнечных часов («арахнея»).

Конические сечения (эллипс) тесно связаны с архитектурой (орнаменты). Мы знаем, что греческие архитекторы, желая придать орнаменту видимую форму круга, делали его эллипсом. С архитектурой и скульптурой связана и теория пропорций (между прочим «золотое деление» — деление в крайнем и среднем отношении).

Извлечение корней из чисел требовалось задачами архитектуры и военного дела. При изготовлении метательных орудий для расчета размера желоба по весу камня (снаряда) приходилось извлекать (приближенно, конечно, и очень грубо) кубический корень из числа. Можно утверждать, что знаменитая «делийская» задача — об удвоении куба — возникла, как задача «артиллерийская» — найти размеры желоба при удвоении веса «снаряда».

Теория перспективы была, несомненно, известна скульпторам и в особенности живописцам эпохи Перикла. По крайней мере известно, что во время постановки трагедий в афинском театре публика принимала декорации за действительные предметы — так были они хорошо нарисованы.

Несомненна и тесная связь между развитием геометрии круга и керамическим производством, процветавшем в Аттике. Немалую роль должно было играть керамическое производство, чрезвычайно распространенное и носившее характер массового производства на внешний и внутренний рынок, и на развитие «пространственного представления» греков (орнаментика ваз).

Этих кратких замечаний достаточно для того, чтобы составить представление о «производственных» корнях греческой математики (об ее «идеологической» базе речь будет еще впереди). Из них ясно также, что социальной базой математики, как науки, должна была явиться та группа «ремесленников», мастеров, которая и экономически и идеологически выкристаллизовалась, как группа технической интеллигенции. Интересы этой группы были тесно связаны с интересами торгово-промышленного класса, выступающего в течение VI и V веков как революционная сила против земельной аристократии, и одерживающего ряд блестящих политических побед.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что в числе выдающихся математиков этой эпохи мы видим философов ионийской школы (Фалес, Анаксагор), атомистов (Демокрит), софистов (Бризон, Антифон), имена которых связаны с важнейшими открытиями этой эпохи.

Какова же была роль идеологов реакционных классов греческого общества в развитии математики?

Наиболее ярко реакционные тенденции выявляются, как известно, в пифагорейской школе, представлявшей собою хорошо организованную не только идеологическую, но и политическую группировку. И вот, если мы обратимся к тому, чем обогатило математику эта школа, то увидим следующее: главное внимание пифагорейцы уделяли так называемой числовой мистике, т. е. установлению «скрытых» свойств чисел: этими «скрытыми» свойствами чисел они оперировали как для построения своей натурфилософии, в которой божественному провидению отводилась доминирующая роль, так и для «доказательств» правильности своих политических идеалов.

Что касается «положительных» открытий в области точных наук (напр., теория музыкальной гармонии), то, если и принять на веру свидетельства весьма пристрастных авторов, сообщающих об этом, во всяком случае, даже в их изложении эти открытия выступают, как нечто второстепенное, побочное. Кстати сказать, зависимость между длиной струны и высотой звука должна была иметь большое значение для «артиллерийского» дела, ибо по звуку, издаваемому жилами, метатели проверяли степень натянутости их, что имело решающее значение для определения, готово ли орудие к употреблению.

Таким образом, пифагорейская школа занималась числовой мистикой предпочтительно перед другими проблемами математики. Всякое же приращение этой «божественной» науки к практическим вопросам трактовалось как недостойное философа, и, в лучшем случае, только терпелось.

Итак, до-платоновская эпоха в истории греческой математики была представлена двумя основными направлениями математической мысли: с одной стороны — «эмпирическим» (атомисты, софисты), с другой стороны — «формальным» (пифагорейцы). Эти направления характеризуются как теми проблемами, которые ставятся, так и теми методами, которыми проблемы разрешаются. Именно: «эмпирическое» направление ставит проблемы, тесно связанные с проблемами прикладной математики; «формальное» направление занимается вопросами, имеющими мало интереса для прикладных дисциплин. «Эмпирики» широко пользуются математической интуицией; «формалисты» требуют абстрактно-логического методов доказательств. Всего резче расхождение методологического характера можно проследить на спорах, происходивших вокруг метода бесконечно-малых, если употребить современный термин, или метода неделимых, употребляя терминологию древних греков. Пользуясь этим методом, Демокрит разрешал вопрос об объеме пирамиды и конуса, а Антифон и Бризон — вопрос о квадратуре

круга. Сторонники «формального» направления отрицали всякую научную ценность этих выводов, так как метод неделимых был неприемлем для них, как формально-противоречивый. Так велика была острота этого спора, что результатом его явилось изобретение нового, чрезвычайно громоздкого метода «исчерпывания», посредством которого удалось придать некоторую формальную строгость выводу теорем об объеме пирамиды и конуса и некоторых других теорем геометрии. Этим методом и доказаны они в «Элементах» Евклида (III в. до н. э.). Что касается проблемы квадратуры круга, то в виду неудач всех попыток формализовать результаты, полученные методом неделимых, эта чрезвычайно важная проблема была вовсе исключена из «научных» построений «формального» направления, и у Евклида отсутствует, как отсутствует вся «измерительная» геометрия. Лишь Архимед в конце III века до н. э. вновь возвращается к проблеме квадратуры круга, и притом трактует ее по существу старыми методами, отвергнутыми греческой математикой в эпоху господства в ней «формализма».

В до-платоновскую эпоху «эмпирическая» тенденция преобладала в греческой математике, что вполне соответствовало господству материалистической философии в области идеологии и вытекало из политического преобладания торгово-промышленных классов в большинстве греческих городов-государств.

Пифагорейская школа представляла собой оппозицию в науке так же, как в философии и в политической жизни.

Что касается других философских школ, кроме упомянутых выше, то скудость наших сведений не позволяет с определенностью выяснить их позицию по отношению к методам и проблемам математики. Кое-какие сведения имеются лишь о позиции школы элеатов (Зенон и его знаменитые апории), но я сознательно воздерживаюсь от обсуждения возникающих здесь вопросов, так как при всей сомнительности, на мой взгляд, обычного толкования апорий Зенона, я не могу с достаточной убедительностью доказать справедливость гипотезы, которая могла бы быть ему противопоставлена.

Но, если для до-платоновской эпохи мы не можем полностью восстановить картину развития математики и тем самым доказать, «непосредственно» правильность утверждения о существовании двух течений в греческой математике (что не исключает, конечно, и промежуточных оттенков)—то, начиная от Платона, мы имеем в руках подлинники важнейших сочинений греческих философов и математиков. Изучение их полностью подтверждает выводы, изложенные выше.

В этой работе я постараюсь исчерпывающим образом использовать тот материал, который дает нам изучение Платона.

Платон родился в 429 и умер в 348 г. до н. э. Таким образом он жил в период, характеризующийся наступлением и победами реакции в греческих городах Балканского полуострова. По происхождению Платон принадлежал к знатной аристократической фамилии, а по своим политическим убеждениям к «крайней правой» аристократиче-

ской группировки. Его политические взгляды изложены им систематически в двух больших сочинениях: «Государство» и «Законы», где речь идет об устройстве «идеального» общества. Как можно судить по этим сочинениям, из которых второе написано гораздо позднее первого, политическая программа Платона не оставалась неизменной, однако он в основных вопросах твердо стоит на одной точке зрения. Лишь небольшая группа «лучших» должна обладать, по Платону, правами гражданства и управлять государством. Остальные «подданные» должны лишь повиноваться.

Но Платон был не только теоретиком аристократической партии; он был и активным политическим деятелем. Трижды в течение своей жизни он пытался (правда, безуспешно) свергнуть демократическую диктатуру в Сицилии, совершив три «заграничных» путешествия в Сиракузы с большим риском для жизни.

Философия Платона вполне гармонирует с его политическими воззрениями. Являясь продолжателем тенденций пифагорейской школы, он создал стройную последовательно-идеалистическую систему, в основу которой было положено учение о мире «идей», существующем вечно и неизменно, по образу которого создан божеством наш земной, переходящий мир.

Эту идеалистическую систему нужно было привести в согласие со всей совокупностью тогдашних научных сведений греков, и так как область «точных» наук была наиболее разработана и систематизирована, то вполне понятно стремление Платона подвести под свое учение «физико-математический» базис. Это он и пытается сделать. Начиная от мелких деталей и кончая учением о мироздании Платон постоянно привлекает в качестве доказательства материал из математики, как наиболее точной и совершенной науки.

Однако, как мы сейчас увидим, в сочинениях Платона мы имеем дело не с математикой, как таковой, а с «математической мистикой», граничащей порой с «математической» мистификацией.

Наше изложение мы начнем с диалога «Тимей», в котором изложена натурфилософия Платона. Платон устами Тимея излагает здесь происхождение и устройство вселенной, происхождение жизни на земле, эволюцию живой и мертвой природы и законы природы. При этом в последней инстанции все выводится из творческих актов разумно действующего божества.

Посмотрим же прежде всего, как бог Платона творил мир. Оказывается, что прежде всего были созданы четыре «стихии»: огонь, воздух, вода и земля. Эти четыре стихии просто заимствованы Платоном у Эмпедокла. Однако, у бога Платона были свои соображения, когда он творил именно эти, а не другие стихии, и когда он ограничил их число четырьмя. Эти соображения и сообщает нам главное действующее лицо диалога—Тимей.

«Происшедшее должно быть телообразно, видимо и осязаемо»¹⁾. Но видимым ничто не может быть без огня, осязаемым—без некоторой твердости и твердым без земли. Поэтому, начав созидать тело вселенной, бог творил его, из огня и земли».

«Но хорошо связать только два предмета без третьего невозможно, потому что в середине между ними должна быть соединяющая их связь. Прекраснейшая же из связей — та, которая и связуемое и самое себя сделала бы именно одним. А свойство производить это наилучшим образом имеет пропорция. Вель, когда из трех каких-либо чисел, либо масс, либо площадей, среднее относится к последнему так, как первое к нему самому... в таком случае все они по необходимости окажутся тождественными, а ставши тождественными одно другому, образуют вместе одно».

Итак, две стихии—огонь и земля—необходимы богу, чтобы создать мир видимым и осязаемым. Что касается остальных стихий, то они нужны просто для хорошей спайки, как цемент мироздания. Из подчеркнутого мною места видно, что Платон, считая непрерывную пропорцию самой стройной математической формой связи, требует от своего бога создания мира стихий по образу непрерывной пропорции. Но почему же тогда является не одна связующая стихия, а две? В последующих строках Платон выясняет причину этого на первый взгляд странного, но на самом деле, полного мудрости акта божества.

«И вот, если бы телу вселенной надлежало быть поверхностью, не имеющей вовсе глубины, то одной среды было бы достаточно, чтобы связать и приложенные к ней крайности и самое себя. Но космосу надлежало быть телообразным, тела же сплавиваются не одною, но всегда двумя серединами».

Чтобы понять всю глубину соображений, которыми руководствовался бог Платона, необходимо иметь в виду следующее: во второй половине V века до н. э. (точнее указать время не представляется возможным) Гиппократ Хиосский свел знаменитую задачу об удвоении куба к задаче о нахождении двух средних пропорциональных между стороной данного куба и удвоенной длиной.

Переводя результат Гиппократа на язык современной математики, можно формулировать его так: дан куб со стороной «а»; найти сторону «х» куба, имеющего объем вдвое больший объема данного куба. Результат Гиппократа гласит: величина х удовлетворяет пропорции:

$$a : x = x : y = y : 2a \quad (1).$$

Действительно, решая систему уравнений (1), находим:

$$x = a \sqrt[3]{2} \quad (2) \quad y = a \sqrt[3]{4} \quad (3)$$

или, освободив (2) от радикала,

$$x^3 = 2a^3 \quad (4).$$

¹⁾ „Тимей“ 31 В—32 С. Цитирую по русскому переводу Карпова.

Итак, для удвоения куба («тела») необходимо решить «пропорцию» с двумя «средними членами» (х и у). Для решения же аналогичной задачи для квадрата («поверхность») достаточно только одной средней пропорциональной. (Из пропорции $a : x = x : 2a$, находим $x^2 = 2a^2$ или $x = a \sqrt{2}$).

Если добавить еще, что во время, когда был написан «Тимей» (это одно из позднейших произведений Платона и, значит, относится, примерно, к середине IV века до н. э.), исследования Гиппократа принадлежали уже истории—то будет ясно, что соображения Платонова бога были столь же прозрачны, сколько и глубокомысленны.

Однако, последуем дальше за Платоном, который указывает, что не только в количественном, а и в качественном отношении «стихий» были созданы мудрым творцом по принципу пропорции.

«Поэтому в середине между огнем и землей бог поместил воду и воздух, установив между этими стихиями по возможности одинаковое отношение, т. е. чтобы огонь относился к воздуху, как воздух к воде, а воздух к воде, как вода к земле, и таким образом связал их и построил видимое небо. Вот для чего тело космоса рождено из этих, и таких именно по качеству, и четырех по числу, начал, с пропорциональной между ними связью, и отсюда получило оно свой согласный строй, так что, пришедши к тождеству само с собой, оно не может быть разрешено никем другим, кроме того, кто связал его».

Мы видим, что, заимствовав у своих предшественников учение о стихиях, Платон приписывает создание этих стихий богу. Но голая апелляция к божеству была бы еще недостаточна для настроенного весьма рационалистически торговца, владельца мануфактурной мастерской, архитектора, механика и т. д. И вот Платон «научно» подкрепляет свои метафизические построения, апеллируя притом к самой точной науке—математике и опираясь на выводы, составляющие достижение «высшей» математики того времени. Если еще принять во внимание, что эти выводы для широких кругов образованной публики были известны, но, конечно, весьма поверхностно, то будет понятно, что аргументация Платона могла казаться глубоко-научной и иметь большое влияние на умы современников.

Весь «Тимей» выдержан в таком же духе квази-научной аргументации, и «математические» доказательства играют в этой аргументации первенствующую роль.

Развивая дальше свою «теорию стихий», Платон хочет объяснить происхождение качественно различных веществ, встречающихся в природе.

И опять рассуждение идет «дедуктивно»: «что, во-первых¹⁾, огонь, земля, вода и воздух суть тела—это ясно для всякого. Но всякий

¹⁾ „Тимей“, 53 С и дальше.

вид тела имеет и глубину; всякая глубина необходимо включает природу поверхности¹⁾, а построенная на прямых линиях поверхность состоит из треугольников. Треугольники же все получают начало из двух треугольников, у которых — обоих — один угол прямой, и два острых: первый из треугольников в каждом остром угле содержит по половине прямого угла, разделенного сторонами равными; а другой отделяет им неравными сторонами части неравные».

Ясно, что речь идет о прямоугольных треугольниках, один из которых равнобедренный, а другой произвольный. Ясно также, что, говоря о том, что все треугольники получают начало из прямоугольных, Платон имеет в виду разбитие треугольника одной из высот его. Но нужно обратить внимание на необычайно туманную форму, в которой излагаются эти совершенно элементарные для той эпохи рассуждения. Она не является случайной, и в ней во всяком случае нельзя видеть результат позднейшего искажения текста Платона, ибо, если бы Платон изложил свои мысли тем ясным математическим языком, которым писали его современники-математики, судя по сохранившимся отрывкам, то вряд ли даже самый невежественный переписчик мог бы придать им такую запутанную форму. Именно эта неясность выражений помогает Платону перебрасывать мост от точной науки к метафизическим построениям.

Несколькими строками ниже после приведенной цитаты мы читаем:

«Надо нам рассудить, как могли возникнуть эти прекраснейшие четыре тела²⁾, которые, хотя и не подобны друг другу, могут однако разрешаясь происходить одно из другого³⁾... Так надо постараться составить эти четыре рода тел, отличающиеся своей красотой, чтобы затем объявить, что мы достаточно поняли их природу».

Дальше идет длинное и туманно изложенное рассуждение о том, как из прямоугольных треугольников получаются правильные многогранники. «Прекраснейшим» треугольником является равносторонний. Самым же прекрасным из неравносторонних прямоугольников Платон объявляет тот, у которого один из катетов вдвое меньше гипотенузы (с острыми углами 60° и 30°); по этому поводу он замечает: «... Почему—это долго было бы объяснить, но кто нас опровергнет и обличит, что это не так, награда тому будет в нашей дружбе». Не правда ли, веский аргумент?

Из двух таких треугольников образуется равносторонний треугольник, а из равносторонних треугольников составляются три пра-

¹⁾ Это место не совсем ясно; обычное толкование такое: раз тело имеет глубину, оно должно иметь длину и ширину.

²⁾ Т.-е. четыре стихии. М. В.

³⁾ Подчеркнуто мной—М. В.

вильных многогранника: тетраэдр, октаэдр, и икосаэдр (четырёхгранник, восьмигранник и двадцатигранник). Из двух же равнобедренных прямоугольных треугольников образуется квадрат, а из квадратов—куб (правильный шестигранник). Эти четыре, столь «прекрасно» составленные Платоном правильных многогранника, и служат геометрической формой четырех стихий. Платон добавляет: «Но так как оставалось еще одно, пятое соединение, то бог употребил его для очертания вселенной¹⁾».

Речь идет, конечно, о пятом правильном многограннике — додекаэдре (двенадцатигранник), составленном из двенадцати правильных пятиугольников.

Дальше Платон «распределяет» эти четыре геометрические формы между четырьмя стихиями: «Земле²⁾ представим мы вид кубический потому, что земля из четырех родов наименее подвижна и между телами — самое пластическое, а такие именно свойства необходимо представляет тело, имеющее наиболее твердые основания». И далее, исходя из степени легкости и подвижности каждой стихии, Платон наделяет огонь формой тетраэдра, воздух формой октаэдра и воду формой икосаэдра.

Как же мыслит себе Платон принадлежность той или иной геометрической формы к той или другой стихии?

«Но все эти виды нужно мыслить настолько малыми, что каждый единичный вид каждого из родов, по малости, недоступен нашему зрению, и мы видим только массы их при скоплении множества единиц».

Итак, взяв у Эмпедокла четыре стихии, Платон берет у Демокрита атомическую теорию, втискивает ее в рамки «четырех стихий» тем, что фиксирует форму атомов, у Демокрита бывшую вполне произвольной.

Платон идет дальше: он переходит к превращению одного вещества в другое. Земля по Платону ни во что превращаться не может, ибо лишь земля «составлена» из четырехугольников; остальные же стихии, будучи все построены из треугольников, могут переходить одна в другую. «Вода, будучи разделена огнем или также воздухом, может составить одно тело огня и два воздуха. Доли воздуха из одной разряженной его части образуют опять два тела огня..., а если побежден и раздроблен воздух, то из двух с половиной его частей сплотится один целый вид воды»³⁾.

Таким образом превращение стихий исследуется не только качественно, но и количественно, при чем обнаруживается любопытная вещь: расчет ведется не на объемные, а на поверхностные единицы по «химическим» формулам вроде такой: 1 вода = 1огонь + 2 воздух, или, придавая каждому элементу число, соответствующее числу его граней: $20 = 4 + 2 \cdot 8$.

¹⁾ Здесь Платон противоречит самому себе. Несколько раньше, в том же диалоге тот же Тимей заявляет, что бог дал вселенной форму шара, как самого совершенного тела (Тимей, 33 С).

²⁾ 55 Е.

³⁾ 55 Е.

Такая «поверхностная» теория строения вещества является по истине поверхностной для столь глубокомысленной философии. Нам незначительно следовать дальше за развитием этой теории. Из приведенного материала уже с достаточной отчетливостью видно, что Платон видел в математике не орудие исследования внешнего мира, а лишь средство для квази-научного обоснования своего по существу религиозного мировоззрения. Математическими фактами он пользовался только для того, чтобы путем аналогий, хотя бы и поверхностных, показать, что действия божества вытекают из его совершенного разума. Недаром Платону приписывается афоризм: «Бог творит геометрически»¹⁾. Однако, как видит читатель, бог Платона был не глубоким знатоком геометрии.

Мы увидим дальше, что Платон прямо говорит о том, что в этом именно и заключается значение математики, а вовсе не в ее практических приложениях. Пока же заметим еще, что знаменитое изречение, написанное на входе в платоновскую «академию», — «Пусть не входит сюда никто, кто не знает геометрии» — получает совершенно другой смысл, чем обычно в него вкладывается: от вступающего в академию требовался известный «минимум», необходимый для того, чтобы понимать наукообразные построения Платона.

Если в «Тимее» Платон стремится «математически» обосновать свою систему происхождения и устройства вселенной, то в целом ряде других своих произведений он пользуется примерами, взятыми из математики, для обоснования отдельных своих положений. Но напрасно было бы искать у Платона методологического использования математики: повсюду математические примеры притянуты за волосы и представляют в лучшем случае поверхностные аналогии.

В качестве примера такого использования математики, приведу одно место из диалога «Менон».

В этом диалоге Сократ, в уста которого Платон вкладывает свои мнения, исследуя вопрос о том, что такое добродетель, высказывает положение, что истинная добродетель, как и все, что вообще познают люди, приобретается не путем познания внешнего мира, а путем припоминания; сущность всякого знания не в усвоении и систематизации эмпирических фактов, а лишь в припоминании от рождения вложенных в человеческую душу сведений, приобретенных ею в потустороннем мире.

Для доказательства этого положения, которое, несомненно, чрезвычайно характерно для платоновской философии, Сократ прибегает к... эксперименту. Он предлагает своему противнику в споре — софисту Менону (который в начале спора высказал очень здравое суждение о том, что добродетель — понятие весьма относительное) позвать кого-нибудь из его слуг. Менон зовет мальчика, никогда не учившегося геометрии, и Сократ, задавая этому мальчику ряд вопросов, стремится

¹⁾ Платарх, Жизнеописание. VIII, 2.

показать, что мальчик, которому вопросы эти помогут вспомнить то, что он когда-то знал, ответит сам на вопрос: как построить квадрат, площадь которого вдвое больше площади данного квадрата (со стороной в два фута)¹⁾.

Результат этого эксперимента кажется Сократу и его собеседнику вполне убедительным: мальчик «вспомнил», что нужно построить искомым квадрат на диагонали данного! И Сократ торжествующе спрашивает:

— Ну, как тебе кажется, Менон, произнес ли он (мальчик) какое-нибудь не свое мнение?

— Нет, все его.

— Однако, он же не знал, как мы говорили недавно?

— Правда.

— И между тем эти мнения были у него или нет?

— Были.

— Следовательно у человека... есть верные понятия о том, чего он не знает.

— Видимо²⁾.

Если читатель прочтет соответствующее место из «Менона», он увидит, что некоторые вопросы Сократа к мальчику так неясны, что даже человек, знающий геометрию, затруднился бы понять, чего собственно хочет от него Сократ. Но мальчик обнаруживает прямо поразительные способности и отвечает как раз так, как хочется Сократу. И все же, несмотря на гениальные способности мальчика, Сократ вынужден главнейшие выводы делать сам, а мальчика спрашивать: не так ли? На что гениальный ребенок отвечает: «Так».

Но, допустим, как это предполагается всегда в таких случаях, что текст «Менона» искажен, что вопросы Сократа действительно понятны, что ответы мальчика сознательны. И тогда все же ясно, что пример притянут за волосы, хотя бы по выбору темы математической беседы. Именно, Платон, очевидно, считает, что для мальчика измерение площади квадрата со стороной в 2, 3 и 4 фута, представляется само собой понятным, так как из этого Сократ исходит при беседе, как из известного. Между тем всякий знает, что даже и теперь, в период жилищного кризиса, далеко не всякий взрослый человек у нас сумеет сказать, чему равна площадь квадрата со стороной 4 фута. Таким образом, видно, что Платон не слишком заботился даже о том, чтобы придать своему рассказу хотя бы внешнюю форму правдоподобия.

Приведенные примеры достаточно ярко показывают, какую роль играют «математические» рассуждения в сочинениях Платона: вряд ли нужно утомлять внимание читателя новыми выписками. Достаточно сказать, что в сочинениях Платона нет ни одного места, где бы экскурсия автора в область математики были бы более удачными. Наоборот, немало таких мест, где «математические» рассуждения носят чисто «магический» характер. Таково, например, доказательство того, что монарх

¹⁾ „Менон“, 82 В в след.

²⁾ „Менон“, 85 С.

счастливее тирана ровно в 729 раз ¹⁾; таково рассуждение о «божественном» числе, измеряющем продолжительность существования идеального государства ²⁾.

Итак, по дошедшим до нас сочинениям Платона мы не можем считать его сколько-нибудь выдающимся математиком своего времени. Но, возражат мне, Платон мог, кроме сочинений, дошедших до нас, написать другие, до нас не дошедшие, посвященные специальным математическим вопросам; наконец, он мог и не оставить потомству своих математических трудов, а ограничиться тем, что сообщал о своих открытиях своим ученикам.

Что касается первого предположения, то для него во всяком случае нет никаких оснований. Гораздо труднее, конечно, было бы возразить на второе, тем более, что позднейшие авторы определенно приписывают Платону ряд открытий в математике. Однако сам Платон позаботился о том, чтобы облегчить нам задачу.

Мы вернемся еще к вопросу о том, как создалась легенда о Платоне-математике, а пока посмотрим, каковы были взгляды Платона на значение математики, как науки.

В Диалоге «Государство» Сократ поучает своего собеседника Главкона, какими науками должны заниматься правители города—философы. На первом месте он ставит науку о числе: «Ибо военному человеку необходимо знать ее для распорядка войск, а философу, поднимающемуся над миром вещей чувственных, — для достижения сущности» ³⁾.

Нужно иметь в виду, что на обязанности правителя лежит военная защита города. Поэтому Платон допускает приложение «науки о числе к военному делу, хотя, как будет ясно из дальнейшего, применение науки к военному делу рассматривается, как нечто для науки побочное и не существенное. Чтобы подчеркнуть, что наука о числе ценна не в приложениях своих, а в своем чистом виде, Сократ, продолжая свою речь, говорит: «Посему эту науку надобно утвердить законом и убедить тех, которые намереваются занять в городе высокие должности, чтобы они упражнялись в науке счисления, не как люди простые, но входили своей мыслью в созерцание природы чисел—не для купли и продажи, как занимаются этим купцы и барышники, а для войны и самой души—с целью облегчить ей обращение от вещей бытных к истине и сущности».

Можно ли более резко и отчетливо формулировать тезис о том, что наука является классовой в том смысле, что она развивается применительно к потребностям класса, ею занимающегося? Не имеем ли мы в данном примере явно выраженной мысли, что наука служит целям укрепления господства, не только физического (военное дело), но одновременно и главным образом идеологического (философия и религия)?

¹⁾ „Государство“, IX 587 С—Е.

²⁾ „Государство“, VII 546 В.

³⁾ „Государство“, 525 В и след.

На втором месте Сократ ставит геометрию (планиметрию). Главкон согласен с Сократом, так как по мнению Главкона «и при расположении лагерей, и при занятии мест, и при стягивании и растягивании войск и при всех военных построениях, как во время сражений, так и во время походов, геометр много отличается от негеометра».

Главкон мыслит «грубо-материалистически». Но Сократ возражает: «Но для таких вещей достаточна малая часть геометрических и арифметических выкладок, часть же их большая, простирающаяся дальше, должна смотреть, что здесь направляется способствовать легчайшему усмотрению идеи блага...». И, опять подчеркивая свою мысль, Сократ продолжает: «Поскольку геометрия созерцает сущее—она принадлежит нам; а поскольку бытие—не принадлежит».

Не имеем ли мы в приведенных выше цитатах ясно выраженную тенденцию к отделению науки от жизни, от практики, тенденцию, на которую указывал я, говоря о пифагорейской школе, представительнице идеологии реакционного класса? Эту тенденцию мы найдем и в дальнейшем развитии математики греков. Мы видим уже теперь, что отступление от нее допускается Сократом, как исключение, лишь для такого особо «благородного» занятия, как военное дело.

На третье место Сократ ставит стереометрию, а на четвертом—астрономию. Главкон хотел было предоставить астрономии третье место, «потому что астрономия осязательно представляет чувству и времена года, и месяцы, и годы, что нужно не только для земледелия и мореплавания (!), но не меньше и для военнопачальствования».

Опять Главкон показывает себя невыдержанным философом, хотя и старается выразиться помягче («не только для земледелия...»). И опять Сократ, на этот раз уже употребляя едкую иронию, возражает: «Любезен ты; кажется, ты боишься, как бы не показалось народу, что предписываешь науки бесполезные».

Главкон соглашается поставить астрономию на четвертое место и, чтобы исправить свою ошибку, находит теперь, что польза ее в том, что, изучая ее, человек смотрит ввысь. Но Сократ недоволен и этим и заявляет, что люди, возводящие астрономию на степень философии, наоборот, «сильно располагают человека глядеть вниз». «Тебе должно быть, думается, иронически продолжает Сократ, что, кто видит украшения на потолке... видит их мыслью, а не глазами... Под именем науки я не могу разумеать чего-нибудь иного, кроме того, что рассуждает о сущем и невидимом, по верхам ли зазевавшись или зарывшись вниз, приобретает кто известные знания».

«Если же хотят приобрести знания, зазевавшись вверх на что-либо чувственное, то утверждаю, что и не узнают ничего, ибо такие вещи не дают знания...».

Главкон снова признает себя побежденным, и Сократ тогда определяет значение астрономии: она дает лишь слабые намеки и указания для проникновения мыслью в тайны мироздания и для постижения величия бога. Свою речь Сократ заключает словами: «Стало быть, мы

и к астрономии, как прежде к геометрии, приступаем, пользуясь высшими вопросами, а находящееся на небе оставим, если хотим, занявшись истинной астрономией, разумную по природе сторону души из бесполезной сделать полезною»¹⁾.

Читатель может себе представить, насколько могла бы подвинуться вперед наука, если бы она следовала мудрым рецептам Платона. Если греческая астрономия сделала крупные достижения в послеплатоновскую эпоху, то это не благодаря Платону, как утверждают буржуазные историки науки, а вопреки Платону, под давлением тех потребностей «земледелия и мореплавания», о которых заикнулся было Главкон. Насколько удалось Платону и его последователям затормозить развитие астрономии, об этом мы не можем судить за отсутствием точных данных, но всем известно аналогичное сопротивление, которое реакционная идеология феодалов в лице святой инквизиции оказала развитию астрономии в новое время.

Чтобы дорисовать картину, укажу еще на ту роль, которую Сократ отводит музыке — пятой по счету науке, вводимой в число предметов обучения философа. Здесь Сократ обрушивается на людей, занимающихся акустическими экспериментами, которые, по его словам «трудятся безрассудно; толкуя о каком-то сгущении тонов и прикладывая уши, они извлекают звук как бы из ближайших звуков. Одни из них говорят, будто слышат какой-то отголосок в середине..., а другие спорят, что такое звучание в подобии доходит уже до тождества, но как первые, так и вторые ставят уши выше ума».

Здесь, несомненно, речь идет об изучении обертонов; повидимому, имеются в виду обертоны квинты и октавы («в подобии доходит до тождества»).

Сократ упрекает далее тех, кто «уши ставит выше ума» в том, что «они в слышимых созвучиях ищут чисел, а к высшим вопросам не восходят, чтобы наблюдать, какие числа созвучны, а какие нет и отчего бывает то и другое»²⁾.

В этой последней тираде мы имеем, в сущности, квинтэссенцию платоновского числового мистицизма. Здесь Платон являет себя продолжателем пифагорейской школы и сторонником «формального» направления в математике.

Если мы теперь спросим, чем же была математика для Платона, и кем был Платон для математики, то ответ может быть сформулирован так: для Платона математика была не орудием познания внешнего мира и даже не наукой самой для себя, а средством внеопытного познания «сущего и невидимого».

¹⁾ Государство, 530 С.

²⁾ Государство, 531 А.

В руках Платона математика из «точной» науки становится наукой магической.

В «математических» рассуждениях Платона нет и следа той «строгости», которая характеризует собой математические исследования. Числовые соотношения просто навязываются природе, и притом без всяких оснований. Изучение же математики, как таковой, объявляется недостойным философа.

Поэтому Платон не был и не мог быть математиком, в подлинном смысле слова. Его роль в истории греческой математики — роль реакционная. Принимая во внимание то влияние, которым философия Платона пользовалась в древности, можно сказать, что Платон, как математик, был величиной большого абсолютного значения, но отрицательного знака.

Откуда же взялась тогда легенда о Платоне-математике? Ответить на этот вопрос будет очень легко, если мы посмотрим, каковы источники, на которых базируется оценка значения Платона в современной истории математики. Прежде всего поражает нас то, что современники Платона ничего не знают о его математических заслугах. Так, Аристотель, ученик Платона, не раз упоминающий о нем в своих сочинениях, посвятивший много внимания критике учения Платона, нигде не упоминает о каких-либо открытиях Платона или вообще о его значении в истории математики. Все же сведения о математических открытиях Платона относятся к позднему времени. Впервые упоминает о Платоне-математике Герон, живший не менее, чем через 300 лет после Платона, в связи с нахождением «рациональных» прямоугольных треугольников. Главный же источник подобных сведений — комментарии к 1-й книге Евклида, составленные Проклом в середине V столетия н. э. Прокл принадлежал к школе нео-платоников; большая часть его работ посвящена комментированию сочинений Платона. Нет ничего удивительного в том, что он готов был приписать Платону те открытия, которые ему хотелось бы считать платоновыми.

Насколько необудительными для нас являются соображения Прокла в этом отношении, я покажу на одном из примеров. При этом я нарочно беру наиболее бесспорное для историков математики положение, что Платон первый сформулировал так называемый аналитический метод доказательства. Это положение основано, прежде всего, на свидетельстве Прокла. Дадим же слово этому свидетелю.

Прокл, указав на то, что доказательство того или иного предложения есть по большей части дело находчивости автора, и нельзя дать общего метода для его раскрытия, продолжает: «Однако, некоторые методы все же были указаны. Лучший из них — метод аналитический, который сводит искомое к уже известным началам (принципам). Говорят, что этот метод был сообщен Платоном Леодаму, и говорят, что последний при помощи этого метода открыл многое в геометрии. Второй метод — метод разделения, который, разлагая данное родовое понятие (genus) на части, дает исходный пункт для доказательства, удаляя все, что является чуждым для построения предложенного. Этот

метод Платон также превозносил, считая его чрезвычайно важным для всех наук»¹⁾.

Мы прежде всего видим, что сам Прокл не берет на себя ответственности за свои слова («говорят»); однако, он приводит это мнение, очевидно, потому, что считает его правдоподобным, ибо не дает ни своих ни чужих опровержений.

Heath²⁾ считает, что источником приводимого Проклом мнения послужило то место «Государства» Платона, где описывается метод, употребляемый диалектиками в их рассуждениях. Метод этот состоит в том³⁾, что доказываемое предложение рассматривается, как гипотеза; из этой гипотезы выводится ряд следствий, пока рассуждающий не придет к такому положению, которое принадлежит к «началам», т.-е. обладает абсолютной достоверностью. После этого диалектик исходит от этого «начала» и, обратив цель рассуждений, чисто умозрительным путем, не опираясь ни на какие «чувственные» предпосылки, приходит к «доказательству» того, что прежде принимал за гипотезу.

Этот метод представляет, повидимому, аналогию с тем математическим методом, который носил в древности название «аналитического».

Heath, считает, что указанное предположение об источнике приведенного выше мнения Прокла подтверждается и тем, что «метод деления», о котором говорит Прокл дальше, есть как раз тот метод, которому следует Платон в изложении «Государства».

Однако, тот же Heath справедливо отмечает, что, говоря о методе «диалектиков», Платон прямо противопоставляет его методу математиков, которые отправляются непосредственно от гипотезы, «не находя нужным дать в ней отчет ни себе, ни другим»⁴⁾. Таким образом Платон противопоставляет «синтетический» метод математиков «аналитическому» методу диалектиков. Кроме того, о методе «диалектиков» Сократ (устами которого повествует Платон) говорит прямо, как о методе, хорошо известном его собеседнику. Наконец, веским аргументом против принятия версии Прокла является и тот факт, что, если «аналитический» метод в той или иной степени играет роль в античной математике, то «метод деления», т.-е. расчленения проблемы на частные случаи, абсолютно чужд классическому периоду. Он является характерным именно для упадочной эпохи современной Проклу, и широко практиковался самим Проклом.

Прокл приписывает Платону и другие открытия в области математики (напр., рациональные прямоугольные треугольники; определение прямой линии). Новейшие авторы следуют обычно традиции Прокла и других позднейших авторов нео-платоников⁵⁾.

¹⁾ Цитирую по Cantor's „Vorlesungen über die Geschichte der Mathematik“. Leipzig 1920, S. 210.

²⁾ Heath, The thirteen books of Euclid's Elements, V. I p., 134.

³⁾ „Государство“ VI 511.

⁴⁾ „Государство“ VI 510.

⁵⁾ Из известных мне авторов XIX и XX столетия только один Allman (Greek geometry from Thales to Euclid 1861) отказывается от традиции Прокла; однако он

Однако, почти каждый современный автор имеет свои особые пункты несогласия с традицией, что не мешает ему в общем и целом разделять ее. Чтобы не ходить далеко за примером, укажу на того же Heath'a, критические взгляды которого только что были изложены. Но, расходясь с Проклом по вопросу о происхождении аналитического метода, Heath безоговорочно солидаризуется с Проклом в том, что Платон является автором определения прямой линии, бывшего в употреблении в до-евклидовский период¹⁾.

При этом Heath ссылается на место из диалога «Парменид», приводимое ниже. В этом диалоге Сократ и его ученики, с одной стороны, и элеаты Зенон и Парменид, с другой — беседуют на тему о том, едино ли сущее или множественно. Нам нет нужды следить за развитием этой основной темы. Мы обратимся прямо к интересующему нас месту, где Парменид исследует вопрос, исходя из предположения о том, что сущее едино²⁾.

... Парменид: Если единое существует, то единое не может быть множественным.

Аристотель: Как это было бы возможно?

Парменид: Но тогда у него не должно быть частей, и само оно не должно быть целым.

Аристотель: Как это?

Парменид: Вель часть есть всегда часть целого?

Аристотель: Да.

Парменид: А целое? Не является ли целым то, у которого все части налицо?

Аристотель: Конечно.

Парменид: Значит, в обоих случаях единое состояло бы из частей, будет ли оно целым или будет оно иметь части.

Аристотель: Необходимо.

Парменид: В обоих случаях тогда единое было бы множественным, а не единым.

Аристотель: Так следует.

Парменид: Итак, если единое действительно едино, то оно не может ни быть целым, ни состоять из частей.

Аристотель: Нет, не может быть.

Парменид: Но, если оно не имеет частей, то оно не имеет ни начала, ни конца, ни середины; ибо это были бы уже части его.

Аристотель: Конечно.

Парменид: Но начало и конец суть границы всякого предмета?

Аристотель: Само собой понятно.

не задается вопросом о „магическом“ использовании математики у Платона. Не пытается он также понять связь между „математикой“ Платона и всем его мировоззрением.

¹⁾ Heath l. c. V. I p. 165.

²⁾ „Парменид“ 137 E; цитирую по немецкому изданию O. Apelt'a, Platons Dialog „Parmenides“. Leipzig. 1922. Verlag Meiner.

Парменид: Итак, единое безгранично, ибо оно не имеет ни начала ни конца.

Аристотель: Да, безгранично.

Парменид: Следовательно, также бесформенно, ибо ни к круглому, ни к прямому оно не причастно.

Аристотель: Как это?

Парменид: Круглое это то, концы чего от середины равно отстоят всюду?

Аристотель: Да.

Парменид: А прямое есть то, середина чего так расположена по отношению к обоим концам, что оно покрывает их?

Аристотель: Это так.

Парменид: Единое, таким образом, должно было бы иметь части и быть множественным, если бы оно было причастно к одной из этих форм: круглого или прямого.

Аристотель: Без сомнения.

Парменид: Следовательно, оно не прямое и не круглое, так как оно именно не имеет частей.

Аристотель: Следовательно...

Мне пришлось утомить читателя длинной выпиской, но без нее осталось бы неясным, в каком контексте является место, на которое опирается Heath.

Из контекста явствует, что подчеркнутые мною слова Парменида представляют собою перефразировку (или даже точный текст) общепринятого определения окружности и прямой. Определение окружности совпадает с современным. Определение же прямой, несомненно, имеет происхождение из «провешивания» прямых линий на поверхности земли — метод, применявшийся в Греции и во всех других странах при планировании участков земли с незапамятных доисторических времен. Уже по одному этому было бы странно считать, что Платон является автором этого определения. Но если бы даже допустить, что до Платона никому в голову не приходило формулировать определение прямой, опираясь на элементарный и повседневный опыт землемера, то и в этом случае невозможно допустить авторство Платона, ибо именно Платон был ярким противником того, чтобы математика вообще занималась предметами чувственного восприятия (см. приведенные выше выдержки из «Государства»); тем более недопустимо с точки зрения Платона было апеллировать к чувству зрения («покрывает») в определениях основных понятий математики.

Приведенное место имеет огромное значение для истории математики, но не потому, что оно свидетельствует о математических открытиях Платона, а потому, что из него мы видим, что еще во время Платона ходячим определением прямой было определение, имею-

щее опытное происхождение; что даже Платон вложил его в уста действующего лица своего диалога ¹⁾.

Внимательный читатель узнает и знакомую уже нам манеру Платона «притягивать за волосы» математические понятия и примеры. Вместо того, чтобы мотивировать бесформенность целого, напр., тем, что не имеющее границ не может иметь и формы, Платон вкладывает в уста Парменида «математическую» тираду. Между тем из этого «математического» доказательства «следует» лишь то, что «единое» не может иметь формы прямого и круглого, но не кривого вообще (напр. параболы).

Впрочем, существенно не это; существенным является то, что подчеркнутые места приведенной цитаты из «Парменида» никоим образом не дают основания приписать Платону открытие или формулирование определения прямой линии, и можно только удивляться, что такой глубокий знаток истории математики, как Heath, может разделять Прокловскую традицию. Объяснения этому факту нужно искать, конечно, в причинах идеологического характера.

Мне кажется, после всего сказанного, мы имеем полное основание, отказавшись от легенды о Платоне, утверждать, что Платон, который, несомненно, знал математику, как и другие науки, своего времени, не играл и не мог играть в истории математики какую бы то ни было «положительную» роль. В какой степени воззрения Платона оказали поддерживающее влияние на развитие математики и на ее преподавание — сказать, конечно, трудно. И именно потому, что Платон был «первоклассным» философом с остро отточенной философской мыслью — именно поэтому должны мы констатировать, что Платон мистифицировал публику своей квази-математической аргументацией.

И особенно ясным это становится при сравнении Платона с другим великим философом древности — Аристотелем. Математические сочинения Аристотеля до нас не дошли, но в его чисто философских работах, как и в диалогах Платона, разбросано немало математических примеров, особенно относящихся к вопросам, пограничным с вопросами теории познания. Но, в противоположность Платону, у Аристотеля в этих примерах мы не найдем натянутости и произвольности толкования. Наоборот, некоторые места поражают нас своей глубиной и оригинальностью, стоящей вне всякого сомнения.

Рамки этой статьи не позволяют провести параллель между Платоном и Аристотелем; я постараюсь в другой работе уделить взглядам Аристотеля то внимание, которого они заслуживают. Здесь, я ограничусь указанием на то замечательное место «Физики», где Аристотель ставит и разрешает вопрос о бесконечном — вопрос, который вплоть

¹⁾ Можно было бы добавить, что в строго-формальном «курсе» Евклида — III в. до н.э. — (который изгнал из геометрии даже измерение площадей, как таковое) определение прямой сохранило следы своего происхождения: «прямая линия есть линия, которая одинаково расположена со всеми своими точками».

до последнего времени являлся актуальным в математике. Аристотель ¹⁾ отчетливо разграничивает «две» бесконечности: актуальную и потенциальную. Только последняя, по Аристотелю, существует в природе; только с ней имеет дело и математика. Ибо, говорит Аристотель, математику нет никакого дела до того, «конечна» или «бесконечна» прямая: важно лишь то, что конечный отрезок прямой может быть продолжен настолько, насколько это угодно. «Правильный взгляд на бесконечное как раз противоположен обычно принимаемому: бесконечное это не то, что не имеет ничего вне себя, а то, что всегда имеет что-нибудь вне себя» ²⁾.

В начале статьи я указал, что, несмотря на кажущуюся узость темы, поставленный в ней вопрос является актуальным для истории науки. Мне хотелось бы закончить ее указанием на то, что затронутые здесь вопросы имеют значение и для современности. В самом деле, ошибочно было бы полагать, что воззрения Платона на значение математики, на цели и методы ее преподавания и, наконец, его тенденция к «магическому» употреблению квази-математических рассуждений отошли безвозвратно в область прошлого. Нет, всюду, где имеется налицо родственная Платону идеология (а она порождается неизбежно существованием класса эксплуататоров, идеологом которого, правда, в других исторических условиях, был Платон), имеются налицо и элементы «платонизма» — конечно, в модифицированном виде.

Можно было бы проследить эволюцию «платонизма» на протяжении всей истории европейской математики в средние века и в новое время. Эта интересная работа, несомненно, будет выполнена когда-нибудь историком-марксистом. Здесь же я остановлюсь на нескольких примерах из недавнего времени.

«Педагогические» взгляды Платона (см. выше отрывки из «Государства») нашли себе защитника в лице германского методиста M. Simon'a, который в своей книге, посвященной истории математики в древности ³⁾, заявляет, что и для современной школы воззрения Платона не утратили своей силы. Кстати можно отметить, что тот же Simon в споре с недавно умершим F. Klein'ом горячо возражал против введения элементов высшей математики в программу средней школы.

В качестве другого примера укажу на работу П. А. Некрасова «Теория вероятностей» ⁴⁾. Чуть ли не половина этой книги посвящена доказательствам: бытия божия (стр. XXXIII—XXXVI, 16—17; 32; 42), необходимости царской власти (стр. 111—121); частной собственности (стр. 44) и т. д. Даже право царя на роспуск государственной думы аргументируется «математическими» доводами: «... Подобным образом математик, встряхивающий урну... открывает себе возможность перед новым испытанием свойств урны уничтожить

¹⁾ Phys. III, 5-8.

²⁾ Phys. III, 207 а. Курсив мой.

³⁾ Max Simon, Geschichte der Mathematik im Altertum in Verbindung mit antiker Kulturgeschichte, Berlin, 1909, S. 186.

⁴⁾ П. А. Некрасов. Теория вероятностей, изд. 2-е. СПб. 1912.

сложившуюся в ней подтасовку с интригами» ¹⁾. Я указал лишь некоторые отдельные места из книги Некрасова. Но любознательный читатель может быть избавлен от труда отыскивать страницы текста: он просто может открыть книгу на любой странице первой ее части, чтобы убедиться в том, что «может собственных Платонов российская земля рождать».

«Может» — потому, что, к великому огорчению, эти «собственные Платоны» не перевелись и в Советском Союзе. Передо мною изданная в 1922 г. Одесским отделением Всеукраинского Государственного Издательства брошюра А. Филиппова «Великий счет», которая на 22 страницах сообщает читателю об арифметических познаниях Будды, об измерении атомов, о размерах вселенной, об исчислении атомов и о трансфинитных числах Кантора. Автор поставил и точки над «и», начав свое произведение цитатой из Эдгара По и закончив такими словами: «И вместе с Платоном мы пожелаем, чтобы читатель «вошел мыслью в созерцание природы чисел не для купли и продажи, как занимаются этим барышники, а для самой души — с целью облегчить ей обращение от вещей бытных к истине и сущности». Как видит читатель, платоновские взгляды не только исповедуются, но и проповедуются поныне.

Книжка Филиппова не единственная в этом роде. Укажу, например, на более «тяжеловесную» и по объему (65 стр.) и по содержанию книгу, вышедшую в том же году в Москве (изд. «Поморье») П. Флоренского «Мнимости в геометрии», где возрожден квази-математический метод построения системы мироздания, какой мы видели в «Тимее». В результате автор приходит к системе «Птоломея-Данте» с неподвижной землей — центром вселенной! Но этого мало. «Опираясь» на принцип относительности, автор приходит к выводу о том, что граница земного мира находится где-то между орбитами Урана и Нептуна, а дальше идет мир небесный. «На границе земли и неба длина всякого тела делается равной нулю, масса бесконечной, а время его, со стороны наблюдаемое — бесконечным». Иначе говоря, тело утрачивает свою протяженность, переходит в вечность и приобретает абсолютную устойчивость. Разве это не есть пересказ в физических терминах признаков идей. — по Платону — «бестельных, непротяженных, неизменяемых, вечных сущностей?»..

Таким образом, платоновские тенденции еще проявляют себя и в наше время, независимо от того, находят ли они себе дорогу на книжный рынок или нет. Вот почему выяснение социально-идеологических корней легенды о Платоне и «разоблачение» этой легенды имеет не один только исторический интерес.

М. Выгодский

¹⁾ Там же, стр. XXXI.

II. Стенограммы докладов, читаемых в Коммунистической Академии

О ПРОБЛЕМЕ ДИСПРОПОРЦИИ И ТЕМПЕ ХОЗЯЙСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ В СССР

(Доклад В. П. Милютина. Заслушан 27 апреля 1926 г.)

Товарищи, развитие нашего хозяйства выдвигает в настоящее время целый ряд теоретических проблем. Это является вполне закономерным. Мы вступаем, как вам известно, в новый период, в период реконструкции нашего хозяйства. Восстановительный период, первый период нэпа заканчивается в смысле достижения довоенных размеров производства и использования довоенной техники, и наша экономика вступает в новый период, когда перед нами встает проблема изменения нашей техники, изменения нашей технической базы в смысле не только обновления, но и нового строительства. В зависимости от этого выдвигаются вопросы реконструкции нашего народного хозяйства. Поэтому теоретические проблемы в нашей экономике получают новое значение в связи с изменяющейся практикой. Изменяющаяся практика требует нового теоретического освещения, а новое теоретическое освещение дает возможность более точно и более правильно наметить нашу практику. При чем мы наблюдаем в этот переломный период, что перед нами встают новые теоретические проблемы по сравнению с теми теоретическими проблемами, которые были накануне первого периода и в первый год периода новой экономической политики. В первый период новой экономической политики, особенно в начале ее, стояла основная проблема о взаимоотношении и взаимозависимости различных форм народного хозяйства и в первую очередь частно-хозяйственных форм с государственными формами. 11 ноября 1923 г. в Коммунистической же Академии мне пришлось читать относительно итогов первого года новой экономической политики и тех теоретических проблем, которые в то время выступали. Тогда только что закончился первый год новой экономической политики и основная задача, как она была формулирована в моем докладе, была следующая: „В структуре советского хозяйства роль частнохозяйственных форм будет подчинена по всем ответвлениям—иностранный капитал, промышленный капитал, наконец, торгового капитала—нашему государственному хозяйству, и этим самым положением будет выполняться наша задача—экономически укрепить наши советские формы хозяйства“¹⁾. В сущности говоря, весь первый период новой экономической политики заключался в определении взаимоотношений между советскими, государственными

¹⁾ См. „Вестник Комм. Академии“ № 2. 1923 г.

формами хозяйства и частнохозяйственными. Ведь, когда начинали новую экономическую политику, мы не скрывали опасности, что начинаем ее в стране аграрной, где имеются благоприятные факторы для развития частнохозяйственных форм. И здесь твердый курс и ясное представление о линии нашей политики имели колоссальное значение. И в итоге, теперь, при вступлении во второй период новой экономической политики, мы можем с полной уверенностью сказать,— это не является спорным с какой бы то ни было точки зрения,— что государственные формы, советские формы являются сейчас господствующими формами в нашем народном хозяйстве в смысле его ведения, руководства. По этому поводу, как вы знаете, писалось немало за последнее время, и я это доказывать не буду. Вы знаете, что, напр., обобществленные материальные средства в переводе на деньги составляют около 12 миллиардов рублей, необобществленные—около 7 миллиардов. Точно так же вы знаете, что государственная промышленность является господствующей в области промышленности, что частнохозяйственная промышленность не получила сколько-нибудь значительного влияния, что на внутреннем рынке увеличивается и усиливается влияние наших советских органов, что не только в оптовой торговле, но даже в розничной мы с каждым годом делаем успехи и в данный момент достигли половины на половину, тогда как в начале периода новой экономической политики мы имели на стороне частного торговца перевес в рознице. Таким образом эти проблемы, эти задачи нами были удовлетворительно разрешены в течение этих годов.

Нужно сказать, что и в нашей партии и в наших советских органах в начале новой экономической политики были большие уклоны, было, напр., течение в лице рабочей оппозиции, которое переоценивало опасность капиталистических форм. На основе переоценки капиталистических форм хозяйства это течение делало соответствующие выводы в смысле нападения на мероприятия в области нашей хозяйственной политики, как мероприятия, которые будто бы возрождают, усиливают капиталистические тенденции. Рабочая оппозиция возникла, в сущности говоря, на этой почве. Была и другая отрыжка подобной же переоценки, в виде троцкизма, по вопросу о профсоюзах, где аппаратская точка зрения в области профсоюзов характеризовала переоценку опасности капиталистических форм и недооценку значения влияния советских социалистических форм, социалистических тенденций в нашем хозяйстве. Я прошу обратить на это внимание потому, что это имеет значение и для оценки современного поворотного пункта и того перелома, в который вступает наше народное хозяйство в настоящий момент. Таковы были задачи первого периода нэпа.

В настоящий момент в связи с проблемой реконструкции нашего хозяйства выдвигаются две основных проблемы: проблема диспропорции или, точнее сказать, диспропорциональности в нашем народном хозяйстве между сельским

хозяйством и между промышленностью. Эта диспропорция имеет не только значение экономическое, но и имеет значение политическое. И при освещении этого вопроса нам придется к нему подойти не только с точки зрения реорганизации нашего хозяйства, но и с точки зрения нашей политики в отношении деревни и в отношении города.

Другая проблема, тесно связанная с этой проблемой, это темп нашего экономического развития.

Я выделил эти две проблемы. Конечно, на ряду с этими у нас еще целый ряд задач, которые встают в связи с реконструкцией нашего народного хозяйства, в связи с переходом, переломом, который мы переживаем; вступая в новый, второй период новой экономической политики. Но эти проблемы являются сейчас основными и для теоретического анализа и для нашей политики и практики.

Что такое диспропорция? Позвольте, прежде всего, дать определение. Понятие диспропорции в народном хозяйстве означает несоответствие в развитии отдельных частей народного хозяйства, нарушающее общий ход экономического развития.

Вот то определение, которое я даю проблеме диспропорции. Причем диспропорция не есть нечто раз навсегда данное при всех условиях. Диспропорции и пропорции отношений в каждый данный исторический период будут различны. Та или иная диспропорция, нарушающая ход развития народного хозяйства, выявляет себя только в данных исторических условиях. Это нужно принять во внимание.

Таким образом, чтобы понять диспропорцию, которая существует у нас, мы должны несомненно считаться с теми условиями исторического характера, в которых находится наше народное хозяйство сейчас, в данный конкретный момент, потому что при иных условиях характер диспропорции будет иной. Если, напр., в Англии или в Германии произойдет социальная революция, пролетариат станет у власти, тогда хозяйство Англии или Германии включается в систему советского хозяйства, и ясно, что при таких условиях соотношение отдельных частей нашего хозяйства видоизменяется, совершенно иное будет соотношение, иного характера, иной масштаб взаимоотношений между отдельными частями народного хозяйства, иные пропорциональности. В данных исторических условиях, в данных конкретных условиях мы определяем, что такое диспропорция, которая нарушает или грозит опасностью нарушить ход нашего экономического развития и укрепление социалистических форм нашего, хозяйства. Вот, товарищи, как приходится ставить вопрос о диспропорции.

Далее, диспропорции и пропорциональности это не только принадлежность нашего хозяйства, но принадлежность и капиталистического хозяйства. Капиталистическое хозяйство имеет свои диспропорции и свои пропорциональности, и периоды, когда происходит поступательное развитие капитализма, и периоды, когда эти диспропорции нарушают ход экономического развития капиталистического строя. Диспропорции находят свое выражение в эконо-

мических кризисах капитализма. Диспропорции, которые наблюдаются в капиталистическом строе, проявляются и в области производства, и в области рыночных отношений, в области обмена, и как диспропорции между производством и потреблением. Я думаю, что я лучше всего сделаю, если процитирую Маркса по этому вопросу.

„Реальный кризис, говорит Маркс, можно выяснить лишь из реального движения капиталистического производства, конкуренции и кредита,—поскольку он вытекает из тех функциональных особенностей капитала, которые характерны для него, как для капитала, и еще не предполагаются его существованием в качестве простых товара и денег“.

Я хочу обратить внимание на то, почему я цитирую это. У нас очень многие товарищи склонны объяснять диспропорцию, ее последствия только рыночными отношениями, только конъюнктурой рынка, а производственные отношения отодвигают совершенно и переносят весь вопрос взаимоотношений в денежное выражение товарных масс промышленности и сельского хозяйства.

Это глубокая ошибка. Глубокая — и теоретическая, и практическая, и всякая иная ошибка. Поэтому я обращаю на это место внимание, потому что это необходимо будет принять во внимание в дальнейшем. Маркс говорит: „Было бы простой тавтологией сказать, что кризисы вытекают из недостатка платежеспособного потребления или платежеспособных потребителей. Капиталистическая система не знает иных видов потребления, кроме оплачиваемого, за исключением видов sub forma pauperis или „мошеников“. Если товары остаются нераспроданными, это не означает ничего иного, как что на них не находится платежеспособных покупателей, т.-е. потребителей (раз товары покупаются в последнем счете для производительного или индивидуального потребления). Когда же этой тавтологии пытаются придать вид более глубокого обоснования, утверждая, что рабочий класс получает слишком малую часть своего собственного продукта и что, следовательно, горю можно помочь, если он будет получать более крупную долю продукта, т.-е. если его заработная плата возрастет, то в ответ достаточно только заметить, что каждый кризис подготавливается как раз периодом, когда совершается общее повышение заработной платы и рабочий класс в действительности получает более крупную долю той части годового продукта, которая предназначена для потребления. Такой период — с точки зрения этих рыцарей здравого и „простого“ (!) смысла — должен бы, напротив, отдалить кризис. Итак, видно, что капиталистическое производство заключает в себе условия, которые не зависят от доброй или злой воли и которые допускают относительное благополучие рабочего класса только на время, да и то лишь в качестве буревестника по отношению к кризису“.

Вот по моему три типичных характеристики, которые Маркс дал относительно кризиса в капиталистическом строе. Таким образом, диспропорциональности в области производства, а не только в области потребления, не только в области рынка. Как начинается кризис?

Падение ценных бумаг на бирже, затем застой, невозможность сбыть товары, благодаря ценам на внутреннем рынке, крахи банков, и затем кризис перекидывается в область производства. Тот не понимает природы этих кризисов, кто не видит основных причин их, лежащих не только в области рынка, но и в области производства.

Обращаясь к нашим условиям, мы должны сказать, что закон капитализма, закон товарного хозяйства существует и у нас, но он существует в особом преломлении. Нужно сказать, что ошибку будут делать те товарищи, те экономисты, те теоретики, которые механически переносят законы экономики капиталистического строя и отношения товарного хозяйства в наши условия. Даже законы товарного хозяйства у нас преломляются в особые формы. Почему? Потому что у нас существует несколько форм хозяйства и законосообразность развития экономики переходного периода, экономики страны, где господствует диктатура пролетариата, где обобществлена значительная часть средств производства, отлична в основе от законосообразности развития капитализма. Даже при существовании товарного хозяйства эти законы отличаются от тех законов, которые существуют в капиталистическом строе. В этом смысле переносить теорию кризисов капиталистического строя и теорию экономического развития капитализма в наши условия было бы крайне ошибочно.

И вот, подходя к проблеме диспропорции у нас, мне кажется, правильно было бы сказать, что у нас проблема диспропорции лежит, прежде всего, в плоскости производственных отношений. Больше того, наша структура хозяйства в тех условиях, в которых мы существуем, вполне может развиваться без экономических кризисов, которые являются законосообразностью в капиталистическом строе. У нас экономические кризисы не являются закономерностью, законосообразностью даже на той стадии экономического развития, на которой мы находимся. В этом смысле нам приходится диспропорциональность и результаты диспропорциональности в нашем хозяйстве рассматривать иначе. Нам приходится, главным образом, обращать внимание на область производственных отношений, рыночные же отношения будут только отражением этих взаимоотношений. При этом нужно заметить, что если бы диспропорция лежала только в области рыночных отношений, то этим самым мы признали бы у нас возможность возникновения и развития такого же экономического кризиса, какие существуют при капиталистических отношениях в капиталистическом хозяйстве. Это мне представляется, как я уже говорил выше, ошибочным. Экономические кризисы в смысле рыночных явлений несомнительны между производством и потреблением, перепроизводства, могут иметь место только потому, что мы можем наделить ошибку в нашей экономической политике и прежде всего наше плановое руководство хозяйством может быть захлестнуто стихией частного хозяйства, крестьянского хозяйства. Тогда может разразиться кризис, как чуть было не разразился два-три года тому назад во время пресло-

бутых ножниц, когда при товарном голоде получилось затоваривание нашей промышленности, наших синдикатов, затоваривание форменное, когда начался экономический кризис в классических формах, какие знает в это отношение капитализм, но быстро принятые меры, в смысле снижения цен, ликвидировали это явление. Следовательно, это явление не было обязательным, законосообразным явлением. Повторю, мне представляется, что здесь перенос законов кризиса к нам, в нашу экономику не пройдет. У нас емкость рынка, самый принцип построения социалистического хозяйства в смысле удовлетворения растущих потребностей, как построения производства по потребностям, устраняет возможность кризиса, возможность перепроизводства.

Но кризис может заключаться в диспропорциональности производственного характера, и на это необходимо обратить внимание. Проблема диспропорции, это проблема взаимоотношений производственного характера между сельским хозяйством и промышленностью. Мы страна аграрная, как вам известно, исторически аграрная, которая в своем историческом прошлом играла роль поставщика сырья и хлеба на европейский и на мировой рынки. Этого не следует забывать. У нас промышленность отстала была и есть в смысле потребностей народного хозяйства—это второе. У нас продукция сельского хозяйства приблизительно в два раза превышает валовую продукцию промышленности. На это нам иногда возражают: но товарная продукция промышленности больше товарных излишков, товарной продукции сельского хозяйства. Совершенно верно, она больше. Так что тут как будто в смысле рыночных отношений дело было бы благополучно: товарная часть промышленности превышает товарную часть сельского хозяйства и, так сказать, по законам спроса и предложения и взаимоотношения цены в промышленности должны были бы быть ниже, чем на продукты сельского хозяйства. У нас как раз наоборот. Часто товарищи наркомземщики в СТО и других органах такими данными оперируют, и у них выходит, что имеется диспропорция наоборот: промышленность превалирует над сельским хозяйством. Но, откровенно говоря, подобный вывод можно только объяснить ведомственной точкой зрения. Все дело в том, что здесь смешивают разные вещи. Деревня из части товарной продукции промышленности потребляет около 30—40%. Следовательно, деревня в нынешнем году потребит по этим данным приблизительно на 2 миллиарда рублей товарной продукции промышленности. А сама деревня предлагает на 3 миллиарда, из которых большая часть идет в город, результатом чего и является, что платежеспособный спрос деревни в нынешнем году на 300—400 млн. рублей не покрывается товарной продукцией города.

Вот наиболее яркое проявление диспропорции и в валовой и в товарной части. Далее, если мы возьмем удовлетворение деревни продуктами первой необходимости, мы увидим, что по чугуну, мануфактуре, стеклу—деревня теперь удовлетворяется всего на 60—80% в отношении довоенных цифр. Если сравнивать СССР с более развитыми капиталистическими странами, то увидим, что СССР в смысле потребления продуктов промышленности стоит на последнем мес-

Падение ценных бумаг на бирже, затем застой, невозможность сбыть товары, благодаря ценам на внутреннем рынке, крахи банков, и затем кризис перекидывается в область производства. Тот не понимает природы этих кризисов, кто не видит основных причин их, лежащих не только в области рынка, но и в области производства.

Обращаясь к нашим условиям, мы должны сказать, что закон капитализма, закон товарного хозяйства существует и у нас, но он существует в особом преломлении. Нужно сказать, что ошибку будут делать те товарищи, те экономисты, те теоретики, которые механически переносят законы экономики капиталистического строя и отношения товарного хозяйства в наши условия. Даже законы товарного хозяйства у нас преломляются в особые формы. Почему? Потому что у нас существует несколько форм хозяйства и законосообразность развития экономики переходного периода, экономики страны, где господствует диктатура пролетариата, где обобществлена значительная часть средств производства, отлична в основе от законосообразности развития капитализма. Даже при существовании товарного хозяйства эти законы отличаются от тех законов, которые существуют в капиталистическом строе. В этом смысле переносить теорию кризисов капиталистического строя и теорию экономического развития капитализма в наши условия было бы крайне ошибочно.

И вот, подходя к проблеме диспропорции у нас, мне кажется, правильно было бы сказать, что у нас проблема диспропорции лежит, прежде всего, в плоскости производственных отношений. Больше того, наша структура хозяйства в тех условиях, в которых мы существуем, вполне может развиваться без экономических кризисов, которые являются законосообразностью в капиталистическом строе. У нас экономические кризисы не являются закономерностью, законосообразностью даже на той стадии экономического развития, на которой мы находимся. В этом смысле нам приходится диспропорциональность и результаты диспропорциональности в нашем хозяйстве рассматривать иначе. Нам приходится, главным образом, обращать внимание на область производственных отношений, рыночные же отношения будут только отражением этих взаимоотношений. При этом нужно заметить, что если бы диспропорция лежала только в области рыночных отношений, то этим самым мы признали бы у нас возможность возникновения и развития такого же экономического кризиса, какие существуют при капиталистических отношениях в капиталистическом хозяйстве. Это мне представляется, как я уже говорил выше, ошибочным. Экономические кризисы в смысле рыночных явлений несоответствия между производством и потреблением, перепроизводства, могут иметь место только потому, что мы можем наделать ошибок в нашей экономической политике и прежде всего наше плановое руководство хозяйством может быть захлестнуто стихией частного хозяйства, крестьянского хозяйства. Тогда может разразиться кризис, как чуть было не разразился два-три года тому назад во время пресдо-

вутых ножиц, когда при товарном голоде получилось затоваривание нашей промышленности, наших синдикатов, затоваривание форменное, когда начался экономический кризис в классических формах, какие знает в это мотнование капитализм, но быстро принятые меры, в смысле снижения цен, ликвидировали это явление. Следовательно, это явление не было обязательным, законосообразным явлением. Повторю, мне представляется, что здесь перенос законов кризиса к нам, в нашу экономику не пройдет. У нас емкость рынка, самый принцип построения социалистического хозяйства в смысле удовлетворения растущих потребностей, как построения производства по потребностям, устраняет возможность кризиса, возможность перепроизводства.

Но кризис может заключаться в диспропорциональности производственного характера, и на это необходимо обратить внимание. Проблема диспропорции, это проблема взаимоотношений производственного характера между сельским хозяйством и промышленностью. Мы страна аграрная, как вам известно, исторически аграрная, которая в своем историческом прошлом играла роль поставщика сырья и хлеба на европейский и на мировой рынки. Этого не следует забывать. У нас промышленность отсталая была и есть в смысле потребностей народного хозяйства—это второе. У нас продукция сельского хозяйства приблизительно в два раза превышает валовую продукцию промышленности. На это нам иногда возражают: но товарная продукция промышленности больше товарных излишков, товарной продукции сельского хозяйства. Совершенно верно, она больше. Так что тут как будто в смысле рыночных отношений дело было бы благополучно: товарная часть промышленности превышает товарную часть сельского хозяйства и, так сказать, по законам спроса и предложения и взаимоотношения цены в промышленности должны были бы быть ниже, чем на продукты сельского хозяйства. У нас как раз наоборот. Часто товарищи наркомземщики в СТО и других органах такими данными оперируют, и у них выходит, что имеется диспропорция наоборот: промышленность превалирует над сельским хозяйством. Но, откровенно говоря, подобный вывод можно только объяснить ведомственной точкой зрения. Все дело в том, что здесь смешивают разные вещи. Деревня из части товарной продукции промышленности потребляет около 30—40%. Следовательно, деревня в нынешнем году потребит по этим данным приблизительно на 2 миллиарда рублей товарной продукции промышленности. А сама деревня предлагает на 3 миллиарда, из которых большая часть идет в город, результатом чего и является, что платежеспособный спрос деревни в нынешнем году на 300—400 млн. рублей не покрывается товарной продукцией города.

Вот наиболее яркое проявление диспропорции и в валовой и в товарной части. Далее, если мы возьмем удовлетворение деревни продуктами первой необходимости, мы увидим, что по чулгуну, мануфактуре, стеклу—деревня теперь удовлетворается всего на 60—80% в отношении довоенных цифр. Если сравнивать СССР с более развитыми капиталистическими странами, то увидим, что СССР в смысле потребления продуктов промышленности стоит на последнем мес-

те, по цене же, по дороговизне продуктов промышленности, он стоит на первом месте. Вот те экономические данные, которые характеризуют существующую диспропорцию. Повторяю, кто не видит этой диспропорции или говорят, что нужно обратить главное внимание на сельское хозяйство, тот закрывает глаза на важнейший, определяющий экономический факт.

Основные факты, которые мы имеем в результате диспропорции, это—товарный голод, особенно в деревне; дороговизна и, как следствие, колебание курса рубля; недостаточное снабжение сельского хозяйства машинами и орудиями; зависимость даже в поддержании существующей техники от промышленности капиталистических стран и вообще чрезмерная зависимость нашего народного хозяйства от внешних отношений. Выходом из этого является изживание диспропорции, индустриализация страны.

Каковы же пути для решения этой задачи? Те, кто, как напр. т. Сокольников, рассматривают существующую диспропорцию лишь с точки зрения рыночных отношений и как явление данной сезонной конъюнктуры—те видят выход в пополнении рынка импортными товарами. Эта позиция явно ошибочна и поверхностна. Я обращаю внимание на эту точку зрения, как на характерную, ибо здесь мы видим переоценку значения капиталистической тенденции нашего хозяйства и продолжение старой политики, на какой по существу стояло и дореволюционное правительство России. Диспропорцию эту дореволюционная буржуазная Россия изживала, во-первых, путем импорта промышленных изделий из-за границы и, во-вторых, путем чрезмерного выкачивания средств из деревни,—с помощью налогов, арендной платы, водки и т. п. Когда нас таким образом толкают на этот путь, то толкают назад к методам в отношении дореволюционной России. Далее, поскольку мы строим социалистическое хозяйство в капиталистическом окружении, постольку мы не можем и не должны идти на поводу у промышленности капиталистических стран, не говоря уже о целом ряде политического характера соображений, но именно экономически—мы не можем, т. к., поскольку мы будем в зависимости от колебаний капиталистического хозяйства, любое колебание капитализма будет отражаться на нашем ходе экономического развития. Но ведь процесс развития капитализма—это процесс распада. Когда мы сейчас строим нашу новую технику, строим новые формы хозяйства, то мы их противопоставляем капиталистической системе, и от распада капитализма мы хотим себя страховать. Вот в чем дело. Кто не учитывает того, что капитализм находится в стадии распада, тот не понимает сути нашей экономики. Проблема диспропорции решается изменением структуры нашего хозяйства, индустриализацией страны, проводимой в плановом, а не в стихийном порядке. В прогрессе капитализма экономические кризисы играли в том смысле положительную роль, что сметали ненужные формы хозяйства, слабые предприятия разорялись, сохранялись более крепкие, более сплоченные и более мощные хозяйственные организации. За этот прогресс расплачивались рабочие массы.

В наших условиях этого не должно быть, мы должны стараться избегать кризисов, и когда мы приступаем к реконструкции нашего хозяйства, то мы должны провести эту работу без потрясений и кризисов, что вполне разрешимо в направлении развития и укрепления плановых начал нашего хозяйства. Когда я буду говорить о темпе нашего экономического развития, я остановлю специальное внимание на этой проблеме. В каком масштабе мы можем вести уже теперь индустриализацию страны. В нынешнем году, как вам известно, мы затрачиваем основной капитал около 800 млн. рублей, но это с кредитами и с переходящими платежами. В денежных, червонных суммах мы затрачиваем 685 млн. руб. Главный процент затраты идет в область машиностроения. Когда мы разрешаем проблему индустриализации страны, мы должны считаться с вопросом взаимоотношений между основным и оборотным капиталами. Экономические кризисы, если бы что-либо толкнуло на них, разыгрались бы у нас прежде всего в области рыночных отношений и в области оборотного капитала. Когда мы разрешаем проблему индустриализации, мы должны разрешать ее таким образом, чтобы иметь достаточные резервы в области оборотного капитала, не уменьшить их до такой степени, что любая задержка могла бы вызвать кризис.

Эта политика резервов в народном хозяйстве при разрешении проблемы диспропорции, при проблеме индустриализации страны, является необходимой для того, чтобы мы достигли бесперебойности, систематичности в нашем экономическом развитии. К сожалению, в этом вопросе существует и другая точка зрения, которая исходит из того, что средств у нас мало, что мы должны максимально ускорить движение оборотного капитала и что при этих условиях политика резервов будет неправильной политикой. При этом добром стремлении ускорить оборот капитала, всякий капитал, который лежит не в движении, лежит в резерве, замедляет оборот капитала, является тормозящим темп развития, и поэтому существует точка зрения, что гони все в оборот. Но в результате этого получается такая финансовая и всякая иная напряженность, которая грозит экономическим кризисом. Такая напряженность была в начале нынешнего года, когда у нас запасы сырья, запасы топлива, запасы готовой продукции были сведены до минимума. Запасы топлива измерялись в буквальном смысле в некоторых отраслях промышленности неделями; в некоторых отраслях промышленности двумя, двумя с половиной месяцами. Готовой продукции на складах почти не было, запасы сырья сведены были до минимума. Такая политика, конечно, как будто хороша, в смысле максимального темпа развития, но эта политика опасна тем, что может привести к кризису, длительной репрессии и затормозить дальнейшее экономическое развитие. Таким образом, при разрешении проблемы диспропорции, при разрешении проблемы индустриализации, нам необходима политика создания резервов.

Это связано с плановым характером нашего хозяйства: нельзя строить хозяйственные планы, если мы не будем иметь резервов, если каждый рубль будет

в обороте, и случайная заминка может привести к катастрофе. Нынешний год показал, что мы были на волосок от экономического кризиса, что если бы мы нашу экономику не осадил на вожжах назад, если бы не сократили производственного плана, если бы не сократили импорта, не сократили непродовольственных затрат, которые сделаны в области хлебозаготовок,—мы бы направились на экономический кризис и на длительную депрессию, которая сопутствует экономическому кризису.

Таково одно из главных условий разрешения проблемы индустриализации. Повторяю. Если опасна первая точка зрения, когда смотрят на вопрос индустриализации только с точки зрения рыночных отношений, то и последняя точка зрения, которая хочет работать до последней копейки в обороте, хочет довести напряжение до крайней степени, опасна тем, что может породить кризис, и тем, что по существу противостоит плановому регулированию нашего хозяйства. Индустриализация страны зависит от средств, которые мы можем вложить в это дело. Пока что такие средства мы должны искать почти исключительно внутри страны, т. е. концессии и внешние займы пока еще серьезного значения не имеют. Но средства, которые мы можем вложить в индустриализацию, определяются тем накоплением, какое мы имеем в разных областях нашего народного хозяйства, находящегося в зависимости от темпа развития всего нашего народного хозяйства в целом. Поэтому мы обратимся к этому вопросу.

В определении темпа нашего экономического развития мы должны исходить из ресурсов нашего народного хозяйства и емкости нашего внутреннего рынка. В этой области (мне уже приходилось выступать в печати по этому поводу) существует иная точка зрения, которая ставит темп нашего экономического развития в зависимость от капиталистического окружения, которая говорит, что темп развития нашего народного хозяйства, поскольку оно все в большей и большей степени включается в систему окружающих нас капиталистических хозяйств, стоит под их контролем. Стремление тут благое в том смысле, что ставится задача так идти вперед, чтобы обогнать капиталистические страны. Наш темп экономического развития должен совпасть с темпом экономического развития капиталистических стран с тем, чтобы потом гораздо быстрее обогнать эти капиталистические страны. Но опасность и неправильность этой точки зрения заключается в следующем: что значит, что темп нашего экономического развития должен быть обусловлен и определен темпом развития капиталистических стран? Темп развития капиталистических стран различен, это прежде всего. Больше того, капитализм целиком находится в стадии распада, и поэтому те, кто утверждает, что капиталистические страны обуславливают наше экономическое развитие, тем самым или отрицают распад капитализма и переоценивают устойчивость капиталистической системы, или же, наоборот, их утверждения не имеют никакого смысла. Что-нибудь из двух. Теперь, если бы мы спросили, с какой из капиталистических стран сравнить, например, темп нашего развития? Англия переживает кризис, развитие у нее с 1923 г. идет в обратном направ-

лении. Германия переживает кризис. Франция переживает финансовый кризис, но подъем промышленности. Таково положение в Европе с главными странами. С. Штаты Северной Америки переживают подъем. Но сказать, что все это перелетение темпов развития капиталистических стран, их различных подъемов и упадков будет определять наш темп экономического развития,—это неправильно, это предполагает, что наша система Советского хозяйства настолько сильно включена в капиталистическую систему, что все это переплетение темпов развития отдельных капиталистических стран будет влиять на нее, что не мы будем использовать капитализм, а он будет определять наше развитие. Я полагаю, что дело обстоит совершенно иначе, и что распад капитализма усилит темп нашего экономического развития. Отсюда, конечно, не следует, что я считаю, что мы технически выше окружающих капиталистических стран и Соединенных Штатов. Конечно, мы отсталая страна по сравнению и с Англией, и с Францией, и Америкой, и с другими капиталистическими странами в смысле техники, это так, но мы берем динамику развития, вот что мы берем. И здесь мы не сливаемся с капиталистическими странами в их развитии в такой степени, что они определяют наше развитие,—как раз распад капитализма усилит темп нашего экономического развития. Чем хуже для капитализма, тем лучше для нас. Чем будет замедленнее темп, поступательный ход капитализма, тем выгоднее будет для нас вся ситуация на мировом рынке. Это нужно принять во внимание. Таким образом, мнение, заключающееся в том, что нашим включением в капиталистический мир мы тем самым попадаем в положение, которое определяется внешним капиталистическим миром,—это мнение неправильно. Это положение, которое оценивает наше хозяйство соподчинением капиталистическому хозяйству. Это такая же переоценка капитализма, как переоценка, которая была когда-то при начале нэпа, капиталистических тенденций в нашем хозяйстве, переоценка, которая породила в области политики отражение в виде рабочей оппозиции или троцкистской линии о профсоюзах. Эта переоценка и теперь может быть чревата целым рядом ошибок. Мы не должны, конечно, недооценивать опасности влияния как внешних, так и внутренних капиталистических тенденций. Это совершенно правильно. Но точно так же ошибкой была бы переоценка этого.

Так что при определении темпа нашего экономического развития мы должны базироваться на наших внутренних ресурсах, на емкости нашего рынка, на наших резервах, которые дает наша промышленность. Что здесь имеется полная возможность для развертывания индустриализации страны, доказывает тот же нынешний год, когда мы из одной промышленности получаем до 680 млн. руб. для увеличения основного капитала нашей промышленности. Социалистическое накопление, правильное распределение государственных доходов и расходов, вся совокупность этих мероприятий обеспечивают определенный темп экономического развития. И, когда мы подходим к распределению ресурсов народного хозяйства, мы не должны упускать из виду, что эта задача

должна быть разрешена на основе интересов и рабочих и крестьянских масс, это—проблема взаимоотношений города и деревни, сельского хозяйства и промышленности, это—проблема не только проблема взаимоотношений товарных масс, производственных отношений, но и проблема взаимоотношений крестьянства и рабочего класса. И тут вопрос о смычке, о союзе рабочих и крестьян должен быть основным при разрешении этой проблемы. И тот, кто делает ошибку при разрешении этой проблемы, упуская из виду эту задачу, тот совершает крайнюю политическую ошибку, ибо нарушает нашу основную политическую линию в области смычки рабочих и крестьян, нарушает ту линию, которую т. Ленин определил, как движение к социализму со всей массой крестьянства. Весьма легко построить ту теорию, которую построил т. Преображенский, что можно социалистическое накопление вести за счет крестьянских масс, которые у нас преобладают и т. д., производить перекачку средств от крестьянства. Но эта механическая теория не учитывает всей сложности вопроса, т. к. проблема нашей индустриализации должна разрешаться под углом зрения укрепления, а не ослабления смычки между рабочими и крестьянами. Индустриализация страны производится в такой же степени в интересах деревни, в интересах крестьянства, как и в интересах рабочего класса. От недостатка развития нашей промышленности, от товарного голода больше всего и в первую очередь страдают крестьянские массы. Когда мы сейчас затрачиваем около 800 млн., то должно быть каждому крестьянину ясно, что эти деньги идут в его интересах так же, как и в интересах рабочих. Мы развиваем промышленность не только в интересах рабочего класса, но и в интересах деревни, в интересах удовлетворения потребностей середняцких и бедняцких масс, в смысле их производственных потребностей, в смысле их хозяйственных и личных нужд. Но переносить только всю тяжесть этой проблемы на крестьянские массы было бы глубочайшей ошибкой. Мы должны строить наше хозяйство не только за счет деревни, но и за счет города. Это мы должны с полной ясностью поставить, ибо в этом отношении, повторяю, делаем ошибку те, кто разрешает эту проблему ослаблением смычки рабочих и крестьян, смычки деревни с городом. Перенесение этой проблемы в область технической задачи, а не постановка и разрешение ее как общественно-политической задачи, значит, по существу—охолосить, обескровить эту проблему. Эта проблема—индустриализация страны, изживание диспропорции—должна разрешаться с таким расчетом, чтобы укрепить связь между рабочими и крестьянами. Это будет достигаться тем, что результаты проблемы индустриализации должны вести к установлению наибольшего снабжения деревни товарами, продуктами промышленности, с одновременным понижением цен на продукты промышленности. Это задача, которая должна стоять в нашей экономической политике.

Социалистическое накопление мы должны вести как за счет деревни, так и за счет города. Таким образом средства на индустриализацию будут слагаться из: 1) отчислений от

прибылей самой промышленности, 2) из амортизационных отчислений, 3) из средств, отпускаемых по бюджету, иначе говоря из общих доходов страны, 4) из займов как внешних, так и внутренних. Наше плановое хозяйство нужно в этом направлении развивать. В этом отношении всякие пути ослабления плановости были бы чрезвычайно опасны. К этим проблемам—к плановому развертыванию нашей промышленности, к развитию нашего сельского хозяйства, к установлению взаимоотношений с внешним миром—нам приходится подходить в зависимости от последовательного разрешения тех задач, которые я обрисовал. Наши взаимоотношения с внешним миром будут определяться состоянием и нашего сельского хозяйства и нашей промышленности. Те, кто полагает, что только наш экспорт, наше сельское хозяйство является определяющим фактором в наших внешних отношениях, тот глубоко заблуждается, потому что наша кредитоспособность зависит не только от того, что экспорт усиливается, но и от того, как наша промышленность будет работать на внутренний рынок, как она будет удовлетворять потребности нашего крестьянства. Проблема смычки рабочих и крестьян при разрешении диспропорции является решающим вопросом. Мне кажется, что, вступая во второй период новой экономической политики, мы имеем более сильные предпосылки к разрешению этих очередных проблем, которые я поставил, в смысле индустриализации и укрепления социалистических начал нашего хозяйства, чем тогда, когда стояли в 1921 г. перед введением нэпа. Опасности есть. Точно также, как тогда в переломный период возникали ошибочные течения, переоценивающие опасность частного капитала, которые благодаря этому делали определенные политические выводы, точно так же есть и теперь эта опасность, которая в этом отношении повторяет те же ошибки. Мне представляется, что, если бы эти ошибки получили сейчас осуществление, это было бы чревато тем же срывом нашего развития, как было бы срывом по существу всей новой экономической политики, если бы идеи рабочей оппозиции получили в начале нэпа свое осуществление. Этого не случилось, нужно думать, что не случится и в нынешний период. Мы должны с полным хладнокровием оценивать наше положение. Те, кто делает ошибки, с одной стороны, как будто хотят довести до максимума развитие нашей индустриализации, с другой стороны, их максимум базируется на недооценке сил, которые имеются у нас внутри страны, и переоценке влияния внешних капиталистических отношений и внутренних капиталистических тенденций. Эти ошибки должны быть изжиты и устранены в разрешении тех величайших проблем, которые перед нами стоят, когда мы вступаем в период реконструкции нашего народного хозяйства, изживания диспропорции, индустриализации страны и установления бесперебойного, равномерного экономического развития, образования резервов, на основе дальнейшего укрепления смычки между рабочими и крестьянскими массами.

Прения по докладу тов. Милютин

Тов. Пашков. Товарищи, я думаю, что вопрос о диспропорции нашего хозяйства и темпе накопления сейчас уже перешел из области общих суждений в другую стадию — конкретизации явления диспропорции и вопроса о темпе накопления. В самом деле, мы успели достаточно далеко отойти от той ступени в развитии вопроса, когда самый факт диспропорции только еще выдвигался в качестве гипотезы, при чем не совсем ясно было ни содержание самого понятия диспропорции, ни числовое выражение ее. Пред'ездовская и послезездовская партдискуссия внесла в этот вопрос достаточную ясность, позиция Сокольников, Шанина и др., своеобразно оценивших сущность диспропорции, сущность наших хозяйственных затруднений и методов устранения их, не выдержала критики и сторонники этой позиции остались в явном меньшинстве.

Сейчас, мне кажется, к вопросу о диспропорции нужно подходить в плоскости дальнейшего уточнения самого понятия диспропорции и, с другой стороны, конкретного, статистического выражения этого важнейшего фактора нашей экономики.

Приходится признать, что в докладе т. Милютин нет, к сожалению, ни того, ни другого.

Именно на этот путь, конкретного статистического выражения диспропорции, стали наши экономические органы ВСНХ и Госплан, и заслушивание соответственных выкладок для всех нас, я думаю, представляло бы теперь больший интерес, чем повторение уже известных истин.

Я хочу остановиться здесь на двух основных вопросах: что такое диспропорция, и, во-вторых, как она выражается у нас. Что такое диспропорция народного хозяйства? Понятие диспропорции предполагает наличие в качестве своей противоположности понятия пропорции, пропорционального соотношения частей хозяйства. Что же такое пропорциональность народного хозяйства?

В качестве основного признака пропорциональности хозяйства докладчик выдвигает здесь такое состояние хозяйства, при котором отдельные части его увязаны друг с другом и могут развиваться без всяких перебоев. Это определение является верным, но, на мой взгляд, слишком общим. От этого общего положения нам нужно перейти к более конкретному определению самого понятия пропорции и диспропорции. И здесь, прежде всего, следует иметь в виду, что не столько понятие пропорционального соотношения частей народного хозяйства, сколько значение этого фактора для народного хозяйства различны для капиталистического общества и для СССР. Общим здесь является связь вопроса о соотношении частей хозяйства в пределах этого хозяйства — с одной стороны, и отношения этих частей и всего хозяйства в целом к мировому хозяйству — с другой. И для капиталистического хозяйства и для нашего то или иное соотношение частей означает ту или иную степень связи его с мировым рынком, ту или иную степень зависимости от мирового рынка. Но в то время, как для капиталистического

общества диспропорциональное соотношение частей его хозяйства означает лишь ту или иную степень пассивной связи, зависимости от мирового хозяйства, в пределах одной и той же капиталистической системы, для хозяйства СССР диспропорциональность частей означает пассивную зависимость от другой системы экономики, от другой, враждебной системы.

В этом отличие значения диспропорции нашего хозяйства от того же явления в любом капиталистическом обществе, и именно этого отличия не могут понять т.т. Сокольников, Шанин и др., предлагающие свои рецепты борьбы с диспропорцией. Очевидно, что идеальной пропорциональностью частей, отсутствием всякой диспропорции было бы такое положение, когда народное хозяйство совершенно не зависит от мирового хозяйства и может развиваться без всяких потрясений и кризисов. Для капиталистического хозяйства — положение явно невозможное в силу самого характера капиталистической экономики с неизбежными кризисами и присущим ей ростом мировых связей.

Мы не можем себе представить капиталистическое хозяйство отдельной страны, совершенно оторванное от мирового рынка, и в то же время мы видим, как все капиталистические страны усиленно стремятся сейчас к организации у себя всех отраслей хозяйства (автаркии), обеспечению на случай изолированного пребывания. Развитие мирового хозяйства, единого мирового рынка, рост международного разделения труда и вытекающее отсюда перерастание конкуренции и других противоречий капитализма рамок государства и все возрастающая опасность военных столкновений и пр. — вызывают в качестве своего результата это стремление к самодовлению страны. Развитие мирового хозяйства устраняет материальную необходимость пропорциональности частей отдельного народного хозяйства, перенося эту необходимость в рамки всего мирового единого хозяйства, но капиталистический характер этого хозяйства обуславливает вместе с ростом мировых связей рост и центристремительных начал каждого отдельного народного хозяйства. Без учета связи народного хозяйства с мировым рынком не может быть выяснено понятие пропорции и диспропорции этого хозяйства.

При неизбежном на нынешнем этапе развития производительных сил дополнении хозяйства отдельных стран мировым хозяйством пропорциональным будет, очевидно, такое соотношение частей хозяйства, которое обеспечивает наибольшую возможность развития этого хозяйства в нормальных условиях и наибольшую безболезненность разрыва связи с мировым рынком. Разрыв этот становится неизбежным не только при таких потрясениях, как война или блокада, но в той или иной степени при каждом мировом кризисе, когда рвутся установленные рыночные связи и каждая страна стоит перед более или менее длительным устранением с рынка ее товаров. Для отдельного народного хозяйства решающим здесь является соотношение его частей.

Любопытно, т.т., что лозунг индустриализации страны усиленно развивается сейчас и в стране противоположного нашему режиму — Италии. Там крупными шагами идет процесс индустриализации. Стоит ли

добавлять, что в Италии процесс этот идет по линии империалистической экспансии (глаза Муссолини все больше скашиваются на Восток), тогда как у нас индустриализация диктуется необходимостью сохранения и упрочения союза рабочих и крестьян и является непосредственным условием перехода нашего хозяйства к социалистической экономике.

Далее, товарищи, о том, как выражается диспропорция нашего хозяйства.

Тов. Милютин говорил здесь о главной диспропорции нашего хозяйства, диспропорции промышленности и сельского хозяйства и ничего не сказал о диспропорции частей самой промышленности. А между тем, диспропорция отдельных частей нашей промышленности—бесспорный факт, и этот вид диспропорции имеет также огромное значение для всего хозяйства СССР. У нас налицо диспропорция тяжелой и легкой индустрии, топливной промышленности и всей промышленности в целом, диспропорция сырьевого хозяйства и обрабатывающей промышленности, транспорта и всего хозяйства. Упустить из виду эти явления нашего хозяйства значит подходить к вопросу односторонне.

Разрешите, товарищи, привести здесь несколько цифр, характеризующих соотношение отдельных частей нашей промышленности. Цифры эти получены мною в связи с работой комиссии по изучению социалистических элементов в нашем сельском хозяйстве, комиссии при НКРКИ, исчислены они ЦОС'ом ВСНХ на основании имеющихся статистических данных.

Если мы разобьем внутреннее промышленное производство по целевому признаку, по признаку назначения промышленной продукции на производство продуктов производительного потребления и производство предметов широкого потребления, то получим такие цифры: первая группа, т. е. материалы и изделия производительного потребления в 1924—25 г. составляли 39% всего промышленн. производства СССР. Остальные 61% приходятся на долю предметов широкого потребления. Кричать о том, что у нас перегиб палки в сторону производительного потребления, как это делает тов. Шанин и его единомышленники, нет совершенно никаких оснований: эти цифры—39% и 61%—говорят сами за себя. Для 1913 г. соответствующие цифры такие: материалы и изделия производительного потребления—36,5%, предметы широкого потребления—63,5%. Цифры эти вполне сравнимы с первыми, т. к. 1913 г. взят в нынешних границах СССР, а продукция 1924—1925 г. взята в довоенных, 1913 года, ценах. По сравнению с 1913 г. сдвиг в сторону производительного производства совершенно незначительный, после революционной экономики не отличается резко от предвоенной в смысле соотношения частей промышленности, да это и вполне понятно, поскольку в 1924—1925 г. мы еще оставались в рамках довоенной промышленности, даже не достигнув ее уровня. Строить на основании этой разницы в 2—3% выводы о том или ином направлении мероприятий экономической политики было бы неосновательно.

Естественно, что при таком резком преобладании у нас производства предметов широкого потребления характер нашего импорта

совершенно обратный: в 1924—1925 г. по Европейской границе ввезено в СССР предметов производительного потребления 69% всего ввоза и остальные 31%—предметы широкого потребления. Но это не особенность нашей экономики. В 1913 г. соответствующие цифры равны были 71% и 29%. К сожалению, импорт 1924—1925 г. выражен в червонных рублях, индекс импортных товаров у нас никем не ведется, и потому эти две цифры—69% и 71%—не совсем сравнимы; различный индекс цен предметов производительного и потребительного назначения мог вызвать чисто ценностное изменение соотношения групп ввозимых товаров. Но без всякого риска можно сказать, что характер нашего импорта в 1924—1925 г. не подвергся резкому изменению по сравнению с предвоенным. Характер этого импорта определяется характером нашего производства: у нас налицо явное преобладание производства предметов широкого потребления, недоразвитость производства предметов, производительного назначения, и этот факт диктует характер нашего импорта, преобладание в нем предметов производительного потребления.

Вопрос материального или ценностного выражения диспропорции имеет большое значение, но напрасно некоторые пытаются свести все наши хозяйственные затруднения к ценностной диспропорции. Ценностная диспропорция служит лишь отражением, результатом материальной диспропорции. В отношении промышленной продукции 1924—1925 г. различие материального и ценностного выражения диспропорции сводится к следующему. В ценах 1913 г. производство предметов широкого потребления в 1924—1925 г. составляет, как я уже говорил, 61% всего производства, а в ценах 1924—1925 г.—65%. Это объясняется большим ростом индекса товаров легкой индустрии по сравнению с индексом товаров тяжелой индустрии.

Отдельные группы товаров производительного потребления составляли такой процент (для 1924—1925 г.—в ценах 1913 г.): материалы и изделия для промышленного потребления и технических целей в 1913 г.—23%, в 1924—1925 г.—31,4%; материалы и изделия с. х. назначения—1% и 1,1%; материалы и изделия для обслуживания средств и путей сообщения—3% и 1,4%; топливо—9% и 5%. В то время как доля материалов и изделий для промышленного потребления и технических целей увеличилась, доля топлива значительно упала.

Интересно проследить, какое влияние на соотношение частей нашей промышленности оказал отход окраинных местностей—Польши, Прибалтики. В отходивших губерниях процент производства предметов широкого потребления был выше, чем в остальной России; в 1913 г. для отходивших областей (без Финляндии) процент этот был равен 70,3, тогда как в России в нынешних границах СССР в том же году процент этот был равен 63,5.

Из тех цифр, которые я приводил здесь, можно делать различные выводы. Шанин и его единомышленники делают тот вывод, что нужно придать нашему производству и импорту еще более потребительский характер, но единственно правильным является, конечно, вывод, по которому нам нужно устранить существующее преобладание

производства предметов широкого потребления, устранить нашу зависимость от внешнего рынка по линии производственной.

Я думаю, что тов. Милютин не совсем прав, когда он говорит, что при наших суждениях о пропорции и диспропорции хозяйства СССР нам нет нужды оглядываться на Америку.

Именно Америка имеет сходство с нашей экономикой, не в смысле системы, конечно, а в отношении некоторых особенностей—двухсторонний характер хозяйства (и промышленность и сельское хозяйство). Посмотреть на соотношение частей хозяйства Соед. Штатов было бы, по этой причине, для нас весьма интересно и поучительно.

Еще несколько слов о темпе накопления. Для всех нас ясно, что вопрос о темпе развития нашей промышленности является решающим для нашей экономики. От того или иного темпа накопления будет зависеть и то или иное соотношение частей хозяйства и самый тип экономики. К сожалению, достаточной ясности по вопросу о будущем темпе нашего хозяйства у нас все еще нет. Мы знаем, что нам нужен быстрый темп роста, больший, чем в дореволюционной России и капиталистических странах, но как обеспечить этот темп, из каких источников—отчетливо это пока еще не представляется. Думаю, что эта неясность свойственна далеко не одному мне. Она вытекает из тех конкретных трудностей, какие стоят на нашем пути к индустриализации. В качестве основного положения тов. Милютин приводил здесь вопрос о резервах. По его мнению бесперебойность нашего развития и нужный темп роста могут быть обеспечены накоплением резервов. С легкой руки т. Сокольников (она оказалась у него легкой только в этом вопросе), выдвинувшего в свое время мысль, что без резервов планировать нельзя, положение это глубоко внедрилось в сознание наших экономистов и хозяйственников. И тут, кстати, совсем неправ тов. Милютин, бросая по адресу ВСНХ упрек, что этой мысли о необходимости резервов ВСНХ еще недостаточно усвоил. Я могу указать на происходившее недавно совещание ВСНХ с представителями мест, на котором было принято постановление о том, чтобы промышленность со своей стороны обеспечила возможность образования стомиллионного бюджетного резерва современной уплатой акциза, налогов и пр.

При нынешнем весьма не блестящем финансовом положении промышленности это означает изъятие у нее части и без того недостаточных оборотных средств. Вы знаете, вероятно, о постановлении наших планирующих органов—об изъятии из промышленности 70 млн. руб. в третьем квартале, выданных ей раньше в виде кредита. В то же время промышленность в третьем квартале стоит перед необходимостью подготовиться к началу следующего хозяйственного года, накопить товарные резервы, авансировать производство сырья и т. д. Кредитная рестрикция означает сжатие оборотных средств промышленности и новое препятствие на пути к накоплению товарных резервов, и если по плану промышленность в этом году должна вложить 830 млн. руб. в капитальное строительство, то эта самая кредитная рестрикция может создать угрозу сокращения капитальных работ промышленности и тем самым урезать тот темп роста, который был намечен для этого года.

На пути реализации намеченного темпа роста мы стоим перед массой трудностей, и одного сознания, что нам нужен такой-то темп роста, еще мало, нужно видеть эти трудности, чтобы их преодолеть с наименьшим количеством ошибок и просчетов. В том предвидении конкретных трудностей и путей их преодоления и заключается задача теоретизирующей мысли. Доклад т. Милютина не внес, к сожалению, нужной ясности в вопрос о будущем темпе роста нашего хозяйства и конкретных путях реализации этого темпа, и в этой области нашим экономистам еще предстоит большая и неотложная работа.

Тов. **Оссовский**. Мне кажется, что тов. Милютин не докопался до корня стоящей пред нами проблемы о диспропорции. Общими указаниями на „смычку“ вовлечение накоплений частно-капиталистического хозяйства в сферу влияния государственного хозяйства не совершается. Сущность диспропорции, по-моему, лежит в социальных изменениях, внесенных в наше народное хозяйство Октябрьской революцией. Дореволюционное народное хозяйство в социальном отношении представляло собой единую, однородную систему, где накопления в разных его составных частях, действовавших все тогда в условиях частной собственности, могли переходить из менее (выгодных хозяйственных отраслей в более выгодные, не подвергаясь при этом никаким опасностям. Там накопления совершали свой прогрессивный рейс из мелкого в крупное хозяйство естественно, без перебоев. Не было тогда причин, которые лишали бы собственников экономических выгод от использования добытых ими путем эксплуатации накоплений. Теперь, после революции, социальное единство народного хозяйства в Советском Союзе нет. Советское хозяйство революцией разбито на два типа, работающие в разных условиях собственности: один тип—в условиях частной собственности, а другой—в условиях государственной собственности. Частно-капиталистическое хозяйство Советского Союза уже теперь имеет значительные накопления, которые, при сохранении частной собственности в крупной промышленности, вливались бы в нее. В своем хозяйстве эти частные накопления при нынешнем состоянии всего народного хозяйства, особенно промышленности, находят весьма ограниченное место приложения. Путь же в государственную промышленность этим частно-капиталистическим накоплениям прегражден социальными препятствиями, они должны были бы перейти на другие формы собственности, должны были бы подвергаться коренному изменению своей социальной сущности, терять основные свои качества, превратиться (добровольно?!) из частной собственности в государственную. Следовательно, отставание темпа развития советской промышленности имеет причины социально-экономические. В этом основной вопрос о диспропорции в темпе развития советского народного хозяйства. Необходимо создать такую финансово-экономическую систему мероприятий, которая в состоянии была бы разрешить вопрос о том, каким образом накопления, происходящие в частно-капиталистическом хозяйстве, могли бы безболезненно или с наименьшей болезненностью совершить свой (естественный и прогрессивный в интересах всего народного хозяйства) путь из мелкого в крупное хозяйство—в государственную

промышленность. До тех пор вопрос о диспропорции не может быть разрешен.

Ни для кого ведь не секрет, что за последние два года в частнокапиталистическом хозяйстве произошли крупные накопления. Если бы у нас была однотипная система народного хозяйства, работающая сверху донизу в условиях частной собственности, то эти частные накопления добровольно совершили бы свой переход в органически более высоко-развитое хозяйство—в крупную промышленность. Теперь этого нет и быть не может. Может ли советская промышленность отказаться от использования громадных накоплений, имеющихся в частнокапиталистической половине народного хозяйства? Можем ли мы заставить советскую промышленность работать для удовлетворения потребностей всего народного хозяйства, в том числе и частнокапиталистического хозяйства, тогда как мы сами ограничиваем питание промышленности только ее собственными ресурсами?—Не можем. Вот основная диспропорция в темпе развития нашего хозяйства. Не говорить об этой диспропорции значит маскировать и затушевывать основной вопрос. Думаю, что тов. Милютин ответит на этот вопрос в своем заключительном слове.

Дальше, частный вопрос. Тов. Милютин с изумлением спрашивал: „Каким образом мы можем равняться в смысле качества продукции, в смысле добросовестной разработки продуктов для потребителей, с западно-капиталистическим хозяйством? Мы же твердим и твердим, что там распад, а хотим равняться с распадающимся хозяйством“. Я думаю, что это совершенно неверно. Мы рассматриваем распадение капиталистического хозяйства не на его технической базе. Распад происходит в общественных отношениях. Техника же все время идет к более высокому развитию. И именно потому старые общественные отношения отстают, не выдерживают и распадаются. Но никоим образом нельзя сказать, чтобы техника пошла обратно, к натуральному хозяйству, что ли. Этого мы не видим и не предполагаем. Поэтому совершенно верно, что мы должны равняться по технике оборудования, по качеству продукции с зарубежной промышленностью, никоим образом не пугаясь того, что это укрепит акции международного капитализма.

Тов. Беленко. Тов. Милютин говорил, что нам необходимо тщательно анализировать вопросы, связанные с рядом болезненных явлений, переживаемых нами теперь, для того чтобы добиться возможности бесперебойного экономического развития. Совершенно верно, конечно, это нужно делать.

Уже на первой стадии исследования этих вопросов, когда мы не выходим еще из рамок рассмотрения общих теоретических положений, бывает не все ясно. И мне кажется, что основное слабое место у тов. Милютина, давшее тон всему докладу, состоит в пренебрежительном отношении к этим общим теоретическим положениям марксистской теории, толкующей об этих вопросах, в том, что он понял ее слишком односторонне и не увидел поэтому ряда проблем, которые перед нами встают и нуждаются в очень серьезном обстоятельном анализе.

Тов. Милютин ставит вопрос так: основная диспропорция, которую мы теперь переживаем, есть диспропорция между сельским хозяйством и промышленностью. Далее он выступает против некоторых товарищей, полагающих, что переживаемые нами затруднения вытекают не из отношений в области производства, а из рыночных отношений. Такая постановка вопроса, с одной стороны,—слишком обща, а с другой,—неверна. Говоря о диспропорции между сельским хозяйством и промышленностью, нельзя забывать и о других факторах хозяйственного равновесия, имеющих в этом отношении решающее значение. Они лежат по линии взаимоотношений между различными отраслями и группами отраслей промышленности. Я не хочу сказать, что диспропорция между сельским хозяйством и промышленностью должна быть отброшена. Она должна быть принята во внимание, но на ряду с ней нельзя забывать и о другом. (Дволацкий: „Но ведь она основная“). В данных условиях может быть и не основная; это еще нужно доказать.

Второе: противопоставление диспропорции в области производства диспропорции в области рынка, которое делал, как мне кажется, тов. Милютин, есть марксистски невыдержанное, неправильное, ибо между тем и другим существует неразрывная связь: диспропорция в сфере рынка есть в то же время и диспропорция в области производства. Это две стороны одного и того же явления. (Милютин: „Я так именно и говорил“). Действительно, полемизируя с тов. Сокольниковым, тов. Милютин указал на это, однако, как будет видно дальше, это не помешало ему сделать, правда, в другой форме, ту же самую ошибку.

В самом деле, как поставил вопрос тов. Милютин, когда излагал свой взгляд относительно общих условий равновесия? Он цитировал места из Маркса, где говорится о том, что должно существовать равновесие между производством и потреблением и что диспропорциональность в условиях капиталистического общества возникает из того, что рост производства ограничен лишь производительной силой общества и стремлением к получению прибыли, в то время как потребление огромной части общества постоянно сводится к жалкому минимуму. Это все. Ничего другого по интересующему нас вопросу тов. Милютин у Маркса не нашел. Такая постановка вопроса есть повторение ошибки тех, против кого полемизировал тов. Милютин в своем докладе. Нельзя сперва оторвать потребление от производства, а потом противопоставлять их друг другу, сталкивать их лбами. Они тесно связаны друг с другом, так как размеры потребления изменяются вместе с изменением размеров производства, на что и указывает Маркс, когда говорит: „Границы потребления раздвигаются напряжением самого процесса воспроизводства“. Нельзя представлять себе дело так, будто растущее производство всегда неизбежно оказывается в противоречии с ограниченным потреблением; противоречия не будет, если развертывание производства совершается в должных пропорциях. Конфликт между производством и потреблением, поскольку он имеет место, есть лишь обратная сторона диспропорциональности в сфере производства, выражение того факта, что производство развертывается не так и не в таких

пропорциях, при которых общие размеры потребления, обусловленные общими размерами производства, совпали бы с размерами отраслей, производящих средства потребления.

Я остановился на этих вопросах общей теории потому, что у тов. Милютин они получили недостаточное освещение, и благодаря этому докладчик проглядел ряд очень существенных вещей, когда говорил о социалистическом хозяйстве.

Анализируя современные хозяйственные затруднения, он говорил: имеется диспропорция между сельским хозяйством и промышленностью, и ею все определяется. В доказательство было приведено несколько цифр, говоривших о размерах продукции сельского хозяйства, о размерах ее товарной части. Всего несколько цифр. Товарищи, хотя и существует такая поговорка, что „брехливей статистики бабы нет“, и на этом основании к статистике относятся пренебрежительно, все же в данном случае, при решении столь существенного вопроса, без цифр невозможно обойтись. Здесь необходим тщательный статистический анализ. Мы имеем ряд статей, в которых ставится под большое сомнение такое решение вопроса, которое дал тов. Милютин. Укажу, для примера, на статьи Кондратьева и Юровского. Этим, разумеется, я не хочу сказать, что присоединяюсь к той или иной точке зрения; я хочу лишь указать, что там есть солидный материал, который нельзя было обойти молчанием при решении проблемы диспропорции. Материал этот говорит о том, что товарный голод начался раньше осени 1925 года, т.е. до того, когда можно было говорить о влиянии урожая этого года. В происхождении товарного голода деревня не могла иметь большой роли, так как в прошлом 1924/25 году она пережила частичный неурожай и так как, с другой стороны, отношение между продукцией сельского хозяйства и промышленности складывалось не в пользу сельского хозяйства. В то время как сельское хозяйство переживало неурожайный год, промышленность развивалась быстрым темпом; в силу этого отношения между сельским хозяйством и промышленностью оказались благоприятнее, чем в 1913 году и раньше. (Солнцев: „Когда это было?“). Я говорю о времени, которому предшествовал сбор урожая последнего года. Идя сюда, я не имел ничего, кроме права на вход, в частности, не имел тезисов тов. Милютин и поэтому лишен возможности дать соответствующие цифры.

Итак, с изложенной точкой зрения необходимо было посчитаться; необходимо было посчитаться также и потому, что у нас есть ряд других данных, говорящих о большой роли города в происхождении переживаемых нами затруднений. Мне кажется, тов. Милютин ни одним словом не обмолвился об этом потому, что оставил в стороне положение марксистской теории, рассматривающее рост производства, как фактор, обуславливающий рост потребления, рост платежеспособного потребительского спроса. Развитие последнего, протекая в определенном направлении и определенным темпом, могло сыграть большую роль.

Второй момент следующий: если посмотреть на цифры, показывающие развитие нашей тяжелой и легкой индустрии, то бросаются в глаза очень существенные изменения, происшедшие здесь за послед-

нее время. Если мы примем темп развития легкой индустрии в прошлом году за 100, то в 1925/26 г. темп ее развертывания замедляется, давая лишь 70—75% от предыдущего года; наоборот, темп развертывания тяжелой промышленности по сравнению с прошлым годом возрос в 2—3 раза¹⁾. Таким образом, в последнее время у нас особенно быстрым темпом развивается тяжелая промышленность, т.е. такая, которая если и предлагает, то очень незначительное количество товаров на рынок широкого потребления. Вместе с тем растет число рабочих, занятых производством средств производства, и их платежеспособный потребительский спрос, при недостаточном предложении предметов потребления, так как легкая промышленность не может развиваться таким же быстрым темпом. На эту сторону дела тов. Милютин также не обратил внимания, и здесь, как мне кажется, повинно все то же одностороннее и пренебрежительное отношение к вопросам общей теории, о котором говорилось вначале.

Ясно, конечно, раз проблема диспропорции была поставлена односторонне и неправильно, не мог быть правильно решен и вопрос о темпе нашего развития, о том, каковы границы и факторы, определяющие его темп и характер. При неправильных предпосылках оказались неизбежными неправильные выводы. Весь вопрос оказался сведенным к необходимости выдерживать известные соотношения по линии взаимоотношений между сельским хозяйством и промышленностью и считаться с материальными ресурсами и размерами потребления. Указано еще, в связи с капитальными затратами, на проблему основного и оборотного капитала. Здесь сказано не все; во всяком случае не сказано очень существенное. Поскольку речь идет о внутри-промышленной политике, вопрос об основном и оборотном капитале не является основным и к проблеме бесперебойного развития имеет отдаленное касательство. С точки зрения хозяйственного равновесия важнее другое: мы производим новые капитальные затраты; необходимо делать это таким образом, распределять средства так, чтобы не возникало диспропорциональностей между различными отраслями промышленности. Докладчик не говорит об этом, считая, очевидно, вопрос несущественным, второстепенным. Мне же кажется, что с точки зрения хозяйственного равновесия это важнейший вопрос, над которым нужно много и серьезно думать.

Наивно было бы предполагать, что внутри обобщественного сектора хозяйства мы гарантированы от неприятных неожиданностей; опыт последнего года учит нас другому. Нужны бывают большие усилия, чтобы внутри государственного сектора добиться желательного равновесия. Нет нужды говорить о фактах этого порядка, так как они достаточно известны.

В заключение нужно указать на излишне оптимистическую оценку, данную тов. Милютиним нашему экономическому строительству. Мы идем по пути укрепления социалистического хозяйства — говорил он. В общем и целом это, конечно, правильно и бесспорно; для данного

¹⁾ Ср. «Плановое хозяйство» № 2 за 1926 г., стр. 128 и 133.

же времени не совсем правильно, так как не на всех участках фронта борьба за обобществление ведется успешно. В торговле, напр., за последнее время имеет место рост частного накопления. Нет нужды прегуменьшать или игнорировать этот факт. Наоборот, об опасностях, с которыми нам приходится иметь дело в борьбе за социалистическое хозяйство, нужно говорить, чтобы быстрее и легче их преодолевать. Излишний оптимизм здесь абсолютно вреден.

Далее, тов. Милютин огласил известные госплановские цифры, по которым обобществленное хозяйство имеет больший удельный вес, чем необобществленное. К этим цифрам нужно подходить осторожно. Так, если оставить в стороне транспорт (а это можно и нужно сделать при изучении хозяйства в том разрезе, в каком это делалось в докладе), то окажется, что обобществленное хозяйство не имеет абсолютного преимущества и поэтому не является всепобедным. Экономическая практика последнего времени также говорит об этом. Говоря о факторах, обуславливающих возможность бесперебойного развития хозяйства, на эту сторону дела нужно было обратить внимание.

Привлекая нас к хладнокровному изучению серьезнейшего вопроса нашей экономики, тов. Милютин, как мне кажется, слишком горячился сам. Увлечшись полемикой со своими противниками, он дал слишком одностороннюю постановку всей проблемы; много существенных моментов оказались упущенными, и в силу этого проблема не получала правильного решения.

Тов. Гольцман. Товарищи, прежде всего, я хотел бы сказать, что я не намерен полемизировать с тов. Милютиним, потому что по важнейшим вопросам я не имею с ним никаких разногласий, но, поскольку он давал несколько общую формулировку и, мне кажется, даже слишком общую формулировку, я бы хотел подойти к некоторым вопросам более конкретно с применением соответствующих цифр. Конечно, относительно цифр я прошу не верить мне на слово. Можно эти цифры проверить, но, поскольку память не изменяет, эти цифры будут соответствовать тому, что вы найдете в книжках.

Основной проблемой является вопрос о диспропорции. Это несомненно. Некоторые выступавшие товарищи вели такой способ рассуждений: диспропорция — это нечто антипропорциональное; для того, чтобы понять, какого рода беды имеются у нас, нужно выводить из самого понятия антипропорциональности всякого рода выводы, вроде того, что „вначале было слово и слово было у бога и слово было бог...“ и т. д. по евангелию. Это совершенно недиалектический способ разрешения интересующих нас вопросов. Я вспоминаю, что, когда Ленин дискутировал с Бухариным по вопросу о троцкизме, он говорил: можно себе поставить вопрос о том, что такое стакан. Стакан — прибор для наполнения его водой, орудие драки, продукт стекольного производства и т. д. Можно дать бесконечную массу определений. То же самое и диспропорция. Дать определение диспропорции и из этого определения выводить современные специфические черты значит явно идти по чаще лесной без компаса. Здесь выхода не найдешь.

Между тем диспропорция нашего народного хозяйства не нами выдуманна и не нами дана. Целый ряд товарищей признает, что диспропорция в народном хозяйстве существовала при царизме. Это признано общей истиной: при царизме существовал капитализм, при капитализме существует диспропорция. Но это недостаточная истина для решения конкретных вопросов. То, что капитализму свойственна диспропорциональность, знал еще Маркс. Повторять Маркса, переучивать или доказывать правильность его рассуждений — ненужный труд. Доказывать, что диспропорция существовала при царизме, этого слишком недостаточно для практической экономической политики. Нужно посмотреть, какого рода диспропорция существовала.

Из исхожу из положения, которое, вероятно, большинство присутствующих разделяет, что вся экономика нашей страны теперь, равно как и при царизме, представляет две неравные половины. С одной стороны, почти докапиталистическое, или с преобладающим влиянием докапиталистических элементов сельское хозяйство. С другой стороны, развивающаяся городская капиталистическая (при царе) индустрия. Господствующим способом производства еще при царе был капитализм. Не мешает по этому поводу вспомнить Ленина. Еще в 1902 году, когда спорили об аграрной программе, он спорил против Плеханова. Плеханов писал в проекте аграрной программы примерно так: „Все более возрастающий капитализм“, „становящийся преобладающим капиталистический строй“ и т. д. Ленин говорил: „Недостаточно, у нас капиталистический строй уже преобладает. Именно 60% капитализма, 40% некапитализма“. Примерно такое цифровое отношение давал тогда Ленин. Конечно, эти цифры не надо понимать буквально в том смысле, что 60% валового народного дохода, это — капиталистическая продукция, а 40% некапиталистическая, а только в том отношении, что силы капиталистических элементов равны 60, а силы докапиталистических — 40. Более подробно я не могу остановиться на этом вопросе, но важно, что при отношении 60 к 40 последняя цифра тоже является изрядной величиной. Это значит, что капитализм разлагает сельское хозяйство, индустриализирует, перетягивает на свою сторону, внедряя в него капиталистические элементы. Это совершенно правильно, но вместе с тем важно и то, что капитализм был господствующим, но не был монопольным, исключительным элементом в строе нашей экономики.

Второй факт, который нужно привести: продукция капиталистической индустрии в той мере, в какой направлялась на удовлетворение крестьянского спроса, была явно недостаточна по сравнению с той массой товарной продукции, которую давала крестьянская промышленность. Именно эта диспропорция, действительно, все время существовала при царизме, по крайней мере, начиная с 70—80 г.г.

Чем царизм компенсировал эту основную диспропорцию? Тут т. Милютин правильно говорил: с одной стороны, налоговые платежи крестьянства, арендные платежи, с другой стороны, vodka. Беря бюджет 1913 года, его доходную часть, видим, что вся доходная часть государственного бюджета составляла 3.600 мил. Из них 2 миллиарда —

косвенные налоги и из этих 2 миллиардов 899 млн. составляли доходы от водки. Это была самая большая статья дохода, большая, нежели железнодорожный доход. Чистый доход с водки составлял 600 млн. рублей.

Откуда по большей части черпался этот доход? Ясно, что в большей части из среды крестьянского населения. Царское правительство спаивало крестьян, вело преступную политику. Это верно. Но посмотрим на этот вопрос с другой точки зрения. Если бы крестьяне не отдавали 900 млн. руб. на водку, если бы не было водки, это усугубило бы диспропорцию между предложением промышленных товаров и крестьянским платежеспособным спросом. Крестьянство платило налога по подсчету тов. Вайнштейна 10,4 руб. на душу населения в мирное время. В 1922/23 г. этот платеж составлял по Вайнштейну 5,9. С тех пор мы этот с.-х. налог уменьшали. Косвенные платежи вряд ли сильно возросли. Мы имеем по этой линии возрастание денежных накоплений на стороне крестьянства. Сбрасывая расходы налоговые, на водку, на аренду и всякого рода другие платежи, вы и получаете современную диспропорцию. Она должна была получиться, как только уровень крестьянского хозяйства и уровень городской промышленной индустрии достигли своей довоенной высоты. Следовательно, приходим к выводу, что, как только крестьянство и промышленное хозяйство достигают довоенного уровня, тотчас же должна выступить на сцену та диспропорция между городской промышленностью и крестьянским хозяйством, которая существовала при царизме. Диспропорция — это не наше произведение, не наш ребенок, хотя нам и приходится за него платить алименты. Это — подкидыш, который лежал у наших дверей, но мы его не замечали, потому что были другие проблемы — денежного обращения, транспорта и т. д. А теперь, когда достигли довоенного уровня, основная диспропорция между сельским хозяйством и индустрией, которая раньше была капиталистической, а теперь стала социалистической, выступила вперед.

Теперь вопрос относительно изживания этой диспропорции. Я лично не склонен к слишком большому пессимизму по этому поводу. Т. т., которые думают, что эта диспропорция настолько сильна, что может угрожать советской власти, и делают всякого рода политические выводы, ошибаются. Но вместе с тем мы должны открыто ставить все точки над „и“. Я не согласен, что 11 миллиардов рублей составляют богатство общественного советского хозяйства, а 7 миллиардов рублей — материальные богатства частного хозяйства. Я думаю, что этот подсчет неправилен, хотя он стал официальным, признанным ВСНХ, Госпланом, ЦСУ и др. Я думаю, что они ошибаются по той простой причине, что государственная хозяйственная промышленность оперирует всеми орудиями производства, а с чем оперирует частное хозяйство, крестьянское хозяйство? Оно оперирует землей. Но мы выбросили землю со счетов, она в подсчетах не фигурирует. Почему? Потому что земля национализирована. Но она находится в фактическом владении в руках у частного хозяйства. Земельную ренту должен получать ее владелец — государство. Но оно эту ренту пока оставляет в руках хо-

зяйств, использующих землю. Стало быть, если мы сравниваем относительную силу обеих сторон — промышленности и сельского хозяйства, мы не можем выкинуть всю ту массу, всю действительную ценность, при помощи которой они производят свою продукцию. Земля есть орудие производства. Конечно, я отнюдь не предлагаю установить цену на землю, но при учете материальных сил государственного и частнохозяйственного секторов нашей экономики, нужно учитывать, что сила частного хозяйства увеличивается вследствие того, что оно пользуется громадным резервным земельным фондом. (С места: „А пролетариат воздухом пользуется“). Когда из воздуха будут делать ситец, его нужно будет учитывать, но куда этого нет, Маркс говорит: когда вода течет в реку, это не ценность, а когда вы ставите турбину, она превращается в стоимость.

Далее, для того, чтобы изжить диспропорцию, необходимо провести индустриализацию; основной вопрос, это — каков темп индустриализации. Мне кажется, что этот вопрос также нужно пытаться проверить статистически. Продукция нашей промышленности в нынешнем 1924—25 г. составляет 3.078 млн. довоенных рублей, из них та доля, которую мы предлагаем сельскому хозяйству, составляет не больше 1 миллиарда рублей. Какая часть денежной массы осела среди крестьянства? Каждый считает по-разному, но приблизительно сходятся на том, что миллионов 400—500. Относительно этих цифр верны слова предыдущего товарища: „Брежливей статистики бабы нет“. 400 ли, 500 или 600 м. р., я бы не взялся утверждать точно потому, что ни один статистик не может точно ответить, но приблизительно несколько сот миллионов денежной массы осело в крестьянстве. Если будем иметь урожай, то для того, чтобы изжить диспропорцию, которая сейчас имеется и которая может еще обостриться, но не имеет пока тенденции уменьшаться, мы должны предложить крестьянскому хозяйству еще товаров примерно на 1/2 миллиарда рублей сверх обычного. Вот та цифра, которая определяет темп индустриализации. Когда мы сможем это требование удовлетворить? Т. Милотян говорил, что мы вкладываем сейчас в промышленное строительство 800 миллионов рублей, в будущем году еще миллиард рублей. Надо считать, что приблизительно через год, через два, продукция нашей промышленности увеличится на 1 1/2—2 миллиарда руб. (С места: „На всю сумму капитальных затрат“?). В этом нет ничего неестественного. Весь основной капитал 4 миллиарда рублей и около 4 миллиардов рублей промышленной продукции. Так что, если мы через полтора-два года достигнем того, что сможем предложить крестьянину наличными на полтора миллиарда рублей довоенных промышленной продукции, то этим диспропорция в хозяйстве изживается.

Это более или менее конкретный, статистический ответ на вопрос о том, когда можно будет изжить диспропорцию между промышленностью и сельским хозяйством, и отсюда можно сделать вывод о том, каков должен быть темп нашей индустриализации.

Теперь еще пару частных замечаний. Тут некоторые товарищи говорят, что темп индустриализации слишком мал, нужно дать гораздо

больше средств промышленности, чем до сих пор. (С места: „это правильно“). Это правильно, говорит товарищ. Я задаю вопрос: сколько надо дать на промышленность? и далее: откуда эти средства взять? Сколько нужно дать на промышленное строительство? Мы имеем перед собой опыт, и не мешаает привести справку по этому поводу. У нас было два плана капитального строительства. Один составлялся, когда хлебофуражные заготовки предполагались в размере 700 млн. рублей. Тогда предполагалось дать на капитальное строительство 930 млн. руб. Теперь дается 820 млн. руб. Т.т. приходят и говорят: „Вы поддаетесь аграрному уклону, даете слишком мало“. А вы сколько предлагаете? Мы предлагаем 930 млн. рублей. Разница между нами и индустриалистами сотня миллионов рублей. Эта разница не так уж велика. Другие товарищи говорят: нужно дать миллиард. А я говорю: Вы сами составляли план на 930 млн. Откуда взять миллиард? Здесь выступают с упреком в том, что мы слишком мало обладывали крестьянство. „Государственный бюджет составляет 4 млрд. рублей. С крестьянства берут 200 млн. рублей. Получается, что остальные берут не с крестьянства, а забывают, что 200 млн. рублей, это прямые налоги, а есть еще косвенные. (С места: „Еще 450“). Затем идут все прочие виды доходов, которые берутся с населения, следовательно, и с крестьянского. Если все это прикинуть, тогда выйдет вовсе не больше с рабочих и меньше с крестьян.

Мне кажется, что, исходя из всех этих соображений, можно сделать выводы: темп индустриализации нашей страны таков, какой только может быть при современном хозяйстве. Если бы мы теперь задумали обложить крестьянство большими налогами или больше извлекать неналоговых платежей, то те капиталы, которые в крестьянстве имеются и которые мы должны всячески направить на производство, хотя бы и в сельско-хозяйственное производство, — они туда не пойдут, а пойдут в торговлю, ростовщичество и пр. потому, что это наиболее легкий способ извлечь барыш. Мы же хотим загнать их в производство. Для этого нужно создать соответствующие условия функционирования в этом производстве. Если мы будем обладывать сверх меры, то не загоним частные капиталы в производство, а наоборот, симпатий ни в кулацкой, ни в бедняцкой части крестьянства не найдем. Поэтому-то обложение, которое сейчас производится — оно на мой взгляд является единственно возможным при нашем современном положении.

Тов. Вайсберг. Товарищи, позвольте остановиться сперва на двух частных вопросах. Тов. Милютин начал свой доклад с того бесспорного положения, что мы стоим на грани между восстановительным процессом и процессом реконструкции. В связи с этим он выдвинул положение, которое сводится к тому, что новая практика требует новой теории. И как будто бы весь доклад должен был быть построен под этим углом зрения. Мы, к сожалению, теории в этом докладе не нашли. Это я говорю не в упрек докладчику, это я не считаю наиболее слабой стороной. Второе. Имеется в докладе т. Милютина одно положение, которое является несколько новым и требует, по крайней мере, разъяснения. В конце своего доклада т. Милютин выдвинул ту мысль, что нам, мол, зазорно

равняться по мировому хозяйству. В виду того, что у нас произошла пролетарская революция и что за нашими пределами мы имеем дело с капиталистическими странами, нам не к лицу равняться по капитализму. Я думаю, что по этому вопросу нужно кое-что уточнить. В каком смысле мы можем равняться? В каком мы не можем равняться? Отрицать наличие наших мировых хозяйственных связей с капиталистическими странами, конечно, не приходится. Они еще слабы, мы надеемся расширить их и должны это сделать. Это в отношении нашего экономического развития. Особенно для той фазы реконструкции, в которую мы вступаем, у капиталистического хозяйства есть, что позаимствовать и чему поучиться. Я думаю, что в этом отношении нужно строго разграничить два момента. С одной стороны, техническая база, с другой стороны, общественные отношения. В смысле общественных отношений мы стоим далеко впереди всех Европ и всех Америки, но в смысле развития производительных сил, в смысле технической базы, мы далеко отстали, и нам нужно весьма многое позаимствовать, весьма многому поучиться. Я думаю, что если бы мы строго проводили это разграничение, вопрос был бы более ясен. В самом деле, возьмем хотя бы „ныне бастующую“ Англию. Думаю, что и тов. Милютин не возражал бы против того, чтобы мы имели ее технику. Имея английскую технику, мы были бы гораздо ближе к нашей конечной цели, чем находимся в настоящее время. Но, с другой стороны, в смысле общественных отношений, Англия весьма и весьма отсталая страна, и в этом отношении мы шагнули далеко вперед. Этот вопрос не вызвал бы никаких сомнений в нашей среде, если бы последовательно разграничили техническую базу и общественные отношения.

Я хочу сейчас остановиться на существе доклада, на вопросе о диспропорции. Каков характер нашей диспропорции? В чем гвоздь? В этом отношении имеются у нас различные течения. Течение, которое, можно сказать, возглавляется нашими буржуазными и полубуржуазными профессорами, видит только поверхность явлений и считает, что все зло заключается в сфере товарного и кредитно-денежного обращения и, конечно, в той „глупой“ экономической политике, которую ведут большевики. Кстати, здесь прошлый раз т. Беленко упомянул статью Кондратьева и Юровского. Отправившись сегодня сюда, я нарочно просмотрел статью Кондратьева в „Социалистическом Хозяйстве“ и должен сказать, что хотя я точку зрения Кондратьева знал и раньше, но в этой статье находится у него нечто новое. Он является представителем тех, которые видят только поверхность явлений. Конечно, как полагается, Кондратьев делает здесь несколько реверансов по адресу Маркса, потому что в настоящее время невозможно по-иному. Потом он объясняет диспропорцию. Не знаю, что нашел т. Беленко, но я нашел следующее. Для того, чтобы объяснить диспропорцию 1924—25 г., Кондратьев берет за исходный путь 1923—24 г. и только. Все остальное он отбрасывает. То, что было до того времени, у него считается нормальным. Те ненормальности в развитии народного хозяйства, которые были до войны, весь довоенный период, даже военный период, военный коммунизм, первые годы нэп'а — все это у него отброшено.

Он берет 1923—24 г. за базисный год и показывает, что в следующем году промышленность скакнула вперед, сельское хозяйство не могло догнать—отсюда вывод, что вся диспропорция, все зло заключается только в том, что вели такую политику, которая давала промышленности слишком разболтаться. Он подчеркивает взаимоотношение товарных масс и значение нашей кредитной политики. По Кондратьеву получается, что если бы мы вели иную кредитную политику, то никаких зол в области диспропорции у нас не было бы. Мне лично думается, что если бы можно было только какими-нибудь мероприятиями Госбанка или Промбанка разрешить проблему диспропорции, нам пожалуй не нужно было бы об этом здесь беседовать. Одно сопоставление с довоенными процентными отношениями, к которому прибегает Кондратьев, ничего не может объяснить, ибо диспропорция между промышленностью и сельским хозяйством существовала и до войны.

Но дело, кроме того, в том, что у нас диспропорция производства; у нас диспропорция в производстве сельскохозяйственных продуктов и промышленных продуктов, а эта основная диспропорция обуславливает, в свою очередь, целый ряд производственных диспропорций как в сфере обращения, так и в сфере распределения. Я думаю, что сейчас достаточно признанной является точка зрения, по которой у нас имеется диспропорция производства. Но вот если посмотреть, как аргументируется точка зрения Кондратьева, то увидим, что просто человек выбрасывает все народно-хозяйственное развитие, которое было до 1923 г., берет слишком узкий, слишком недостаточный участок и на этом основании пытается строить теорию. Конечно, тут только можно руками развести по поводу такой „профессорской“ методологии. Если говорить о диспропорции, то все-таки нужно иметь в виду, что у нас диспропорция производства сопровождается, напр., несоответствием между спросом и предложением. Известно, что Октябрьская революция ликвидировала верхушечные слои деревни и города—помещиков и капиталистов. За счет этого возрос спрос ряда других слоев, но ведь этот спрос конкретно является несколько иным. Структура крестьянского спроса в корне отличается от структуры помещичьего и капиталистического спроса. А, с другой стороны, у нас измененный спрос пред'является также и производством. У нас возник ряд новых диспропорций (если сравнивать с довоенными данными): между отдельными отраслями производства и отдельными отраслями потребления. Получив такое несоответствие в наследство и не успевши его уравнять, подогнать отдельные отрасли нашего народного хозяйства (это работа довольно трудная и длительная), мы оказываемся перед лицом таких диспропорций, которые одними мероприятиями кредитной политики или денежного обращения не создаются и не изживаются. Тут надо смотреть поглубже, надо брать хозяйственные явления в целом и, только так подходя к вопросу, исходя из народного хозяйства в целом, стараясь увязать отдельные его части, только так можно постепенно, в течение ряда лет разрешить проблему диспропорции. Проблема диспропорции упирается в проблему равновесия, о которой говорил т. Миллютин. Но здесь мне думается, нужно ввести

обязательно один социально-политический момент, которого в докладе, кажется, не было. Ведь равновесие может устанавливаться по-разному: или на капиталистической основе, или на социалистической основе. Одно слово „равновесие“ не говорит еще ничего о характере развития народного хозяйства и о тех задачах, которые мы ставим перед собой. И когда мы стремимся к равновесию, то совершенно обязательным является для нас „маленькая поправка“ на социализм. Мы стремимся не просто к равновесию, но именно к такому равновесию, которое идет на социалистической основе. Но здесь надо сказать, что мы стоим перед громадными задачами, которые развертываются в борьбе между социалистическими элементами нашего хозяйства, при чем эти задачи осложняются тем обстоятельством, что мы имеем перед собой массу хозяйств, которые лишь теперь втягиваются в рыночные денежные отношения. Мы имеем перед собой хозяйства, которые в значительной степени лишь теперь выходят из натурального состояния. Наша деревня еще недостаточно затронута рыночными процессами, и здесь открывается ожесточенная борьба между социалистическими тенденциями хозяйства и некапиталистическими за владение этим процессом деватурализации, который происходит в деревне, который в дальнейшем должен еще больше расширяться. Встает задача колоссальной важности задача подчинения этого процесса социалистическим тенденциям, это, такая задача, которой в течение одного года не разрешается. Но для ее разрешения мы должны твердо помнить, что социалистической базой является наша промышленность. Это основная социалистическая база, которая вдохновляет и усиливает социалистические тенденции всех других отраслей народного хозяйства, и, если мы хотим укрепить наше социалистическое влияние в народном хозяйстве, мы должны всеми зубами вцепиться в это звено цепи. Если держаться за другое звено народного хозяйства так, что промышленность будет ослабляться, тогда наша основная база ускользнет из-под наших ног, мы сперва повиснем в воздухе, а затем и полетим в шянинскую пропасть. И при разрешении всех остальных вопросов нам нужно это твердо иметь в виду. Все остальное является в этом отношении производным. Колоссальной важности задачи, которые стоят перед нами в сфере обращения, в сфере распределения, колоссальной важности задачи регулирования производительного и личного потребления должны решаться под углом зрения развития социалистических тенденций. Я считаю, что нужно это особенно подчеркнуть в связи с тем, что в последнее время уже после партийного съезда выявляется целый ряд таких антипартийных тенденций. Они весьма сильно наблюдаются в наших советских учреждениях, исходят в значительной части от беспартийных работников и получают отражение также в печати. Разрешите назвать один пример. Недавно в журнале, распространенном среди наших хозяйственников, который называется „Вестник промышленности, торговли и транспорта“, появилась статья о частном капитале. Автор статьи Николай Виноградский предлагает следующее: очистить местечко для частного капитала в промышленности, а в виде компенсации совершенно вытеснить его на рынке торговли хлебом. Если рассчитывать

арифметически, может быть кое-какой плюс в пользу такой концепции окажется. Если частный капитал силен на рыночной торговле, стоит ему отвести кое-какое местечко в промышленности и завоевать вместо этого всю рыночную торговлю. Но, товарищи, согласитесь с тем, что никаких гарантий ни автор статьи, никто другой не дает, что если уступить место в промышленности, частный капитал уступит нам место в торговле хлебом. Здесь неуместны „договорные“ отношения. И другое еще совершенно не учитывается: процесс, тенденция развития. Вы уступите место в промышленности, это значит поступиться частью нашей основной базы, дать частному торговому капиталу возможность превратиться в промышленный капитал и здесь закреплять свои позиции. Никто не даст гарантии, что через несколько лет частный капитал не окажется достаточно сильным и в торговле и в промышленности и не перейдет в такое наступление, с которым довольно трудно будет справиться. Проблема частного капитала играет, конечно, громадную роль в нашем хозяйстве, закрывать глаза на нее не приходится. Развивать такой оптимистический взгляд, будто мы его победили всюду и везде, даже в рыночной торговле, также нельзя. Можно сказать, что за последнее время частный капитал солидно наживает на расхождении между оптовыми и розничными ценами и вообще немало сдирает с товарного голода. Все это правильно, но откуда нельзя делать и резко противоположных выводов, нельзя говорить, что частный капитал уже настолько силен, что мы обязательно должны ему уступать чуть ли не по всему фронту. Этого нет. Это есть скрытое ликвидаторство, это скрытое сменовеховство. Сколько у нас частного капитала? Имеются различные подсчеты, цифры не всегда говорят правду, но все-таки нет основания предполагать, будто у нас частный капитал в торговле настолько силен, что мы должны непременно уступить ему место на наших командных высотах. Проблема частного капитала, это не есть только проблема торговли. Я думаю, что борьба с частным капиталом, это есть борьба за тот прибавочный продукт, который создается и в промышленности и в сельском хозяйстве. Ведь как бы там Кондратьевы ни верти, все-таки прибавочный продукт, как мы знаем, создается в производстве. Здесь это объяснить не приходится. И вот если ставить вопрос о частном капитале под углом зрения борьбы за прибавочный продукт, то этот вопрос получает несколько иную постановку, чем обычно трактуют. Ведь, товарищи, дело в том, что частный капитал получает прибавочный продукт с определенных слоев населения и борьба с частным капиталом сводится не только к тому, чтобы снимать сливки непосредственно с него, выжимать из него определенные ценности, тогда как он их уже взял, но сводится еще к тому, чтобы не давать ему возможности получать эти ценности. У нас ставится вопрос о борьбе с частным капиталом в плоскости сжимания ножиц оптовых и розничных цен. Я лично думаю, что этого недостаточно. Борьба с частным капиталом должна вестись и по другой линии, по линии сжатия платежеспособного спроса некоторых слоев населения, ибо частный капитал использует этот платежеспособный спрос и получает возможность приобретать тот самый

прибавочный продукт, который должен попадать к нам. Здесь нужен целый ряд комбинированных мероприятий. Тут и политика цен, и политика налогов, и кредит. Конечно, товарищи, каждое такое мероприятие, взятое в отдельности, взятое само по себе, может непосредственно дать отрицательный результат. Но если мы, при рассмотрении в каждый данный момент соответствующей политики на данный квартал или данный месяц, постараемся сочетать нашу экономическую политику на различных фронтах и в области цен, и в области налогов, и в области административного нажима, постараемся сочетать эту политику таким образом, чтобы борьба за прибавочный продукт не была бы по нашей валюте и не шла бы против смычки города и деревни, если умело в каждый данный момент сочетать все эти мероприятия, я думаю, что нам удастся кое-каких успехов на этом фронте добиться. Во всяком случае в наших руках имеется достаточно солидный арсенал мероприятий. Их нужно только в каждый данный момент умело сочетать, и это говорит за то, что уступать на фронте частного капитала нам не приходится. Это говорит также и за то, что наше активное вмешательство в экономическую жизнь поведет к тому, что эксплуатация будет постепенно изживаться.

Тов. Ришин, Тов. Милютин в своем докладе затронул слишком много вопросов, но исчерпывающих ответов на эти вопросы мы вряд ли получили. Если можно так сказать, между широтой темы и глубиной ее охвата была некоторая диспропорция (смех). Тов. Милютин полемизировал сочень многими течениями, имевшими место в дискуссии о диспропорции, о темпе развития и т. д. Но ярко выраженной и достаточно обоснованной собственной точки зрения, по-моему, в докладе не было. Да и полемика тов. Милютина, я бы сказал, глубокого характера не носила, поскольку теоретический анализ отдельных воззрений тов. Милютина часто подменял одними определениями. Судите сами: точку зрения тов. Сокольниковца, по формулировке доклада определяющего диспропорцию причинами, лежащими в сфере обращения (конъюнктурные явления), тов. Милютин кратко определяет, как недооценку социалистических элементов нашего строительства. Взгляды НКЗема, исходящие из утверждения, что темп развития промышленности опередил темп развития сельского хозяйства, тов. Милютин также без анализа и еще короче характеризует, как ведомственные. Такой же характер носят и анализ взглядов тов. Преображенского по поводу социалистического накопления: тов. Милютин все так же кратко говорит, что эти взгляды неверны, потому что социалистическое накопление должно происходить и за счет города и за счет сельского хозяйства. Не знаю, как удовлетворит такая полемика тех товарищей, с которыми тов. Милютин полемизирует, но меня такая полемика не убеждает. Я привел эти примеры в качестве иллюстрации к тому методу доказательства, который часто для своих положений дает тов. Милютин.

Тов. Милютин говорит о том, что диспропорцию надо исклчительно в сфере производственной, так как обращение определяется производственными отношениями. Это, конечно, т. т., верно, но это еще ничего не говорит. Ведь задача теоретического анализа

того или другого явления в том именно и заключается, чтобы выделить отдельные факторы, лежащие как в сфере производственной, так и в сфере обращения и определяющие (по отдельности или в сложной совокупности факторов) данное явление. Возьмем, например, более или менее яркий пример из сферы обращения: как известно, в распределении продукции между городом и деревней за период революции произошел некоторый перелом. Этот перелом, если судить по цифрам, заключается вот в чем: в 1913 г. крестьянство потребляло 64,4% всей продукции промышленности, остальную часть—35% с лишним потреблял город (с места: „Откуда эти цифры“?). Эти цифры исчислены по данным Госплана. В 1925 г. мы имели почти обратное явление: 35,7% потребляет сельское хозяйство и 61,3% потребляет город. Эти цифры в относительных данных показывают известный сдвиг в распределении продукции между городом и деревней, который произошел в период революции. Чем это объясняется? Мы видим рост платежеспособного спроса города на почве повышения заработной платы, развития капитальных работ, увеличения непроизводительных накоплений и т. д. (между прочим, сейчас мы в практической политике подошли к проблеме уменьшения платежеспособного спроса города. Это проводится отдельными постановлениями, например, в форме повышения квартирной платы и т. д.). Чрезмерное повышение платежеспособного спроса города приводит к тому, что городу отчуждается относительно большая часть продукции, чем при нормальных условиях должна было отчуждаться по сравнению с деревней, в которой платежеспособный спрос за время революции также значительно возрос. Как указывает революция последнего пленума ЦК-ВКП—„форсирование городского спроса, поглощавшего большую часть увеличивающейся продукции промышленности, вносило расстройство в товарообмен между городом и деревней и тем ослабляло предложения крестьянского хозяйства“. Несомненно, это перераспределение в сфере обращения усугубило диспропорцию. Таких примеров, показывающих влияние факторов, лежащих в сфере обращения, на диспропорцию можно привести много: достаточно известно, например, влияние инфляции, имевшее место осенью, на рост диспропорции и т. д. Из других факторов, лежащих уже в производственной сфере, здесь ряд товарищей отмечали, напр., диспропорцию в развитии отдельных отраслей промышленности—тяжелой и легкой индустрии. Анализ всех этих факторов и необходим был в докладе. Вот почему анализ диспропорции, данный тов. Милютиним, носит слишком общий характер и поэтому недостаточен.

Я перехожу к следующему вопросу. По-моему, основным вопросом, на который тов. Милютин абсолютно не дал ответа, является вопрос о ресурсах, на основании которых может развиваться наше хозяйство. Темп экономического развития,—говорит тов. Милютин,—будет определяться расширенным воспроизводством основного и оборотного капитала, что зависит от внутренних ресурсов, от емкости внутреннего рынка и накопления резервов. Если принять, что емкость внутреннего рынка является величиной, которая не будет все время уменьшаться, а будет возрастать, если принять правильную точку

зрения тов. Милютин о том, что наше производство мы строим на удовлетворении растущих потребностей населения, то два остальных момента—источники накопления внутренних ресурсов и резервов—в докладе тов. Милютин являются неизвестными: тов. Милютин почти ничего не сказал о том, откуда и каким образом будет происходить накопление этих ресурсов. Таким образом, можно сказать, что эта формула у тов. Милютин является одним уравнением с двумя неизвестными. Как известно в математике такие уравнения не разрешаются. А ведь этот вопрос,—и тов. Милютин, я думаю, остановится на нем в заключительном слове,—является по существу центральным вопросом. От него зависит дальнейший темп нашего социалистического развития. Разумеется, те товарищи, которые оглядываются на буржуазное развитие, тов. Шанин и другие, они находят более или менее легкие способы нахождения этих ресурсов. Тов. Шанин, как известно, находит эти ресурсы в аграризации страны, в развитии с.-х. экспорта и приливе промышленных товаров из за границы. Иные товарищи, как, например, тов. Теодорович, видят основной момент, который может найти эти ресурсы, в держании курса на развязывание капиталистических отношений в деревне (использование и преодоление этих элементов) и т. д. Эта точка зрения по существу очень близко стоит к точке зрения Шанина. Тов. Стецкий выдвинул недавно известную теорию о необходимости развития сберегательных касс, кредитной системы, в чем он находит панацею от всех зол. По-моему, такая постановка, какая имеется у тов. Стецкого и какая в самых разнообразных формах выставляется целым рядом товарищей, она висит в воздухе, является абстрактной. Почему? Система кредита, в частности система сберегательных касс должна опираться на что-то,—должен быть стимул для накопления. Существует ли такой стимул накопления в деревне? Для того, чтобы крестьянин мог накопить, для этого необходимо, чтобы он накопление производил для какой-либо цели (на то это реальный крестьянин, которого социалистическими фразами не подкупишь),—для удовлетворения как личных потребностей, так и, главным образом, для удовлетворения потребностей своего хозяйства: увеличения механизации или вообще для каких-либо крупных или капитальных затрат. Если возьмем пример Германии, то там это особенно ярко видно. В тот период, когда там падала марка, как и у нас, там особенно быстро возрастала роль сберегательных касс. Вы знаете, что они служили элементами, посредством которых сберегались на определенной высоте падающие деньги. После восстановления марки в Германии в первый период было такое же положение, как и у нас сейчас. Сбережения в сберегательных кассах быстро уменьшились, но затем мы видим рост сбережений. И когда пытались объяснить это явление, то оказалось, что это происходит благодаря тому, что в Германии имеется быстрая мобилизация земельной собственности—у крестьянина был, таким образом, стимул для накопления, заключавшийся в покупке распродаваемых земель. Я привел этот пример для того, чтобы показать, что здесь была реальная экономическая причина для реализации крестьянского накопления (я подчеркиваю, что, само собой разумеется, это основание, которое имеется в Германии, у нас абсолютно исключено).

Таким образом, основой, на которой могут извлекаться накопления из сельского хозяйства, является исключительно удовлетворение потребностей крестьянства на промышленные товары. Только на основе таких хозяйственных взаимоотношений города и деревни и возможен нормальный процесс накопления в деревне, обуславливающий перекачивание средств из сельского хозяйства в промышленность. Получается как будто некоторый порочный круг: для того, чтобы извлечь накопления из деревни, для этого необходимо удовлетворить крестьянский спрос: для того, чтобы удовлетворить крестьянский спрос—для этого необходимо иметь некоторые накопления для вложения их в промышленность. Ведь вся суть проблемы здесь сводится к тому, чтобы найти источники ресурсов для форсирования капитального строительства нашей промышленности на тот переходный период, пока промышленность не будет в состоянии удовлетворять платежеспособный спрос города и деревни и, таким образом, пока нормальное перекачивание средств из сельского хозяйства в промышленность будет подвергаться некоторым ограничениям. На этот центральный вопрос я бы хотел, чтобы тов. Милютин в заключительном слове дал ответ. Здесь, кстати, я просил бы разъяснения еще вот по какому вопросу. Тов. Милютин говорил, что формула Преображенского, заключающаяся в том, что первоначальное социалистическое накопление нужно производить за счет деревни, не верна по политическим соображениям и т. д.; надо производить накопление не только за счет деревни, но и за счет города. Тов. Преображенский понимает очень реально источник накоплений за счет деревни, а как понимает накопление ресурсов за счет города тов. Милютин? Этот вопрос, товарищи, является чрезвычайно важным.

Мне хотелось бы еще немного затронуть выступление тов. Вайсберга по вопросу о привлечении частного капитала в промышленность. Я не понимаю, как тов. Вайсберг понял, что в данном случае мы идем на уступки частному капиталу и создаем конкурента в нашей социалистической базе. Это неверно. В данном случае вопрос идет исключительно о том, чтобы привлечь к области производства, к нашему социалистическому строительству, все те непроизводительные средства, которые имеются. В частности, мы в настоящее время знаем, что отесненный из области торговли частный капитал, устремляется на фондовые биржи и приносит нам значительный урон. Таким образом, мы видим большое количество капиталов, которые не находят себе производительного применения. И использовать эти капиталы и направить их в область промышленности, где мы гораздо более укреплены, чем в области торговли, является совершенно закономерным и ни в коем случае не подрывает основ нашего хозяйства.

Последний момент, на котором я хотел остановиться, это вопрос о нашей связи с мировым хозяйством. Тов. Милютин говорил, как я понял, о том, что наша индустриализация должна быть направлена к созданию собственного хозяйства, совершенно обособленного от мирового рынка. Я понял бы тов. Милютину в том случае, если бы он сказал, что нам необходимо создать независимое от мирового рынка, но связанное с ним условиями обмена, хозяйство. Но если тов. Милю-

тин ставит вопрос о создании абсолютно обособленного хозяйства от мирового рынка и совершенно не связанного с последним, то я не понимаю, каким образом в условиях существования мирового хозяйства и нашей все увеличивающейся с ним связи, и каким образом в наших интересах будет существование такого обособленного хозяйства. На этот вопрос я прошу тов. Милютину ответить в заключительном слове.

Тов. Крицман. Прежде всего, товарищи, одно замечание в связи с выступлением последнего из говоривших. Он в качестве примера аргументировал уравнением, а именно одним уравнением с двумя неизвестными, которое, по его мнению, не разрешимо. (Т. Ришин: „Оно разрешимо, но т. Милютин не разрешил“). Вы изобразили дело так, что оно неразрешимо. В действительности оно, как известно из элементарной математики, имеет бесконечное множество решений. Помимо этого утверждения вы выставляете другое, о том, что будто бы до войны из продукции промышленности $\frac{2}{3}$ потребляла деревня и $\frac{1}{3}$ потреблял город, а сейчас наоборот, и что будто вследствие громадного роста заработной платы город отнимает у деревни ее. Это совершенно неверно. Всякий знает, что заработная плата не достигла еще довоенного уровня. С другой стороны, наше крестьянское сельское хозяйство уже сейчас превосходит размеры довоенного крестьянского сельского хозяйства. Ибо так как помещичье собственное сельское хозяйство составляло перед войной не менее 15%, а наше сельское хозяйство перешло за 85% довоенного, то в настоящее время крестьянское сельское хозяйство количественно уже перешло довоенный уровень. Оно, кроме того, выше по своему уровню и потому, что у нас поднялся процент технических культур, и, следовательно, ценность продукции поднялась. Если крестьянство сейчас потеряло по сравнению с довоенным, то оно потеряло не так наз. „промыслах“, т. е. в своей пролетарской части, не пролетарская же часть крестьянства выиграла по сравнению с довоенным своим положением уже сейчас в 1926 г. И совершеннейшим поклепом на пролетариат является утверждение, будто советская власть, власть пролетариата что-то отнимает у крестьянства тем, будто несообразно повышает заработную плату. Ничего подобного. Партия такой политики не вела и не ведет. Распространение подобного рода рассказов, фактически неверных и политически крайне вредных, совершенно недопустимо.

Теперь позвольте два слова сказать относительно диспропорциональности. Т. Милютин определяет диспропорциональность таким образом, что в сущности проблема устранения диспропорциональности совпадает с проблемой бесперебойного хода развития. Примерно так. В такой постановке этот вопрос мне кажется может быть рассматриваем под двумя углами зрения. С одной стороны—с точки зрения технической. Для того, чтобы развитие шло бесперебойно, необходимо известное соотношение, известная пропорциональность в развитии производства отдельных продуктов. Нужно, чтобы известному количеству угля соответствовало известное количество металла, известное количество хлопка и всего прочего. Если это количество не будет соблюдено, мы будем иметь перебои в ходе развития. Это есть закономерность технического типа,

которую должны соблюдать все хозяйственные и общественные строи, но достижение которой, при различных общественных строях, достигается различными методами, с различными затратами средств. При планомерно-организованном хозяйстве, которого у нас пока еще нет, но к которому мы идем, это будет достигаться с наименьшей затратой сил, а при неорганизованном хозяйстве, при товарном хозяйстве, при товарно-капиталистическом это достигается с большей затратой сил, посредством кризисов.

Но помимо этой стороны проблема имеет и другую сторону, которая, мне кажется, является центральной. Эта другая может быть, в противоположность первой, названа социальной стороной дела и сводится по существу к соотношению двух основных струй нашей революции. Наша революция, как вы знаете, есть революция рабоче-крестьянская. С одной стороны — революция, которая в крупной промышленности, транспорте и т. д. уничтожила капиталистические отношения, а с другой — революция, которая уничтожила помещиков, уничтожила остатки крепостнических отношений, главным образом, в сельском хозяйстве. После того, как эти остатки крепостнических отношений в сельском хозяйстве и капиталистические отношения в промышленности уничтожены, открывается эпоха под'ема, под'ема сельского хозяйства пока на основе, главным образом, мелкобуржуазных отношений и под'ема промышленности на основе отношений, которые являются уже переходными к социалистическим. При чем, конечно, эти две линии развития отнюдь не оторваны друг от друга, они совершаются в одном и том же обществе и поэтому тесно связаны друг с другом подобно тому, как наша революция не является двумя отдельными революциями, а одной сложной, в которой только аналитически можно выделить две составные части. Здесь возникает такая проблема: новые отношения, которые теперь складываются (мелкобуржуазные отношения, которые до сих пор еще господствуют в деревне, и отношения, являющиеся переходными к социалистическим, которые складываются в крупной промышленности), эти новые отношения могут друг на друга влиять или таким образом, что открывают возможность развития производительных сил в другой области, или наоборот таким образом, что эту возможность задерживают. Если задерживают, тогда возникает возможность конфликта между развитием производительных сил и теми отношениями, которые возникли в результате революции. Такой конфликт мы имели в эпоху 1920 г., который окончился Кронштадтом и переходом к новой экономической политике. Те формы хозяйства, которые существовали в нашей крупной промышленности и которые пытались тогда распространить на все народное хозяйство в целом, оказались такими формами хозяйства, которые задерживали развитие производительных сил мелкого сельского хозяйства. В результате эти формы хозяйства не выдержали напора тех требований, которые предъявлялись развитием производительных сил, лопнули и были заменены другими. Задача пролетариата и его партии состоит в том, чтобы не допускать до подобного рода конфликтов. Необходимо устроить так, чтобы экономические и общественные отношения, которые устанавливаются на базе как аграрной революции

в нашем сельском хозяйстве, так и пролетарской революции в крупной промышленности, носили такой характер, который бы взаимно способствовал развитию производительных сил, а не задерживал их. Иными словами, вопрос о соотношении обеих основных струй революций и есть глубокая основа вопроса диспропорциональности.

Заключительное слово тов. Милютина

Товарищи, ораторов, которые возражали по поводу моего доклада, можно разделить на две группы. Одни, которые вносили частичные поправки, соглашаясь с общей оценкой, постановкой. Это товарищи: Пашков, Вайсберг и Гольдман. И другие, которые, расходясь с моей постановкой вопроса, стоя принципиально на другой почве, возражали далеко не вполне и сравнительно в неясных формах. Эти последние принадлежат к тому направлению, которое я критиковал в начале моего доклада, указав, что с аналогичным направлением мы имели дело несколько лет тому назад, когда был переломный момент в нашей истории, в 1921 г., когда возникли течения, ошибка которых заключалась в переоценке капиталистических тенденций нашего общества и теоретическая база которых заключается в том, что они к нашей экономике и к нашей экономической политике подходят, по существу, как мелко-буржуазные экономисты, и тянут нас не вперед, а назад, не к экономике переходного периода, от капитализма к социализму, и, по существу, копируют реформистские тенденции в капиталистическом строе. Вот два направления, которые у нас нащупываются. У нас атмосфера не такая, чтобы это ярко проявилось, но это нащупывается, эта опасность есть.

Я сначала остановлюсь на первых товарищах. Тов. Вайсберг неверно понял меня, когда полагал, что я хочу открыть новую теорию в новой практике. У меня этого не было. В моем докладе говорится следующее: „Проблемы теоретические в нашей экономике получают новое значение в связи с меняющейся практикой. Меняющаяся практика требует нового теоретического освещения, а новое теоретическое освещение даст возможность более точно и правильно наметить нашу практику“. Проблема диспропорции выдвинута именно в этот второй период новой экономической политики. Точно также, как в зависимости от этой проблемы выдвигается целый ряд вопросов. Как решается эта проблема? Так, как, напр., некоторые товарищи предлагают решать: за счет крестьянина и решение это приведет к разрыву с крестьянством или нужно найти такое решение проблемы, которое дало бы возможность укрепить союз крестьян и рабочих? Это вторая проблема. Когда мы решаем проблему индустриализации, мы должны решить так, чтобы это решение закрепляло союз рабочих и крестьян. Это проблема и теоретическая и практическая. Эта проблема в восстановительный период так не стояла. Тогда смычка рабочих и крестьян и постановка самой проблемы разрешались по другим экономическим мотивам и под другим углом зрения. Несомненно здесь выдвинулся целый ряд новых теоретических проблем. Я старался осветить их, взяв,

главным образом, проблему основной диспропорции между промышленностью и сельским хозяйством и методы решения этой проблемы. Поэтому, т. Пашков, который со мной соглашался, но требовал детальных статистических выкладок, заблуждался. Часто товарищи требуют от нас именно такой постановки: „Выложи и скажи, если за индустриализацию, то какую точно сумму можно ассигновать на будущий год в основной капитал, дай статистическое определение, как представляешь себе индустриализацию на будущий год, если настоящий индустриалист“. Пустяки. Потому, что если сейчас дать цифровое выражение, какую цифру можно затратить на будущий год в основной капитал, это будет гадание. Сейчас, пока еще, в этом месяце это будет гадание на пальцах, на кофейной гуще, потому что забывают, что определяющим фактором сейчас является урожай. Для того, чтобы сказать, сколько можно вложить в основной капитал, нужно сказать, каков будет урожай, экспорт, сколько мы можем заказать новых машин за границей. Вот определяющие цифры. Наша ошибка в прошлом в чем заключалась? В том, что мы переоценили возможный урожай в нынешнем году. Мы определили сначала капитальные затраты на 1.020 милл., свели на 685 милл., а вместе с кредитом на 820 милл. Ошибка на 200 милл. Это серьезнейшая ошибка. Вся наша ошибка была в том, что мы даже в июле, в августе переоценивали возможность заготовок хлеба. Вот в чем соль. Так что сейчас сказать, что мы можем определить точно, бухгалтерски, сколько сможем затратить в будущем году в основной капитал, мы сказать не можем. Можно сказать, что будем стремиться не меньше, а больше затратить, чем в нынешнем году, может быть, свыше 800 милл. затратим, но сейчас не могу сказать, сколько можно затратить.

Теперь я остановлюсь на вопросе, на котором т. Вайсберг остановился: будем или не будем равняться по мировому хозяйству. Товарищи, тут вопрос глубже. В одной из статей в „Правде“ „О темпе нашего экономического развития“ я уже высказал, что мы будем стремиться догнать и обогнать капиталистические страны, будем измерять в этом смысле наши успехи, сменив давнишний аршин на метр, которым будем измерять, насколько мы догоняем капитализм в смысле техники, насколько потом будем обгонять его. Это одно дело, а другое дело — зависимость между экономическим нашим развитием и мировым развитием. Тов. Ришин абсолютно не понял, когда требовал совершенно обособленного существования нашего хозяйства от мирового рынка. Я не знаю, с какой планеты свалился т. Ришин, но дело в том, что мы нашу внешнюю торговлю ведем так, что стараемся побольше ее развить, но когда ставится вопрос, насколько наше экономическое развитие определяется внешним капиталистическим миром, то тут теоретическая и практическая проблема заключается в том, в какой степени и в какой мере мы можем и должны включаться в капиталистическое окружение. Вот как ставится вопрос. На этот вопрос мы отвечаем: максимально использовать окружающие капиталистические страны, их технику, их ресурсы, их капиталы мы должны, мы обязаны, это полезно для нашего хозяйства, мы будем также привлекать иностран-

ные капиталы в форме концессий, в кредитной форме, в какой бы то ни было другой форме, будем привлекать в интересах развития производительных сил нашей страны, в интересах социалистического строительства. Но если думать, что наше экономическое развитие определяется темпом экономического развития капиталистических стран и что получается, как один из товарищей выразился, такая зависимость, как между Европой и С. Штатами, то против этого мы решительно возражаем. Темп нашего экономического развития зависит от развития наших производительных сил. Сейчас капитализм теряет равновесие. Экономический смысл тех событий, которые происходят в Англии, заключается в том, что капитализм сейчас теряет то колеблющееся равновесие, которого он достиг в течение трех лет. Сейчас это колеблющееся равновесие теряется капиталистической системой. Вот экономический смысл событий в Англии. Я говорил в своем докладе, что, больше того, чем скорее пойдет распад капитализма, тем лучше для нас, это вне всякого сомнения. Тут обратная зависимость между темпом экономического развития мирового капиталистического хозяйства и нашим экономическим развитием, обратная пропорциональность, если хотите. Если предать себе укрепление капитализма, это означало бы поддержку нашего социалистического строительства. Вот что это означало бы. Когда говорят ошибочно, что наше социалистическое строительство определяется ходом экономического развития капитализма и выставляют как пример Америку, которая идет вперед на всех парах, это связано с сомнением, возможно ли строить социализм в одной стране. Темп экономического развития связан с проблемой построения социализма в одной стране и если эту штуку замазывают или подносят под другим соусом, это нужно вскрыть потому, что хотя бы под другим соусом, но если эта вещь имеет ту же тенденцию, она точно так же вредна, как когда говорят, что темп экономического развития зависит и определяется темпом развития капиталистических стран. Это поднесение под другим соусом той же старой идеи, что нельзя строить социализм в одной стране.

Теперь перейду к т. Оссовскому, тем более, что т. Оссовский, боязливо поставив в своем докладе вопрос о накоплении, спрашивает, как найти выход к накоплению крестьянства и как строить индустриализацию, каким образом и чьи использовать накопления.

Боязливая постановка! В статье, которую он напечатал в „Большевике“ в № 7—8, т. Оссовский более откровенно подошел к вопросу. В дискуссионном отделе „Большевика“ он решился более открыто выступить. Дело в том, что т. Оссовский предлагает накопление деревни брать путем увеличения налогов и брать путем увеличения цен на продукты промышленности, т.е. тем путем, по существу, каким шло царское правительство, — он и приводит данные, почему диспропорция при царском правительстве была слабее, чем при нас. Он видит, что там диспропорция ослаблялась тем, что царское правительство брало в два раза налогов больше с крестьян, чем мы, что брало с помощью водки в 5 раз больше с крестьянства, чем мы, затем аренд-

ная плата, которую крестьянство платило приблизительно от 250 до 450 млн. золотом в год помещикам. Это были факторы, которые ослабляли диспропорцию на рынке. Когда т. Оссовский невинно ставит вопрос: „а как вы думаете направить накопления, нельзя ли направить по этому руслу“, он намечает политику, которую можно характеризовать, как буржуазную, он не видит новой экономики, для него крестьянская масса это объект обложения. Так же ставит этот вопрос и т. Преображенский: крестьянство только объект обложения со стороны города, за счет этого обложения мы можем строить индустриализацию. Абсолютно неправильная, гибельная точка зрения, которая бы ударила по нашей экономике и по нашей экономической политике, повела бы к разрыву между городом и деревней. И тут совпадение с последним из выступавших товарищей, т. Ришиным, который точно так же ставил этот вопрос и приводил абсолютно неверные данные насчет того, что до революции деревня потребляла 60%. Откуда он взял, я не представляю. Напр., исследование Гриневецкого, довольно авторитетного буржуазного ученого, указывает на то, что крестьянство до войны потребляло 30% товарной продукции промышленности. Так что сейчас приблизительно то же соотношение, та же пропорция. Больше того, оно сейчас сохранилось благодаря тому, что крестьянское хозяйство, как сказал тов. Крицман, было меньше разрушено, чем промышленность. В этом отношении диспропорция не нарушалась в течение последних лет. Тут приходится обращаться к кооперации. Или правильно то, что мы писали и говорили насчет кооперации, что кооперация плюс электрификация—социализм, то, что о ней писал Владимир Ильич, или это неправильно. Если вы отрицаете кооперативный путь, то тем самым становитесь на старый путь отношения к крестьянству, ничего по существу не выдвигая нового. Или вы идете по другому пути—использования накопления крестьянства по пути кооперирования. Что мы плохо это делаем, что инициативы в этом деле еще мало—это вне всякого сомнения. Но политику мы будем вести в этом направлении, а не в том направлении, которое вы предлагаете, т.-е. относиться к крестьянской массе только как к объекту обложения, вытягивать путем налога те накопления, с помощью которых строить индустрию. Так можно только застопорить наше строительство. Когда была военная необходимость, время гражданской войны, мы стояли за разверстку, хотя знали, к чему она приведет. Она привела к тому, что посевная площадь упала до 50%. Но это была военная необходимость. Сейчас же вы повторяете зады, уважаемый товарищ, которые ничего нового не дают и вредны, т. к. не отвечают современным условиям. Когда говорят насчет накопления, подходу с точки зрения буржуазной науки и капиталистических отношений, то ничего хорошего не выйдет. Когда я указывал, что мы должны использовать ресурсы для индустриализации и города и деревни, я указал пути, каким образом это происходит. Каким образом происходило это у нас в нынешнем году? Возьмем конкретно. Мы в денежной форме затрачиваем 685 милл. руб. на индустриализацию. Из них около 450 милл. дает промышленность, и затем из бюджета и займа хоз. восстановления мы отчисляем на эту цель

около 300 милл. руб. Таким образом, вся страна участвует в индустриализации. Весь режим экономики, это что значит? Это значит путь использования ресурсов города для индустриализации. Деревня должна будет участвовать косвенными налогами, акцизами и т. п. Это путь, который привлекает средства сельского населения к индустриализации. И, наконец, путь привлечения средств через кооперацию. Мы пойдем по этому пути, но не тем путем, который вы нам рекомендуете, не путем только административного подхода, нажима с помощью налога,—это путь гибельный, это не путь социалистического строительства, а путь бюрократический в чистейшей форме. Путь социалистического строительства в деревне, это путь кооперирования. Это также не ново. Тут Америки нет. Но эту Америку нужно разъяснить в свете тех предпосылок, которые здесь нам преподносят и которые, к сожалению, не только существуют в головах товарищей, которые не знают элементарных предпосылок экономической политики, но и у тех, которые строят довольно стройную систему экономической политики на основании подобного рода предпосылок, потому что, несомненно, напр., т. Преображенского вы не упрекаете в том, что он не знает политики и экономики. У него это стройная система отношения классов в переходный период, в эпоху современную, когда нам приходится производить социалистическое накопление и индустриализацию страны. Но с подобного рода теориями, которые строятся однобоко, которые отрицают по существу связь рабочего класса и крестьянства в строительстве социализма и индустриализации страны, с такими тенденциями нужно самым решительным образом бороться, ибо ничего кроме кризиса они нам не дадут.

Теперь т. Беленко. В основном его возражение сводится к тому, что противопоставление этих двух вещей—производства и рынка—есть марксистски невыдержанное, неправильное“. Конечно, товарищи, говорить можно о том и о другом, но, несомненно, рынок зависит от производства и товарооборот в своем развитии будет стоять в определенной зависимости от развития производственных отношений. Когда мелко-буржуазные политики нам подсовывали теорию взаимодействия факторов в истории и боролись против марксистов, упрекая их за экономическую однобокость, обвиняя их в том, что они все свели к экономике, как мы возражали против этого? Мы говорили, что они законосообразной последовательности в общественном развитии не видят и не понимают. И когда нам теперь теорию факторов подносят в экономических взаимоотношениях и говорят, что тут и рынок играет роль, и конъюнктура, и денежное обращение, и производство и т. п., то этим затушевывают или стараются затушевать нашу главную центральную задачу. Мы пользуемся уроком т. Ленина, который учил, что в каждый данный момент нужно уметь охватить центральное звено, от которого нужно разрешать второстепенные вопросы вторичного порядка. Сейчас, когда мы анализируем наше современное экономическое положение, когда мы анализируем экономику второго периода новой экономи-

ческой политики, когда мы определяем нашу экономическую политику не только на нынешний год, но и на ряд лет вперед (нынешний год — определяющий год для ряда лет вперед), мы не можем в этом отношении ограничиться тем, что вся диспропорция только от прошлого квартала, что от тех просчетов, которые мы сделали в начале этого года, от того, что мы затратили несколько больше, чем следовало — от этого зависит диспропорция. Это то, на чем стоит Кондратьев, на которого т. Беленко ссылался как на определенный авторитет. Конечно, так мы не можем подходить к этому вопросу, для нас этот вопрос заключается не только в рыночных отношениях, в конъюнктуре. Конечно, если бы мы не сделали просчета в августе, в сентябре прошлого года, если бы мы не увеличили эмиссию в такой степени, в какой не следовало, не было бы целого ряда обостряющих элементов, которые мы пережили. Проблема диспропорции заключается прежде всего в области производства и производственных отношениях. Когда же говорит, что диспропорция зависит от рынка, то логически вытекает требование повышать цены на продукты промышленности — раз, ввозить товары из-за границы — два и этим изживать диспропорцию в стране. На этой точке зрения стоит целый ряд товарищей, полагающих, что ваша ошибка заключалась в том, что мы чрезмерно старались понизить цены на продукты промышленности. Мы отвечаем, что это близорукая политика, это непонимание нашего экономического развития. Этим только замазали бы коренное противоречие, которое мы в области производства стараемся изжить. Мы не стараемся его замазать. Ошибка наша в 1923 г., когда были ножицы, заключалась именно в том, что тогда колоссальное повышение цен на продукты промышленности затормозило рынок и начал проявляться в типичной форме капиталистический кризис, затоваривание. Если бы мы последовали этой мудрой политике, повторяющей капиталистическую практику, что при товарном голоде цены растут и не нужно препятствовать стихийному росту цен, если бы мы в наших условиях, в нашей стране это применили, это привело бы в конечном счете к экономическому кризису обычного типа, к затовариванию, а не к тому изживанию диспропорции, чего ждут эти мудрые политики. Экономический кризис является коррективом для грехов экономической политики капитализма, как это мы видим в Англии, когда определенная политика приводит к краху, к экономическому кризису. Когда нам эту политику подсовывают, мы говорим, отойдите в сторонку, эта политика нам не нужна. Поэтому мы в нашем анализе стараемся вскрыть основную проблему диспропорции в производстве и к диспропорции подходим с точки зрения производственной. И когда эту постановку стараются замазать: а вот вы забыли о рыночных отношениях, о денежном обращении, о том, что диспропорция усугубилась тем-то и тем-то, я отвечаю: если бы я читал доклад о текущей экономической политике, это можно было бы мне поставить в упрек, но когда производится анализ основных экономических отношений, об этом нечего говорить. Я знаю эти противоречия не хуже некоторых выступавших товарищей. Я писал несколько раз в „Правде“ о болезнях нашего хозяйственного роста, фельетон целый поместил. Но

не в этом соль при том анализе, когда мы хотим определить линию нашей экономической политики на ряд лет и нащупать основное звено в этом. Эта основная теоретическая предпосылка заключается в том, что центр тяжести лежит в установлении пропорциональности между сельским хозяйством и промышленностью, в поднятии промышленности до определенного уровня, который удовлетворял бы емкость и потребности народного хозяйства целиком.

С т. Гольцманом я не согласен в одном. Он говорит, что легко учесть, до какой степени надо поднять производство, достаточно сказать, что если продукция даст лишних 500 милл. руб., этим самым диспропорция в смысле продукции будет изжита. Я думаю, что это неправильно потому, что здесь не принимается во внимание развитие производственных сил и города и деревни. Пока мы достигнем общей продукции на лишних 500 милл. руб., деревня делает шаг вперед и заставит нас идти вперед. В этом году нам придется более усиленным темпом развивать индустриализацию сельского хозяйства. Нет сомнения, что увеличить объем продукции промышленности в ее товарной части на 500 милл. руб. не представляет значительных затруднений. И возможно, что в ближайшие два года эта цифра будет достигнута. Но вне всякого сомнения, что потребности деревни и главным образом производственные потребности нашего хозяйства за это время возрастут значительно больше, чем можно удовлетворить увеличением подема продукции на 500 милл. руб. Следующее возражение тов. Беленко: „В происхождении товарного голода деревня не может играть большой роли, потому что она в прошлом году пережила урожайный год и потому что отношения между продукцией сельского хозяйства и между продукцией промышленности в это время складывались не в пользу продукции сельского хозяйства“. Эта вторая предпосылка, которая очень часто распространена, что в диспропорции уже не деревня играет роль, не несоответствие между промышленностью и сельским хозяйством, а возросшие потребности и возросший спрос города. А тов. Ришин добавил, что город слишком много стал потреблять. Тут логически, как это уже тов. Крицман отметил, из этого вытекает натравливание деревни на город. Это не только политически неправильная постановка вопроса, но и статистически совершенно не имеет доказательств. Город не стал больше потреблять по сравнению с тем, что он потреблял в довоенное время. С другой стороны, это опять-таки перенесение центра вопроса с производственного вопроса в область рыночных отношений, т.-е. та точка зрения, которая мной лично отрицается и которая по моему приводит нас к неправильному наметанию нашей экономической политики. Это связано логически. Далее тов. Беленко говорит, что „по его (т.-е. по моему. В. М.) мнению дело происходит таким образом, что мы идем по пути укрепления социалистического хозяйства. Это в общем и целом правильно, но — продолжает т. Беленко — для данного времени не совсем правильно. Только в некоторых областях мы пролагаем наши завоевания в области борьбы за общественное социалистическое хозяйство“. Повторяю, здесь в дискуссии, которая развернулась в сте-

нах нашей Академии, противники тех положений, которые мной были высказаны, в неясных формах формулировали свои положения, критиковали меня за недостаточность, за неясность и т. д., но своих положительных предложений не формулировали. То, что они формулировали в качестве противопоставления моим положениям, они отражали в этом более серьезную постановку, которая была дана т. Преображенским, т. Сокольниковым и другими товарищами, утверждения которых заключались в том, что, так сказать, на путях нашего экономического развития мы должны индустриализацию вести за счет деревни, за счет излишков, которые мы можем взять в деревне, что та диспропорция, которую мы имеем, носит рыночный характер, что политика понижения цен, которую мы ведем, является ошибкой именно в виду взаимоотношений между городом и деревней, в виду того, что нам нужно снять сливки с деревни. Вот основная линия, которая политически не разрешает вопроса об укреплении союза между рабочими и крестьянами. Та линия, которую я защищаю, которая является общепринятой линией, это то, что проблема разрешения диспропорции, проблема разрешения индустриализации страны должна решаться на основе укрепления союза рабочих и крестьян. Эта проблема требует от нас развертывания емкости рынка, а следовательно, понижения цен. Мы думаем выиграть не на том, что мы в данной конъюнктуре, при товарном голоде сорвем с крестьянина, а на том, что, увеличивая емкость рынка, увеличивая спрос, путем снижения цен, мы тем самым получим стимулирование производства. Вот почему мы добиваемся снижения цен, при чем мы сейчас добиваемся снижения розничных цен, удерживая снижение оптовых цен. (С места: „Снижение цен не доходит до потребителя“ заявляет Наркомторг). Мы цдох этого добиваемся. Но, если бы мы этого не добивались политикой снижения цен, мы бы не удержали стабильные цены, которые мы удерживаем. Если бы мы эту политику ослабили, мы бы этой стабилизации не удержали, но повторяю, что наша политика будет состоять и в снижении оптовых цен, при первой же возможности мы пойдем по пути политики снижения оптовых цен. Это связано с нашей финансовой политикой, с курсом нашего рубля потому, что ясно, что по существу повышение цен срывает нашу валюту. (С места: „Для этого надо больше товаров“). Да, для этого надо больше товаров, и к этому вопросу мы подходим с точки зрения развития нашего производства, а не ставки на импорт. Мы сейчас будем стимулировать ввоз сырья, полуфабрикатов, но будем задерживать ввоз готовых товаров. Сейчас в нынешнем году повышение нашего производства приблизительно от 30—40% по сравнению с прошлым годом. На будущий год мы увеличим только вероятно на 15—20%, так что темп будет несколько более замедленный. Но ставка наша при разрешении этой проблемы будет на наше внутреннее производство. Это второй подход, следующая ступень, при разрешении этой проблемы. И третье, это—то, что сейчас вопрос о накоплении в деревне мы ставим под углом зрения кооперации, исключительно кооперации. Вряд ли в каких-нибудь более или менее серьезных размерах может быть изменен сельскохозяйственный налог.

Больше чем вероятно, что он будет обращен в большей своей степени на местные нужды, на передачу его в руки местных органов.

Вот, товарищи, тот путь, который необходимо было осветить. Проблема диспропорции не является проблемой сезонного характера, не является проблемой нынешнего года, а точно так же, как и та проблема, которую мы ставили в 1921—22 г., когда мы ставили проблему о взаимоотношениях между частно-хозяйственными и государственно-социалистическими формами нашего хозяйства и определяли соотношения между этими формами, точно так же и эта проблема сейчас будет проблемой на ряд лет, проблемой, которая определяет наше экономическое развитие. Вместе с тем наша экономическая политика тогда будет тверда, когда будет основываться на понимании законсообразности процесса экономического развития. Эти проблемы я ставлю, как проблемы законсообразности нашего экономического развития, на основании которых мы ставим конкретную экономическую политику. Нам придется нашу политику в большей степени, чем раньше, я это подчеркиваю, строить на наших внутренних ресурсах, укреплять их. В этом направлении нам придется действовать, особенно имея в виду современную мировую обстановку, углубляющийся кризис капитализма. Всеми средствами и силами мы должны укреплять путь нашего социалистического строительства.

О СОВРЕМЕННЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ В НЕМЕЦКОЙ ТЕОРЕТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Задача настоящей библиографической заметки значительно скромнее ее названия; мы далеки от мысли дать сколько-нибудь исчерпывающий анализ или хотя бы описание нынешних течений в германской буржуазной экономической науке. Мы хотим лишь обратить внимание русского читателя на некоторые пункты современной эволюции теоретико-экономической мысли в Германии и указать при этом ряд авторов и ряд произведений, которые до настоящего времени сравнительно мало известны нашей марксистской критике; между тем они безусловно имеют значение для характеристики нынешней официальной науки.

У нас довольно распространено представление, будто современная буржуазная политическая экономия и так называемая австрийская школа (теория предельной полезности) — это синонимы, что одно понятие всецело покрывает другое. Иными словами — что австрийцы являются монополями и представителями буржуазной экономической науки современности. Австрийскую теорию у нас знают лучше других нынешних буржуазных направлений; этой теории «посчастливилось» в том отношении, что она была подвергнута критике в широко распространенной работе Н. И. Бухарина. Между тем представление о полной монополии направления предельной полезности нуждается в некоторой поправке даже относительно довоенного периода; еще более серьезное ограничение требуется, однако, для эпохи послевоенной.

Победное шествие школы предельной полезности в предвоенный период было, несомненно, чрезвычайно импозантным. Как известно, этому направлению не приходилось вытеснять какую-либо другую теоретическую школу; оно пришло, напротив, на смену тому отрицанию теории, которое культивировалось исторической школой в ее двух важнейших разновидностях: старористорической — Рошера, Книса, Гильдебрандта — и ново-исторической или историко-этической, связанной с именами Г. Шмоллера, Л. Брентано и др. С победой австрийской школы буржуазная наука, очистившаяся было на время поле теоретической политической экономии и удалившаяся исключительно в область конкретно экономического исследования, выступает на борьбу в новых доспехах. И чем бы ни было каузально обусловлено реальное содержание австрийской теории, телеологическое основание самого ее появления на свет божий за-

ключалось в необходимости борьбы против теоретической системы марксизма; что именно эта вполне реальная задача вызвала возвращение официальной науки в покинутую было обитель теории, составляет секрет полишинеля даже среди буржуазных ученых.

Эта благодарная практическая задача наложила несмыслимую печать на новую теоретическую школу, определила ее характер и ее особенности. Если под австрийской школой понимать ее первоначальный, вполне «ортодоксальный» вариант, представленный прежде всего К. Менгером и Е. Бем-Баверком, то ее основные отличия могут быть сведены к следующим пунктам:

1. Мы здесь имеем попытку — насколько она удачна, вопрос другой — противопоставить монистической теории марксизма такое же монолитное, последовательно-сконструированное и проникнутое одним духом теоретическое сооружение.

2. Так как основным пунктом экономического учения марксизма является теория трудовой ценности, а наиболее ненавистным для буржуазной науки следствием этой теории ценности является теория прибавочной ценности, как основа теории распределения, то внимание новой школы прежде всего было обращено на эти два пункта «идеологического фронта», выражаясь по-современному. Прежде всего теория ценности и далее теория распределения — вот что разрабатывается новым направлением со всевозможной тщательностью, с максимальной затратой умственной энергии; все наиболее оригинальные мысли и построения новой школы относятся именно к разработке этих двух центральных проблем. Напротив, остальные проблемы, занимающие менее центральное положение в теоретическом познании современного хозяйства, но тем более важные для познания его конкретного механизма и практических особенностей, проблемы рынка, кредита, кризисов, даже проблема денег — всё это в несравненно меньшей степени привлекает внимание апостолов новой школы; здесь мы находим у них гораздо меньше новых мыслей, оригинальных построений.

3. Как уже многократно подчеркивалось марксистской критикой, важнейшим методологическим принципом австрийской школы является ее крайний индивидуализм. Индивид, а не общество — вот исходный пункт, психологическое состояние индивида, его мотивация, а не общественное положение, лимитирующее его поступки — вот объект исследования. Хозяйство рассматривается не как неразрывная составная часть социальной жизни, а как вещь в себе. Торжество абстрактно-дедуктивного метода находит свое конкретное выражение в полном атомизме, в окончательном исчезновении общественно-хозяйственной жизни, в подмене современного жителя крупных европейских городов — стариком Робинзоном с необитаемого острова.

4. Вторым не менее важным отличием старо-австрийского направления ортодоксальной школы предельной полезности является строго-статический подход к хозяйственным феноменам. Исключая из своего поля зрения социальную жизнь вообще, венское на-

правление уничтожает и специфическую динамику, свойственную социальному целому. В результате подобной «абстракции» остается какое-то призрачное, потустороннее хозяйство, пребывающее в вечном покое и допускающее рассмотрение исключительно квантитативное, пользование математическими методами для объяснения сложнейших экономических явлений.

Если оба эти методологических принципа, индивидуалистический подход и статическое рассмотрение, оказали новой школе ту огромную услугу, что лишь с их помощью ей удалось построить сколько-нибудь монистическое теоретическое сооружение, то эта услуга была оплачена поистине дорогой ценой. Полная оторванность от жизни, исключительно спекулятивный характер всего построения, не только неспособного объяснить явления конкретной современной действительности, но и рассыпающегося в прах при первом серьезном соприкосновении с последней—вот какого порядка была эта цена.

Триумфальное шествие новой теории, завоеванное ею вскоре широкое признание в среде официальной экономической науки объясняется, стало быть, не собственными достоинствами нового направления, а обстоятельством более постороннего характера: необходимостью крестового похода против марксистской опасности, волны которой стали докатываться и до высоких кафедр немецких университетов. Однако отмеченные выше особенности новой теории привели к тому, что признание, без больших трудов завоеванное ею в научных кругах, отличалось и до войны известным своеобразием. «Экономисты, открыто заявляющие о том, что они стоят в стороне от теоретической экономики, встречаются редко; зато те, у которых отношение к последней крайне непрочно (lose) и состоит исключительно в «принятии к сведению» и оценке (Beurteilung) известных основных положений,—составляют большинство, тех же, которые занимаются ею со всей энергией—незначительное меньшинство»¹⁾. Эта характеристика Шумпетера, относящаяся к предвоенной эпохе, показывает, с какой оговоркой можно говорить о господстве австрийской школы. Это господство ограничивалось не только такими фактами, что ряд виднейших германских экономистов, продолжая пребывать на позиции «омоложенной» исторической школы (Брентано, Бюхер, Кнапп, Готгейн, в известном смысле также Вернер Зомбарт), некоторые другие (К. Диль и Г. Дитцель), работая в области экономической теории, занимали по отношению к австрийцам враждебную позицию. В гораздо большей степени относительность господства австрийской теории выражалась в том, что установилось чрезвычайно оригинальное «разделение труда», когда область теории была в довольно широкой степени предоставлена в распоряжение школы предельной полезности, в то время как важнейшие области конкретно-экономической работы обслуживались людьми, «беззаботными

¹⁾ «Grundriss der Sozialökonomik», В. I, А. II, статья Schumpeter'a: *Dormen- und Methoden-geschichte*, S. 113.—Tübingen, 1914.

насчет теории», как говорил Г. В. Плеханов, правда, по совсем иному поводу. Разделение труда в области науки—вещь вполне обычная; мы отлично понимаем, когда среди марксистов, например, одни занимаются преимущественно разработкой теоретических проблем, а другие исследуют конкретно-экономические вопросы. Однако такое положение, когда теория признается одними лишь теоретиками, а конкретные исследователи обходятся без этой теории, нельзя не признать «разделением труда» весьма своеобразного типа.

Это положение подверглось существенному изменению под воздействием войны и, пожалуй, еще в большей степени событий послевоенного периода; эти изменения, бесспорно, были не в пользу венской школы. Ныне нередко называют австрийскую теорию «довоенной теорией»; и это пожалуй, одно из очень немногих сочетаний, где слово «довоенный» употребляется безо всякого восторга и не ассоциируется у людей, произносящих его, ни с какими мечтами и идиллиями о «добром старом времени». Нередки также ныне разговоры, статьи и пр. на тему о «конце теории предельной полезности». Попытаемся несколько разобраться в тех влияниях, которые были привнесены в область экономической науки событиями последнего времени.

Эпоха войны и последовавших за нею лет с двух различных сторон должна была оказать воздействие на развитие экономической мысли:

1. Обстановка хозяйственной жизни в эти годы гармонировала с той искусственной картиной, которую австрийская школа создала себе в качестве объекта исследования, еще в меньшей степени, чем хозяйство довоенного времени.

2. Новая эпоха предъявила к экономической науке требования, для выполнения которых австрийское направление было менее всего приспособлено.

Что касается до изменения хозяйственной обстановки, то ее влияние сводилось в общем к следующим двум моментам:

а) В необычайно резкой и яркой форме война обнаружила ту всестороннюю зависимость, которая тесно связывает область народного хозяйства со всеми другими важнейшими областями общественной жизни. Влияние хозяйственных факторов на возникновение, ход и исход войны, обратное влияние войны на развитие и существование народного хозяйства—все эти обстоятельства выступают на первый план. И, разумеется, прежде всего война обнаружила с особенной яркостью связанность и сцепленность народно-хозяйственного (а в негативной форме—миро-хозяйственного) целого, иллюзорный характер какой-либо попытки положить в основу науки о хозяйстве изолированное рассмотрение хозяйствующих индивидуумов. Изменения, происходящие в одной какой-либо отрасли хозяйственного организма, по цепной связи передают свое влияние во все отдаленнейшие уголки страны. В этой по преимуществу отрицательной форме цепная связь всего хозяйственного целого доходит до сознания с еще большей отчетливостью и силой, чем в прежние годы.

б) Статический принцип австрийцев на фоне военного периода представляется вне менее жалком виде, чем их индивидуалистический подход. Даже тот темп хозяйственной динамики, которым характеризовалась и довоенная, вообще говоря мало-застойная эпоха, оставляется далеко позади той бешеной динамикой хозяйственной жизни, которая наложила свою печать на период военный и послевоенный. Бешеное движение в области производственной жизни — гибель одних отраслей, возникновение других в течение баснословно короткого срока, в области распределения — целые революции в соотношении общественных групп, обнищание одних слоев, быстрое обогащение других — вот что накладывает свою печать на всю эту эпоху. Область обращения, кредита, цен, денег — надо ли повторять, каков темп движения и перемен в этих областях?

В связи с коренным изменением обстановки меняются и задачи, выдвигаемые жизнью перед экономической наукой. Эти задачи сдвинулись в Германии в период войны и последовавшей за ней революции к следующим важнейшим пунктам:

а) Организация народного хозяйства во время войны с большой остротой ставила перед теорией вопросы о роли государства в хозяйственной жизни, о системах свободной конкуренции и принудительного регулирования, о свободно-меновой, рыночной организации и ее границах, о коррективах, вносимых государственным распределением целого ряда благ, в систему распределения, складывающуюся на основе «свободной игры сил». Теоретическое освещение и анализ огромного опыта военной организации хозяйства становится задачей дня. Выяснение вопроса, что может дать эта организация для успешного ведения войны, чего от нее следует ожидать в смысле социальном, где находятся ее границы и в чем заключаются ее возможности, имеет помимо высокого теоретического интереса также большое практическое значение.

б) Если проблемы обращения привлекают к себе всеобщее внимание уже во время войны, то еще большее значение они приобретают после ее окончания. Денежная проблема занимает собой добрую долю теоретического горизонта в связи с господством эмиссионного хозяйства. Благодаря Версальскому миру и репарационным обязательствам двойную жгучесть получают вопросы национального дохода, государственных финансов, международных торговых, кредитных и валютных отношений (вопросы торгового и платежного балансов, вексельных курсов и т. п.).

в) Революционные годы помимо того выдвигают на первый план вопросы социально-экономического порядка. Настойчивая борьба рабочего класса за социализацию ставит проблему об историческом, преходящем характере целого ряда экономических категорий. Реформистские лозунги хозяйственной демократии, при всей их политически-реакционной роли; все же задевают установившиеся представления о капиталистическом хозяйстве. Теоретическое осознание

и исследование этих новых проблем чувствуется тем настоятельнее, что как раз вокруг этих вопросов разгораются социальные сражения между могущественными классами.

Таково в общих контурах то новое, что заключается в пережившихся условиях хозяйственной и общественной действительности. Немудрено, что столь крупные перемены должны были оказать воздействие и на развитие экономической теоретической науки буржуазии.

Но если теория австрийцев действительно является «довоенной», то что же представляет собой «послевоенная» теоретическая экономика? — Прежде всего, отметим во избежание всяческих недоразумений, что говорить о «конце» австрийской школы можно лишь в одном, вполне определенном смысле, а именно, если понимать под «австрийской школой» ту попытку построения выдержанной, в известном смысле цельной и единой теории, какую мы имеем у «ортодоксальных» австрийцев. Говорить о господстве этой системы современное состояние теоретической экономики на наш взгляд не позволяет. Что же касается до отдельных частей этого учения, то они, разумеется, достаточно широко распространены и поныне.

Что представляет собою современная экономическая теория буржуазии? — Ответить на этот вопрос, признаться, нелегко. Одно следует подчеркнуть здесь же: она представляет прежде всего чрезвычайно пеструю картину, дозволено своеобразное сочетание элементов различного идеологического происхождения, различной практической установки. Об этом необходимо помнить, чтобы иметь в виду всю относительность и условность той характеристики, которая может быть дана новейшим течениям в теоретико-экономической немецкой литературе.

Характеристика отдельных авторов завела бы нас слишком далеко и к тому же не достигла бы цели в том смысле, чтобы дать сколько-нибудь обобщенное представление о предмете; разрешить вопрос о том, какой автор характернее, во многих случаях было бы нелегко. Мы предпочитаем сделать попытку характеристики важнейших особенностей и принципиальных отличий, в большей или меньшей степени свойственных современным теоретическим течениям. При этом, отмечая в тексте лишь имя данного теоретика, мы дадим список важнейших работ названных здесь авторов в конце нашей статьи.

1. Эклектизм, стремление соединить «все, что угодно, со всем, что Бог на душу положит», торжествует ныне полную победу над попыткой создания монистической теории, характерной для «ортодоксальной» австрийской школы. С одной стороны, виднейшие из нынешних официальных представителей австрийского направления отступают от «ортодоксии» и не в каких-либо пустячках, а по самым коренным вопросам (Фр. Визер, И. Шумпетер¹). С другой стороны, теоретики, исходящие зачастую из совершенно иных основных

¹) Оба они впервые выступили в качестве «ревиизионистов» венской школы еще накануне войны.

положений, чем австрийская школа, все же разделяют ее теории по отдельным вопросам и причисляют себя к этой школе (О. Шпанн).

2. Из реального содержания «австрийского наследства» наиболее живой оказалась, естественно, самая разработанная часть — теория ценности. Принцип предельной полезности, лежащий в ее основе, признается за редкими исключениями большинством буржуазных экономистов; считается, что этот принцип вошел в «железный инвентарь» науки, и всякая приличная «научная» теория ценности должна его в той или иной форме разделять. Даже авторы, сравнительно близкие к марксизму (Ледерер), относятся более чем благосклонно к идее предельной полезности; всеспасающий эклектизм, возведенный в принцип («от каждого, мол, учения следует брать его здоровые и пригодные части»), выручает во всех затруднительных случаях. Оппозиция теории ценности австрийцев представлена Р. Лифманном, играющим роль своего рода Пуришкевича в политической экономии. Он хочет быть буржуазнее всех буржуазных экономистов, хочет быть большим врагом марксизма, чем самые заядлые марксисты; теория ценности австрийцев ему представляется недостаточно индивидуалистической, недостаточно психологической.

3. Что касается теории прибыли и — общее — теории распределения, то здесь и у «классических» австрийцев дело не обошлось без разногласий, при чем основой для всякого рода вариантов теории прибыли, построенной в системе общей теории предельной полезности, служили «омоложенные» издания тех или иных апостолов вульгарной политической экономии. Построения вульгарных наследников классической школы служат и поныне неисчерпаемым источником теоретической мудрости, откуда черпаются составные элементы теории нетрудового дохода.

4. Социальный момент, являющийся с точки зрения «классической» австрийской теории чем-то чужеродным для теоретической экономии, ныне получает достаточно широкое признание. Помимо авторов, и в прежнее время относившихся неодобрительно к индивидуалистическим эксцессам школы предельной полезности (К. Диль, Р. Штольцманн), ныне ряд других авторов, в той или иной степени близких к австрийской школе, считающих ее последователями и представителями, часто подчеркивают неразрывную связь хозяйства с обществом, социальный характер экономических явлений. Из вождей австрийской школы Фр. Визер еще накануне войны выступил с признанием социального момента если не *de jure*, то *de facto*¹⁾. Сильно подчеркнут социальный момент у О. Шпанна. — Идеалистическая философия в тех или иных своих вариантах служит при этом защитой от материалистического объективизма, которого логически требовало бы последовательное признание социального характера хозяйственных явлений.

¹⁾ „Theorie der gesellschaftlichen Wirtschaft“, статья в „Grundriss für Sozialökonomik B. I, Abt. II. — В своей рецензии, помещенной в „Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik“ за 1925 г. А. Амонн делает попытку обнаружить те противоречия, к которым приходит Визер.

5. Статическое рассмотрение явлений, составляющее одну из методологических основ «ортодоксальной» австрийской школы, все более уступает место признанию (порой вынужденному) динамического характера хозяйственной жизни (И. Шумпетер).

6. Центр тяжести теоретического исследования заметно перемещается. Если прежде наибольший интерес привлекали теории ценности и распределения, в области которых происходили непосредственные схватки с марксистской системой, то теперь выдвигаются, с одной стороны, более общие вопросы о предмете и методе (Амонн, Шпанн), а, с другой стороны, в значительно большей степени внимание привлекается к проблемам, более близким к практическим явлениям общественного хозяйства. Кроме проблемы денег, стоявшей в течение определенного времени в центре внимания по понятным причинам, больше внимания привлекают вопросы конъюктур (Г. Кассель и многие другие), кредита (А. Ган), кризисов и т. д.

7. Кое-где продолжается и завершается спор с этицизмом в теории (Макс Вебер), утверждаются права «чистой» теории, исследующей объективное состояние вещей и свободной от моментов оценочного характера, изучающей, словом, не «то, что должно быть», а «то, что есть». Если таким образом, с одной стороны, происходит отделение экономической теории от экономической политики, то, с другой стороны, именно к проблемам последней привлекается все большее внимание. Наблюдается тенденция рассматривать теоретическое исследование хозяйства лишь как предварительную ступень, как подготовку, необходимую для решения задач экономической политики (Р. Вильбрандт). Со стороны политически-реакционных слоев проявляется обратное стремление, протестующее против «политизирования» в экономической науке (Людвиг Поле).

8. Несколько усиливается, по сравнению с прежним периодом, воздействие марксизма на официальную науку (Амонн, затем Эмиль Ледерер, являющийся ныне одним из главных «спецов» по экономическим вопросам при германской социал-демократии). Разумеется, здесь может идти речь лишь о попытках усвоения и признания отдельных элементов марксистской теории, соединяемых в виде того или иного безвкусного винегрета с «достижениями новейшей науки» (кроме названных, стоит указать на Франца Опенгеймера и Иоганна Пленче).

Такова (в самых общих чертах, разумеется) та сложная, во многом противоречивая картина, которую на наш взгляд представляют собой современные теоретико-экономические направления в немецкой литературе. От эпохи бури и натиска молодой австрийской школы остались одни воспоминания, от прежнего задора этой теории, как-никак старавшейся свои положения додумывать до конца и не боявшейся при этом абсурдных следствий своей последовательности, не осталось и следа. Фактическое фиаско австрийского направления, преждевременно состарившегося, приводит к общему теоретическому измельчанию, к господству приспособлен-

чества и эклектизма, к безотрадной картине идейного разброда.

Наиболее существенный с нашей точки зрения вывод должен заключаться в следующем: задача борьбы против марксизма на теоретической почве оказалась для современной буржуазной экономической науки явно не под силу.

Дадим здесь краткий перечень наиболее важных произведений названных в нашей заметке авторов.

1. Амонн.

Alfred Amonn.—Objekt und Grundbegriffe der theoretischen Nationaloekonomie.—1911.

» » Ricardo als Begründer der theoretischen Nationaloekonomie.—Eine Einführung in sein Hauptwerk und zugleich in die Grundprobleme der nationaloekonomischen Theorie.—1924.

2. Макс Вебер.

Max Weber.—Wirtschaft und Gesellschaft, в «Grundriss für Sozialoekonomik».

3. Фр. Визер.

Friedrich v. Wieser.—Theorie der gesellschaftlichen Wirtschaft, Grundriss für Soz.-Oek., 1, 2,— 2 Auflage—1924.

» » » Из старых произведений наиболее известно: Der natürliche Wert.—Wien, 1889.

4. Р. Вильбрандт.

Robert Wilbrandt.—Oekonomie. 1920.

» » Einführung in die Volkswirtschaftslehre, 4 B-de:

1) Entwicklung der Volkswirtschaftslehre.—1924.

2) Geschichte der Volkswirtschaft.—1924.

3) Theorie der Volkswirtschaft.—1925.

4) Das Problem der Volkswirtschaftspolitik.—1925

5. А. Ган.

Albert Hahn.—Volkswirtschaftliche Theorie des Bankkredits.—1924.

6. К. Диль.

Karl Diehl.—Theoretische Nationaloekonomie. 2 B-de. 1922 u. 1924.

» » Soz.-wiss. Erläuterungen zu D. Ricardos Grundgesetzen der Volkswirtschaft u. Besteuerung.—2 Aufl. 1921—1922.

7. Г. Кассель.

Gustav Cassel.—Theoretische Sozialoekonomie.—1923.

» » Grundgedanken der theoretischen Oekonomie.—1926.

8. Е. Ледерер.

Emil Léderer.—Grundzüge der Oekonomischen Theorie. 2 Aufl. 1923.

9. Р. Лифманн.

Robert Liefmann.—Grundsätze der Volkswirtschaftslehre. 2 B-de.—1923.

» » Allgemeine Volkswirtschaftslehre.—1924.

» » Vom Reichtum der Nationen.—1925.

10. Фр. Оппенгеймер.

Franz Oppenheimer.—Wert und Kapitalprofit. Neubegründung der

» » objektiven Wertlehre. 2 Aufl.—1922.

» » Theorie der reinen u. politischen Oekonomie. 2 B-de.—1923—1924.

11. О. Шпанн.

Othmar Spann.—Fundament der Volkswirtschaftslehre. 3 Aufl.—1923.

» » Tote und lebendige Wissenschaft. Abhandlungen zur Auseinandersetzung mit Individualismus u. Marxismus. 2 Aufl. 1925.

» » Gesellschaftslehre, 2 Aufl. 1924.

» » Die Haupttheorien der Volkswirtschaftslehre.—1924 (15 Aufl.).

12. Р. Штольцманн.

Rudolf Stoltzmann.—Die Krisis in der heutigen Nationaloekonomie.—1925.

» » Grundzüge einer Philosophie der Volkswirtschaft.—1925.

» » Wesen und Ziele der Wirtschaftsphilosophie.—1925.

» » Из старых произведений наиболее известны: Die soziale Kategorie in der Volkswirtschaftslehre.—Berlin, 1896.

» » Der Zweck in der Volkswirtschaft.—1909.

13. И. Шумпетер.

Joseph Schumpeter.—Das Wesen und der Hauptinhalt der theoretischen Nationaloekonomie.—1908.

» » Theorie der wirtschaftlichen Entwicklung.—1912.

Из произведений, освещающих эволюцию теоретико-экономических воззрений, можно упомянуть, помимо вышеназванных работ Вильбрандта, Шпанна и Штольцманна, следующие книги:

1. Sven Helander. Die Ausgangspunkte der Wirtschaftswissenschaft. — Jena, 1923.

2. Kerschagl. Einführung in die Methodenlehre der Nationalökonomie. — 1925.

3. Hans Honegger. Volkswirtschaftliche Systeme der Gegenwart. — 1925. — Крайне поверхностная книжка.

4. «Die Wirtschaftswissenschaft nach dem Kriege» — Festschrift für L. Brentano zu seinem 70 Geburtstag. 2 B-de. 1925. — Содержит ряд статей, в том числе М. Бонна, П. Момберта, И. Паляя, Ш. Жида и др.

А. Леонтьев.

ПЛЕХАНОВ В КНИГЕ САКУЛИНА

(П. Н. Сакулин. Социологический метод в литературоведении Коопер. изд-во «Мир». 1925 г.)

Задача нашей статьи заключается в том, чтобы показать, что, цитируя Плеханова в подкрепление своих положений, развиваемых в книге «Социологический метод в литературоведении», П. Н. Сакулин вкладывает в цитируемые места такой смысл, какого они не имеют в тексте у автора.

Утверждая и доказывая это, я вовсе не хочу сказать, что перед нами преднамеренное искажение чужой мысли: перед нами та aberrация, которая свойственна огромному большинству цитирующих, потому что человек, охваченный своей мыслью, склонен всюду видеть то, что ему хочется видеть. Авторы, охваченные своей мыслью, часто, подобно Дон-Кихоту, способны принимать простой медный таз за волшебный шлем Мамбрина. Это — непонимание от наполненности своей собственной мыслью.

Утверждая и доказывая это, я вовсе не собираюсь доказывать, что Сакулин не марксист или плохой марксист. Несогласие в том или ином пункте с Плехановым еще не решает этого вопроса. Если бы я собирался решать этот вопрос, я обсуждал бы положения Сакулина с точки зрения их логической и фактической основательности, а не с точки зрения согласия их с текстами. Я не сторонник доказательств «от писания». Марксизм в согласии с действительностью, а не в согласии с текстами. Я считаю плохими марксистами думающих иначе.

Если Сакулин мыслит верно, то я не видел бы большой беды в том, что его мысли несогласны с Плехановым. Но когда Сакулин мыслит, что он согласен с Плехановым, он мыслит неверно, и это уже большая ли, малая ли, все же беда, как всякая ошибка. Моя задача сводится к раскрытию лишь этой ошибки, лишь этого несоответствия взгляда Сакулина с действительностью.

Я беру далеко не все цитаты. Да это, пожалуй, и ненужно. Достаточно по одной — двум главам ознакомиться с тем, как Сакулин пользуется цитатами из Плеханова, чтобы убедиться в справедливости нашего утверждения. Для намеченной цели я использую VII и VIII главы книги Сакулина.

Я буду брать цитаты в той последовательности, в какой разбросаны они по страницам книги, чтобы легче было следить за моей аргументацией.

Начну с приводимой Сакулиным на 117 стр. его книги цитаты из плехановской статьи «К вопросу о роли личности в истории». Речь здесь идет о свободе и необходимости: «Когда сознание несвободы моей воли,—развивает этот тезис Г. В. Плеханов,—представляется мне лишь в виде полной субъективной невозможности поступать иначе, чем я поступаю, и когда данные мои действия являются в то же время наиболее для меня желательными из всех возможных действий, тогда необходимость отождествляется в моем сознании со свободой, а свобода с необходимостью, и тогда я не свободен только в том смысле, что не могу нарушать это тождество свободы с необходимостью; не могу противопоставить их одну другой; не могу почувствовать себя стесненным необходимостью. Но подобное отсутствие свободы есть вместе с тем ее полнейшее проявление... Свобода есть сознанная необходимость... Сознание безусловной необходимости данного явления может только усилить энергию человека, сочувствующего ему и считающего себя одной из сил, вызывающих это явление».

Приведенная цитата сопровождается следующим комментарием Сакулина: «При таком понимании детерминизм лишается абсолютного и фаталистического характера. Мироззрение и действия человека обусловлены социологически, но не так, что он с роковой неизбежностью идет в направлении, предначертанном ему внешними условиями. При одной и той же ситуации перед человеком все-таки несколько дорог. В точно такой же обстановке, в какой жил Маркс, находились многочисленные представители буржуазной среды, но именно Маркс стал создателем пролетарской идеологии. Творческая личность познает, убеждается в необходимости известных путей, проникается сочувствием к ним и приступает к действию с сознанием, что она свободно творит необходимое. Только автоматы двигаются с помощью механических пружин. Чем талантливее и сильнее личность, тем больше чувствует она мощь своего творческого я».

У Плеханова тексту предшествует пространное рассуждение о том, как фатальное движение луны становится при условии ее одушевления свободным: «Надо вообразить, пишет Плеханов, что луна одарена сознанием, и что то положение ее в небесном пространстве, благодаря которому происходят ее затмения, кажется ей плодом самоопределения ее воли и не только доставляет ей огромное наслаждение, но и безусловно нужно для ее нравственного спокойствия, вследствие чего она всегда страстно стремится занять это положение. Вообразив все это, надо было бы спросить себя: что почувствовала бы луна, если бы она, наконец, открыла, что в действительности не воля и не идеалы ее определяют собой ее движения, а наоборот—ее движение определяет собой ее волю и ее идеалы?»

Спрашивается, похожа ли «творческая личность» Сакулина, комментирующая плехановскую цитату на «одаренную сознанием луну» Плеханова, комментирующую ту же цитату? Перед «творческой личностью» «все-таки несколько дорог»; перед «одаренной сознанием луну» только одна. Личность действует потому, что проникается

сознанием; луна проникается сознанием потому, что действует. Идеалы луны определяются движением; движение личности определяется идеалом.

Совершенно очевидно, что формула: «свобода—сознанная необходимость», в устах Сакулина звучит весьма отлично от того, как звучит она у Плеханова.

На следующей 118 странице, взявши цитату из «Монистического взгляда на историю», Сакулин полагает, что он «находит там нужную ему мысль». Эта нужная мысль, которая будто бы находится в тексте книги Плеханова, заключается в том, что для истории идеологий имеет большое значение «внутренняя диалектика сознания», внутренние законы человеческого мышления. Впрочем сначала текст Плеханова (см. стр. 170—171): «Что в развитии человеческой мысли, точнее сказать, в сочетании человеческих понятий и представлений есть свои особенные законы, этого, насколько нам известно, не отрицал ни один из «экономических» материалистов. Никто из них не отождествлял, напр., законов логики с законами товарного обращения. Но, тем не менее, ни один из материалистов этой разновидности не находил возможным искать в законах мышления последней причины, основного двигателя умственного развития человечества. Именно это-то отличает в выгодную сторону экономических материалистов от идеалистов и особенно от эклектиков. Раз желудок снабжен известным количеством пищи, он принимается за работу согласно общим законам желудочного пищеварения. Но можно ли с помощью этих законов ответить на вопрос, почему в ваш желудок ежедневно отправляется вкусная и питательная пища, а в моем она является редким гостем? Объясняют ли эти законы, почему одни едят слишком много, а другие умирают с голоду? Кажется, что объяснения надо искать в какой-то другой области, в действии законов иного рода. То же с умом человека. Раз он поставлен в известное положение, раз дает ему окружающая среда известные впечатления, он сочетает их по известным общим законам (при чем результаты и здесь до крайности разнообразятся разнообразием получаемых впечатлений). Но что же ставит его в такое положение? Чем обуславливается приток и характер новых впечатлений? Вот вопрос, которого не разрешить никакими законами мысли. Далее, вообразите, что упругий шар падает с высокой башни. Его движение совершается по всем известному и очень простому закону механики. Но вот шар ударился о наклонную плоскость. Его движение видоизменяется по другому, тоже очень простому и всем известному, механическому закону. В результате у нас получается ломаная линия движения, о которой можно и должно сказать, что она обязана своим происхождением соединенному действию обоих упомянутых законов. Но откуда взялась наклонная плоскость, о которую ударился шар? Этому не объяснит ни первый, ни второй закон, ни их соединенное действие. Совершенно то же и с человеческой мыслью. Откуда взялись те обстоятельства, благодаря которым ее движения подчинились соединенному действию таких-то законов? Этому не

объясняют ни отдельные ее законы, ни их совокупное действие

Многообразные изменения в фактических взаимных отношениях людей необходимо ведут за собой перемены в «состоянии умов», во взаимных отношениях идей, чувств, верований. Идеи, чувства, верования, сочетаются по своим особым законам. Но эти законы приводятся в действие внешними обстоятельствами, не имеющими ничего общего с этими законами» (170—171 стр.). Смысл цитаты совершенно ясен. Плеханов старается подчеркнуть как раз полную никчемность для историка идеологий «законов сознания», противопоставляя свой взгляд «идеалистам и эклектикам». Идеи не возникают из законов сознания, как пища не возникает из законов пищеварения, а историк идеологий только и имеет целью своего изучения возникновение и смену идей. Раз возникнув, идеи, конечно, сочетаются по законам сознания, и из различных сознаний выходят различные системы идей. Ясно, что попадая в голову крестина, идеи складываются в систему, отличную от той, в какую они сложатся в голове умного человека. Конечно, те различия между идеологическими системами, которые проистекают от различия между умом и глупостью, не объясняются социальными условиями. Но историческая смена идей не имеет ничего общего с изменениями их оформлений в идеологии по исторически неизменным законам глупости и ума. Вот мысль Плеханова. Во что же превращается эта мысль в книге Сакулина? На странице 119 читаем комментарий: «Эта цитата, как и большинство цитат из Плеханова, носит полемический характер, но в ней содержится нужная нам мысль. Законы логики не являются «последней причиной, основным двигателем умственного развития человечества». Это — так. Но, когда произошли перемены «во взаимных отношениях идей, чувств и верований», эти последние уже «сочетаются по своим особым законам», т. е. из известных предпосылок, не насилуя логики, можно сделать лишь определенные умозаключения: дважды два у всех должно давать четыре... Сверх того, конечно, возможны индивидуальные отличия, а также от момента т.-н. аперцепции (определяемой уровнем развития, суммой накопленных знаний)».

Хотя идеи сочетаются по законам сознания, но к истории идей эти законы не имеют отношения, ибо исторический ход идей определяется историческим ходом вещей, — рассуждает Плеханов; хотя исторический ход идей и определяется ходом вещей, но в истории идей имеют значение и законы сознания, — читает это рассуждение Плеханова Сакулин. Это, конечно, не одно и то же.

На странице 120-й снова Сакулин пользуется цитатой из «Монистического взгляда», полагая, что в ней кроется его идея «развития по природе» сосуществующая с каузальным развитием.

«Мы говорили, — писал Г. В. Плеханов, — что, раз даны производительные силы общества, дана и его структура, а, следовательно, и его психология. На этом основании можно было приписать нам ту мысль, что от экономического положения данного общества можно

с точностью умозаключить о складе его идей. Но это не так, потому что идеологии каждого данного времени всегда стоят в теснейшей — положительной или отрицательной — связи с идеологиями предшествующего времени. «Состояние умов» всякого данного времени можно понять только в связи с состоянием умов предшествующей эпохи».

Приведенная цитата сопровождается таким комментарием Сакулина: «Этот бесспорный факт не содержит в себе полного объяснения того, как возникают идеологии, но подчеркивает значение преемственности в области идеологий, их, так сказать, внутреннюю эволюцию. Идеологическая традиция выступает здесь в роли эволюционного фактора: в любой сфере традиция поддерживает эволюционный момент и противодействует влиянию каузальных факторов». Но у Плеханова есть свой комментарий, свое развертывание мысли, заключенной в приведенной цитате. «Конечно, пишет он, ни один класс не станет увлекаться такими идеями, которые противоречат его стремлениям. Каждый класс всегда прекрасно, хотя и бессознательно, приспособляет к своим экономическим нуждам свои идеалы. Но это приспособление может произойти различным образом, и почему оно совершается так, а не иначе — это объясняется не положением данного класса, взятого в отдельности, а всеми частностями отношения этого класса к его антагонисту (или к его антагонистам). С появлением классов противоречие становится не только двигающим, но и формулирующим началом» (стр. 173). И нужно добавить, что этому комментарию предшествует еще более недвусмысленный: «Там, где Брюнетьер видит лишь влияние одних литературных произведений на другие, мы видим кроме того, глубже лежащие взаимные влияния общественных групп, слоев и классов; там, где он просто говорит: являлось противоречие, людям захотелось сделать обратное тому, что делали их предшественники, мы прибавляем: а захотелось потому, что явилось новое противоречие в их фактических отношениях» (стр. 171).

У Сакулина, как мы видели идеологическая традиция выступает в роли эволюционного фактора и «противодействует влиянию каузальных факторов»; у Плеханова идеологическая традиция вытекает из каузального фактора, историческая диалектика идей является надстройкой над диалектикой производственных отношений и борьбы классов. «Состояние умов данного времени нельзя понять вне связи с состоянием умов предшествующей эпохи», — говорит Плеханов, — потому что состояние умов объясняется «не положением данного класса, взятого в отдельности, а всеми частностями отношения этого класса к его антагонистам». Там, где идеалисты видят влияние одних литературных произведений на другие, Плеханов видит «взаимные влияния общественных групп, слоев и классов». Влияние здесь не самостоятельный эволюционный фактор, а необходимое следствие классовых взаимоотношений в обществе. Всецело подчиненный у Плеханова социологической каузальности момент влияния и традиции превращается в комментариях Сакулина в самостоятельный фактор эво-

люционного развития. Нам здесь неважно, кто прав по существу, но согласия в мыслях Сакулина и Плеханова, конечно, нет.

Еще более резкий пример того, как перерабатывается в сознании Сакулина плехановская мысль, дает нам цитация и комментирование цитаты на странице 125-й: «Когда Маркс говорит,— цитирует из «Монистического взгляда» Сакулин,— что данная теория соответствует такому-то периоду экономического развития общества, то он вовсе не хочет сказать этим, что мыслящие представители класса, господствовавшего в течение этого периода, сознательно подгоняли свои взгляды к интересам своих более или менее богатых, более или менее щедрых благодетелей. Сикофанты были, разумеется, всегда и везде, но не они двигали вперед человеческий разум. Те же, которые действительно двигали его, заботились об истине, а не об интересах сильных мира сего». Приведя эти слова Плеханова, Сакулин сопровождает их следующим комментарием: «Следовательно, идеологам свойственна принципиальная заинтересованность в истине, как таковой. Работа мысли способна стать самоцелью, потому что независимо от приводящих целей, самый процесс творческой работы полоч внутреннего значения и дает высокое удовлетворение.

«Большие идеологии творятся всем существом человека, как любил выражаться Лев Толстой. Мировые религии, великие системы философские, научные, социальные создаются всей полнотой духа, стремящиеся преодолеть неизбежное (личный эгоизм, сословно-классовую ограниченность) и найти то, что можно считать подлинной истиной. Степень преодоления может быть неполной, и искомая истина может оказаться заблуждением, но субъективно мыслитель захвачен бескорыстным пафосом исканий и верит в истину своей истины. Высота духовной жизни— неотъемлемое качество великих идеологов-творцов».

Теперь посмотрим, как комментирует свои слова сам Плеханов. Как раз там, где Сакулин обрывает цитату, сопровождая ее своим комментарием, Плеханов начинает новый абзац, дополняющий и развивающий мысль, заключенную в предыдущем: «На различных формах собственности, говорит Маркс, на общественных условиях существования возвышается целая надстройка различных своеобразных чувств, иллюзий, взглядов и понятий. Все это творится и формируется целым классом на почве материальных условий его существования и соответствующих им общественных отношений. Процесс возникновения идеологической надстройки совершается незаметным для людей образом. Они рассматривают эту надстройку не как временный продукт временных отношений, а как нечто естественное и обязательное по своей собственной сущности. Отдельные лица, взгляды и чувства которых складываются под влиянием воспитания и вообще окружающей обстановки, могут быть преисполнены самого искреннего, вполне самоотверженного отношения к тем взглядам и к тем формам общежития, которые исторически возникли на почве более или менее узких классовых интересов».

У Плеханова не только нет мысли о том, что творцы идеологий «стремятся преодолеть классовую ограниченность», но резко подчеркнуто, что взгляды, преисполненные самого искреннего бескорыстия, «исторически возникли на почве более или менее узких классовых интересов».

На 134-й стр. книги Сакулина перед нами снова цитата из «Монистического взгляда» и опять ретушированная так, что лицо Плеханова стало неузнаваемым. «Конечно, мы никогда не сумеем объяснить влиянием среды всю индивидуальность гения, но это еще ничего не доказывает». То есть, поясняет эти плехановские строки Сакулин,— не доказывает того, чтобы гений был абсолютно независим от влияния и чтобы от его личной воли всецело зависело движение жизни. Но бесспорно и то, что степень таланта определяется именно высотой индивидуальности и что роль творческой личности не безразлична для течения самого процесса литературной жизни». Однако у Плеханова стоит здесь свое и совершенно иное «то-есть». За приведенной цитатой следует: «Баллистика умеет объяснить движение артиллерийского снаряда. Но она никогда не сумеет сказать вам, на сколько именно частей разорвется данный снаряд и куда именно полетит каждый осколок. Однако этим ни мало не ослабляется достоверность тех взглядов, к которым приходит баллистика. Нам нет надобности становиться на идеалистическую (или на эклектическую) точку зрения в баллистике: с нас совершенно достаточно механических объяснений, хотя—кто спорит?—эти объяснения и оставляют темными для нас «индивидуальные» судьбы, величину и форму отдельных осколков». У Сакулина нажим на «важность индивидуального момента; у Плеханова явно ироническое к нему отношение, он берет его в насмешливые кавычки и делает крепкий нажим на важность «механического», т. е. материалистического объяснения.

«Мы помним, пишет Сакулин на 135-й стр., о зависимости писателя от класса или социальной группы. Но ошибочно думать, что этой зависимостью можно объяснить все творчество большого писателя. «Смешно было бы сказать,— говорит Плеханов,— что Гизо перечислил все те исторические условия, которые вызвали появление драм Шекспира. Кто был бы в состоянии сделать подобное перечисление, тот мог бы прописывать истории рецепты для производства гениальных писателей». Судя по этой цитации, можно подумать, что Плеханов хотел своими словами подчеркнуть ту мысль, что изучение социально-исторической зависимости не может объяснить все творчество большого писателя. В действительности же Плеханов говорит только то, что социально-исторический анализ Гизо был далеко не полон, и что если бы можно было дать полный анализ, то познание привело бы нас к рецепту получения великих писателей. Стоит привести продолжение цитированного Сакулиным текста, чтобы стало ясно, что мысль Плеханова заключается в настойчивом подчеркивании именно мощи социально-исторического изучения. «Но несомненно,— продолжает свое рассуждение Плеханов,— что Гизо шел в своем исследовании по совершенно верному пути, и что история в самом

деле много лучше выясняет дело, чем могла бы выяснить его «абсолютная идея». Если бы Гизо продолжал работать в этой области или если бы его точка зрения была лучше усвоена следовавшими за ним писателями, то мы, конечно, имели бы теперь много хорошо обработанного материала для всеобщей истории литературы. Но последовательное проведение взгляда Гизо скоро сделалось нравственно невозможным для идеологов из буржуазной среды» (стр. 182). Трудно понять, каким образом в приведенных рассуждениях Плеханова можно было усмотреть ту мысль, будто «ошибочно думать, что зависимость писателя от социальной группы можно объяснить все творчество большого писателя».

На этом я заканчиваю. Полагаю, что произведенное мною сопоставление достаточно убедительно показывает, что плехановская цитата в контексте имеет совсем не тот смысл, какой приобретает она в книге Сакулина. Независимо от того, справедливы или ошибочны историко-философские и методологические соображения Сакулина, совершенно очевидно, что приведенные им из Плеханова цитаты не только не служат к их укреплению, а скорее заострены против них, и, следовательно, ссылки Сакулина на Плеханова сплошное недоразумение.

В. Переверзев.

IV.—ХРОНИКА

Пленарное заседание Коммунистической Академии

15 июня 1926 г.

Тов. **Покровский**. Товарищи, позвольте открыть пленарное годовое заседание Коммунистической Академии.

Т. т., когда мне приходилось делать отчеты о годичной работе Академии перед подобным пленарным собранием, я всегда находился, примерно так до 1924 г., а до 1923 г. наверное, в большом затруднении по поводу того, что мне придумать, чтобы дать действительно отчет, ибо в конце концов это бывали отчеты, главным образом, о библиотеке, затем — отчет о журнале и т. д. Осененный этими воспоминаниями я начал готовиться и к сегодняшнему годичному отчету так же, как готовился к прежним отчетам, но когда я просмотрел материалы, то пришел в ужас, ибо я увидел, что нужна неделя добросовестной работы (учитывая, конечно, нашу административную загрузку), чтобы с этим материалом справиться и дать отчет.

Чтобы показать, как мы растем и развиваемся, позвольте остановиться на цифровом материале. Тут получается кривая необычайной крутизны. Еще в 1923 г., т. е. 3 года назад, через 7 лет после революции, бюджет Коммунистической Академии измерялся такого рода цифрами: личный состав — 120.000 руб., научные и хозяйственные расходы вместе — 19.138 руб. — неполных 20 тыс. руб. В 1924/25 году мы уже имели другое соотношение цифр: на научные и хозяйственные расходы — 371.000 (сотни я отбрасываю), на наличный состав — 396.000, т. е. другими словами, эти две цифры расходов на научные и хозяйственные нужды и на личный состав сравнялись, и общий бюджет Академии перевалил за 1 миллион. В 1925/26 г., о котором приходится делать отчет, бюджет очень близок к полутора миллионам и фактически, вероятно, перевалил за полтора миллиона с теми дополнительными ассигнованиями, которые в течение этого времени имели место, при чем расходы на зарплату и научные хозяйственные надобности делятся как раз пополам. Вот вам ряд цифр, который показывает, с какой чудовищной быстротой росла Академия за последние 3 года. Ее бюджет вырос за 3 года в 10 раз. Что же сделала за это время Академия? Тут приходится привести другой ряд цифр. Отчет, который я давал на прошлом заседании, за прошлый отчетный год, показывает, что в Коммунистической Академии состоялось 18 докладов. В нынешнем году — это значит не на протяжении 3 лет, а уже на протяжении одного года — количество докладов увеличилось ровно в 4 раза; в то время, как прошлый год знал почти исключительно пленарные заседания Академии, в настоящее время пле-

нарных заседаний Академия не знает. Позвольте дать вам перечень докладов: Экономическая секция дала 11 докладов, Общество историков-марксистов—13 докладов, Секция научной методологии—13 докладов, Секция литературы и искусства—6 докладов, Секция советского строительства—6 докладов, Общество статистиков-марксистов—6 докладов, остальные секции дали по меньшему количеству докладов, но все это были доклады секций, институтов и обществ, состоящих при Академии. Тут нет, к сожалению, Д. Б. Рязанова. Я хотел воззвать к его словам. Д. Б. указал на ненормальность того факта, что у нас пытаются работать сама Академия. Этого, говорил тов. Рязанов, никогда и нигде не бывает. Академия есть совокупность научных учреждений, ведущих научно-исследовательскую работу. Сама Академия есть организующий центр этих учреждений. Теперь мы могли бы показать т. Рязанову, что требование, которое он предъявлял Академии и в доказательство справедливости которого он ссылался на пример Академии Наук—и совершенно правильно, ибо Академия Наук есть не что иное, как совокупность научно-исследовательских учреждений—так вот, мы могли бы показать т. Рязанову, что это пожелание вполне осуществилось: Коммунистическая Академия—есть совокупность научных учреждений, ведущих научно-исследовательскую работу и группирующихся около одного организующего центра. Этим центром является сама Коммунистическая Академия, ее конференции, перед одной из которых я имею честь выступать, и ее президиум, который действует, как постоянное учреждение. Еще чаще действует бюро президиума.

Такую же картину дает и количество наших научных работников. Я не стану хвастаться и говорить, что сами члены Коммунистической Академии очень много работают. Работает группа сравнительно небольшая—человек, может быть, 20 на всю Академию, а остальная работа выполняется научными сотрудниками. Число научных сотрудников и рост этого числа точно так же служат показателем роста Академии. На первое мая в Коммунистической Академии состояло 67 научных сотрудников, из них—44 старших и 23—младших. Старшие и младшие сотрудники—это новые термины, но мы эти новые термины уже ввели авансом, поскольку они имеются в нашем новом уставе, не утвержденном окончательно. Ввели мы эти термины для того, чтобы избежать путаницы, которая неизбежно создается при старой номенклатуре—сотрудники I разряда и сотрудники II разряда. Наши младшие сотрудники это не сотрудники II разряда, как понимают это учреждения Главнауки, а нечто большее, походящее на аспирантов, и я надеюсь—я вчера этот вопрос в президиуме поставил,—что при Коммунистической Академии постепенно создается настоящая аспирантура, что Коммунистическая Академия будет готовить научных работников, согласно одного из параграфов своего устава, который гласит, что одной из задач Коммунистической Академии является создание кадров марксистских ученых. Мы, таким образом, постепенно к этому перейдем. Из этих научных сотрудников только 20 человек были сотрудниками Коммунистической Академии до 1 января 1925 г. Другими словами, 47 научных сотрудников прибавилось в течение 1925 и в начале 1926 г. Тут тоже мы видим увели-

чение больше, чем в 3 раза—3½, раза. Вот все эти цифры—я их умножать не буду—иллюстрируют ту чрезвычайной крутизны кривую, которую проделала Коммунистическая Академия в последнее время. Еще 3 года тому назад это была библиотека плюс журнал плюс общие собрания. Сейчас это чрезвычайно богатая, широко разветвленная, состоящая из целого ряда всякого рода учреждений настоящая Академия, я бы сказал, Академия европейского типа, как полагается быть академиям. То слово, которое было раньше применимо условно и приблизительно, звучало так, как университет в сочетании „народный университет“, „рабочий университет“, в настоящее время это слово—академия—адекватно покрывает понятие: мы имеем настоящую Коммунистическую Академию.

Теперь несколько данных относительно конкретной работы Академии, ее секций, относительно работы ее президиума. Что касается Экономической секции, с которой я начну, поскольку экономика лежит в базе всего, то задача этой секции заключается в том, чтобы теоретически осмыслить те хозяйственные явления, которые принесла с собой революция и которые плодит на каждом шагу наше советское строительство. В этом главная работа экономической секции, и доклады в этой секции иллюстрируют ее направление (перечисляет читавшиеся в этой секции доклады).

Нужно сказать, что развернулась эта секция в течение последней зимы, т. ч. она входит в кадры того бурного роста Коммунистической Академии, о котором я говорил. Это явление сравнительно совершенно новое. При ней состоит Кооперативная комиссия, комиссия чрезвычайно важная,—едва ли об этом нужно здесь говорить. Этой комиссии удалось объединить около себя уже 20 кооператоров-коммунистов, т. ч. она является самым крупным теоретическим кооперативным объединением, которое только существует в СССР. Подробно на работе Кооперативной комиссии я останавливаться не буду. Укажу только на то, что она подготавливает такой крупный труд, как библиография по кооперации, труд, который мог быть предпринят только сильной группой ученых, сплоченных и работающих по определенному направлению. Перечислять доклады этой комиссии я не буду.

В тесной связи с Экономической секцией находится Аграрная секция, которая начала работать несколько раньше Экономической секции.

Задача Аграрной секции в настоящее время тесно сливается с работой Комиссии, которая при ней организована, с целью изучения аграрной революции. В настоящее время Аграрная секция готовит том II истории аграрной революции в России, который должен быть сдан в печать. Кроме того, эта Секция имеет при себе специальную Комиссию, которая ведет работу по разработке материалов о расслоении крестьянства. Что касается Комиссии по изучению аграрной революции, то в основу ее работы положена статистическая разработка материалов, сельскохозяйственная перепись с 1916 по 1925 год. К концу октября 1925 г. было намечено к исследованию 86 волостей по 21 губ. Эта громадная статистическая работа, заключающаяся в выборке, проверке карточек, составлении известного формуляра, опять-таки может быть поднята известным

коллективом — никакое единичное исследование не могло бы этого поднять. Самый тип работы таков, что, повторяю, только крупное серьезное научное учреждение может предпринять такого рода работу.

Далее идет Институт Мирового Хозяйства и Мировой Политики. Этот Институт Мирового Хозяйства и Мировой Политики несколько колебался в своей целевой установке и только в настоящее время перешел к своей основной работе. Раньше он останавливался, главным образом, на изучении мировой политики, и там фигурировали такие темы, как „Англо-американские отношения“, „Борьба партий в Соед. Штатах“, „Дальний Восток и Соед. Штаты“, но были, правда, и экономические темы. „Структура промышленности Соед. Штатов“; сейчас же введены темы „Производительность труда в Соед. Штатах“, „Географические условия развития С. Штатов“, „Германо-американские отношения“, „Америка и Канада“, „Железодобывающая промышленность Англии“, „Панамский канал“, „Проблема хлопководства“. Кроме того, Институт работает над дополнением новыми данными работ Ленина по сельскому хозяйству и об империализме.

Далее мы имеем Общество статистиков-марксистов. Я беру наши учреждения в таком порядке, в каком они в этом отчете даны, хотя я чувствую, что, может быть, следовало бы раньше сказать о Секции научной методологии, которая у нас существует. Эта Секция научной методологии тесно связана с Обществом статистиков-марксистов, и главную, самую дееспособную часть Секции научной методологии представляет именно экономическое отделение этой секции, во главе которого стоит М. Н. Смит. Эта секция выполняет большую работу. К ней обращаются и Коминтерн и Профинтерн и разные другие учреждения вплоть до МОГЭС'а. МОГЭС тоже оказался заинтересован в ее работе. Странная эта связь между Секцией научной методологии и таким практическим учреждением, как МОГЭС, но, по-моему, эта связь естественна и она отвечает тем требованиям, которые поставлены Комм. Академией, чтобы связать социалистическое строительство с теорией и осветить его теоретически. Тов. Смит в своем докладе-отчете отмечает, что заседания Общества статистиков-марксистов, которое является частью Секции научной методологии, очень любят наши красные директора, которые охотно посещают их, видя в этом непосредственную связь с их повседневной деятельностью.

Мне не приходится много останавливаться на Институте Советского Строительства, так как цель и задача этого учреждения, возникшего в связи с оживлением советской работы на низах, хорошо известна. Это — в настоящее время громадное учреждение, которое само по себе равняется приблизительно Комм. Академии, какой она была лет 5 тому назад. Оно занимает целый особняк, имеет при себе громадную, единственную в СССР библиотеку со всякого рода материалами, газетами, официальными изданиями по советскому строительству и т. д. и ведет свою работу в целом ряде разрезов — секции местного хозяйства, местных финансов, затем в разрезе общесоюзном — имеет общесоюзную секцию и, наконец, в разрезе историческом — оно имеет историческую комиссию, занятую изучением истории советского строительства. Комиссия эта собрала большой материал и к 10-летию юбилею Октябрьской Революции

собирается издать целый ряд трудов. Об этом учреждении много распространяться не приходится, потому что оно хорошо всем известно.

Далее, из новообразований Комм. Академии, еще укладывающихся в плоскость общественных наук, приходится указать на Общество историков-марксистов. Это Общество, возникшее 1 июня прошлого 1925 г., до сих пор, как вы слышали, успело дать 13 докладов, т. е. по интенсивности работы занимает одно из первых мест в Комм. Академии. Оно выдвинуло целый ряд научных проблем. Я укажу, напр., на то, что впервые на заседании этого Общества был поставлен вопрос о „пугачевщине“, поставленный совершенно заново, и этим заинтересовал целый ряд, между прочим, и членов Академии. В этом Обществе на его заседаниях разрешались и вопросы, связанные с 20-летним юбилеем революции 1905 г., при чем я должен сказать, что, по моему наблюдению, это было единственное место, где пытались дать научный анализ революции 1905 года, причем этот научный анализ перемежался чисто политически, так что иногда наши заседания превращались в вечера воспоминаний, но в этом я ничего дурного не вижу, наоборот, это придавало известную живость. Теоретическое обоснование аграрного движения было дано в докладе, читавшемся в этом Обществе, в тех книжках, которые вышли из этого доклада, на которые упирался этот доклад, а книжки были изданы членами того же Общества и тем же самым докладчиком.

Наконец, товарищи, я перехожу к самому интересному новообразованию Комм. Академии, это — ее Секция естественных и точных наук и возникший при ней Институт по Изучению Высшей Нервной Деятельности. Почему особенно важны эта Секция и этот Институт? Потому, что мы становимся, наконец, настоящей Комм. Академией. Коммунизм это не есть только известный метод изучения общественных явлений. Так смотрели на марксизм в 90-х г.г. прошлого столетия так называемые легальные марксисты, среди которых можно было слышать мнение, что можно быть в философии идеалистом и тем не менее историческим материалистом, потому что это две области, которые между собой ничего общего не имеют, ничем не связаны. Одно дело — метод изучения общественных явлений, в особенности явлений исторических, другое дело — это мировоззрение, которое может быть у человека свободного, которое ему господом богом произведено заложить в душу. Само собой разумеется, что ничего общего с марксизмом, ленинизмом, коммунизмом такого рода представление не имеет. На самом деле коммунизм есть цельное мировоззрение, в которое естествознание, определенный подход к естествознанию и определенное истолкование достижений естествознания входит как интегральная часть, — без этого обойтись никакая настоящая Комм. Академия не может. Вот почему, независимо даже от формальной задачи, возложенной на нас XII парт. съездом, вести борьбу со всякими антиматериалистическими течениями в области естественных наук, независимо от этого, просто развиваясь логически, наша Академия должна была притти к необходимости завести у себя естествоведение — без этого не было бы настоящей Коммунистической Академии, это была бы марксистская Академия в том понимании, которое давал бы слову легальный марксизм 90-х г. г. В последнее время мы уперлись вплотную в эту проблему, поскольку

целый ряд философских споров, какой ведется в наших кругах, как раз сводится к борьбе так называемого механистического и диалектического понимания явлений природы. Секция естественных и точных наук у нас и поставлена была с самого начала, как аппарат для критической изучения буржуазного естествознания, оценки его с марксистской точки зрения и для борьбы с теми уклонами в этом мировоззрении, которые являются определенно антимарксистскими, антиматериалистическими и следовательно, антинаучными. Но сначала это было чисто книжное учреждение, которое имело у себя известные кабинеты, библиотеку, известный комплекс подготовленных специалистов, которые могли только читать чужие книжки и реагировать на эти книжки теми или иными статьями. Одним словом, через 7—8 лет после революции в этой области мы, коммунисты, находились в таком положении, в каком находились до революции, когда никаких лабораторий не было в наших руках и никаких научных институтов не было и ничего не оставалось делать, как взять книжку буржуазного ученого, прочитать и, „наводить“ марксистскую критику, марксистскую критику из пустого места, поскольку никаких самостоятельных естествоведных материалов не было. Подобное положение, к удивлению, некоторым товарищам кажется естественным, и сейчас очень авторитетный ученый тов. Рязанов по поводу нашей лаборатории заявил: для чего держать 60 собак, мы с ними не умеем обращаться, псарней мы никогда не заведывали и собаки нам не нужны. Нет, собаки нужны такому учреждению, как Институт по Изучению Высшей Нервной Деятельности. Не приходится говорить настоящему собранию, что изучение мозга по павловскому методу— это есть последнее слово материализма, сказанное старым идеалистом Павловым совершенно нечаянно. Так иногда бьвает, что человек скажет новое слово в разрез с личным мировоззрением. Несомненно, это есть колоссальное оружие для опровержения старого идеалистического миросозерцания, ибо оно бьет в его святое святых, уничтожает дух, уничтожает самым наглядным образом самое понятие души. Не могу не привести одного примера. Имеется одна собака, которую систематически отравляют морфием, впрыскивая не смертельную дозу, но достаточную для отравления. Это впрыскивание морфия, делаемое при помощи шприца, вызывает у собаки истечение слюны, рвоту и т. д. Теперь этой собаке вводят шприцем или просто воду, или просто шприц под кожу и у собаки налицо все признаки морфийного отравления. Такой опыт я видел собственными глазами. Метод условных рефлексов психику сводит к чисто материальной базе. Я извиняюсь перед присутствующими естествознаками, если я что-нибудь перепутал, они меня просто поправят, если что-нибудь не так. Этот метод является самым могущественным орудием борьбы со старыми идеалистическими предрассудками и переживаниями, и недаром мы здесь поставили этот институт. И несмотря на то, что этот институт существует без году неделю, он успел занять видное место. Он выступал на всероссийском съезде физиологов в Ленинграде и обратил на себя внимание новизной, своим методом работы, новым объектом этой работы. Достаточно сказать, что, кроме беспокоящих Рязанова собак, у нас производятся опыты над обезьянами, чего в лаборатории Павлова до сих пор не делали, так что берутся животные несколько более высшего порядка.

В результате на этом всероссийском съезде физиологов были прочитаны 4 доклада директором этого Института, профессором Фурсиковым, и его ассистентами, обратившие на себя очень большое внимание. Достижения этого Института были признаны крупными. Я очень жалею, что я не могу украсить этого заседания небольшим докладом этого института, с соответствующими световыми картинками, с иллюстрацией достигнутых опытов и т. д. Это было бы чрезвычайно интересно, но, к сожалению, эта идея пришла в голову слишком поздно. Я уже указывал, что идея необходимости печатного отчета пришла мне в голову только вчера. Наша Академия растет так быстро, что наше сознание не поспевает за ней, формы сознания являются слишком поздно, так что остается пообещать, что осенью в сентябре месяце мы устроим такое показательное заседание, доклад Института по Изучению Высшей Нервной Деятельности, и вы увидите, насколько это крупное и интересное учреждение.

Позвольте на этом закончить характеристику работы Академии, т.-е. характеристику того, что она делает важного, нужного и интересного,— как видите, она делает довольно много,— и перейти к другой стороне ее деятельности. Эта другая сторона ее деятельности заключается в ее издательской деятельности. Здесь мы наблюдаем совершенно тот же рост, как и всех остальных частей. Три года тому назад Академия издавала только один „Вестник Комм. Академии“, единственный журнал, и этой продукцией мы гордились, так как это была творческая работа. Это не было собрание и классифицирование книг, которыми мы занимались до тех пор, правда, это собрание и классифицирование книг продолжается и сейчас. Я мимоходом должен сказать, отвлекаясь в эту сторону, что мы стоим перед настоящим кризисом: вы не поверите, чем занимается наша библиотека. Она занимается заколачиванием книг в ящики. Обыкновенно библиотеки вынимают книги, а наша библиотека занимается заколачиванием. Она вынуждена проверять свои собрания и выделять из них то, что является наиболее актуальным, а остальное заколачивать в ящики, потому что нет помещения: наша громадная библиотека занимает два маленьких купеческих особняка. Они набиты снизу доверху. Между прочим, позвольте предупредить, что на будущее время мы закроем наши кабинеты, придется их перегорудить, заниматься там нельзя, между тем это единственное средство пользоваться книгами из этих кабинетов. Мы уже „западную историю“ заколотили в ящики и отправили в подвал. Я обращаю внимание на это ненормальное явление, чтобы вы поняли, с какой остротой стоит вопрос о строительстве, до какой степени мы стоим перед этим вопросом вплотную, перед необходимостью построить новое здание для нашей библиотеки, пока пригодного здания в настоящее время в Москве найти нет возможности. Это относительно книг, которые мы храним, собираем, классифицируем и которые нас душат по мере накопления. А теперь, по отношению к книгам, которыми мы „душим“ публику. Эти книги растут в чрезмерной степени. Я повторяю, что 3 года тому назад мы имели „Вестник Комм. Академии“, в настоящее время мы имеем большое количество журналов. Я боюсь— всех их не перечислю. Мы имеем журналы: „Мировое хозяйство и мировая политика“, „Советское Строительство“, „На Аграрном Фронте“, „Проблемы Статистики“, „Историк-

Марксист“. Сейчас вместо одного „Вестника Комм. Академии“ мы имеем больше полдюжины, 7—8 периодических изданий, некоторые из них, как напр., „На Аграрном Фронте“, завоевали определенное место в нашей журнальной литературе. Наши остальные журналы, надо надеяться, станут такими же. Они возникли чрезвычайно недавно. „Историк-Марксист“ вышел всего пару месяцев тому назад. Тут обещать что-нибудь очень трудно. Но самый факт, что эти журналы прут (употребляя выражение тов. Калинина) в чрезвычайно большом количестве из земли, показывает, до какой степени в этом направлении развивается деятельность Комм. Академии. Вы меня спросите, что осталось от старой Комм. Академии, от той Академии, для которой я придумывал доклады для того, чтобы скрасить эту действительность? И сейчас я делаю доклад рудиментарный, чрезвычайно беглый. Я совещусь, что мне приходится ограничиваться таким докладом, но я подошел к делу старыми приемами, т. е. начал готовить доклад вчера, а сейчас делать так нельзя. Но все-таки глаз историка с отрадой может остановиться на некоторых явлениях в жизни Комм. Академии, которые напоминают доброе старое время. Это—деятельность президиума. Президиум в составе Бюро работает с четкостью часового механизма. Он собирается чрезвычайно аккуратно, прорабатывает массу вопросов. Проработал за прошлый отчетный год 94 научно организационных вопроса и 93 вопроса административно хозяйственных и т. д. Но это Бюро президиума собирается в составе 4—5 человек, редко бывает более, даже 5 человек никогда не бывает, одним словом, когда три человека есть, мы начинаем заседать и делать свою работу. А если возьмем Президиум, то тут мы найдем доброе старое время. Я должен констатировать, что из 17 членов Президиума более или менее аккуратно посещали его заседания 8, неаккуратно 2, и 7 человек не бывали ни разу на заседании. Тут мы имеем добрую старую привычку, которая была всегда и которая показывает, что все-таки Комм. Академия при всех своих нововведениях, при всем своем пышном расцвете кое-что от старого сохранила. Позвольте надеяться, что в будущем это явление отпадет, что посещение заседаний Президиума даст такую же резкую кривую кверху, какую дает работа всей Комм. Академии.

Теперь остается прибавить, что помимо всех тех достижений, которые у нас есть, есть еще одно достижение: это работа по составлению энциклопедий. Товарищи, не подлежит никакому сомнению, что новое советское общество, как пески в пустыне воды, жаждет нового компендиального, объединяющего издания типа советской энциклопедии. Большая Советская Энциклопедия возникла вне Академии, но идея этой энциклопедии дебатировалась вокруг Академии, если не ошибаюсь, на общем собрании, и частью возникла и обсуждалась на заседании нашего президиума. Сейчас Большая Советская Энциклопедия имеет 11.000 подписчиков на втором томе. Ни одна из издававшихся в России до сих пор энциклопедий на втором томе 11.000 подписчиков не имела, а сейчас имеет. Ясное дело, что эта работа нужна. Вот почему следует поставить в большую заслугу Академии то, что она имеет издание Большой Советской

Энциклопедии, которая возникла вне Академии, но с ней спаяна. И нужно пожелать, чтобы в своей общественной части это издание было тесно связано с работой нашей Академии. К сожалению, академики работают в ней мало: по разрезу истории мы только вдвоем с Николаем Михайловичем Лукиным занялись. Ник. Мих. дал одну статью, я—3—4. Этот общественный отдел Большой Советской Энциклопедии должен быть всецело в руках Комм. Академии, он должен ею обслуживаться, ею организовываться при помощи наших научных сотрудников и т. д. Это совершенно ясно. Другое учреждение более скромное, но чрезвычайно полное—Энциклопедия Права и Государства, которая возникла в нашей Академии и издается нашей Секцией Права и Государства, которую я пропустил, но которая в числе многих заслуг имеет заслугу—издание этой абсолютно необходимой для нашей советской общественности энциклопедии, которая довольно сильно продвинулась вперед. Большая Сов. Энциклопедия находится на втором томе, и, когда выйдет ее второй том (всех томов выйдет 70), трудно сказать; менее громоздкая Энциклопедия Права и Государства находится на середине алфавита и будет закончена в будущем году.

Наконец, позвольте сказать два слова о Курсах Марксизма, которые также связаны с Комм. Академией и которые ставят своей задачей переподготовку или марксистское повышение квалификации наших массовых парт. работников. Я не буду подробно распространяться о деятельности этого учреждения, совершенно ясно, чем оно занимается, какая его задача, подчеркну то, что это учреждение почти сплошь рабочего состава. Рабочие составляют около 75,6%, и, таким образом, в лице этого учреждения Комм. Академия соприкасается уже с пролетарскими массами, непосредственно с партийными пролетарскими массами. Это, разумеется, не единственный канал, по которому такое соприкосновение должно проходить, и несомненно, что в будущем мы должны поставить себе задачу развития широкой популяризаторской деятельности, в особенности наличие при Комм. Академии Секции Естественных и Точных Наук толкает в этом направлении. Мы сможем рабочим сначала Ленинградского и Московского района, а потом и в более широком масштабе, дать такого рода материалистическую популяризацию, которую не даст никакое буржуазное учреждение, потому что все в наших руках: и первичная научная работа, лаборатории и т. д. всецело наши. Товарищи, для того, чтобы вы оценили это явление, я приведу один пример. К нам приезжает из-за границы известный ученый зоолог Пауль Камерер, которого 11 лет не пускают ни в одну европейскую лабораторию (и это одного из зоологов мира) за то, что он убежденный последовательный материалист. При таких условиях нам использовать той возможности, которую мы имеем благодаря революции, было бы преступлением не только в области естествознания в широком смысле этого слова, но и в области популяризации наших знаний.

Тов. Милютин. Какие будут вопросы докладчику?

Тов. Ерманский. Будет ли дан протокол предыдущего собрания и будут ли даны сведения о том, что выполнено из того, что было намечено к выполнению на предыдущем заседании?

Тов. Милютин. Протокол был опубликован в свое время в „Вестнике Коммунистической Академии“. Теперь относительно того, что

сделано. Прошлое заседание было ровно год тому назад—2 июня 1925 г. В резолюции сказано: „Принимая во внимание, что работа секций и институтов является основой, как показывает уже имеющийся опыт коллективной теоретической работы, поручить Президиуму Комм. Академии обратить особое внимание на углубление и улучшение работы секций и институтов“... В сущности говоря, тот факт, что сейчас работает 67 научных сотрудников, привлеченных в разные научные учреждения Академии, также печатные труды, которые издают секции, институты, и новые журналы, которые сейчас печатаются,—все это свидетельствует о том, что здесь работа была проделана основательная. Затем—второе: „Признать необходимым усилить изучение аграрного вопроса; в виду того, что в Комм. Академии уже работает комиссия по изучению аграрной революции и издается журнал „На Агр. Фр.“, объединяющие аграрников-коммунистов, признать своевременным образование в К. А. аграрного кабинета и соответствующей секции для системат. теорет. разработки аграрного вопроса“. Такая секция организована. Сейчас у нас, не хвалясь, можно сказать, что аграрники-коммунисты по Москве и по другим местам объединены почти на 100%. Сейчас намечена большая работа, которая ведется к 10-летию Октябрьской революции относительно крестьянского движения. Ведется большая статистическая работа с местными анкетными обследованиями по изучению аграрной революции, и, затем, как говорил М. Н., еще ведется теоретическая работа по изучению расслоения деревни. К нам обратилась РКИ и ЦКК'овская комиссия—взять часть этой работы на определенных условиях. Затем третья: „Поручить президиуму установить прочную связь с другими научными учреждениями, в частности путем привлечения их к разработке определенных научных проблем“.. Должен сказать, что здесь была сделана поездка в Ленинград и Харьков. С ленинградцами у нас, к сожалению, не завязались отношения. Наоборот, наша поездка в Харьков и доклады, которые мы там поставили в Институте марксизма, увенчались успехом и имели свои положительные следствия. По нашему предложению там сейчас поставлена работа по изучению национального вопроса. Там не существовало никакой ячейки для изучения национального вопроса. Сейчас и партийный центр Украины и Институт марксизма создали такую специальную кафедру при Институте марксизма, которая будет заниматься разработкой национального вопроса. Мы ведем обмен протоколами, постановлениями, научными изданиями. Затем—четвертое: „Обратиться в соответствующие учреждения с просьбой об освобождении некоторых товарищей, работающих в области теории, от текущей административной (но не партийной) работы с оставлением их полностью для работы в Комм. Академии“. Этого не удалось сделать.

Тов. **Понровский**. Этого никогда никому не удавалось сделать.

Тов. **Милютин**. Должен сказать, что нам дают окончивших Институт Красной Профессуры. У нас имеется таких 12 чел., из которых работают серьезные научные работники.

Теперь, я думаю, мы перейдем к обмену мнениями.

Тов. **Ерманский**. На прошлом заседании было принято одно постановление относительно того, чтобы президиум обсудил вопрос о воз-

можности поставить при Коммунистической Академии разработку проблемы рациональной организации труда. Это было принято по моему предложению, при поддержке тов. Лебедева-Полянского, Тимирязева и др., и было поручено президиуму провести это в жизнь.

Тов. **Понровский**. Здесь этого нет.

Тов. **Ерманский**. Я могу не помнить того, что было, но не могу помнить того, чего не было. Стало-быть, президиум забыл. Выходит—пропащая грамота.

Тов. **Милютин**. Есть ли еще какие-нибудь вопросы? Если вопросов больше нет, то я хотел взять слово для некоторой общей постановки вопроса. Академия выросла, значительно и серьезно выросла. Начинает приобретать определенное влияние. Это чувствовалось и тогда, когда мы были в Харькове. К нам обращаются с определенными предложениями о научных работах. По Аграрной секции, по Экономической секции мы опираемся не только на московские силы, но и на силы, которые работают в провинции—так, например, по Аграрной секции, по вопросам национальным, связанным с аграрным вопросом, мы опираемся на силы украинских работников. Мы произвели анкетное обследование 67 членов Академии: кто принимал хоть какое-нибудь участие в течение этого года, и выяснилось, что из 67 членов Академии в работе принимали участие 31—32 чел., т.-е. около 50%. Мы учитывали какое бы то ни было участие: печатание своих трудов, доклады, выступления, участие в секциях и т. п., и оказалось, что 50% у нас работает, а 50%—мертвого балласта. Правда, ряд товарищей не мог принимать участия по тем или другим уважительным причинам, будучи завален работой в области политической. Относительно целого ряда товарищей этого сказать нельзя, и они могли бы сыграть большую роль и принять участие в нашей работе. Это вопрос серьезный. Я не знаю, как в дальнейшем нам поступать, но, несомненно, нам придется эти факты учесть. Мы не хотим создавать мертвых душ, и вряд ли целесообразно было бы отягощать Академию мертвыми душами. Сейчас более или менее сплоченное ядро вокруг Академии образовалось из старых товарищей и молодых сил. Эти 70 человек молодых научных сотрудников—те силы, из которых мы будем черпать в дальнейшем кадры академиков и научных работников. Целый ряд вопросов не может быть нами продвинуто благодаря тому, что здесь ощущается прямо-таки физический недостаток товарищей, которые могли бы работать. Это ощущается по Институту Мирового Хозяйства и Мировой Политики, это ощущается по Секции Литературы и Искусства, это ощущается по Институту Советского Строительства и т. д. По экономике у нас этот недостаток слабее ощущается, потому что много товарищей там уже втянуты в работу, то же по Аграрной секции. Но вот, например, Секция Литературы и Искусства, злободневнейшая секция, где бы Академия могла влиять на нашу литературу, особенно в связи с теми течениями, которые в этой области существуют—я должен откровенно сказать, что здесь у нас работа идет архи-слабо. И тут нам в этой области могли бы помочь товарищи, участвуя в этой работе. Мы проверяли статистикой участников докладов. Экономические доклады. Аудитория приблизительно разбивается на три части (в среднем бывает

человек 200): $\frac{1}{3}$ партийных из районов, $\frac{1}{3}$ вузовцев и $\frac{1}{3}$ административной нашей верхушки. Я бы сейчас предложил, как одно из заданий на предстоящий период, чтобы на Секцию Литературы и Искусства обратить самое серьезное внимание. У нас она страшно отстала, и ощущается несомненный недостаток в работниках, и тут надо поставить эту работу возможно серьезнее. У нас нет такого серьезного, учреждения, где бы литературные проблемы более или менее серьезно прорабатывались. Нужно, несомненно, эту работу продвинуть. У нас эта секция хиреет, ее нужно было бы оживить.

Второй вопрос, который нужно было бы поставить, следующий: у нас нет до сих пор секции по философии. Из крупных философов мы имеем только двух—Деборина и Аксельрод, мы имеем подрастающее поколение, но здесь чувствуется значительный пробел, огромный пробел в этом отношении. Я думаю, что вряд ли целесообразно сейчас какое-нибудь конкретное решение выносить, но я бы предложил дать президиуму поручение разработать вопрос о возможности организации у нас секции по философии, потому что с философией у нас неблагополучно. Тут возможности всяких уклонов. Мне представляется целесообразным этим вопросом заняться. Я лично думаю, что нам вряд ли стоит особенно расширяться. Мне кажется, должна быть дана общая директива не расширяться Академии, не организовывать новых учреждений, новых секций, а лучше углубленно работать тем научным учреждениям, которые мы имеем. Мы уже подошли от брошюрочной литературы к разработке серьезным образом теоретических проблем, к коллективной разработке. Первые шаги в этом направлении нами делаются. Поэтому нам надо остановиться на этой ступени, которой мы достигли, углубить нашу работу, привлекать новые силы больше, чем это делалось до сих пор. Но вот секция по философии, мне кажется, нам нужна, и нам нужно собрать и разработать материалы и вопросы философии, стягивать товарищей к этой работе. Организация Секции естественных и точных наук оказалась крайне своевременной. Об этом говорит то, что к нам сейчас даже не марксисты, а попросту материалисты в области естественных и точных наук стягиваются. Это огромное положительное явление. Здесь мы можем дать возможность им работать. Эту организацию Секции естественных и точных наук, вне всякого сомнения, нужно поддержать. Вот, мне кажется, те вопросы, которые следовало бы поставить и, пожалуй, как задание, дать на предстоящий период.

Тов. **Лебедев-Полянский**. Я хотел бы остановиться на вопросе о том, почему часть членов Академии не принимает участия в работе, либо в президиуме, либо в отдельной к-л. секции. Я думаю, что Михаил Николаевич не совсем был прав, когда сказал, что у нас еще есть привычки, привычки старого доброго времени. Я думаю, что дело здесь не в привычках, а в условиях, которые не позволяют принимать участия в этой работе. Нужно сказать, что многие члены академии не принимают участия в работе не потому, что не хотят, наоборот, они хотят, но абсолютно не имеют времени.

Относительно рассуждения тов. Милютин о Секции литературы и искусства, я хотел бы остановиться несколько подробно и сказать,

в каком положении эта секция находится. Владимир Павлович не совсем прав по отношению к этой секции. Во-первых, Секция не пользовалась нужной симпатией, и президиум или его бюро не давали возможности ей развернуться. Мы имеем научных сотрудников, но их всего два, да и то с большим трудом заручились ими. Возьмите руководящее ядро, которое правильно работает. Как у нас обстоит дело? Мы имеем 6 лекций в университете, каждый из нас руководит секцией в научно-исследовательском институте. Кроме того, мы же состоим в коллегии научно-исследовательского института, кроме того, каждый из нас имеет административную работу по советско-партийной линии. Спрашивается, что можно выкроить из того времени, которое остается от всей этой работы?

Конечно, очень мало, но тем не менее нам работу удалось поставить. В этом отношении Секция литературы не на последнем месте стоит, есть секции, которые имеют по 6 докладов и меньше. Но я думаю, что работа секции определяется не только докладами и не только количеством докладов. Наша секция имеет очень серьезную работу. Во-первых, Секция вполне организовано сейчас работает над составлением учебника по марксистской методологии истории литературы. Работа рассчитана на 25 печатных листов, она уже обсуждалась и будет выполнена. Этой работы сейчас не видно, как будто ее нет, но на самом деле она идет. Кроме того, по частной инициативе, под редакцией А. В. Луначарского и моей, при участии членов Коммунистической Академии, проработана—первый том уже издается—история русской критики XIX века. Эта работа также должна быть учтена Академией, поскольку она ведется под редакцией и при участии ее членов. Кроме того, укажу на третью работу, которая тоже возложена на нас и которую нам придется выполнить—история русской литературы в XIX веке. По этому вопросу я предварительные разговоры вел с А. В. Луначарским. Мне было поручено взять организационную сторону, в ближайшее время будет приступлено к постановке этой работы и к ее практическому осуществлению.

Таким образом, хотя наша работа не широко поставлена, но положение нашей работы не так печально, как это изобразил В. П. Я хотел бы обратить внимание и на то, что задача секции заключается не столько в текущей полемике, сколько, главным образом, в разработке целого ряда теоретических проблем в области литературоведения и методологии, которые Маркс, Энгельсом и Плехановым намечены, но до конца не разработаны. Некоторые вопросы даже совершенно не затронуты. Если бы удалось развернуть эту работу и привлечь других товарищей, которые могли бы быть полезны в этой области, то в первую очередь нужно эти проблемы поставить, потому что без разрешения их мы не сможем нашу марксистскую критику сдвинуть с того заколдованного места, на котором она вертится сейчас. Необходимо, чтобы Коммунистическая Академия взяла курс на то, чтобы тем членам Коммунистической Академии и сотрудникам, которые хотят и имеют больше склонности заниматься в Коммунистической Академии, была предоставлена возможность, чтобы они по возможности освобождались от той советской нагрузки, которая на них лежит. Я знаю, что поставить вопрос об их полном освобождении нельзя, но взять курс на это—нужно. Я, может быть, ошибаюсь, но мне кажется,

что Коммунистическая Академия в этом отношении никаких решительных, серьезных шагов не предпринимала, и мне кажется, что было бы вполне целесообразно принять решение, чтобы Президиум на будущее время предпринял соответствующие шаги. Я знаю, что некоторые члены Академии охотнее стали бы работать в Академии, чем в Университете, но в силу необходимости приходится работать в Университете, оставляя работу в Академии.

Тов. **Крицман.** Я хотел бы сказать несколько слов в связи с общим весьма приподнятым тоном доклада Михаила Николаевича. Обозревая деятельность Коммунистической Академии в 1925—26 г. сравнительно, например, с 1923 г., действительно нельзя не констатировать громадного роста работы Академии. Однако, на ряду с этим правильно отмеченным Михаилом Николаевичем ростом работы, нужно подчеркнуть и другую сторону дела. Нужно подчеркнуть, что требования, которые предъявляются к Академии и ее организациям, очень велики. Напор на Академию и на ее организации очень велик. То, что было Академией сделано, это в значительной своей части по существу дела пока только заголовки работ, это в значительной мере векселя, которые придется оплачивать.

Работа большинства органов Академии развернулась очень недавно. Есть, правда, в составе Академии учреждения, которые, несомненно, стоят прочно, которые сравнительно долгое время ведут свою работу. Так, например, Секция государства и права является, с моей точки зрения, такой организацией, которая прочно стоит на ногах. Что касается других, то многие учреждения Академии насчитывают только месяцы своего существования, хотя бы, например, Экономическая секция, которая возникла сравнительно недавно. Прямым позором для Академии было то обстоятельство, что до 1925 г. в ее составе не было Экономической секции. Она создана в январе 1926 г., а сейчас у нас июнь 1926 г. Существует она всего несколько месяцев. Начало ее многообещающее в том смысле, что ею был поставлен целый ряд докладов и положено основание некоторым работам. Но это пока только начало. Мне хотелось бы подчеркнуть именно эту сторону дела, которая была выдвинута и Владимиром Павловичем, то, что к Академии предъявляются очень большие требования. Эти требования необходимо переадресовать ко всем членам Академии. Как ни правильны те обстоятельства, на которые указал тов. Лебедев-Полянский (нагрузка и проч.), но спрос всегда вызывает предложение. Спрос предъявляется большой, и я поддерживаю предложение Михаила Николаевича, чтобы реализовать принятое в прошлом году Академией решение о принятии тех мер, которые окажутся возможным принять по большому вовлечению членов Ком. Академии в ее работу.

Тов. **Ерманский.** Я хочу сказать, что правильно здесь было отмечено М. Н., что сохранились еще некоторые привычки доброго старого времени, ну, кажется, сам Президиум об этом больше всего позаботился. Следовало бы эти привычки доброго старого времени вычеркнуть. Надо обратить внимание на то обстоятельство, что те 2—3 человека, которые работают наиболее активно в Президиуме, и тогда, в про-

шлом году, отнеслись несочувственно к моему предложению, которое, все-таки, было принято на пленарном заседании членами Академии. И вот, при таких условиях, имеется такой печальный факт, как малая активность, о которой правильно говорил член Президиума. Эта малая активность наблюдается даже на пленарном заседании. Председатель спрашивает: кто хочет взять слово, и слова никто не хочет взять. Почему наблюдается подобная неактивность? Я это отмечаю на протяжении ряда лет в нашей Академии и при прежних формах и при теперешней форме: на заседаниях народ молчит, бо благоденствует. Между тем, тот факт, что вопрос, который был затронут и так или иначе решен собранием, остался без всякого последствия, этот факт не может не влиять в смысле стимулирования активности.

Правильно М. Н. говорил, что Коммунистическая Академия не была бы таковой, если бы она ограничивалась только одной экономикой и не занималась бы вопросами о природе. Можно с полной определенностью приветствовать возникновение этой Секции по естествознанию, о которой здесь говорилось и говорилось весьма интересно. Конечно, Академия должна и не может не стоять на почве того, что называется „милитаризмом мелитос“. И вот, если вопрос о природе должен занять место, то я совершенно не понимаю, почему наблюдается такое отношение к вопросу о*той же природе, но в таком ее сочетании, которое тесно и неразрывно соприкасается с экономикой и в особенности с задачами решения практических проблем советского строительства. Тут вопрос о рациональной организации труда, все эти вопросы у всех на устах. У нас существует специальное ведомство для регулирования этой стороны дела. Я могу с полной определенностью сказать, что это ведомство само сознает свою оторванность. Ленин справедливо сказал, что ЦКК и РКИ должны многому и многому учиться в этой области. Тут надо кому-нибудь притти на помощь. Пришли на помощь слишком многие, кому только не лень, и эта область захвачена такими руками, что ей грозит и с практической и в особенности с теоретической стороны опасность. Если, как говорил тов. Милютин, в области философии неблагополучно, то в этой области больше чем неблагополучно, прямо позорно, прямо невыносимо и эта невыносимость чувствуется руководителями этого ведомства наиболее сильно и полно. Я думаю, что здесь дело не в том, чтобы говорить о прошлом, а дело в том, чтобы сделать какой-нибудь шаг непосредственно к ближайшему будущему. И я поэтому выбрасываю свое предложение прошлого года, которое оказалось неосуществимым, несмотря на то, что оно было принято. Предложение заключалось в том, чтобы выделить группу членов Академии, которые бы обсудили вопрос о том, каким образом эту важную в теоретическом отношении область, область, опирающуюся на три различных отрасли, на экономику, технику и естествознание, область, которая имеет теоретически огромный интерес, была бы введена в круг тех вопросов, которые разрабатываются марксистами, членами Коммунистической Академии и примыкающими к ней научными сотрудниками,—в какой форме, это я считаю неуместным теперь затрагивать, когда дело обстоит таким образом, как сейчас.

Тов. Дауге. Я хочу возражать тов. Ерманскому по поводу выказанного им соображения. Он обвиняет членов Академии в инертности. Я наблюдал большое желание работать. Затем не могу согласиться с тов. Ерманским, когда он выдвигает вопрос о том, чтобы Академия концентрировала внимание на вопросе о научной разработке организации труда. Я хотел бы вообще предупредить, чтобы Академия не вела ненужной параллельной работы особенно в такой практической области, как рационализация труда. Это именно то, чем меньше всего Академии следует заниматься. Рационализация труда, это есть вопрос, который вырастает и который выкристаллизовывается именно в практической работе, административно-хозяйственной и проч. И тут для Академии настало время проанализировать его, но специально ставить эту проблему, я думаю, нерационально. То же самое и в отношении всей вообще Академии. Можно было бы исключить некоторые другие работы, которые ведутся параллельно.

То же самое по издательской части. Правильно отметил тов. Покровский, что издательская часть разрослась. Но мне приходилось участвовать в ревизионной комиссии по обследованию издательства. Я пришел к тому заключению, в согласии с другими членами ревизионной комиссии, что некоторая часть издательской работы неправильная, ненужная и параллельная, так что нужно сферу деятельности издательской с'узить.

Я совершенно согласен далее с тов. Милютиным, что нужно организовать философскую секцию. Но тут мы наталкиваемся на тот вопрос, который правильно отметил тов. Лебедев-Полянский, на то, что нет товарищей, которые не желали бы работать и т. д. Но мы фактически находимся в таком положении, что товарищи, которые хотели бы работать, лишены этой возможности. Вот—ваш покорный слуга, в таком положении находятся многие товарищи. Я думаю, что к таким членам Академии не будет исключена снисходительность, если они в Академии не проявляли себя активно. Вот те замечания, которые я хотел сделать.

Тов. Суханов. Я думаю, что в своем предложении расширить работу Академии в смысле изучения вопросов рациональной организации труда тов. Ерманский прав. Я думаю, что параллелизм касается не только данной области, его надо избегать во всех областях. Я полагаю, что если Академии надлежит заниматься проблемами коммунистического строительства, то выбрасывать за борт эти проблемы ей ни в коем случае бы не следовало. Теперь перейду к малому участию членов Академии во всей ее работе. (Тов. Милютин: „Части членов Академии“), особенно насчет тех, которые в ней не участвовали вовсе. Примером этого участия может послужить, прежде всего, тов. Ерманский, который сделал в прошлом году такого рода предложение, которое было принято. Понадобился целый год для того, чтобы вспомнить это предложение. В течение этого времени он ни разу не констатировал, что его собственное предложение было положено в Академии под сукно. Мне кажется, что следовало бы, говоря об этом малом участии членов Академии в ее работе, учесть то обстоятельство, что не всегда есть возможность не только уделить достаточно времени для работы в Академии, но, может быть, не следовало

бы предоставлять всецело членам Академии инициативу выбора этой работы. У нас есть распорядительные органы, есть Президиум и есть Бюро Президиума. Может быть, следовало бы пожелать, чтобы эти распорядительные органы активнее привлекали членов к выполнению тех или иных функций, согласно общему плану работ Академии. Я должен сказать, что я лично претерпел некоторые затруднения в этом моем участии в работе Академии, несмотря на проявленное мною достаточно интенсивное желание. В течение нескольких лет мне пришлось быть за границей, и я не имел возможности участвовать в работе Академии. Вернувшись из-за границы, примерно, 2 года тому назад, я обратился, первым делом, к Академии—чем могу быть полезным я, оторванный от общего плана работы и готовый инициативу использования меня предоставить самой Академии. Мне было сказано: обратитесь в Управление Делами, к тов. Меницкому. Я обратился к тов. Меницкому, и он мне сказал: зайдите через неделю. Я ходил, кажется, в течение 3 недель—нет ли работы для меня в Академии, и, в конце концов, у меня создалось такое впечатление, что мне быть полезным в Академии, согласно общему плану ее работ, сейчас было бы затруднительно, и это вызвало во мне естественную реакцию охлаждения. До сих пор я, действительно, не имею никаких определенных функций в Академии, и я полагаю, что сама Академия, в лице ее распорядительных органов, согласно плану своей работы, могла бы привлекать членов Академии не против их желания и не в противоречии с их интересами и общей линией их работы, а в соответствии с ними, по соглашению с ними, не в порядке трудовой повинности, но тем не менее возлагая на них выполнение определенных функций и определенную программу работы в той или иной области. На эту сторону дела, на активное привлечение к работе со стороны Президиума я бы хотел сейчас обратить внимание.

Тов. Лебедев-Полянский. Я бы хотел остановиться еще на одном вопросе, от которого М. Н. несколько отмахнулся, именно на вопросе об издательстве Коммунистической Академии. М. Н. сказал, что это дело стоит несколько особо и что о нем здесь как будто не место говорить. Я думаю, что это не совсем так. Этот вопрос имеет очень большое и серьезное значение в деятельности Академии. Коммунистич. Академия, несмотря на строгий режим экономии в издательском деле, все же свою издательскую деятельность должна развивать. Если мы хотим создать Секции, в которых бы велась научная работа, которая постепенно вытесняла бы работу Академии Наук, то этого можно достигнуть лишь тогда, когда Коммунистич. Академия будет иметь ряд соответствующих органов. Я думаю, что издательским вопросом мы здесь не будем заниматься, но Президиум с своей стороны должен принять какие-то меры, чтобы тяжелое положение издательства ни в какой мере или, по крайней мере, в меньшей мере мешало тем новым предприятиям, которые Академия выдвигает.

Тов. Милютин. Я два слова хотел сказать относительно выступления т. Ерманского. Я не знаю, было ли принято то решение, о котором вы говорите, относительно организации Секции по Научной Организации Труда—в протоколе этого не имеется, но дело в том, что, повторяю,

мы не можем ничего строить на пустом месте. У нас были сделаны попытки в этом отношении значительно раньше, и т. Ерманскому был поручен в „Вестнике Коммунистич. Академии“ отдел научной организации труда. И отдел этот умер. Ни одного работника, который бы зацепился за Академию, который бы продолжал работу по вопросам НОТ, не оказалось. Получилось пустое место. Можно создать комиссию, конечно, но вряд ли какие-нибудь результаты получатся. У меня в этом отношении скептическое мнение. Я принимаю участие в РКИ в качестве члена Коллегии. Я знаю, насколько там, при огромных средствах, трудно эту работу ставить и концентрировать там силы. Нам эта работа не под силу. Затеять широковещательное дело — Секцию по рациональной организации труда — и получить пустышку, по-моему, не следует. У меня такого рода опасение есть, что не найдется сил, чтобы это дело вести. Такая более скромная задача, как завести в „Вестнике Коммунистической Академии“ специальный отдел — и эта задача не выполнена. Как у нас организуются секции? Вокруг журнала, вокруг работы начинает организовываться группа работников. Так было с Аграрной секцией, так было с Экономической секцией.

Тов. Суханов правильно упомянул, что только через год вы вспомнили о своем предложении и до того никакой инициативы вы не проявили. Вы — инициатор, один из серьезных работников, и я глубоко убежден, что при таких условиях у нас с этим делом ничего не выйдет, получится такая же канитель, которая раньше была с этим делом.

Я не согласен с т. Сухановым, что нужно привлекать работников путем распорядительных органов, выполнять функции учраспреда. В этом отношении члены Академии ведут самостоятельную работу, желающий взять работу знает, в какой области он хочет работать; знает, какую тему наметить и т. п. Тут странно было бы так искать работы, как т. Суханов; работы очень много в любой области, пожалуйста, приходите и работайте: в Экономической секции, в Аграрной, в Институте мирового хозяйства и мировой политики. Чтобы т. Суханов не нашел места для своей работы, кто этому поверит? По-моему, самостоятельную работу можно вести. Вот те замечания, которые я хотел сделать.

Тов. Крицман. Тут был затронут вопрос об Издательстве, наблюдение за которым поручено в порядке Президиума мне. Я хотел бы по этому сказать несколько слов по поводу работы нашего издательства. Издательство, помимо работ самой Академии, вообще ничего не издает. Были отдельные случаи издания работ, напр., Института Красной профессуры, но это единичные случаи. Деятельность Издательства отражает литературную работу самой Академии.

Выпускаемые Издательством периодические издания являются либо органами Коммунистической Академии в целом, как „Вестник Ком. Акад.“, либо органами отдельных секций Академии. Сюда относятся „Историк-Марксист“ — орган Общества историков марксистов, журнал „На Аграрном Фронте“ — орган Аграрной секции, журнал „Советское Строительство“ — орган Института советского строительства, журнал „Мировое хозяйство и мировая политика“ — орган Института мирового хозяйства и мировой политики, наконец, намечающийся журнал „Революция права“ — орган Секции права и государства.

Что касается книжной продукции Издательства Академии, то и она является продукцией секций Коммунистической Академии.

В этих условиях работа Издательства, в отношении как периодических, так и неперидических изданий, естественно только отражает работу самой Академии. В течение последнего года работа целого ряда учреждений академии получила свое внешнее выражение в книжной продукции Издательства Ком. Академии. Так, Секция права и государства, помимо «Энциклопедии государства и права», выпустила две работы. Экономическая секция, хотя она существует недавно, выпустила две работы, в ближайшее время выходит третья. Институт мирового хозяйства и мировой политики выпустил тоже две работы. Секция научной методологии выпустила интересную коллективную работу „Статистический метод в научном исследовании“, где объединены доклады на эту тему представителей самых разнообразных отраслей знания. Аграрная секция выпустила в течение последнего года три работы, из которых одна вышла двумя изданиями.

Работа Издательства находится в тесной зависимости от работы всех научных учреждений Ком. Академии. Поскольку эти учреждения созданы большею частью недавно и естественно требуется известный срок для того, чтобы их работы получили свое законченное литературное выражение, постольку и Издательство до сих пор не могло полностью развернуть свою работу. Повидимому в ближайшее время потребуются значительное развертывание работы Издательства, однако это развертывание наткнется на материальные преграды. Уже в этом году мы благодаря росту издательской работы натолкнулись на серьезные материальные затруднения, которые только частично смягчены соответственным длительным кредитом и небольшой дотацией. В этой области лежат сейчас наибольшие затруднения, могущие помешать выявлению работы Комм. Академии во-вне и тем в значительной мере свести ее работу на-нет.

Тов. Ерманский. Я хотел бы внести краткую поправку к тому сообщению, которое сделал тов. Милютин. Это и верно и неверно. Что мне было поручено вести отдел научной организации труда — верно и неверно в том смысле, что я не имел возможности помешать то, что я считал нужным, и поэтому я фактически перестал вести эту работу. После того, как статья одного из окончивших Свердловский университет, мной предложенная, не была принята, это сделало для меня невозможным дальнейшее ведение работы. Прав т. Милютин в другом смысле, что люди мало работают. Что мне пришлось сделать, как только дело было налажено? Я поместил статью, я искал еще одного работника в этой области, исполняющего обязанности марксиста, нашел такого человека, опять написал статью и уже другого исполняющего обязанности марксиста не мог найти, и пришлось прибегнуть к тому же самому. Против этого нужно принять серьезные меры, достаточно указать, что ни на ком другом, как на Комм. Академии, лежит эта обязанность. Я поэтому не предлагаю, чтобы какая-нибудь секция была основана. Если секцию основывать, то из кого ее составлять? Мое предложение состояло в том, чтобы подготовить работников марксистов из молодого поколения для того, чтобы в этой области работать.

Тов. **Покровский**. Мне очень немного придется говорить, потому что возражений против линии, которую взяла Академия в своей работе, не было никаких. Специальных споров быть не может. Тов. Ерманский уже получил ответ с нескольких сторон. Мне не приходится повторять, что Академия открыта не только в дни ее пленарных заседаний, но и в промежутках, и что всегда можно поставить вопрос в Президиуме, в Бюро президиума и добиться того, чтобы секция заработала. Тут дело не в этом. Нам т. Ерманский сам выяснил, что некому было работать. Что же с этим делать? Как раз журнал „Историк-Марксист“, о котором упоминал т. Лебедев-Полянский, служит блестящей иллюстрацией того, что при желании всегда можно чего-нибудь добиться, даже если Председатель соответствующего общества саботирует какое-нибудь предприятие. Не было человека, который бы больше противился изданию журнала, чем председатель О-ва Историков-Марксистов. А между тем журнал выходит. Выпущено две книги и будет третья. Энергичные люди могут всегда добиться, и в этом отношении вашему проекту никакого сопротивления нельзя было ожидать, но вы сами не дали толчка. С эрзац-марксистами нет возможности это делать.

Теперь относительно заявления Н. Н. Меня это заявление очень удивило. Он, оказывается, искал работы в Коммунист. Академии и направился в Управление Делами. Управление делами занимается ремонтом, покупкой дров, и я впервые слышу, чтобы это учреждение занималось распределением научных работников.

Тов. **Суханов**. Меня из Президиума направили к т. Меницкому.

Тов. **Покровский**. Тов. Меницкий был ученым секретарем, но теперь т. Меницкий оставил Коммунистич. Академию, и весьма возможно, что ваше посещение совпало с периодом, когда он уходил, и при такой смене должностных лиц не всегда можно получить то, что нужно. Это—подход формальный. Хотя вы пошли не в Управление Делами, а к ученому секретарю, но все-таки это подход формальный. Как начинается всякая работа? Научный работник обращается в одно из живых научных учреждений. Есть Экономическая Секция, есть Институт Мирового Хозяйства.

Тов. **Суханов**. Тогда не было. Это было два года тому назад.

Тов. **Покровский**. По поводу отчета 25 года отвечать за то, что было в 23 году, когда в сущности ничего не было, довольно трудно, и то, что вы говорите, это не есть возражение против теперешней Академии. Само собой разумеется, что всякий желающий работать без всякого труда эту работу найдет, даже если некоторые влиятельные силы этому противодействуют. Академия—это коллектив, и в нем можно товарищеским путем добиться всего, что нужно. Относительно замечания П. И. Лебедева-Полянского по поводу в сотый раз повторяющегося пожелания кого-то разгрузить, кого-то освободить, я должен сказать, что это невыполнимо. У нас слишком мало способных и крупных работников, чтобы советский аппарат мог в массовом масштабе без них обойтись. Я знаю на практике такие случаи, что человека в известном направлении ликвидировали, а через год вы его находите на прежнем месте ведущим ту же работу только под другим названием. Это явление очень распространено. Тут нужно пойти другим путем. Какой другой путь может быть?

Как-никак, человек втягивается в работу под влиянием органической внутренней потребности в данной работе. Когда у него есть потребность высказаться, то он высказывается, можете быть в этом уверены, хотя бы он заседал на 5 заседаниях каждый день. При желании он найдет время написать статью, прочесть доклад, а когда человеку приходится придумывать, что ему сказать, то—разгрузай его, не разгрузай он ничего ценного не придумает. Разгружать нужно, но нужно это делать иным путем. Во-первых, нужно рационализировать наш аппарат и перестать управлять при помощи бесчисленного количества заседаний, чего нет ни в одной стране. Вопрос, который может быть великолепно разрешен личным путем, у нас разрешается путем собраний, иногда столь же многочисленных, как настоящее, и целый ряд лиц берет слово вступительное, потом заключительное, и то, что может быть разрешено в 5 минут, отнимает 5 часов.

Г о л о с. Вначале бе слово.

Тов. **Покровский**. Я не знаю, что было вначале. У нас вначале было дело, а потом пошли слова и пошли таким бурным потоком, что мы в них захлебнулись. Затем второе: в наших научных работах нам нужно поучиться работать по-европейски, не доходя до тех европейских эксцессов, о которых можно было прочесть в одной вечерней газете: за границей под фамилией известного автора статьи пишут неведомые литературные кули. Так действовать нельзя. Это буржуазный способ. У нас есть свой способ—коллективный. У нас есть ученики, и при помощи учеников мы можем разгружаться от работы. Я не знаю, рационально ли я себя разгрузил в Свердловском университете, но там работает группа учеников. Я читаю там эпизодически лекции и эпизодически председательствую на советах кафедр, и дело идет, и идет даже лучше, чем при мне, потому что эта публика методологически вымуштрована лучше, чем я, и она лучше проводит мои планы, чем я со своей старомодной педагогической техникой. Систему агентуры нужно приветствовать, с ее помощью мы будем в состоянии работать и обслуживать более широкий район, чем прежними кустарными способами.

Теперь два слова относительно одного вопроса, связанного с вопросом, поднятым т. Ерманским. Мы делаем то, что вы хотите делать, только по другому разрезу. Вот что мне сообщают: „В Институте изучения высшей нервной деятельности разрабатывается экспериментальным путем проблема условий утомления“.

Тов. **Ерманский**. Блаженны верующие. Но это хорошая работа, хотя это и не то, о чем я говорю.

Тов. **Покровский**. Я забыл еще сказать, что этот институт может послужить базой для широкой пропагандистской деятельности. Он уже и занимается пропагандой. Им разработана фильма „Механика головного мозга“. Это большое достижение для института, который существует всего несколько месяцев. Вот все, что я хотел сказать. Да, еще я должен сказать по поводу того, что плохо работают. Тут дело не в том, что плохо работают,—это я не в порядке официального заключительного слова, а в порядке товарищеского замечания,—а дело в том, что чрезвычайно развиты среди теоретиков, крупных работников индивидуалистические качества, коммунистам не приличные: всякий хочет работать над тем, что ему в

данный момент нравится, что его в данный момент интересует, и тут пора завести дисциплину путем известного внутреннего давления. Я не знаю, почему на вас не дают ученики. На меня мои ученики дают и заставляют меня многое делать и в чрезвычайной степени жертвовать своей индивидуальностью. Когда насыдут человек 12 и начинают требовать — занимайтесь тем-то и тем-то, то хотя мысль в 10 верстах от этой задачи, но поневоле будешь заниматься. Вы не можете сказать: ах, подите вы, я не хочу иметь дела с вами. Вы не можете этого сказать, поскольку вы дорожите авторитетом среди молодежи, и мне кажется, что давление молодых сотрудников нас постепенно дисциплинирует и постепенно вытравит из нас этот вредный индивидуализм, который мешает работать. На этом позвольте закончить и предоставить слово В. П. для доклада об уставе.

Тов. **Милютин**. Может быть, мы по докладу т. Покровского вынесем резолюцию?

Тов. **Покровский**. Я поддерживаю предложение т. Крицмана, чтобы отчет был напечатан, и беру на себя обязательство в том, что к осени отчет будет выпущен.

Тов. **Милютин**. У меня имеется предложение такое: заслушав годичный отчет о деятельности Коммунистической Академии, 1) признать необходимым, по возможности, дальнейшее углубление работы научных учреждений Академии; в целях концентрации сил работающих в научных учреждениях не открывать новых, по крайней мере, в наступающем году; 2) предложить Президиуму разработать вопрос о возможности организации, в виде исключения, Секции по философии; 3) констатировать правильность предпринятых шагов по установлению связи с украинскими научными учреждениями и принять дальнейшие меры к установлению связи с другими аналогичными учреждениями в других областях и районах; 4) обратить внимание на необходимость усиления работы Секции по литературе и искусству, пополнив ее новыми работниками.

После непродолжительных прений, возникших в связи с предложением т. Милютина, и выборов комиссии для окончательной формулировки резолюции в составе т.т. Покровского, Милютина и Лебедева-Полянского, Пленум переходит к обсуждению Устава Ком. Академии¹⁾. В прениях по Уставу принимают участие т. т. **Милютин, Бронский, Дауге, Кузовнов, Крицман, Бонч-Бруевич, Луначарский, Покровский, Ротштейн, Шмидт, Деборин, Лебедев-Полянский, Ерманский**.

Пленумом принята следующая резолюция по докладу о деятельности Комм. Академии:

„1. Заслушав годовой отчетный доклад о деятельности Коммунистической Академии, общее собрание констатирует значительное расширение и укрепление научной деятельности Академии, являющейся одним из крупнейших научных учреждений Союза.

2. Проект нового Устава Комм. Академии, предложенный Президиумом, принять и предложить Президиуму внести его на утверждение Президиума ЦИК СССР.

¹⁾ Устав будет помещен в следующей книге „В. К. А.“.

3. Признать необходимым дальнейшее углубление работы институтов и секций Комм. Академии. В этих целях сконцентрировать силы в действующих уже учреждениях Академии, привлекая в наибольшей степени молодые научные коммунистические силы.

4. Основываясь на § 4 Устава Академии, п. „в“, где сказано, что „Академия создает кадры высококвалифицированных работников в области теории и практики марксизма и ленинизма“, признать желательной подготовку при учреждениях Академии аспирантов на тех же началах, как это ведется другими исследовательскими институтами.

5. Предложить Президиуму разработать вопрос о возможной организации в Комм. Академии философской секции.

6. Обратить внимание на необходимость усиления работы Секции Литературы и Искусства.

7. Констатировать правильность шагов, предпринятых Президиумом Коммунистической Академии по связи с украинскими научными коммунистическими учреждениями. Предпринять дальнейшие меры к установлению и укреплению связи с местными научными учреждениями.

8. Предложить Президиуму Академии войти перед началом учебного года в ЦИК СССР с представлением о необходимости постройки для Библиотеки Академии нового здания, отвечающего современным требованиям библиотечной техники.

9. В связи с расширением научной и, в зависимости от этого, издательской деятельности Коммунистической Академии (издание трудов и т. д.) внести в смету предстоящего года специальную статью по ассигнованиям на издательскую работу.

10. Предложить т. Ерманскому разработать проект о постановке изучения проблем НОТ в Комм. Академии и представить его на рассмотрение в Президиум.

11. В виду предстоящего утверждения состава Комм. Академии ЦИК Союза, в настоящем заседании выборов Президиума Комм. Академии не производить, продлив полномочия существующего Президиума до осени 1926 года“.

ЮБИЛЕЙНАЯ ЛИТЕРАТУРА О ДЕКАБРИСТАХ 1924—1926 г. г.

Библиографический указатель

ОТ РЕДАКТОРА

Печатаемая ниже библиография юбилейной литературы о декабристах построена на тех же материалах, какие входят и в нашу полную «Библиографию декабристов», издаваемую Централхивом. Однако там все материалы юбилейной литературы рассыпаны по разным отделам, по принадлежности к той или иной теме, и книга, или статья, 1925 г. может оказаться там рядом с публикацией 60-х, 90-х годов. Кто хотел бы ознакомиться именно с литературой 1924—26 г. г., не смог бы этого сделать по полной «Библиографии декабристов».

Между тем, желательно и даже необходимо обозреть и оценить юбилейную литературу в целом. Она имеет свои особенности и свое значение.

Во-первых, она необычайно обширна. Ни один юбилей декабризма, никакой юбилей других исторических событий (исключая, разумеется, Октябрьскую революцию и революцию 1905 года) не имел такой богатой литературы, как юбилей декабризма. Если бы необходимо было продемонстрировать на ярком примере всю напряженность интеллектуальной жизни в революционной России, следовало бы обратиться к этому мощному книжному потоку. На юбилей декабризма откликнулись сотни, тысячи лиц и учреждений. Кропотливые архивисты, академические исследователи, драматурги и поэты, популяризаторы и педагоги, публицисты и журналисты—высказались о декабризме.

И в этих высказываниях доминировала одна черта, которая ярко проступает, если обозреваешь юбилейную литературу в целом. Это—марксистский уклон мысли. На юбилейных оценках декабризма, как в зеркале, отразилось то огромное движение, тот как бы геологический сдвиг, какой испытала русская мысль за годы революции. Составители предполагаемого указателя думали было выделить особую рубрику в нем под наименованием: «Марксисты о декабризме». Это было бы легко сделать для юбилейной литературы 1905—1907 г. г., когда марксисты впервые выступили с переоценкой декабризма. И тогда

статьи М. Н. Покровского, К. Н. Левина, М. С. Ольминского легко могли бы обособиться в отдельную группу, столь контрастную остальной — либеральной — литературе о декабристах. Но в 1926 г. такое выделение оказалось невозможным, вернее — не рациональным в библиографическом указателе. Ведь, пришлось бы в этой рубрике повторить огромное количество дат, занесенных в другие отделы. В юбилейной литературе, конечно, явственны пережитки старого, идеалистического, в широком смысле, миросозерцания и метода. Но их немного. А в общем — господствует материалистическое понимание и приемы изучения, и самого исторического явления. Свершившийся идеологический перелом сказывается не только в суммарных оценках и характеристиках, но и в специальных исследованиях, и даже в drobных «примечаниях» и комментариях.

Можно прямо сказать, что от 1925 года начнется новый период в научной разработке декабризма — и не только декабризма, но и всей первой трети XIX века.

Вот почему существенно выделить в особый указатель юбилейную литературу. И надо поблагодарить редакцию «Вестника Коммунистической Академии» за возможность его напечатать.

Недостаток места заставил и редакцию журнала, и составителя пойти на некоторые сокращения и упрощения. При наборе в два столбца мелким шрифтом нельзя было осуществить те графические приемы, какими достигается наибольшая наглядность и расчлененность библиографического описания: красные строки, просветы, разнообразные шрифты и т. д. Пришлось прямо выбросить сотни две дат, взятых из газетных информационных, хроники и проч. Эти изъятия будут восстановлены в полной «Библиографии декабристов». Аннотации пришлось предельно сжать.

Все это, впрочем, не коснулось ничего существенного. Указатель, составленный Н. М. Ченцовым необычайно тщательно, дает огромный и ценный материал.

Следует с благодарностью упомянуть, что полноте указателя способствовали многие, истинно культурные лица, приславшие нам юбилейные издания отовсюду — не только из столиц или областных центров, но и из глухой провинции, а также и из Парижа, и из славянских стран (перечень их будет опубликован в полной «Библиографии декабристов»).

Н. Пиксанов

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Предлагаемый указатель имеет в виду дать по возможности исчерпывающий перечень литературы по декабристам, вышедший в связи со 100-летним их юбилеем — за период с 1924 по сентябрь 1926 г. включ. Регистрации подлежали не только отдельные издания, но также журнальные и газетные статьи, заметки, информации, помещавшиеся как в столичных органах печати, так и в провинциальных. Следует, однако, заметить, что значительная часть (до 250) мелких

заметок и информации в настоящий указатель не вошла просто по недостатку места. Юбилейные сборники всюду расписывались поштатейно. Составитель счел необходимым давать краткие аннотации лишь фактического характера. Из иллюстраций указывались лишь важнейшие. Рецензии перечислялись с возможной полнотой.

Что касается систематизации, то она оставлена приблизительно та же, что и в печатающейся (в серии юбилейных изданий Централхива) полной «Библиографии декабристов», составленной мною же (ред. Н. К. Пиксанова).

Работа исполнена de visu; все непроверенные (весьма немногие) указания отмечены звездочкой.

Составитель далек от мысли считать настоящий перечень исчерпывающим. Вероятно, окажутся пропуски. За указание их буду очень признателен и восстановлю их в полной «Библиографии декабристов».

Так как в типографии не оказалось квадратных скобок, то они всюду заменены круглыми скобками. По той же причине некоторые литеры украинского и чехословацкого языков заменены в соответствии другими.

Н. Ченцов

Условные сокращения названий периодических изданий

Б. = Былое (Ленинград).
 БР. = Бакинский Рабочий.
 БМП = Бурято-Монгольская Правда (Верхнеудинск).
 В. = Волна (Архангельск).
 ВМ. = Вечерняя Москва.
 ВТ. = Власть Труда (Иркутск).
 ЖИ. = Жизнь Искусства (Ленинград).
 ЗВ. = Заря Востока (Тифлис).
 И. = Известия ЦИК СССР и ВЦИК (Москва).
 К. = Красный (ая, ое) в сочетаниях: Красная Башкирия (Уфа); Красный Дагестан (Махач-Кала); Красное Запорожье; Красное Знамя (Томск, Чернигов); Красное Черноморье (Новороссийск); Красная Карелия (Петрозаводск); Красная Летопись (Ленинград); Красный Журнал для Всех (Ленинград); Красный Крым (Симферополь); Красный Курган; Красный Николаев; Красная Панорама (Ленинград); Красный Пахарь (Майкоп); Красная Татария (Казань); Красный Север (Вологда); Красный Молодняк (Владивосток).
 КА. = Красный Архив (Москва).
 КГ. = Красная Газета (Ленинград).
 КГ. Вв. = Красная Газета веч. вып. (Ленинград).

Кн. = Книгоноша (Москва).
 КН. = Красная Нива (Москва).
 КНью. = Красная Ньва (Москва).
 Ком. = Коммунист (Астрахань).
 КПр. = Киевский Пролетарий.
 КС. = Каторга и Ссылка (Москва).
 ЛП. = Ленинградская Правда.
 Мол. = Молот (Ростов-н-Д.).
 НВГ. = Новая Вечерняя Газета (Ленинград).
 НГ. = Наша Газета (Москва).
 НижКом. = Нижегородская Коммуна.
 НУ. = Народный Учитель (Москва).
 О. = Огонек (Москва).
 П. = Правда (Москва) и в сочетаниях: Комсомольская Правда (Москва); Курская Правда; Луганская Правда; Приволжская Правда (Кинешма); Полесская Правда (Гомель); Рабочая Правда (Тифлис); Северная Правда (Кострома); Советская Правда (Челябинск); Степная Правда (Симферополь, Семипалатинск); Тверская Правда; Трудовая Правда (Пенза).
 ПП. = Пролетарская Правда (Киев).
 ПР. = Печать и Революция (Москва).
 Р. = Рабочий (ая) в сочетаниях: Бакинский Рабочий; Брянский Рабочий; Грозненский Рабочий;

Забайкальский Рабочий (Чита); Красноярский Рабочий; Молодой Рабочий (Ростов н/Д.); Северный Рабочий (Ярославль); Уральский Рабочий (Свердловск); Рабочая Газета (Москва); Рабочая Москва; Рабочая Правда (Тифлис); Рабочий Крик (Рязань); Рабочий Край (Иваново-Вознесенск); Рабочий Пахарь (Рыбинск); Рабочий Путь (Омск, Смоленск).
С.=Советский (ая, ое) в сочетаниях: Советский Пахарь (Ростов н/Д.); Советский Экран (Москва);

Сокращения при обозначении сборников

Декабристы. Неизданные материалы и статьи. Под ред. Б. Л. Модзалевского и Ю. Г. Оксмана. М. 1925=Дек.

Бунт декабристов. Под ред. Ю. Г. Оксмана и П. Е. Щеголева. Л. 1926.=Бунт дек.

Памяти декабристов. (В.)^а I. Л., Изд-во Академии Наук СССР. 1926.=Памяти дек. I.

Памяти декабристов. (В.)^а II. Л., Изд-во Академии Наук СССР. 1926.=Памяти дек. II.

Атеней. Историко-Литературный Временник. Книга третья. Л. 1926.=Атеней, III (1926).

1825—1925. Декабристы на каторге и в ссылке. М. 1925. (1926)^а. = Дек. на каторге.

Декабристы в Минусинском округе. Минусинск. 1925.=Дек. в Минусинском округе.

Сибирь и декабристы. Под ред. М. К. Азадовского, М. Е. Золотарева, Б. Г. Кубалова. Иркутск. 1925.=Сибирь и дек.

Декабристы в Забайкалье. Под ред. А. В. Харчевникова. Чита. 1925.=Дек. в Забайкалье.

Советский Юг (Ростов н/Д.); Советская Правда (Челябинск); Советская Сибирь (Новосибирск); Советская Степь (Кзыл-Орда); Советское Искусство (Москва).

СИБО.=Сибирские Огни.

ССиб.=Советская Сибирь (Новосибирск).

Т.=Труд (Баку, Клинцы, Москва) и Трудовой (ая) в сочетаниях: Трудовой Путь (Армавир); Трудовая Правда (Пенза).

ХКом.=Харьковский Коммунист.

ХПр.=Харьковский Пролетарий.

Кубалов, Б. Г. Декабристы в Восточной Сибири. Иркутск. 1925.=Кубалов, Дек. в В. Сибири.

Восстание декабристов. Материалы. Т. I. М. 1925.=Восст. дек. I.

Восстание декабристов. Материалы. Т. II. М. 1926.=Восст. дек. II.

Щеголев, П. Б. Декабристы. Л. 1926.=Щеголев. Дек.

Тайные общества в России в начале XIX столетия. Сборник материалов, статей и воспоминаний. М. 1926.=Тайные общества.

Декабристы. Сборник материалов. Л., Рабочее изд-во «Прибой», 1926.=Дек.².

Декабристы Дмитровского уезда. Дмитров. 1925.=Дек. Дмитров. 1925.

Декабристы на Украине. Збирник. За редакцією акад. С. Ефремова та В. Мияковського. У Києві. 1926.=Дек. на Україні.

Рух декабристів на Україні. Ювілейне видання Укцентрархіву. Харків. 1926.=Рух дек. на Україні.

Общий отдел

Библиографические указатели и обзоры по декабризму

1. Владиславлев, М. В. Русские писатели. Опыт библиографического пособия по русской литературе XIX—XX ст. 4-е переработанное и знач. дополн. издание. М. (и) Л., Госуд. Изд-во. 1924. (24×18). VIII—

445+(3) стр.—См. библиографические указания для: А. А. Бестужева (Марлинского), стр. 78; А. И. Одоевского, 194—195, 391; К. Ф. Рылева, 209, 403—404. См. еще стр. 322.

2. Адарюков, В. (Я)^а. Воспоминания.—Гравюра и Книга (М.) 1924. № 2—3, стр. 55—64, 67—70.—Стр. 56—58: увлечение автора собирательством печатных материалов по истории декабристов; состав его библиотеки по этому вопросу.

3. Азадовский, М. К. и Слободский, М. Декабристы в Сибири. Библиографические материалы. — Сибирь и дек., 166—182.—384 номера. Указатели: географический, собственных имен и систематический.—См. еще № 20—отдельн. оттиск.

4. Козьмин, Б. П. и Мандельштам, Р. С. Революционное движение в России XVII—XX в.в. Систематический указатель литературы, вышедшей в 1924 году. Составили Б. П. Козьмин и Р. С. Мандельштам. М., Изд-во Всесоюзного Общества Политкаторжан и ссыльно-поселенцев, «Мосполиграф», 16-я тип. 1925. (1926)^а, (24×16), 76 стр. +(4) стр. объявл. 50 коп. 3000 экз. На обороте тит. листа: Приложение к журналу «Каторга и Ссылка» за 1925 г.—Стр. 10—11: Декабристы. (19 №№).

5. Кубалов, Б. Г. Архив декабристов.—Сибирь и дек., 183—207.

6. Леонов, Н. Декабристы. (По художественной литературе и документам). 1825—14 (26) декабря—1925.—НУ. 1925, XII, Среди книг, 100—105.

7. Литература о декабристах. 27(14) декабря 1825 г.—27 декабря 1925 г.—Железнодорожник (М.) 1925, № 11—12, стр. 90—91.

8. Нечкина, М. В. и Сказин, Е. В. Семинарий по декабризму. Под ред. (и с предисл.)² В. Невского. М., Изд-во «Прометей», тип. 31-я МСНХ. «Красный Печатник», аренд. «Прометей». 1925. (23×15). 146+(2) стр. 1 руб. 10 коп. 5000 экз.—128 тем с постановкой вопросов к ним и библиографией. Рец.: И. 1925, 3 дек. А. Шафир.—ЗВ. 1925, 25 дек.—Кн. 1926, № 1 (122), 8 янв., 24. Ю. Бочаров.

9. Переселенков, С. А. Дневники и мемуары декабристов (и их жен)². Библиографический указатель.—Б. 1925, № 5 (33). 240—262.—235 номеров.

10. Розанов, Ив. Декабристы при свете новейших изысканий.—НУ. 1925, XII, 19—23.

11. Селванов, Вл. Декабристы. 1825—1925. Систематический указатель русской литературы. Л., (Изд-во)³ «Колос», тип. Пуокра. 1925. (18×13). 160+III (опечатки) стр. 70 коп. 5000 экз.—Содержание. Предисловие. Стр. 5.—Список сокращений. 10.—I. Документы, принадлежащие декабристам. 13.—II. Общие пособия о декабристах. 46.—III. Тайные общества. 57.—IV. Возмущение Семеновского полка. 59.—V. 14 декабря 1825 года. 62.—VI. VI. Восстание Черниговского полка. 78.—VII. Следствие, суд и казнь 79.—VIII. Декабристы после суда: тюрьма и ссылка. 83.—IX. Литература об отдельных декабристах. 89.—X. Отголоски движения декабристов и события 14 декабря. 142.—Дополнения к гр. II.—«Общие пособия о декабристах». 145.—Алфавитный указатель авторов. 147.—Часть тиража издания перешла к Всесоюзному Об-ву Политич. Каторжан и Ссылочно-поселенцев. Титульный лист и обложка были перепечатаны заново. По поводу книги см.: Сказин, Евгений. Письмо в редакцию. Кн. 1925, № 36—37 (117—118), 30 нояб., 29.—Б. 1925, № 6(34), Библиография. 232—235. Марк Азадовский.—КЛетопись 1926, № 2 (17), Библиография, 191—192. И. Троицкий. Из юбилейной литературы о декабристах.

12. Сказин, Е. В. К библиографии восстания 14 декабря 1825 г.—Вест. Комм. Академии 1925, X, 333—354. (Приложение).—Дано 418 №№.

13. Сказин, Е. Что читать по истории движения декабристов.—Кн. 1925, № 30(111), 12 сент., 3—5.

14. Сказин, Е. Что читать о декабристах. (К столетнему юбилею восстания. 1825 г.).—Звезда (Новгород) 1925, 11 нояб.—Первоначально обзор этот был помещен в «Бюллетене «А» № 91. Прессбюро Отдела Печати ЦК РКП». Москва. 7-го ноября 1925 г. Кроме вышеуказанной перепечатки, имеются еще след. с теми или иными сокращениями и без подписи: Курская П., 1925.

19 нояб.—Псковский Набат 1925, 3 дек.—КЗнамя (Томск) 1925, 13 дек.—Изд. (Одесса) 1925, 22 дек.—В. 1925, 25 дек.

14а. **Струмило, Б. К.** Столетию восстания декабристов.—Новая Книга (Л.) 1925, № 5—6, стр. 9—14, с илл.: С. И. Муравьев-Апостол; М. П. Бестужев-Рюмин; Е. П. Оболенский. (Из выпущенного Госуд. Изд-вом сборника «Музей Революции»).—Обзор юбилейных изданий о декабристах, выпущенных Госуд. Изд-вом.

15. **Харчевников, А. В.** Книжное наследие декабристов в коллекциях Читинского музея.—Дек.—Забайкалье, 98—111.—Список 65 книг.

16. Что читать о декабристах. (Одесская)² Публичная Библиотека. (К столетию восстания декабристов 14 (26) декабря 1825 г.)—Изд. (Одесса) 1925, 18 дек.

17. **Шипов, А.** Романы и повести о декабристах.—НУ. 1925, XII, Среди книг, 105—108.—Миклашвичева. Юлий Словацкий.—Я. Полонский.—Данилевский.—Вс. Соловьев.—Лесков.—Д. С. Мережковский.—Ашуркин.—А. Дюма (отец).—Г. Чулков.

18. **Штрайх, С. Я.** К юбилею декабристов. (Обзор литературы)³.—«Молодая Гвардия» (М.). 1925, VII, Критика и библиография, 157—161.

19. **Штрайх, С. Я.** К юбилею декабристов. М., типо-лит. 3-я «Транспечати», 1925. (17×11). 16 стр. (Б. ц.). 100 экз.—(Отд. оттиск из журн. «Молодая Гвардия», 1925, № 7)¹.

20. **Азадовский, М. и Слободский, М.** Декабристы в Сибири. (Библиографические материалы). Иркутск, 1-я Гостило-лит. 1925. (1926)³. 19 стр. (26×18). (Б. ц.). 100 экз.—(Отдельн. оттиск из сборника «Сибирь и Декабристы», стр. 166—182)¹.

20а. **В. М. (Мяковский, В.)²** Революционн. видозви про декабристов.—Дек. на Украине, 188—198.—Перепечатаны след. издания: 1) Киевский социал-демократический листок. 14 декабря 1902 года. № 3. Памяти декабристов (189—190); 2) Противники самодержавия в современном офицерстве. (Листок)³. Изд. Киевск. Комитета Рос. Соц.-Дем. раб. партии (191); 3) «14-го декабря 1825 г. на Исакиев-

ской площади»... Киевский Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей партии. Киев, 14 декабря 1903 года (192—194); 4) Памяти декабристов. 1825—1903. Екатеринбургский Комитет Р. С.-Д. Р. П. 14-го декабря 1903 года. Типография Екатеринбургского Комитета (194—196); 5) К офицерам. Киев, 14-го декабря 1903 г. Киевский Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей партии (196—198).

21. **Вознесенский, С.** Библиографические материалы для словаря декабристов. Составил С. Вознесенский. Л., Госуд. Публичная Б-ка, тип. «Красная Звезда». 1926. (24×16). 152 стр. 2 руб. (Серия II. Материалы по Истории Русской Науки, Литературы и Общественности). 2.000 экз.—Рец.: Кн. 1926, № 5 (126), 6 февр., 26. И. Картавцов.—КС. 1926, № 3(24), Библиография, 278—280. И. Картавцов.

22. **Гессен, Сергей.** Декабристы перед судом истории. (1825—1925). С предисловием Б. Л. Модзалевского. Л. (и М.), Изд-во «Петроград», тип. «Красная Газета» им. Володарского в Лгр. 1926. (20×14). 296 стр. 2 руб. 75 коп. 3.000 экз.—Обложка: Д. Митрохин. 1925.—Оглавление. Предисловие. Б. Л. Модзалевского. Стр. 3.—От автора. 7.—Гл. I. Официальные донесения и правительственная печать. 9.—II. Декабристы в оценке современного общества. 20.—III. Декабристы и современные литераторы. 50.—IV. Пушкин и декабристы. 81.—V. Самооценка декабристов. 97.—VI. Тридцатые и сороковые годы. 144.—VII. Шестидесятые годы. 152.—VIII. Эпоха увлечения декабристами. 178.—IX. Официальные историки о декабристах. 191.—X. Декабристы в современной русской историографии. 208.—XI. Декабристы в освещении революционеров и социалистов. 237.—XII. Декабристы в оценке советской печати. 261.—XIII. Декабристы в изыщной литературе. 272.—Заключение. 291.—Рец.: Кн. 1926, № 3—4, (124—125), 29 янв., 34—35. Е. Сказин.—СибО. 1926. I—II. янв.—апр., 240—243. Марк Азадовский.

22а. **Нечкина, М. В.** Столетие восстания декабристов в юбилейной литературе (1825—1925 г.г.).—Исто-

рик-Марксист, т. II (1926 г.), Библиография, 238—250.

Официальные документы

23. Восстание декабристов. Том I. (Дела Верховного Уголовного Суда и Следственной Комиссии, касающиеся государственных преступников. Том I. Под ред. А. А. Покровского)¹. М. (и) Л., Госуд. Изд-во, «Мосполиграф», 16-я тип. в Мск. 1925. (МСМХХV)¹. (27×18). XIX+539 стр.+ (4) вклад. лист. факсимиле. 6 руб. (Центрархив). 2.200 экз.—На оборотной стороне титульного листа заглавие: «Материалы по истории восстания декабристов. Под общ. ред. и с предисл. М. Н. Покровского». — Оглавление. Предисловие. М. Н. Покровского. Стр. VII.—Следствие над декабристами. А. Покровского². XIII.—Дело кн. С. П. Трубецкого. I.—Дело К. Ф. Рылеева. 147.—Дело кн. Е. П. Оболенского. I. 219.—Дело Н. М. Муравьева. 287.—Дело П. Г. Каховского. 333.—Дело кн. Д. А. Щепина-Ростовского. 391.—Дело А. А. Бестужева. 423.—Дело М. А. Бестужева. 475.—Приложение. Следственные дела декабристов. А. Покровский. 497.—Указатель. 529.—Факсимиле: Собственноручное показание кн. С. П. Трубецкого от 15 декабря 1825 г. (см. стр. 6). К стр. 17.—Собственноручное показание К. Ф. Рылеева от 14 декабря 1825 г. (см. стр. 152). 161.—Собственноручное письмо Н. М. Муравьева к Николаю I (см. стр. 295). 305.—Собственноручное письмо П. Г. Каховского к Левашеву от 14 мая 1826 г. (см. стр. 371). 385.—Рец.: Изв. (Одесса) 1925, 31 июля. Б. И.—НижКом. 1925, № 213, 18 сент.—Изв. (Саратов) 1925, 9 авг. А. Г.—П. 1925, № 235, 14 окт. Ст. Кривцов.—И. 1925, № 276, 3 дек. А. Шафир.—ПР. 1925, VIII, дек., 195—198. Н. Пиксанов.—Кн. 1925, № 25. (106), 22 июля, 13. Е. Сказин.—КЛетопись 1925, № 4(15). Библиография, 258—261. А. Шебунин.—Пролет. Рев. 1925, № 2(49), Библиография, 251—253. Е. Моро-

ховец.—Современ. Записки, т. XXVI (Париж 1925), Критика и библиография, 488—494. А. Кизеветтер.—Б. 1926, № 1(35), Библиография, 197—199. Н. Лавров.

23а. Восстание декабристов. Материалы. Т. II. (Дела Верховного Уголовного Суда и Следственной Комиссии, касающиеся государственных преступников. Т. II. К печати приготовил А. А. Покровский)¹. М. (и) Л., Госуд. Изд-во, 1-я Образцовая тип. Госиздата в Мск. 1926. (МСМХХVI)¹. (28×19). (7)+484 стр. 6 руб. (Центрархив). 5.000 экз.—На обороте титульного листа заглавие: «Материалы по истории восстания декабристов. Под общ. ред. и с предисл. М. Н. Покровского». — Оглавление и е. Дело А. П. Арбузова. Стр. 1.—Н. А. Бестужева. 55.—Н. А. Панова. 99.—А. Н. Сутгофа. 117.—В. К. Кюхельбекера. 133.—И. И. Пушкина. 201.—Кн. А. И. Одоевского. 239.—А. И. Якубовича. 275.—Н. Р. Цебрикова. 305.—Н. П. Репина. 353.—От редакции. 377.—Указатель. 414.—Рец.: Призыв (Владимир) 1926, № 155, 9 июня.

24. Восстание декабристов. Материалы. Т. VIII. (Дела Следственной Комиссии о злоумышленных обществах. Т. VIII. Алфавит декабристов. Под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса)¹.—Л., Госуд. Изд-во, тип. «Печатный Двор». (МСМХХVI)¹ 1925. (23×16). (4)+431+(2) стр.+ (2) стр. объявл. 4 руб. 50 коп. (Центрархив).—На оборотной стороне титульного листа: «Материалы по истории восстания декабристов. Под общ. ред. и с предисл. М. Н. Покровского». — Содержание. Предисловие редакторов. Стр. 3.—«Алфавит членам бывших злоумышленных тайных обществ и лицам, прикосновенным к делу произведенному Высочайше учрежденною 17 декабря 1825 года Следственной Комиссиею. Составлен 1827 года».

Текст по рукописи Государственного Архива. 19.—Приложения (Дополнения к Алфавиту) (219—261). А. Возмущение Черниговского полка. 220.—Б. «Общество Военных Друзей». 233.—В. Отдельные лица. 249.—Г. К восстанию Московского полка. 261.—Указатель к алфавиту. 263—432.—Рец.: ЗВ. 1925, 25 дек.—СЮг 1926, № 9, 12 янв.—Пролет. Рев. 1926, № 2(49), Библиография, 253. Е. Мороховец.—КЛетопись 1926, № 2(17), Библиография, 188—189. И. Троицкий. Из юбилейной литературы о декабристах.

25. Кубалов, Б. Г. Особый комитет 1826 года («для совещания об образе присмотра в местах ссылки за осужденными по решению Верховного Уголовного Суда и о других обстоятельствах до них относящихся»)*. (Историческая справка).—Дек. на каторге, 337—342 (приложение).—Извлечение из ранее напечатанной статьи его же «Декабристы в Иркутске и на ближайших к нему заводах». Ср. №№ 158, 160.

26. Роспись государственным преступникам приговором Верховного Уголовного Суда осужденным к разным казням и наказаниям.—Факел (Киев) 1925, № 6, апр., 6—7.—Воспроизведены (факсимиле) две страницы «Росписи» из изд. 1826 г. К воспроизведению дан очерк суда над дкб-ми, несколько строк.

27. Чернов, С. Н. К истории фонда Следственной Комиссии и Верховного Уголовного Суда по делу декабристов.—Архивное Дело. Вып. III—IV. М., Изд-во Центроархив. 1925. Стр. 108—113.—Справки о внутренней нумерации и целости бумаг П. И. Пестеля, Н. А. Крюкова 2-го и кн. А. П. Барятинского, разобранных Н. П. Павловым-Сильванским (1900—1903 г.г.) на восемь дел №№ 473—480, составивших VI часть фонда IV, хранящегося ныне в Особом Отделе Архива Октябрьской Революции в Москве.—Соображения о принадлежности Н. А. Крюкову 2-му «Записной книжки П. Ив. Пестеля» (по описи «дело» № 475).—Письмо в кн. Константина Павловича к И. И. Дибичу (Варшава, 16 июля 1826 г. № 432) с предложением

сжечь «мерзкие бумаги» части упомянутого выше фонда.

27а. Багалий, Дм., акад. З. истории декабристского руху на Слободский Украины.—Рух дек. на Украини, 169.—181.—Следственные документы (173—181) по делу об участии (по доносу Шервуда) в тайном обществе графов Булгари: Андрея (иностранца), Никол. Яков., Спир. Никол. и Якова Никол.

27б. Покровский, А., проф. Долидства над декабристами. (Нови материали).—Рух дек. на Украини, 40.—72.—В приложении (59—72) помещено «Начальное образование общества». В. А. Перовского с автографа (1-я пол. 1826 г.), поступившего в Одесский Губ. Архив при разработке фамильного архива Шемнота. Рукопись содержит экстракт из показаний Штейнгеля, Трубецкого, Пестеля, Батенькова, Арбузова, А., Юшневского и др.

27в. Стратен, В. и Трифильев, Е. До материалив про декабриств. (На подставив даних Одеського историчн. архиву).—Рух. дек. на Украини, 77.—97.—Документы относительно к арестам и надзору за декабристами и лицами, причастными к движению декабристов (Г. Олизар, И. Липранди, Н. Булгари, В. Романов, А. Гангелбов, К. Игельстром, А. Вегелин, Н. Лорер, С. Палицин, В. Толстой, кн. С. Трубицкий, А. Фролов). Публикация отрывков из материалов Новороссийского генерал-губернаторства.

27г. Имущественное положение декабристов. С предисловием С. Н. Чернова.—КА. 1926, т. 2(15), стр. 164—213.—«Записка о состоянии, о домашних обстоятельствах ближайших родных государственных преступников, по приговорам Верховного уголовного суда осужденных». (Архив Октябрьской Революции, особый отдел, л. В. Дело № 315, л. л. 304—350). Записка (стр. 167—199) сопроваждена: 1) подстрочными примечаниями и 2) особым приложением (199—213) в виде сводки опущенных при ее составлении сведений с мест. Выделены и личные показания или объяснения родственников или самих декабристов («напр., «объяснение» кн. Ф. П. Шаховского. (208—211), написанное им 5. X. 1826. Туруханск).

Историческая литература о декабристах

1. Общие труды, исследования, статьи и проч.

28. Авл. «Французский парламент» в Петрозаводске.—КС. 1924, № 6(13), 132—134.—Тайное шуточное общество чиновников в 1821 г., допрос членов его в 1826 г. в связи с декабрьским восстанием.

29. Игнатович, И. И. Борьба крестьян за освобождение. Л. (и) М., Изд-во «Петроград». 1924.—Стр. 39—112: «Крестьянские волнения 1826 г. в связи со слухами о воле и о 14-м декабря 1825 г.».

30. Коц, Е. Крестьянское движение в России. (От Пугачевщины до революции 1905 г.). Пгг. Кн-во «Сеятель» Е. В. Высоцкого. 1924. 8° 201+(6). стр.—«Декабристы и отклики 14 декабря». 44—58.

31. Плеханов, Г. В. Сочинения. Том. X. Под ред. Д. Рязанова. М., (и) Птр., Госуд. Изд-во. (1924)* 8°. (4)+422 стр. (Институт К. Маркса и Ф. Энгельса. Библиотека Научного Социализма. Под общей ред. Д. Рязанова).—Стр. 351—372: 14-е декабря 1825 года. (Речь, произнесенная на русском собрании в Женеве 14-го (27-го) декабря 1900 года). Ср. № 89.

32. Покровский, М. (Н)*. Очерки русского революционного движения XIX и XX в.в. Лекции, читанные на курсах секретарей уездных комитетов РКП(б) зимою 1923—24 г. М., Изд-во «Красная Новь». 1924.—Стр. 19—44: Декабристы.—Рец.: ПР. 1925, I, 211—213. В. Невский и др. Стр. 211: Замечания об аграрной сути программы дкб-в.—Пролетар. Рев. 1925, XII, 294—298. Е. Мороховец. Стр. 295: Замечания о дкб-х.

* 33. Покровский, С. А. Общественно-историческая теория в планах декабристов.—Научн. Изв. Смоленск. Университета. 1924, т. 2.

34. Рожков, Н. Русская история в сравнительно-историческом освещении. (Основы социальной динамики). Т. X. Разложение старого порядка в России в первой половине XIX века. Л., Изд. Т-во «Книга». 1924. Стр. 118—166: Декабристы

(В гл. 35-й—«Россия в двадцатых годах XIX века»).

35. Сакулин, П. (Н)*. Русская литература и социализм. Часть первая. Ранний русский социализм. Второе переработанное издание.—М., Госуд. Изд-во. 1924.—Декабристы.—«Русская Правда» П. И. Пестеля. 70—73.—Н. П. Огарев и декабристы. 169.—Я. Н. Толстой тайный агент русского правительства. 247—249. А. С. Пушкин и декабристы. 433—434. См. также упоминания о декабристах по указателю имен.—1-е изд.—М., Госуд. Изд-во 1922.—Рец., с упоминанием о декабристах: В. М. Фриче. Русский социализм в художественной литературе. ПР. 1923, II, 63—68. Др. рец.: указаны в предисловии ко 2-му изд., стр. 4, примеч.

36. Шебуний, А. Н. Из истории дворянских настроений 20-х годов XIX века.—Борьба Класов (Л.) 1924, № 1—2, стр. 50—76.—Совпадение дворянских настроений с заявлениями декабристов П. Г. Каховского, А. А. Бестужева, Булатова, кн. С. П. Трубецкого, бар. В. И. Штейнгеля, Рылеева. 71—74.

37. Авл. Из далекой старины.—КС. 1925, № 8(21), стр. 252—260.—I. Преступление рабочего Рогожкина. 252.—II. «Сомнение недоумевающего о самом себе». 259.—III. Стронник Константина. 254.—IV. «Нелепые слухи». 254.—V. Меры предосторожности. 257.—VI. «Несообразность в умопредставлениях». 258.—VII. «Лекарство против безрасудного торизма». 258.—VIII. «Второй Рылеев». 259.

38. Алексеев, М. П. Немецкая поэма (Адальберта Шамиссо де Бонкура «Die Verbannten» 1831 г.) о декабристах (Рылеев и А. Бестужеве)*.—Бунт дек., 372—382.—Источник поэмы—рассказ доктора Эрмана о встрече с Бестужевым в Якутске в начале 1829 г. Ср. № 636а.

39. Базилевич, В. Областное деление Сибири в проектах декабристов.—Сибирь и дек., 41—46.—Гр. М. А. Дмитриев-Мамонов и М. Ф. Орлов.—Н. Н. Моисильцев.—Никита Муравьев.—П. И. Пестель.

40. Декабристы Крюковы, Вольф, Фаленберг и Борисовы в 1845 г. Сообщ. В. М. Базилевич.—Б. 1925, № 5(33), стр. 142—144.—Заключительная часть большого, в 12 страниц почтового формата, письма М. К. Юшневской к брату мужа С. П. Юшневскому (26.XI 1845 г. Малая Разводная).

41. Балабанов, М. История революционного движения в России. От декабристов к 1905 году. (Киев)². Госуд. изд. Украины. 1925. Гл. II. Декабристы (17—46).—Рец.: КС. 1925, № 5(18), стр. 314—317. А. Шестаков (Никодим). (Стр. 315—316). Замечания об отсутствии экономич. анализа классов группировок среди дек-в и о построении всей работы на «идеалистическом песце»).

42. Бродский, Н. Л. Декабристы в русской художественной литературе.—КС. 1925, № 8 (21), стр. 187—226.

43. Гудзий, Н. (К)². Поэты декабристы. (I. К. Ф. Рылеев. II. А. И. Одоевский. III. В. К. Кюхельбекер. IV. А. А. Бестужев-Марлинский)².—КС. 1925, № 8 (21), стр. 172—186.

44. Декабристы. Неизданные материалы и статьи под ред. Б. Л. Модзалевского и Ю. Г. Оксмана. М., Изд-во Всесоюзного О-ва Политкорржа и Ссылочно-поселенцев, тип. Изд-ва Брокгауз-Ефрон в Лгр. 1925. (24×16). XV+336. стр. (6) вклад. лист. портр. и иллюстр. 3 руб. (Труды Пушкинск. Дома при Росс. Акад. Наук). 5.000 экз. Обложка А. Лео—Оглавление. (Стр. VII).—От Пушкинского Дома. Н. А. Котляревского. IX.—От Редакторов. XIII.—I. Восстание и его ликвидация. 1825—1826 (3—50). Восстание Черниговского пехотного полка. (Новые материалы). Ю. Г. Оксмана. 5.—Донесение тайного агента о настроении умов в Петербурге после казни декабристов. Б. Л. Модзалевского. 37.—Записка о «Донесении Следственной Комиссии». Б. Л. Модзалевского. 44.—II. Отзвуки декабрьских событий 1825 г. в Новороссии (51—96). Поимка поручика И. И. Сухинова. (По не-

изданным материалам). Ю. Г. Оксмана. 53.—Письмо В. И. Сухачева к гр. М. С. Воронцову из Таганрогского тюремного замка. Ю. Г. Оксмана. 75.—Мытарства декабриста Ринкевича. Ю. Г. Оксмана. 81.—Последняя попытка «облегчения участи» А. А. Бестужева. Ю. Г. Оксмана. 89.—III. Каторга и поселение (97—154). Декабристы на пути в Сибирь. Донесение сенатора князя Б. А. Куракина. 1827. Б. Л. Модзалевского. 99.—Переход декабристов из Читы в Петровский завод. Дневник барона В. И. Штейнгеля. 7. VIII—1830—23. IX. С двумя видами местностей и планом Петровского завода. Б. Л. Модзалевского. 128.—Жуковский и братья Тургеневы. Б. Л. Модзалевского. 149.—IV. Писания и письма декабристов (155—276). Три письма В. К. Кюхельбекера к Е. П. Оболенскому. С портретом Кюхельбекера. Б. Л. Модзалевского. 157. Письмо декабриста С. Г. Краснокутского. Ю. Г. Оксмана. 165.—Г. С. Батеньков о Сперанском. С портретом Батенькова. С. П. Шестерикова. 168.—Замечания декабриста Штейнгеля на воспоминания Е. П. Оболенского о Рылееве. С портретом Штейнгеля. Б. Л. Модзалевского. 182.—Д. И. Завалишин в борьбе за опубликование своих записок. Ю. Г. Оксмана. 185.—Декабрист Вадковский в его письмах к Е. П. Оболенскому: А. А. Сиверса.—197.—Письма и рисунки А. И. Якубовича. С двумя снимками. П. М. Устиновича. 230.—Письма декабриста Оболенского к С. Н. и Н. С. Кашкиным. Сообщил и пояснил Б. Л. Модзалевский. 238.—V. О декабристах (277—324). Н. П. Огарев и декабристы. С. А. Переселенкова. 279.—Достоверный о декабристах. Е. Б. Покровской. 317. Указатель имен. 325.—Иллюстрации на вкл. лл.: «Ключи. Дневка 11-го августа 1830 года». С рисунка сепией, принадлежавшего И. И. Пушкину. 137.—«Ужир». Дневка 22-го августа 1830 г.» С рисунка сепией, принадлежавшего И. И. Пушкину. 139.—«Петровский железный

завод за Байкалом. Фасад тюрьмы». План, сообщенный М. И. Семевскому М. А. Бестужевым в 1861 г. 149.—Вильгельм Карлович Кюхельбекер. По фотографии с оригинального рисунка. 161.—Гавриил Степанович Батеньков. С портретом дочери декабриста С. Г. Волконского—Елены Сергеевны. По фотографии с натуры начала 1860-х годов. 169.—Барон Владимир Иванович Штейнгель. По фотографии с портрета, принадлежавшего в 1884 г. А. В. Баранову в г. Бирске. 183.—В тексте: Снимок с части письма А. Якубовича к О. А. Лепарскому. 234.—Снимок с шуточного диалога, написанного рукою А. Якубовича. 237.—Рец.: ЛП. 1925, 19 сент. В.—ВМ, 1925, 17 окт. Ю.—Забайкальский Р. 1925, 9 авг. Вл. Г. (Гирченко, Вл.). Новое о декабристах.—ПР. 1925, VIII, дек., 194—195. Н. Пиксанов.—И. 1925, 3 дек. А. Шафир.—ЗВ. 1925, 25 дек.—Гирченко, В. Литература о декабристах. Жизнь Бурятии 1925, I—II, 121—124.—КЛетопись 1925, № 3 (14), Библиография, 276—278. И. Троицкий.—Современ. Записка, т. XXVI (Париж 1925), Критика и библиография, 494—496. А. Кизеветтер.—Северная Азия (М.) 1925, V—VI, Библиография, 198—200. Марк Азадовский.—Б. 1925, № 6(34). Библиография, 235—236. А. Шебунин.

45. Звавич, И. Восстание 14 декабря и английское общественное мнение.—ПР. 1925, VIII, дек., 31—52.

46. Золотарев, Мих. Е. Общественно-политические взгляды декабристов.—Сибирь и дек., 5—13.

47. История дуэли члена Северного тайного общества Чернова с флигель-адъютантом Новосильцевым. Л., тип. Госуд. в аренде М. Волковича. (1925)². (27×20). 8 стр. (Б. ц.). (О-во Изучения, Популяризации и Художественной Охраны «Старого Петербурга» и его окрестностей. Отд-ние О-ва в Северных Окрестностях). 1.000 экз.

48. Письма декабристов. Сообщ. Б. Г. Кубалов.—Сибирь и дек., 121—165. I. И. Анненков к ген.-губ. Броневскому. 3/II 1837. Бельск. 122—2. Ему же. 27/V 1837. Бельск. 122.—3. П. Беляев к ген.-губ.

Броневскому. (Минусинск, 1836 г.)². 123—4.—А. Беляев—ему же. 29/IX 1836. (Минусинск?). 123—124.—5. Н. и М. Бестужевы к ген.-губ. В. Я. Рупперту. 20/II 1840. Селенгинск. 124.—6. М. Бестужев к ген.-губ. М. С. Корсакову. 19/IV 1866. (Селенгинск)². 125.—7. Ему же. 30/IX 1866. Селенгинск. 125—127.—8. А. Борисов к ген.-губ. В. Я. Рупперту. 18/III 1841. С. Подпалочное (Иркут. губ.)². 127—128.—9. П. Борисов—ему же. 18/III 1841. С. Подпалочное. 129.—10. Ф. Вадковский к исправнику Клавдию Корнеевичу. (Мазурское селение. 1840 г.?)². 129.—11. Ему же. 21/VII 1840. (Мазурское селение?)². 129—30.—12. А. В. Пятницкому. 10/X 1840. (дер. Оек?)². 130.—13. В. Я. Рупперту. 16/III 1841. Оек. 130.—14. Ему же. 21/VIII 1842. (Оек?)². 131.—15. Прошение Ап. Веденяпина на имя ген.-губ. Рупперта. 10/V 1835. г. Керенск. 131—133.—16. То же в Керенское Общее Присутствие. 20/IV 1835. г. Керенск. 133.—17. Письмо его же к ген.-губ. В. Я. Рупперту. 13/II 1839 г. Керенск. 134—135.—18. Объяснение Ап. Веденяпина И. Б. Цейдлеру. 25/VII 1841. Иркутск. 136—137.—19. Показания П. Громницкого, данные им Глейму и Успенскому. 2/IV 1841 (Иркутск)² по поводу обвинений его в переписке и распространении противоправительственных сочинений М. С. Лунина. 137—139.—20. Письмо П. Громницкого к ген.-губ. В. Я. Рупперту. 3/II 1842. Бельск. 139.—21. То же к исправл. обязанности иркутского земского исправника Матвею Ивановичу Н. 27/V 1844. Бельск. 139—140.—22. К. Игельстром к гр. А. Х. Бенкендорфу. 8/IX 1834. Тасеевск. 140—141.—23. Он же к А. А. Крюкову (с Тасеевское 1834 г.?)². 141—143. (С текстом правил предписанных ему Канским земским исправником Шевелевым)².—24. В. Колесников к ген.-губ. Лавинскому. 18/IV 1833. Качугская слобода. 144—145.—25. С. Краснокутский к гражд. губ. Енис. губ. В. И. Степанову. 31/III 1831. Минус-

синке. 145.—26. Он же. к гр. А. Х. Бекендорфу. 23/II 1832 г. Красноярск. 146—147.—27. Он же к Енис. гражд. губ. В. И. Степанову. 2/1 1836. Красноярск. 147.—149.—28. М. С. Лунин к Александру Николаевичу № 27/II (1841)³. Урик. 149—150.—29. Ответы М. С. Лунина на вопросы пристава Газимуровскресенской дистанции о собственных деньгах. 24/VI 1841. Р. Акатуевский. 150.—30. То же по поводу найденных у него денег, ружей и охотничьих припасов. Рудник Акатуевский. 9/IX 1841. 151 (с факсимиле письма)³. 31.—П. Муханов к ген.-губ. А. В. Пятницкому. 9/VIII 1844. с. Усть-Куда. 151—152.—32. Е. Оболенский к И. А. Петухову, управителю Усольского Солеваренного завода. 3/X 1826. 152.—33. М. Спиридов к ген.-губ. Рупперту. 20/XII 1841. Красноярск. 152. 154—156.—34. И. Шимков к Иркутск. гражд. губ. И. Б. Цейлеру. 21/III 1833. Слобода Батуринская (Забайкальской обл.)³. 156.—157.—Объяснения И. Шимкова о неурожае хлеба и дороговизне. 28/V 1833. Сл. Батуринская. 157—158.—35. И. Шимков к окружному начальнику. 27/II 1834. С. Батуринская. 158—36. Объяснения И. Шимкова по поводу предписания Верхнеудинского Окружного Управления Итанцянскому Волостному Голове от 25/VIII 1834 и повторенного 25/X 1834 о невозможности переселения Шимкова в г. Минусинск. 30/X 1834. (Сл. Батуринская)³. 158—159.—37. И. Шимков к С. Б. Броневскому. 9/IX 1835. С. Батуринская. 160—161.—38. Просьба И. Шимкова об оставлении его в прежнем месте жительства. Не датировано. (1835 г. Сл. Батуринская)³.—39. Письмо И. Шимкова о том же к С. Б. Броневскому. 3/XII 1835. С. Батуринская. 162—163.—40. Завешание И. Шимкова. 19/VIII 1836. 163—164—41. Просьба А. Якубовича о перемещении его в с. Назимово. 20/XI 1840. Разводная. 165.

49. **Ладыженский, А. М.** Декабристы. Мировоззрение, организация, выступление.—Из эпохи борьбы с царизмом. V (1926). 5—38. С илл.

50. **Лернер, Н. О.** Мелочи прошлого. Из прошлого русской революционной поэзии.—КС. 1925. № 8(21), стр. 238—247.—I. «Подражание французскому». 238.—II. «Фонарь». 241.—III. Отголосок суда над декабристами. 241.—IV. Стихи о наводнении. 243.

51. **Лернер, Н. О.** Из переписки Л. В. и А. Н. Дубельт.—Б. 1925, № 5(33), стр. 146—148.— Письмо А. Н. Дубельт к мужу Л. В. Дубельт (вероятно 1850 г.) о выходе замуж дочери М. Н. Волконской, Елены Сергеевны, с воспоминаниями о «Машеньке Раевской».

52. Месяцеслов на 1827 год (изданный Академией Наук)³. Собщ. А. С. Николаев.—КА. 1925, т. 6(13), стр. 314—320.—С. перепечаткой статей, где даны заметки о 14 декабря, о подавлении 3 января 1826 г. восстания С. Муравьева, об учреждении 1 июня Верховного Уголовного Суда, о конфирмации 10 июля приговора и о казни 13 июля.

53. **Модзалевский, Б. Л.** Донесение тайного агента (III Отделение С. И. Висковатова, 18/VII (1826)² о настроении умов в Петербурге после казни декабристов.—Дек., 37—43.

54. **Модзалевский, Б. Л.** Записка (М. Я. Фон-Фока, 7/V (1826)² о «Донесении Следственной Комиссии».—Дек., 44—50.

55. **Назаренко, Я. А.** История русской литературы XIX века. Допущено Государственным Ученым Советом как пособие для школ взрослых. Л. (и) М., Госуд. Изд-во. 1925. 8° (1)+IV+(3—384) стр.—§ 3. Тайные общества. Декабристы. С. 17. § 4. Политические и социальные идеи декабристов. 23. § 8. К. Ф. Рылеев. Поэзия—призыв к гражданской свободе. 39—42.—2-е изд. М. (и) Л., Госуд. Изд-во. 1926.

56. **Переселенков, С. А. Н. П.** Огарев и декабристы.—Дек., 279—316.

57. **Покровский, М. (Н)³.** Два вооруженных восстания. (1825—1925).—Под Знаменем Марксизма 1925, XII, 5—16.

58. **Покровский, М. Н.** Предисловие к 6 (13)-му тому «Красного

Архива» за 1925 г., посвященному 100-летию юбилею декабристов)³.—КА. 1925, т. 6(13), стр. V—VIII.

59. **Покровский, Ф. И.** Расходы Государственного Казначейства на «декабристов».—Б. 1925, № 5(33), стр. 79—108.—1) Именные указы министру финансов, декретирующие отдельные ассигнования из государственного казначейства, и 2) извлечения из сводных ведомостей министерства финансов о суммах, назначенных для выдачи разным лицам и на разные потребности, по особым высочайшим повелениям, объявлявшиеся министру финансов начальниками и главноуправляющими ведомств.

60. **Пресняков, А. Е.** Тайные общества и общественно-политические воззрения декабристов.—КС. 1925, № 8(21), стр. 35—64.

61. **Рожков, Н.** Декабристы.—НУ. 1925, XII, 14—18.

62. **Розанов, И. Н.** Поэты двадцатых годов XIX века. М., Госуд. Изд-во. 1925. 8°. 151 стр. (Критико-биографическая серия).—Стр. 113—133, 139—141, 148—150; К. Ф. Рылеев. Характеристика. Хронологические даты. Литература.

63. **Рубинштейн, Н. Л.** Экономическое развитие России в начале XIX в., как основа движения декабристов.—КС. 1925, № 8(21), стр. 9—34.—Рец.: Историк-Марксист (М). 1926, т. I, Библиография. 304—305. А. В. Шестаков.

64. **Рыбаков, И. Ф.** Тайная полиция в «семеновские дни» 1820 г. (По неопубликованным материалам Диканьского архива кн. В. П. Кочубея).—Б. 1925, № 2(30), стр. 69—86.—Рец.: КС. 1925, № 6(19), стр. 261—262. Читатель.

65. **Слабченко, М. Е.** Материалы до экономично-социальной истории Украины XIX столетия. Том первый. (Одесса)². Державне Видавництво України. 1925. 8°. VIII+318 стр. С. 97—101: взгляды дкб-в Рылеева, Фонвизина, Трубецкого, Никиты Муравьева, Пестеля и Об-ва Соединен. Славян на Украину; междуцарствие, присяга Константины и Николаю на Украине; восстание Черниговского полка.

66. **Сыроечковский, Б. Е.** Записка А. К. Бошняка.—КА. 1925, т. 2(9), стр. 195—225.

67. (М. А.)². Корф в полемике с Герценом. Сообщ. Б. Е. Сыроечковский.—КА. 1925, т. 3(10), стр. 308—317.

68. К. П. Романов в характеристике княгини Д. Х. Ливен. Сообщ. Б. Е. Сыроечковский.—КА. 1925, т. 3(10), стр. 305—308.

69. **Тарле, Евг.** Военная революция на западе Европы и декабристы.—КС. 1925, № 8 (21), стр. 113—124.

70. **Троцкий, И.** Ликвидация Тульчинской управы Южного Общества.—Б. 1925, № 5(33), стр. 47—74. Кроме печатных материалов, использованы документы, находящиеся в «Деле о тайном обществе 1825 года, составляющем начальные действия и переписку генерал-адъютанта Чернышева до присутствия в Тайном Комитете», а также документы из собрания бумаг Н. К. Шильдера. Шервуд-Бошняк. Майборода. Допросы Бурцова, Крюкова 2-го, Лорера и др. В приложении (стр. 73—74)—список членов тайного общества, поданный Майбородой.

71. **Троцкий, И. О.** декабристских художниках. (Историческая заметка)—Советское Искусство (М.) 1925, № 9, стр. 16—21. С илл.

72. **Чернов, С. Н.** К истории политических столкновений на Московском съезде 1821 года.—Уч. Зап. Саратов. Госуд. Университета, т. IV, вып. 3 (1925 г.).—И отд. оттиск: Саратов. Сарпוליграфпром. Типо-литография № 9. 1925. (26×17). 37 стр. (Б. и.). Печ. обл. 100 экз.—Рец.: Б. 1926, № 1(35), Библиография. 195—197. Пресняков, А. Этюды С. Н. Чернова по истории декабристов.

73. **Щепкина, Е.** Помещичье хозяйство декабристов.—Б. 1925, № 3(31), стр. 3—18.—По материалам быв. сенатского архива. Дворянские гнезда Каховских, Павлово-Швейковских, Якушкиных, Вишневецких

74. Песня декабристов. Сообщ. Е. Е. Якушкин.—КА. 1925, № 3 (10), стр. 319—321.—Песня. (На го-

дос: «Не шей ты мне, матушка, крапный сарафан»). («Мать ты наша, матушка, православная!»...). 1 января 1836 г. Ивану Ивановичу Пушкину на память. Автор неизвестен.

75. **Азадовский, М. К.** Стерн в восприятиях декабристов.—Бунт дек., 383—392.

75а. **Багалий, Дм.**, акад. Вступни пояснення до материялив.—Рух дек. на України, 3—13.

75б. **Багалий, Дм.**, акад. Уваги до генези декабриського руху на Україні.—Рух дек. на Україні, 14—39.

75в. **Багалий-Татаринова, О.** Лист О. (О)³. Перовского до Миколы І-го од І-го січня 1826 р.—Рух дек. на Україні, 182—184.—Французский текст письма (Харьков, 1. I 1826) и украинский перевод (ІВ. XXI отд. госархива М. И. Д. Бумаги бар. Дибича и др. из секретного архива канц. военного министерства).—Сообщение о настроении Харьковского общества и университетской молодежи.

75г. **Базилевич, В. М.** Декабристы. Очерки. I—III. Киев. Тип. Киевского Политехнического Института. 1926. (22×15). 48 стр., с илл. 100 экз. (Отдельный оттиск из сборника «Из эпохи борьбы с царизмом». Сборник № 5. Киев. 1926).—Содержание. 1. Восстание Черниговского полка. Стр. 5.—2. Восстание декабристов в Киев. 21.—3. Декабристы в Сибири. 33.—Ср. №№ 113, 114 и 183.

76. **Балабанов, М.** Народные массы и движение декабристов.—КНовь. 1926, III, 140—158.

77. **Брызгалова, М.** Встречи с декабристами.—Тайные общества, 179—191.—Автор—М. В. Брызгалова (по 1-му браку—Хвоцинская), рожд. Анненкова, внучка дек. И. А. Анненкова.—I. П. Н. Свистунов (1885 г.)². 179. II. М. И. Муравьев (1885 г.)². 180. III. Д. И. Завалишин (1889 г.)². 182. IV. И. А. Анненков (и его семья)². 183—191.

78. Бунт декабристов. Юбилейный сборник. 1825—1925. Под ред. Ю. Г. Оксмана и П. Е. Щеголева. Л., Изд-во «Былое», Гос. уч.-пр. школа—тип. им. тов. Алексева. 1926. (24×16). 400 стр. 4 руб.

3.000 экз.—Обложка: В. Б.—Оглавление. Отдел I. Хозяйственное состояние России накануне выступления декабристов. Б. Д. Грекова. Стр. 5.—Мотивы реальной политики в движении декабристов. А. Е. Преснякова. 29.—Из истории солдатских настроений в начале 20-х годов. С. Н. Чернов. 56.—«Диктатор 14-го декабря». (Кн. С. П. Трубецкой)². Н. Ф. Лаврова. 129.—Творческий путь Рылева. А. Е. Цейтлина. 223.—Движение декабристов в освещении иностранной публицистики. А. Н. Шейбунина. 284.—Народная молва о декабриских событиях 1825 года. К. В. Кудряшова. 311.—Отдел II. Из архива декабриста Юшневского (3 письма А. П. Юшневского к брату С. П. Юшневскому. 1817 и 1820 г.г.)². В. М. Базилевича. 323.—Арест Пестеля. А. В. Шейбулова. 329.—Декабрист Волконский в каторжной работе на Благодатном руднике. Б. Л. Модзалевского. 332.—Письма М. А. и Н. А. Бестужевых к Петровскому заводу (1835—1838 г.г.)². И. М. Троицкого. 359.—Немецкая поэма (Адальберта Шамиссо де-Бонкура)² о декабристах. М. П. Алексеева. 372.—Стерн в восприятии декабристов. М. К. Азадовского. 382.—Письмо А. О. Корниловича из Петропавловской крепости (к брату Мих. О. Без-Корниловичу. 5/VIII)². А. Г. Грум-Гржимайло. 393.—Ad Decabristiana. 1. 14 декабря в народной песне. 2. «Ростопчинская шутка» о декабристах. 3. Стихи Д. Л. Крюкова («Над вашей памятью кровавой...»)². Н. О. Лернера. 397.—Рец. КС. 1926, № 3(24), стр. 274—275. Н. Лернер.—КЛетопись 1926, № 2(17), 189—190. И. Троицкий. Из юбилейной литературы о декабристах.

78а. **В. Г.—Б. (Ганцова-Берникова, В.)**³. «Извет» Унишевского.—Дек. на України, 146—147.—«Дело по извету отставного майора Унишевского на счет двух подозрительных тайных клубов и лиц посещавших оные». 17 мая 1827 г. Моск. Арх. Октябр. Революции. «Повинное донесение» (19. III.

1826. г. Рига) рижскому ген.-губ. Паулуччи.

79. **Ганцова-Берникова, В.** Крестьянские волнения 1826 года. (По материалам военно-исторической секции Централхива.—Тайные общества, 129—150.

79а. **Ганцова-Берникова, В.** Листи до полк. Л. В. Дубельта тайного дружини вид сестер ии Перськой та Рагозинської. (Выписки з листив І. Перськой до Л. В. та Г. М. Дубельтив. II. Рогозинської до Г. М. Дубельтової).—Дек. на України, 143—145.—Письма датированы 17 марта 1826 г. и адресованы из Киева в Путивль. Сообщается об арестах в Киеве и особенно об аресте Густава Олизара, о семье Раевских и проч.

79б. Отголоски декабрьского восстания 1825 года. Сообщ. В. Ганцова-Берникова.—КА. 1926, т. 3 (16), 189—204. (Окончание следует).—По материалам Военно-Исторического (Лерфортовского) архива в Москве. Дела канцелярии дежурного генерала Главного штаба по секретной части и штаба II армии за 1826 и 1827 г.г. Опись № 183. Материал распределен по отделам: 1. Военные. 2. Студенты. 3. Солдаты.—В тексте стихи юнкера Зубова (1. «Взойдет ли, наконец, дружба... 2. «Что значат эти увещанья...») и поэма—прокламация «Жизнь солдатская» соч. в Московском полку (полный текст по копии с копии).

80. **Герцен, А. И.** Русский заговор 1825 г. С предисл. М. Н. Покровского. М. (и) Л., изд. «тип. «Красный Пролетарий» в Мск. Госуд. Изд-ва. 1926. (23×15). 23 стр. 12 коп. (1825—К Столетию Восстания Декабристов — 1925). 5.000 экз.

81. **Греков, Б. Д.** Хозяйственное состояние России накануне выступления декабристов.—Бунт дек., 5—28.

82. Декабристы. Новые тексты. **В. Ф. Раевский.—А. И. Одоевский.—К. Ф. Рылев.—Н. М. Языков.—А. И. Полежаев.—М. С. Лунин.—Н. А. Бестужев.** С объяснениями М. К. Азадовского, Н. В. Измайлова, Б. Л. Модзалевского и Ю. Г. Оксмана. Труды Пуш-

кинского Дома Академии Наук СССР. Л., Госуд. Академич. тип. 1926. (24×16). Загл. лист+5—34 стр. Печат. обл. (Б. ц). 300 экз.—(Отдельн. оттиск из сборника «Атенеи» книга III).—Рец: Пр. 1926, V, июль—авг., 197—199. И. Сергиевский. (Отзыв о сб. в целом).

83. Декабристы. Сборник материалов. Л., изд. тип. Рабочего Изд-ва «Прибой» им. Евг. Соколовой. (1926)². 251 стр., с илл.+(1) стр., объявл. (23×15), 2 руб. (Все-союзная Библиотека им. В. И. Ленина). 4.125 экз.—Обложка: Марк Кириарский.—Оглавление. Предисловие. В. Невский. Стр. 3.—Послание к страдальцам. Стих. граф. Е. Ростопчиной. 7.—Примечания. (Г. П. Георгиевский)². 9.—Письмо К. Ф. Рылева к В. И. Туманскому. 18.—Примечания. (Г. П. Георгиевский)². 20.—Минусинские ссылки. А. К. Кузьмина. 32.—Примечания. (Г. П. Георгиевский)². 43.—Конституция Н. Муравьева (вводная статья). А. И. Яковлев)². 58.—Конституция Н. Муравьева. 63.—Предисловие к документам по истории Семеновского дела. А. Яковлев. 101.—Семеновское дело. 104.—К рисункам. (А. Е. Грузинский)². 248.—Рисунки: С. Г. Волконский (с акварели Н. Бестужева (30-х г.г.)². Стр. 24—С. Г. Волконский (с маслян. портр. К. Рейхеля (1853 г.)². 40.—М. Н. Волконская (с акварели Н. Бестужева (30-х г.г.)². 57.—Я. М. Андреевич 2-й (с карандашн. рис. Х. Мазера (1850 г.)². 73.—М. А. Фонвизин (с акварели). 89.—М. С. Лунин (с автопортрета акварелью (старше, чем на Бестужевской акварели 30-х г.г., но до переселения в Акатуй)²). 105.—Общий вид Читы и тюрьмы (с акварели (60-х г.г.)²). 121.—Декабристы, идут на работу (с акварели (30-х г.г. Н. П. Репина)²). 136.—Вход в каземат Петровского завода (с акварели 30-х г.г. Н. П. Репина)². 153.—Камера Волконских в Петровск. заводе (до прорубки окна). (С акварели 30-х г.г. А. П. Юшневского)². 159.—Камера Волконского (в другую

сторону) (см. предыд.)².—185.—Камера А. В. Поджо (лунную ночь). (С акварели 30-х гг. Н. П. Репина а?)². 201.—Камера Панова в Петровском заводе. (С акварели 30-х гг. Н. П. Репина а?)². 217.—(Иллюстрации заимствованы из хранящейся в Публичной библиотеке СССР им В. И. Ленина коллекции, принадлежащей семье декаб. С. Г. Волконского)².

83а. Декабристы на Украине. Збірник праць Комісії для дослідів громадських течій на Україні. За редакцією акад. С. Ефремова та В. Мияковського. У Києві, з друкарні Української Академії Наук. 1926. (4)+206+(1) стор., з малюнками. 3 крб. (Українська Академія Наук. Збірник Исторично-Филологічного Видидлу. № 37). 1.200 экз.—3 мист. Акад. Сергей Ефремов. Вид легенди до историчної правди. (Мисцеве підґрунтя в декабристському рухові). Стор. 1.—Виктор Романовський. Причини невдачі в 1825 році. 11.—Ольга Багалій. Салдатські маси в декабристському рухові. І. Агітація серед салдатів 1825 року. ІІ. З салдатських настроїв р. 1826. 18.—Леонид Добровольський. Посип Руликівський (1780—1860). (Польський мемуарист революційних лодій 1825—26 рр. на Київщині). 37.—Повстання Чернігівського полку. Из споминів Йосипа Руликівського. З польською мови переклала Софія Тобилевич. 51.—В.Б. (Базилевич, В.)². До малюнків на стор. 61. 67 і 75. 100.—В. Базилевич. Збітки вид повстання 1825—1826 рр. 101.—Леонид Добровольський. Виправа на Кавказ салдатів Чернігівського полку. Додатки: 1. Інструкція. 2. Маршрут. 114.—Павло Филипович. Рилеев и Державин. 124.—Володимир Мияковський. Один з доносителей на Пестеля, купец Ш. Козлинський. 136.—В. М. (Мияковський)². Декабрист Берстель. 141.—В. Ганцова - Берникова. Листи до полк. Л. Д. Дубельта та його дружини вид сестер ии Перської та Рогозинської (Виписки з

листав: І. Перської до Л. В. та Г. М. Дубельтів. ІІ. Рогозинської до Г. М. Дубельтової). 143.—В. Г.—Б. (Ганцова - Берникова, В.)². «Извет» Унишевського. 146.—В. Базилевич. З листування вищої військової влади 1825—26 рр. 148.—В. Б.—ч. (Базилевич, В.)². Салдати про повстання Чернігівського полку. (І. Показание Алексея Федорова. 2. Показание унтер-офицера Ивана Харитонована). 151.—Ольга Багалій. Допити унтер-офицера Чернігівського полку. 153.—В. Ганцова - Берникова. Стан Пензенського пішого полку після повстання. 161.—О. В. Конфирмация в справі рядових 8-ої артилерійської бригади. 165.—В. Барвинський. До біографії поручника І. І. Сухінова. (Лист Сухінова до Миколи І). 167.—Ольга Багалій. Новий документ до біографії Тизенгаузена («Откровение Василия Тизенгаузена, которое желаю утвердить торжественной присягой»). 171.—О. І. Назарчук. По біографії бр. Борисових. 179.—В. Б.—ч. (Базилевич, В. Б.)². Вірши Рилеева в альбоми 1830-х рр. 185.—В. М. (Мияковський, В.)². Революційні видозви про декабристів. 188.—В. Б.—ч. (Базилевич, В.)². Ювілей декабристів у Києві. 199.—Покажчик імен. 201.—Малюнки: П'єля-Фліз. Вид Васильюка (61); Вид Мотовилівки (67); Київ. Вид на Печерськ (75).

83б. Добровольський, Леонид. Посип Руликівський (1780—1860). (Польський мемуарист революційних подій 1825—26 рр. на Київщині).—Дек. на Україні, 37—50.—В примеч. к стр. 37: биб-фия о Руликівском.

83в. Ефремов, Сергей, акад. Вид легенди до историчної правди. (Мисцеве підґрунтя в декабристському рухові).—Дек. на Україні, 1—10.

84. Кудряшев, К. В. Народная молва о декабрьских событиях 1825 года.—Бунт дек., 311—320.

84а. Мияковський, В. Один из доносителей на Пестеля, купец

Ш. Козлинський.—Дек. на Україні, 136—140.

85. Муравьев, М. Идея временного правительствa у декабристов и их кандидаты.—Тайные общества. 68—87.—Н. С. Мордвинов, М. М. Сперанский, И. М. Муравьев-Апостол, А. П. Ермолов.—Рец.: КЛепотис 1926, № 4(19), стр. 167. 11. Троцкий.

86. Невский, В. (И.)². Очерки по истории Российской Коммунистической Партии. Том I. Изд. второе. Л., изд. и тип. им. Евг. Соколовой Рабоч. Изд-ва «Прибой». 1925. (1926)¹. (27×18). 708 стр.+3) вкладн. лист. портр. и красочн. схем. 3 руб. 75 коп., в перепл. 4 р. 50 к. 20.000 экз. Обложка: Марк Кирнарский.—Стр. 35—46: Революционное движение в XIX веке. Декабристы. (Во введении). — Стр. 591—592: Первая половина XIX в. (Эпоха Александра I и Николая I). Декабристы. (Библиография)².

87. Нечкина, М. В. Общество Сединенных Славян. Предшественники революционеров-разночинцев среди декабристов. (1825 г.—1925 г.).—Историк-Марксист (М.) 1926, I, (май)², 154—174.

88. Памяти декабристов. Сборник материалов. I. С 9 портр. и снимками. Л., Изд-во Академии Наук СССР, тип. изд. Промбюро. 1926. (22×15). (7)+248 стр.+ (9) вклад. лист. портр. и факсимиле. (Б. ц.). (Акад. Наук СССР). 1.050 экз.—Текст смешанный—на русск. и франц. языках.—Оглавление: Н. В. Измайлов, А. А. Бестужев до 14 декабря 1825 г. Стр. 1.—С. А. Щеглова. Материалы о М. С. Лунине. 100.—Б. М. Энгельгардт. Письма С. И. и М. И. Муравьевых-Апостол к А. Д. и А. И. Хрущовым. 108.—Н. В. Измайлов. Из бумаг К. Ф. Рылеева. 140.—А. А. Сиверс, П. А. Муханов. Материалы для биографии. 151.—М. К. Азовский. 14-е декабря в письмах А. Е. Измайлова. 238.—И л л.: Автограф А. А. Бестужева-Марлинского. (Амалат Бек. (Начало)². К стр. 17. А. И. Одоевский. Рисунок карандашом. 65.—Автограф А. И. Одоевского. (Василько. (Отрывок из поэмы). Песнь I)². 96.—М. С. Лунин.

Автопортрет. 101.—Автограф А. И. Одоевского. (Бал. К П. А. Вяземскому)². 112.—Автограф. П. Г. Каховского. (Отрывок: «зделай милость Кондратий Федорович, спаси меня!...»)². 129.—П. А. Муханов. Рисунок карандашом. 160. М. Ф. Митков. Акварель работы Н. А. Бестужева. 193.—А. З. Муравьев. Акварель. 225.—Рец.: КС. 1926, № 4 (25), Библиография, 264—266. Ю. Г. Оксман.

88а. Памяти декабристов. Сборник матриалов. ІІ. С 8 снимками. Л., Изд-во Академии Наук СССР, тип. изд. Промбюро. 1926. (24×16). (3)+233 стр.+ (8) вкладн. листов илл. (Б. ц.). (Акад. Наук. СССР). 1.000 экз.—Оглавление. М. Д. Беляев. От ареста до ссылки. (По данным семейного архива Ивашевых). Стр. 1.—С. А. Еремин. «Объяснение» капитана Несмеянова. (К истории бунта Черниговского пехотного полка). 73.—Н. Г. Богданова. Письмо М. П. Бестужева-Рюмина к А. И. Чернышеву. 88.—П. Г. Васенко. Письмо М. Н. Волконской к мужу С. Г. Волконскому (1826 г.). 95.—А. И. Заозерский. Вторая оправдательная записка Н. И. Тургенева. 99.—С. А. Щеглова. Переписка Я. Н. Толстого с А. И. Тургеневым. 164.—Г. Ф. Прохоров. А. А. Бестужев-Марлинский в Якутске. 189.—С. А. Переселенков. Материалы для биографии князя Сергея Григорьевича Волконского. 227.—И л л.: Внутренность Читинского острога: острог. мастерские. дом И. И. Пушина и А. П. Юшневского. Акварель. К стр. 33.—Сад при комендантской квартире в Чите. Акварель работы Н. А. Бестужева. 65.—Река Чита—место купанья декабристов. Акварель работы Н. А. Бестужева по чертежу П. И. Фаленберга. 97.—Дьячковский или Второй Читинский острог. Сепия. 129.—Декабрист В. А. Бечаснов и типы Читинской прислуги. Акварель. 161.—Петровский железный завод за Байкалом. Акварель работы Н. А. Бестужева (1834 г.). 193.—Петровский железный завод за Байкалом. Акварель работы Н. А. Бестужева.

(Плотина; домна; Барятинский; А. И. Арсеньев—начальник завода)¹. 209.—Петровский железный завод за Байкалом. Акварель работы Н. А. Бестужева. (Пускание змея)². 225.

89. **Плеханов, Г.** 14 декабря 1825 года. Речь, произнесенная на Русском собрании в Женеве 14 (27) декабря 1900 года. С предисл. М. Н. Покровского. М. (и) Л., изд. и тип. «Красный Пролетарий» в Мск. Госуд. Изд-ва 1926. (1925)³. (23×15). 31 стр. 12 коп. (1825—К Столетию Восстания Декабристов—1925). 15.000 экз.—Обложка: А. М.—Рец.: Коммуна (Самара) 1925. № 2075. 17 нояб.—Провешение на Транспорте (М.) 1925. XI.—СЮг 1926, № 9, 12 янв. А л. Т.

90. **Пресняков, А. Е.** Мотивы реальной политики в движении декабристов.—Бунт дек. 29—55.

90а. **Романовский, Виктор.** Причины невдач в 1825 році.—Дек. на Украине, 11—17.

90б. Рух декабристов на Украине. Ювилейне видання Українцентру архива. Харків, друкарня «Черв. Друк». 1926. (25×17). 184+104 стор. 3 крб. 2000 экз.—3 мист. Акад. Дм. Багалій. Вступні пояснення до матеріялів. Стор. 3.—Акад. Дм. Багалій. Уваги до генези декабриського руху на Україні. 14.—Проф. А. Покровський. До слідства над декабристами. 40.—В. Базилевич. Декабристи на Кіивщині після амністії. 73.—В. Стратен і Е. Трифільєв. До матеріялів про декабристів. 77.—А. Рябинин - Склярєвський. На спогад Чернігівського полку. 98.—А. Козаченко. Два листи Волконських до матері. 110.—А. Рябинин-Склярєвський.—Вірш декабриста Н. С. Бобрішчева-Пушкина. 116.

А. Рябинин - Склярєвський. Таємні товариства на півдні в епоху декабристів. 117.—Акад. Дм. Багалій. З історії декабриського руху на Слобідській Україні. 169.—О. Багалій-Татарінова. Лист О. Перовського до Миколаї І-го. 182.—Повстання декабристів на Україні (1—103). Передмова. 3.—

В. Мияковський. Повстання Чернігівського полку. 6.—Дело о возмущении Чернігівського пехотного полка. 24.—Примітки. 79.—Показчик імен і географічних назв. 97—103.

90в. **Рябинин-Склярєвський, А. (А)³.** Таємні товариства на півдні в епоху декабристів. (Масони, гетерія, филарети та вільнодумці). (На підставі матеріялів Одеського Історичного Архиву).—Рух дек. на Україні. 117—168.

91. **Сыромятников, Б. И.** Последний дворцовый переворот. (К столетию восстания декабристов).—Право и Жизнь (М.) 1926, I, 3—15.

92. Семеновское дело. С предисловием А. И. Яковлева.—Дек.², 101—103 (предисловие), 104—247 (документы).—Публикация секретных бумаг Военного Лефортовского архива.

93. Тайные общества в России в начале XIX столетия. Сборник материалов, статей и воспоминаний. М. Изд-во Всесоюзного Общества Политических Каторжан и Ссылно-поселенцев. «Мосполиграф». 16-я тип. 1926. (24×16). 215 стр.+(1) стр. объявл. 1 руб. 80 коп. (Всесоюзное Об-во Политич. Каторжан и Ссылно-поселенцев. Историко-Революционная Библиотека журнала «Каторга и Ссылка». № 1. Воспоминания. Исследования. Документы и др. Материалы из Истории Революционного Прошлого России. Книга XIII. 1825—1925. 100-летие Восстания Декабристов)¹. 4.500 экз.—Обложка: В. Р.—Содержание: В. Петров. Тайное общество, открытое в Астрахани в 1822 году. Стр. 9.—Б. Кубалов. А. Л. Кучевский и письма к нему декабристов. 32.—М. Муравьев. Идея временного правительства у декабристов и их кандидаты. 68.—В. Звавич. Дело о выдаче декабриста Н. И. Тургенева английским правительством. 88.—М. Муравьев. Декабрист Артамон Захарович Муравьев. 103.—В. Ганцова-Берникова. Крестьянские волнения 1826 года. (По материалам военно-исторической секции и Централхива). 129.—С. Чернов. Жены декабристов в Благодатске. 151.—Л. Залкина.

Из жизни декабристов братьев Бестужевых в г. Селенгинске, Забайкальской области. 172.—М. Давыдова. Воспоминания о М. А. Бестужеве и его семье. 176.—М. Брызгалова. Встречи с декабристами. 179.—Л. Г. Гофман. Декабристы и Достоевский. 192.—М. Цявловский. Письма декабристов П. Н. Свистунова и А. П. Беляева к Л. Н. Толстому. 199.—Именной указатель. 209.—Рец.: КЛетопись 1926, № 4 (19), стр. 166—170. И. Троцкий.

94. **Чернов, С. Н.** Из истории солдатских настроений в начале 20-х годов.—Бунт дек., 57—128.

95. **Шебунин, А. Н.** Движение декабристов в освещении иностранной публицистики.—Бунт дек., 284—310.

96. **Щеголев, П. Е.** Декабристы. М. (и) Л., изд. и тип. «Печатный Двор». Госуд. Изд-ва в Лгр. 1926. (28×16). 362 стр. 3 руб. 3.000 экз.—Обложка: Л. Хижинский)².—Содержание. От автора. Стр. 5.—I. Владимир Раевский (Первый декабрист). 7.—II. Возвращение декабриста. В. Ф. Раевский в 1858 г. 71.—III. А. С. Грибоедов и декабристы. (По архивным материалам). 85.—IV. Гр. М. Н. Муравьев—заговорщик. (1816—1826). 127.—V. Петр Григорьевич Каховский. 153.—VI. Катехизис Сергея Муравьева-Апостола. (Из истории агитационной литературы декабристов). 229.—VII. Император Николай I—тюремщик декабристов. 261.—VIII. Император Николай I и М. М. Сперанский в Верховном суде над декабристами. 277.—IX. Благоразумные советы из крепости. (Декабрист А. О. Корнилович). 293.—X. Декабрист князь Ф. П. Шаховской. 343—361.—Рец.: ПР. 1926, VI, сент. 147—149. М. Нечкина.

2. 14-е декабря 1825 г.

97. Из переписки Николая I в декабре 1825 года.—КА, т. V (М., 1924), 941—947.—Письма Николая I к моск. воен. ген.-губ. кн. Д. В. Голицыну и записка к воен. министру А. И. Татищеву.—Реферат

записок см.: 1) Ю. С.—в. От прошлого к настоящему. Царь—сыщик.—ВМ. 1925, № 66 (376), 23 марта—2) Горбунов, Марк. Из прошлого. Николай I о декабристах.—Пролетарский Путь. (Ульяновск) 1925, 25 сент.

98. Из записок Николая I о 14 декабря 1825 г. (Сообщ.)³ Б. Е. Сыроечковский.—КА, т. VI (М., 1924), 222—234.

99. Воспоминание о 14-м декабря 1825 г. (Из дневника офицера Алексея Симоновича Андреева)². Сообщил С. Борисов.—КН. 1925, № 53, 27 дек., 1254—1255.

100. **Борщак, И. (К)³.** Восстание декабристов в освещении французского дипломата. (По неизвестным материалам). — Парижский Вестник 1925, № 69. 25 июля; № 89, 19 авг.; № 90, 20 авг.—По донесениям франц. посла в Петербурге Л а-Феронне к франц. мин. ин. дел Дамасу за 1825 и 1826 годы.

101. **Пресняков, А. Е.** Восстание декабристов.—Б. 1925, № 5(33), стр. 3—27.—Рец.: Историк-Марксист (М.) 1926, т. I. Библиография, 305. А. В. Шестаков.

102. **Сказин, Е. В.** 14 декабря 1825 г.—КС. 1925, № 8(21), стр. 65—86.

103. Рассказ **И. Я. Телешева** о 14 декабря 1825 г. Сообщ. Б. Сыроечковский.—КА. 1925, т. 6(13), стр. 284—288.

104. Заметки **Н. К. Шильдера** о восстании 14-го декабря и имп. Николае I (написанные на полях 3-го изд. книги М. Корфа «Восшествие на престол императора Николая I» С.—Пб. 1857)². Сообщ. Е. В. Сказин.—КС. 1925, № 2(15), стр. 148—153.

105. 14 декабря 1825 г. в письмах гр. **М. Д. Нессельроде** (урожд. Гурьева)². Сообщ. Б. Е. Сыроечковский.—КА. 1925, т. 3(10), стр. 261—285.

106. **Шапская, М.** Семинарист о 14 декабря.—Б. 1925, № 5(33), стр. 75—78.

107. **Азадовский, М. К.** 14 декабря в письмах А. Е. Измайлова (к П. Л. Яковлеву)².—Памяти дек., I, 238—248.

107а. Междоусобица 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. Подготовил к печати Б. Е. Сыроечковский, М. (и) Л. изд. и тип. «Печатный Двор» Госуд. Изд-ва в Лгр. 1926. (27×18). 246+ (2) стр. 3 руб. (Центрархив). 5.000 экз.—Оглавление. Предисловие. Стр. 3.—I. Записки и дневники. Записки Николая I о вступлении на престол. 9.—Заметки Николая I на полях рукописи М. А. Корфа. 36.—Воспоминания Михаила Павловича о событиях 14 декабря 1825 г. 49.—Из дневников Николая Павловича. 63.—Из дневников Александры Федоровны. 80.—Из дневников Марии Федоровны. 94.—Из воспоминаний принца Евгения Виртембергского. 104.—II. Письма. Из официальной переписки членов царской семьи. 125.—Из переписки Николая I и Константина Павловича (26/XI—16/XII 1825). 140.—Из переписки Константина Павловича и Марии Федоровны. 148.—Из переписки Николая I и Михаила Павловича (27/XI—14/12 1825). 158.—Письмо Николая I к сестре Марии Павловне. 167.—Из переписки Николая I и Константина Павловича (17/XII 1825—21/VII 1826). 165.—Из писем Николая I к Марии Федоровне. 200.—Из переписки Николая I и Михаила Павловича (9/V—16/VII 1826 г.). 210.—Из переписки Николая I и Константина Павловича (1/IX 1826 г.—26/I 1827). 214.—Приложение. Из переписки Марии Федоровны с А. Н. Голицыным. 223.—Примечания. 233.—Указатель. 240.—Рец.: РПуть (Смоленск) 1926, 17 июня. Среди книг и журналов. «Романовы и декабристы». Без подписи.—ПР. 1926, VI, сент., 146—147. М. Нечкина—Новый Мир 1926, VIII—IX, 319—320 Н. Пиксанов.

108. Пресняков, А. Е., проф. 14 декабря 1825 г. С приложением военно-исторической справки Г. С. Габеева. Гвардия в декабрьские

дни 1825 года. М. (и) Л. Госуд. Изд-во, тип. 1-я Образцовая в Мск. 1926. (24×16). 226+(2) стр. объяв. +2 табл. в красках. 2 руб. 50 коп. (Центрархив. «Восстание Декабристов». Исследование под ред. М. Н. Покровского). 3.000 экз.—Оглавление. I. Общественная почва декабрьского восстания. 3.—II. Северное Общество. 25.—III. Династический кризис. 52.—IV. Канун восстания. 82.—V. День 14 декабря. 100.—VI. Ликвидация восстания. 134.—Библиографическое послесловие. 149.—Приложение: Г. С. Габеев, Гвардия в декабрьские дни 1825 г. От составителя. 155. I. Общий обзор состояния русской гвардии к концу 1825 г. 157.—II. Организация, состав, расквартирование и вооружение войск гвардейского корпуса к концу 1825 г. 164.—III. Разделение Петербургской гвардии 14 декабря 1825 года на два враждебных стана. Руководители и деятели обеих сторон. 173.—IV. Потери ранеными и убитыми с обеих сторон. Награды правительственным войскам и их начальникам. 190.—V. Краткий военный разбор вооруженного столкновения сторон 14 декабря 1825 года. 201.—Именной указатель. 207.—План С.-Петербурга с указанием казарм гв. частей и пути их следования на площадь.—План Петровской площади с указанием расположения войск.

3. Восстание Черниговского полка.

109. Нечкина, М. В. Восстание Черниговского полка. (Схемат. карта движения восставшего Черниговского полка. В тексте стр. 105).—КС. 1925, № 8(21), стр. 87—112.

110. Оксман, Ю. Г. Восстание Черниговского полка. (Новые материалы).—Дек., 5—36.

111. Оксман, Ю. Г., проф. Из вновь найденных документов (в секретных делах архива главного штаба. Донесение ген.-м. Тихоновского I-го имп. Николаю I (30/XII 1825) о восстании Черниговского полка).—НВГ. 1926, 13 янв.

112. Плещков, В. Декабристы. Восстание Черниговского полка. (11—15 января 1826 г.).—Комсомольская П. 1926, 16 янв.—С чертежом «пути движения Черниговского полка».

112а. Багаллий, Ольга. Допити унтер-офицери Черниговського полку.—Дек. на Україні, 153—160.—Показания Тимофея Николаева (11 и 21 янв. 1826 г.), Прокофия Никитина (11 янв. 1826 г.) и рядовых Гавриила Судакова, Алексея Асмолова и Мих. Голобокова (11 янв. 1826 г.). Из материалов секретного фонда арх. канцелярии воен. министерства.

113. Базилевич, В. М. Восстание декабристов и Киев.—Из эпохи борьбы с царизмом, V (1926), 55—66.

114. Базилевич, В. М. Восстание Черниговского полка в 1825—26 г.г.—Из эпохи борьбы с царизмом, V (1926), 39—54. С илл.

114а. Базилевич, В. Декабристы на Киевщине. 1825—1825. Киев, з київської друкарні Державного Видавництва України—УАН. 1926. (23×15). 64 стр., с илл. 55 коп. 5000 экз.—Малюнки: П. Пестель. Стор. 9. (Из книги: «Декабристы—86 портретов»).—В. Л. Давыдов. 15. (Из сб. «Памяти Пушкина», изд. Киев. Ун-та. Киев. 1899). Сергей Волконский. 16. (Худож. Дау. из «Галереи участников отечественной войны»). Автограф декабриста Юшневского. 17. (Из письма к брату Семену. Кишинев. 8. IX. 1817).—Декабрист—киянин Сутгоф. 21. (Из книги: «Декабристы. 86 портретов»).—Сергий Трубецкой. 22. (С акварели Н. Бестужева из «Зап. Трубецкого», Спб., 1907).—Сергий Муравьев-Апостол. 29. (Из книги: «Декабристы. 86 портретов»).—Вид Василькова. 33. (Из рукописи Деда-Флиза, 1212).—Вид Кивва (Печерск). 37. (Там же. 470).—Вид Мотовиливки. 42. (Там же, 1190).—Типи солдатів 1825 р., 44. (Из «Исторического описания одежды и вооружения Российских войск», т. XIII, табл. 1919).—М. К. Юшневська. 48. (Из «Зап. М. Н. Волконской», 1914 г.).—Старий млин у Кам'яниці. 50. (Из сб. «Памяти Пуш-

кина», изд. Киев. Ун-та. Киев. 1899). Контрактный дим у Києві. 52. (Фотография 1900-х г.г. из сб. А. М. Симсена).—Район подій 1825—26 рр. на Київщині. 55. (План роботи В. Куликова).—Рец.: КС 1926, № 3 (24), стр. 275—278. Ю. Г. Оксман.

114б. Базилевич, Василь. Збітки вид повстання 1825—1826 рр.—Дек. на Україні, 101—113. По материалам Киевск. Историч. Архива им. В. Б. Антоновича.

114в. Базилевич, В. З листування вищої військової влади 1825—26 рр.—Дек. на Україні, 148—150.—Письма: 1) командира 4-го арм. корпуса кн. А. Г. Щербатова к главнокомандующему 1-ой армией гр. Ф. В. Остен-Сакену. (Киев, 23. XII. 1925 г.) о настроениях в Киеве и 2) нач. штаба 1-й армии ген. К. Ф. Тольяк ген. Красовскому (не датировано) о расположении правительственных воинских частей к моменту восстания Черниговского полка и о всеобщем подозрении после подавления восстания. По материалам из Арх. Штаба 1-й армии.

114г. В. Б.—ч. (Базилевич, В.)³. Солдаты про повстання Чернигівського полку (1. Показание Алексея Федорова. 2. Показание унтер-офицера Ивана Харитонова).—Дек. на Україні, 151—152.—Из материалов Арх. Штаба 1-й армии.

114д. Ганцова-Берникова, В. Стан Пензенського пішого полку після повстання.—Дек. на Україні, 161—164.—Рапорт ген. Рота (№ 880, 30 марта 1826 г., Житомир) главнокомандующему 1-й армией гр. Ф. Сакену о состоянии Пензенского полка с опровержением слухов «о шалостях» в полку.

114е. Добровольский, Леонид. Виправа на Кавказ салдатів Чернигівського полку.—Дек. на Україні, 114—123.—В приложении (стр. 120—123)—1) Инструкция Штаб-Офицеру, командированному для отвода в Кавказский Корпус нижних чинов Черниговского Пехотного Полка» и 2) «Маршрут. Для шести рот Черниговского пехотного полка следующих в Кавказский

Корпус от М. Белой Церкви до г. Ставрополя».

115. **Добровольский, Л. П.** Главные участники восстания Черниговского полка.—Из эпохи борьбы с царизмом. V (1926), 67—84.—М. А. Щепило; А. Д. Кузьмин; И. И. Сухинов; В. Н. Соловьев; М. П. Бестужев-Рюмин; М. И. Муравьев-Апостол; С. И. Муравьев-Апостол.

115а. **Ермин, С. А.** «Объяснение» капитана Несмеянова. (К истории бунта Черниговского пехотного полка).—Памяти дек. II, 73—87.—Рассказ участника событий об аресте С. И. Муравьева-Апостола, о нападении на командира Черниговского полка Гебеля и о самом начале бунта.—По копии из Дубровинского архива (№ 292).

116. **Истпартовец.** Восстание Черниговского полка. (3—15 января 1826).—КНикаев 1926, 17 янв.

117. **Лобахин, В.** Декабристы на Украине. «Общество Соединенных Славян». К столетию восстания Черниговского полка.—ХПр. 1926, 20 янв.

117а. **О. В.** Конфирмация в справе рядовых 8-ой артиллерийской бригады.—Дек. на Украине, 165—166.—Из материалов Аудиторатского Департамента воен. министерства. № 74 «О конформации Г. Главнокомандующего 1-ю армией по делу о нижних чинах 8-ой артиллерийской бригады всего 27 человека сужденных за мятеж противу правительства».

117б. Повстання декабристов на Украине. З матеріалів Київського Центрального Историчного Архиву. За редакцією В. Базилевича, Л. Добровольського, та В. Мияковського.—Рух дек. на Україні, 1—103 (особой пагинації).—З мист. Передмова. Стор. 3—5. В Мияковський. Повстання Чернигівського полку. 6—23—Дело о возмущении некоторых рот квартирующего в г. Василькове Черниговского пехотного полка, под предводительством того полка подполковника Муравьева-Апостола. 24—78.—Примитки. 79—96.—Показчик имен и географичних назв. 97—103.

117в. Повстання Чернигівського полку. Из споминів **Йосипа Руликівського**. З польської мови переклала Софія Тобилевич.—Дек. на Україні, 51—99.—С илл.: Вид Василькова (стр. 61); Вид Мотовилівки (67); Київ. Вид на Печерськ (75). Из рукописи—«Медико-топографическое описание государственных имуществ Киевского округа.. составленное доктором медицины Де-Ла-Флиз... Киев. 1854», находящейся в б-ке Киевского Ин-та Нар. Образ. Впервые воспроизведены у В. Базилевича (см. № 114а). См. еще № 835.

117г. **Рябинин-Скляревский, А. (А).** На спогад Чернигівського полку. (До століття декабристів).—Рух дек. на Україні, 98—109.

118. **Сыроечковский, В. (Е).** Восстание Черниговского полка в показаниях участников.—КА. 1925, т. 6(13), стр. 1—67.—Подобранные материалы охватывают период—последние дни дек. 1825 г. и первые—январь 1826. Со снимком (вклад лист к стр. 7): «Православный Катехизис» С. И. Муравьева-Апостола. (Один из списков, сделанных писарями Черниговского полка, предназначенных к раздаче войсками населению) (Архив Окт. Рев. Особ. Фонд XXI, д. № 395, л. 54).

4. Движение среди солдат и матросов в связи с декабризмом.

119. Новое о моряках декабристах.—КГ. Вв. 1924, № 298 (688), 31 дек.—Новые материалы, найденные в военно-морских архивах Ленинграда.

120. **Н. Н.** Наводнение 1824 года и моряки декабристы. (Из прошлого флота).—Красный Флот 1924, № 10, стр. 80—82.—Д. Завалишин, М. Кюхельбекер, Н. Бестужев и К. Торсон.

121. **Дрезен, А.** Матросы-декабристы. Материалы к восстанию 14 декабря 1825 г.—КС. 1925, № 4(17), стр. 110—123. Приложение (с. 118—123): Список нижних чинов Гвардейского экипажа, исключенных из списков экипажа за участие в событиях 14 декабря 1825 г. (89

чел.).—По документам, хранящимся в 1 и 2 отделениях 2 отдела Военно-Морской Секции Е. Г. А. Ф. и в архивах Морского министерства.—Реферат статьи: В. Ш. Матросы декабристы.—КГ. Вв. 1925, 16 сент.

*121а. **Дрезен, А.** Столетие выступления декабристов.—Красный Флот 1925, № 12, дек.—Имеются поправки к списку нижних чинов, исключенных из списков экипажа после 14 декабря. Ср. № 121.

122. **Егоров, И. В.** Моряки-декабристы. Л. Ред. Изд.-ский Отд. и тип. В.-Морских Сил РККФ. 1925. (22×15). 141+(2) стр., с илл. 85 коп. 4 000 экз. Приложения. I. Биографические сведения о моряках декабристах. 81.—II. Переписка и «Список нижних чинов Гвардейского экипажа, принимавших участие в происшествии 14 декабря, выбывших из строя». 111.—III. Переписка о раненых в день 14 декабря 1825 г., без вести пропавших, арестованных матросах. 124.—IV. Переписка о присяге и др. распоряжения по строевой части. 129.—V. Переписка об отобранном оружии. 134.—Рец.: На Вахте (М.) 1925, 4 дек. Г. О. В. Моряки-декабристы.—Моряк (Одесса) 1926, 3 янв. Е. Сказин. Моряки-декабристы.—КЛетопись 1926, № 1(16), стр. 174—175. И. Троцкий.—ПР. 1926, I, январь—февр., 194—195. М. Клевенский.

123. **Оксман, Ю. Г.** Декабристы-солдаты.—КГ. Вв. 1925, 9 дек. Ср. №№ 124 и 125.

124. **Оксман, Ю. Г.** Декабристы-солдаты.—Т. (Баку) 1925, 25 дек. Ср. №№ 123, 125.

125. **Оксман, Ю. Г.** Декабристы-солдаты.—ККрым 1925, 25 дек.—Находка конфирмованного главнокомандующим первой армией 5 авг. 1826 г. приговора по делу 136 нижних чинов—активнейших сообщников С. И. Муравьева-Апостола. (Выдержки).—Ср. №№ 123 и 124.

126. **И.** Солдаты-декабристы.—И. 1925, 25 дек.

127. Из солдатских показаний об агитации и пропаганде в 1825 г.—ЛП. 1925, 28 дек.—Показания

фейерверкера **Фадеева** в комитете 8-й артиллерийской бригады, 4 апр. 1826 г.

128. **Шебалов, А. В.** Солдаты Московского полка о 14 декабря 1825 года.—КА. 1925, т. 6(13), стр. 288—292.

128а. **Багалий, Ольга.** Салдатські маси в декабристському рухові.—Дек. на Україні, 18—36.—I. Агитация серед салдатів 1825 року. 19.—II. З салдатських настроїв р. 1826. 29.

5. Казнь декабристов.

129. Казнь декабристов. (Рассказ очевидца).—Парижский Вестник 1925, № 69, 25 июля.

130. **В. К.—в.** Казнь декабристов.—КГ. Вв. 1925, 22 июля.—См. еще перепеч. с незначит. сокращ.: Коммуна (Калуга) 1925, 26 июля.

131. **Ник.** Казнь декабристов. 99 лет тому назад.—Гудок (М.) 1925, 25 июля. С илл.—Перепеч.: КТатария 1925, 2 авг.

132. **Плесков, В.** Страничка прошлого. Декабристы. (26 июля 1926 года—казнь декабристов). «Из искры возгорится пламя».—Беднота (М.) 1925, 26 июля. С илл. Перепеч. (без снимков): Призыв (Владимир) 1925, 29 июля.

133. Где были казнены декабристы.—ВТ. (Владикавказ). 1925, 22 дек.

134. **Вяч. Неуп.** Казнь пяти. (1825—1925).—БМП. 1925, 27 дек.

135. Рассказ самовида о казни, совершенной в Петербурге 1826 г., 13 июля. Предисловие В. (Е).³. Сыроечковского.—КН. 1925, № 53, 27 дек., 1256, 1257.—Публикуется впервые. Обнаружен А. В. Звенигородским среди бумаг М. Я. Чаадаева (брата П. Я. Чаадаева), хранившихся с 30-х годов прошлого века в с. Хрилунове, Ардатск. у. Нижегородской губ.

136. **Дрезен, А. К.** Казнь моряков-декабристов.—КА. 1925, т. 6(13), стр. 292—297. По архивным материалам 1 и 2 отделов 2 отделения Военно-Морской секции Е. Г. А. Ф., данным Следственной Комиссии и Верховного Уголовного Суда.

136а. **Соболев, Юр.** Пять повешенных. (Столетие казни декабристов—

13 июля 1926 г.).—ВМ. 1926, № 168 (776), 24 июля, стр. 3.

136б. **Кондратьев, А. А.** Как вешали декабристов. К столетию со дня казни. Очерк.—О. 1926, № 27 (173), 18 июля, стр. 10 нел., с илл. «Церемониал» казни декабристов (1-я и последняя страницы приказа по Гвадейскому корпусу, 12, VII. 1826 г., № 104 и снимок казни декабристов из книги Галли «Французы и русские»). Ср. № 136з.

136в. К столетию казни декабристов.—Наш Путь (Кременчуг) 1926, 23 июля. С илл.—Суд и казнь.

136г. **И.** Казнь декабристов. «100 лет.—Вечерние Известия (Одесса) 1926, 24 июля. С илл.

136д. **Кожухов, В.** Казнь декабристов. (100-летие казни).—КГ. Вв. 1926, 24 июля.

136е. **Чаговец, Всеволод.** Утро 26 июля 1926 г.—Вечерние Известия (Одесса) 1926, 24 июля.

136ж. **Ашукин, Н.** 13-е июля 1826 года. (К столетию казни декабристов). Очерк.—Книва 1926, № 30, 25 июля, стр. 8—9. С илл.: Казнь декабристов. Спец. рис. для «Кр. Нивы» худ. Д. Кордовского (стр. 7).

136з. **Кондратьев, А. А.** Как вешали декабристов. Очерк.—КСевер 1926, 25 июля. С илл.—Перепечат. из ж. «Огонек» 1926, № 27. Ср. № 136б.

136и. **Раскольников, Ф.** К столетию казни декабристов. Декабрист С. И. Муравьев-Апостол.—П. 1926, № 169 (3398), 25 июля, стр. 2—3. С илл.—Ср. № 136к.

136к. **Раскольников, Ф.** К столетию казни декабристов.—КГ. Вв. 1926, 25 июля. С илл.—Ср. № 136и.

136л. **Соболев, Юр.** Казнь декабристов. (К столетию казни 1826/26 июля 1926 г.).—Голос Рабочего (Богородск) 1926, 25 июля. С илл.—Другие публикации с теми или иными изменениями в тексте см.: Диктатура Труда (Сталино) 1926, 25 июля. С илл.—Заря Запада (Витебск) 1926, 25 июля.—КПр. 1926, 25 июля.—Колотушка (Орехово-Зуево) 1926, 25 июля.—Коммуна (Самара) 1926, 25 июля.—Ком. 1926, 25 июля. С илл.—Курская П. 1926, 25 июля.—Луганская П. 1926, 25 июля.—Северный Р. 1926, 25 июля.—Советская

Мысль (Великий Устюг) 1926, 25 июля. Без подписи.—Трудовая П. 1926, 25 июля.—Звезда (Минск) 1926, 28 июля. Без подписи. С илл.—Уральский Р. 1926, 1 авг.—ЗВ. 1926, 25 июля. (Заглавие: «Палач декабристов»). С илл.—Борьба (Сталинград) 1926, 25 июля (Заглавие: «Как это было»). С илл.

136м. Казнь декабристов.—РКлич 1926, 27 июля. С илл.

136н. Как были казнены декабристы.—В. 1926, 27 июля. С илл.

136о. **Шеголев, П. Е.** Казнь пяти. (К столетию казни декабристов)—КГ. 1926, 27 июля.—Ср. № 136т.

136п. **В. Т.—ский.** Как казнили декабристов. (Страничка из далекого прошлого).—РПуть (Омск) 1926, 28 июля.

136р. Казнь декабристов. (100-летие казни).—Всесоюзная Кочегарка (Бахмут (Артемовск) 1926, 28 июля.—136с. Казнь декабристов. (1826—26 июля 1926 г.).—Звезда (Перь) 1926, 30 июля. С илл.

136т. **Шеголев, П. Е.** Казнь пяти (К столетию казни декабристов).—Полесская П. 1926, 31 июля.—Ср. № 136о.

Декабристы в Сибири.

137. Воспоминания о декабристах в Сибири, записанные со слов их ученицы **Балакшиной, О. Н.** Записал Б. С. Балакшин.—СибО. 1924, № 3, июнь—авг., 178—181. Жизнь декабристов в Ялуторовске (1839 и сл. гг.). Ялуторовская школа. М. И. Муравьев-Апостол, И. Д. Якушин, Н. В. Басаргин, Е. П. Оболенский, И. И. Пущин, В. К. Тизенгаузен, Янтальцев.

138. **Гирченко, Вл.** Прибайкалье. Краткий исторический очерк.—Верхнеудинск. Книво Обединен. Прибайк. Союза Кооперативов». (Б.г. 1924?). 4^о 26 стр. (Восточно-Сибирская Библиотека. Серия Научно-популярная. Отдел Исторический. № 3).—Пребывание дкб-в в Селенгинске и Петровском Заводе. 11—13.

139. **Кубалов, Б.** Декабристы в Малой Разводной.—ВТ. 1924, №№ 130 (1365), 132 (1367).—Воспоминания стариков—сельчан о бр. Бо-

рисовых, Муравьеве Арт. Зах. и Юшневских со сведениями о их могилках.

140. **Кубалов, Б.** Декабристы и амнистия.—СибО. 1924, № 5, ноябрь—дек., 143—159. Стр. 152—153: протест кн. С. П. Трубецкого и Бечасного против незаконного оставления их под надзором полиции после полученной ими амнистии.—Стр. 156—157: записка декабриста Луцкого на имя Муравьева-Амурского (июль 1860. Иркутск).—А. Крюков, Завалишин, Дружинин, И. И. Пущин, Горбачевский, М. Бестужев. Ср. № 163.

141. **Кубалов, Б.** Забытые могилы декабристов (П. А. Муханова, Н. А. Панова и И. В. Поджио в Иркутске)².—ВТ. 1924, № 44 (1349), 25 июня. Ср. № 142.

142. (**Кубалов, Б. Г.**)³. Новые могилы декабристов (П. А. Муханова, Н. А. Панова и И. В. Поджио в Иркутске)².—КГ. Вв. 1924, № 159 (549), 16 июля.—Перепечат. см. № 141.

143. **Кубалов, В.** Сибирь и самозванцы. Из истории народных волнений в XIX в.—СибО. 1924, № 3, июнь—авг., 152—177.—Восстание в Зерентуйском руднике (1828 г.). И. Сухинов. Стр. 155.—Слухи о готовящемся мятеже ссыльных поляков. Самозванец Константин—поселенец Красноярского округа Николай Прокопьев. (Пеовая пол. 30-х г.). 171—176.

144. **П. Т. (Трунев, П. Т.)³.** К юбилею декабристов.—БМП. 1924, № 267, 28 нояб.—О местах погребения декабристов и жен их.

* 145. **Трунева, Е.** Декабристы в Прибайкалье. — Жизнь Бурятии 1924, VI.

146. **Харчевников, А. (В)³.** Об исторических памятниках г. Селенгинска. (Материалы по экскурсиям по истории края).—Изучайте родной край. Сборник статей под ред. А. В. Харчевникова.—Чита—Владивосток, Дальне-Восточное-Сибирское Изд-во «Книжное Дело», 1924, 8^о. (Забайкальский Отдел Русского Географического Общества и Краевой Музей имени А. К. Кузнецова в г. Чите. Издано по поручению Дальнего). Стр. 96—110.—Стр. 105—108: описание могил

умерших в Селенгинске К. П. Торсона, Н. А. Бестужева и М. Н. Бестужевой (супруги его). Приводятся также воспоминания, слышанные автором от купца Лушниково и Н. и М. Бестужевых и буржуйки Ванжеглова о Мих. Бестужеве. Предметы и вещи работы дкб-в.—Рец.: Вест. Книги (М.) 1924, № 11—12, стр. 83. М. Назаров. Историко-революционные материалы в литературе краеведения.

147. **Азадовский, Марк.** Странички краеведческой деятельности декабристов в Сибири.—Сибирь и дек., 77—112.—См. еще № 148—отдельн. оттиск.

148. **Азадовский, Марк.** Странички краеведческой деятельности декабристов в Сибири. С прилож. статьи В. Обвинского: «Замечания на статьи энциклопедического лексикона». Иркутск, 1-я Гостинополит. 1925. (1926)³. (26×17). 48 стр. (Б. ц.). 100 экз.—(Отдельн. оттиск из сборника «Сибирь и Декабристы», стр. 77—112)¹. См. № 147.

149. **Ватин-Быстрянский, В. А.** Политическая ссылка в Минусинске.—Дек. в Минусинском округе, 1—34.

150. **Гонцова-Берникова, В.** Из жизни декабристов на каторге и в ссылке в 1827 году.—Дек. на каторге, 57—81.—По материалам, хранящимся в Лефортовском военном архиве, в бумагах канцелярии дежурного генерала главного штаба (секретная часть) и относящихся к 1827 г.—Дело о беспорядках, происшедших в проезд фельдгегера Желдыбина через Ярославскую губ. с преступниками. 57.—Дело о предании суду председателя иркутского губ. правления Горлова. 62.—Положение декабристов в Нерчинских рудниках. 63. Дело о кн. Ф. П. Шаховском. 66.—Письмо Шаховского к Николаю I. Туруханск. 5/XI 1826 (66—70).—Дело о Н. С. Бобринцеве-Пушкине (сент. 1827—февр. 1831 г.). 70.—Письмо Бобринцева - Пушкина к архимандриту Енисейского Спасского монастыря. Енисейск. 6/V 1829 (72—78).—Письмо С. Г. Краснокутского к А. Н. Голицыну. Село Витим. 26/XI 1826 (80).

151. Декабристы в Забайкалье. Неизданные материалы. Под редакцией А. В. Харчевникова. Г. Чита, тип. Акцион. О-ва «Печатное Дело». 1925. (26×18). 116+(2) стр.+ (8) вклад. лист. портр., илл. и факсимиле. 1 руб. 50 коп. (Забайкальский Отд. Госуд. Географич. О-ва, Читинск. Госуд. Област. Музей им. Кузнецова. К столетию Восстания 14-го декабря 1825 г.). 1.000 экз.—Содержание: От редакции. А. Харчевников. Стр. 5.—Г. Грешенин. Предисловие. 7.—А. Эпов. Декабристы в Забайкалье. (Краткий очерк). 9.—В. Л. Гирченко. Из неизданной переписки декабристов. 25.—Н. Томилинин. К характеристике пребывания и поселения декабристов в Петровском заводе. 31.—А. Харчевников. Высылка декабриста Д. И. Завалишина из г. Читы в 1863-ем году по архивным материалам Читинского музея. 48.—Марк Азадовский. Автографы А. и М. Бестужевых в Читинском музее. 95.—А. Харчевников. Книжное наследие декабристов в коллекциях Читинского музея. 98.—Указатель личных имен. 112.—Краткая библиография. 115—116.—Снимки на вклад. лист. мел. бумаги: Г. Селенгинск. 1—2) Дома бр. Бестужевых. 3) Дом К. П. Торсона. С фот. А. В. Харчевникова. Июль. 1910. К стр. 21.—Портрет работы Н. А. Бестужева, найденный в бумагах Д. И. Завалишина. Могилы Бестужевых и Торсона, близ г. Селенгинска. С фот. А. В. Харчевникова. Июль. 1910. 25.—Письмо М. Н. Волконской. 1-ая страница. (Письмо А. В. Поджио к А. Ф. Фролову (Петровский завод 30. I. 1837 г.), переписанное М. Н. Волковской)². 27.—И. И. Горбачевский. С фотографии, находящейся в Петровском заводе у Колобовых. 34.—Петровский завод. Место тюрьмы декабристов. (Два снимка)². С фот. А. В. Харчевникова. Сентябрь. 1925 г. 45.—«Протест» Д. И. Завалишина (9. VI. 1863. Чита)². 64.—Автограф М. А. Бестужева. (Записка к М. Д. Позняку. I. XI. 1689)².—Рисунки декабристов: 1. Образец для вышивания. 2. Как потрошить ры-

бу? 103.—Рец.: Забайкальский Р. 1925. 9 дек. Ф. К.—КЛетопись 1926, № 2 (17), 190—191. И. Троицкий. Из юбилейной литературы о декабристах.—Северная Азия (М.) 1926, II, 125—127. Н. Ченцов.

152. Декабристы в Минусинском округе. К 100-летию юбилею восстания декабристов. 1825—26 (14) декабря—1925. Минусинск. Госуд. тип. 1925. 84 стр. (Б. ц.). (Ежегодник Государственного Музея имени И. М. Мартынова в г. Минусинске. Т. III. Вып. II. 1925. Вышел из печати 20 ноября 1925 года).—Содержание. Ватин - Быстрианский. В. А. Политическая ссылка в Минусинск. Стр. 1.—Косованов, А. П. Годы изгнания декабристов Фаленберга и Фролова. 35.—Его же Новые страницы из жизни минусинских декабристов. 67.—Рец. Северная Азия (М.) 1926, II, 122—124. М. Азадовский.

153. 1825—1925. Декабристы на каторге и в ссылке. Сборник материалов и статей, составленный Комиссией Всесоюзного Общества Политкаторжан по празднованию столетнего юбилея восстания декабристов. (М.)¹. Всесоюзное Общество Политических Каторжан и Ссылочно-поселенцев. Тип. Рабочего Изд-ва «Пробой» им. Евг. Соколовой в Лгр. 1925. (1926)². (23×15). 343 стр. 3 руб. (Историко-Революционная Библиотека журнала «Каторга и Ссылка». Воспоминания. Исследования. Документы и до. Материалы из Истории Революционного Прошлого России Книги VIII и IX). 4.130 экз.—Оглавление: Г. Сандомирский. Предисловие. Стр. 5.—С. Штрайх. Декабристы на каторге и в ссылке. (Неизданные письма). 9.—В. Гонцова - Берникова. Из жизни декабристов на каторге и в ссылке в 1827 году. 57.—С. Чернов. Декабристы в Благодатске. 82.—П. Сакулина. А. И. Одоевский в неизданных письмах. 124.—П. Попов. П. А. Муханов в Сибири. 251.—В. Базилевич. Письма декабриста П. В. Аврамова из Сибири. (Из архива Юшневских). 244.—Е. Тарасов. Якутская ссылка Бестужева-Марлинского. 249.—М. Муравьев. Статья М. С. Лунина

«Взгляд на дела Польши». 265.—Письмо декабриста А. Е. Розена. Сообщ. Б. Сыроечковский. 281.—Б. Кубалов. Члены «Тайного общества военных друзей» на каторге и поселении. 287.—А. Грумм - Гржымайло. Декабрист А. О. Корнилович на Кавказе. 307.—Б. Кубалов. Особый комитет 1826 года. 337—342.—Рец.: КЛетопись, 1926, № 4 (19), стр. 166—170. И. Троицкий.

154. Знаменский, М. С. Тобольск в сороковых годах. (С предисл. М. П. Копотилова)².—Наш Край (Тобольск) 1925, № 2—3, февр.—март. 10—28; № 4 (8), апр., 7—16.—Стр. 7—16. № 4 (8): воспоминания о пребывании в Тобольске декабристов М. А. Фонвизина (и жены его Н. Д. Фонвизиной), П. С. Бобрщева-Пушкина, П. Н. Свистунова, И. А. Анненкова и Ф. Б. Вольфа.

155. Копотилов, М. Декабристы в Тобольском крае. (1825—1925)¹. Тобольск, Комиссия Тоб. Окрисполкома по ознаменованию столетия со дня восстания декабристов и Общества изучения края при Музее Тоб. Севера. тип. Тоб. «Северинин». (1925)¹. (1926)². (26×17). (3)+38 стр. с портр. 40 коп. 400 экз.—Библиография: «Краткий список литературы по восстанию 14 декабря 1825 г. и о декабристах в Тобольском крае» (на 2 страницах).—Рец.: СибО. 1926, III, май—июнь. 237. В. Н. Ямин.

156. Косованов, А. П. Годы изгнания декабристов Фаленберга и Фролова.—Дек. в Минусинском округе. 35—66.

157. Косованов, А. П. Новые страницы из жизни минусинских декабристов.—Дек. в Минусинском округе, 67—84.

158. Кубалов, Б. Декабристы в Восточной Сибири. (К юбилею декабрьского восстания. 1825—1925. Очерки)¹. Иркутск, Издание Иркутского Губ. Архивбюро, 1-я Гостиноплит. 1925. (26×17). (3)+217 стр., с илл. 2 руб. 1.250 экз.—Содержание. Предисловие. Стр. 1. 1. Декабристы в Иркутске и на ближайших к нему заводах. 3.—2. Декабристы в Якутской области. 34.—3. Дека-

бристы и крестьяне Восточной Сибири. 74.—4. Члены тайного Общества военных друзей на каторге и поселении. 100.—5. Декабрист М. С. Лунина в Сибири. 122.—6. Забытый декабрист (А. Н. Луцкий). 156.—7. Декабристы и амнистия. 167.—8. Умогил декабристов. (А. И. Якубовича, А. П. Юшневского, А. З. Муравьева, бр. Борисовых, Бечасного, Е. И. Трубецкой, И. Поджио, П. Муханова, Панова, Люблинского, В. Ф. Раевского, Никиты Муравьева. П. Ф. Громницкого и др.)². 187. Алфавитный указатель. 212—216.—Илл.: Акатуй. (Снимок 1905 г.). Стр. 149.—Тюрьма в Акатуе, где был заключен Лунина. 149.—Ответ Лунина на запрос о ружьях и порохе. 151.—Могила Лунина в Акатуе. 155. Константин Яковлевич Пятидесятиков. (Знавший бр. Борисовых и Юшневскую). 191.—Могила Юшневского, А. П. Могила Муравьева Арт. Зах. в церковной ограде дер. Большая Разводная. 193.—Бюст сына Арт. Зах. Муравьева. 194.—Могила бр. Борисовых в деревне Б. Разводная. 195.—Памятник на могиле Панова. Памятник на могиле Муханова. В Знаменском монастыре г. Иркутска. 202 Могила И. Поджио в Иркутске на Иерусалимском кладбище. 203.—Село Олонки. Сад Раевского. Кладбище, где погребен Раевский. 206.—Памятник над могилой Н. Муравьева в дер. Урикте (Ирк. губ.) 208.—Дом, где жил П. Громницкий в с. Бельском 209.

159. Декабристы в Иркутске и на ближайших к нему заводах.—Кубалов. Дек., 3—33. Ср. № 160.

160. Кубалов, Б. Декабристы в Иркутске и на ближайших к нему заводах. К юбилею декабрьского восстания. Иркутск. 1-я Гостиноплитография. 1925. (26×17). 33 стр. (Б. ц.). (Вост. Сибир. Отд. Рус. Географич. О-ва). 500 экз.—Рец.: Северная Азия (М.), 1926, I, 129. М. Клевенский. Ср. № 159.

* 161. Кубалов, Б. Г. Декабристы в Сибири. (К столетию со дня восстания на Сенатской площади и на юге России).—Сибирский Календарь 1925 г. Изд. Иркутского Университета. стр. 133—138.

162. Декабристы в Якутской области.—Кубалов. Дек., 34—73.
163. Декабристы и амнистия.—Кубалов. Дек., 167—186. Ср. № 140.
164. Декабристы и крестьяне в Восточной Сибири.—Кубалов. Дек., 74—99.
165. Кубалов, Б. Г. Крестьяне Восточной Сибири и декабристы.—Сибирь и дек., 15—40.
166. Кубалов, Б. Г. Сибирское общество и декабристы.—КС. 1925, № 8 (21), стр. 139—171.—Рец.: Северная Азия 1926, IV, (сент.), 121—123. М. Ир-ский.
167. У могил декабристов.—Кубалов.—Дек., 187—211.—Ср. № 158.
168. Члены тайного Общества военных друзей на каторге и поселении.—Кубалов. Дек., 100—121.
169. Модзалевский, Б. Л. Декабристы на пути в Сибирь. Донесения сенатора князя Б. А. Куракина. 1827 г.—Дек., 99—127.—Касаются 72 лиц (из общ. числа более 100): бар. В. Н. Соловьев (стр. 113, 114, 122, 124), И. И. Сухинов (113—114), А. Е. Мозалевский (114), Н. А. Панов (119, 120, 124), М. М. Спиридов (122, 124, 127), А. А. Бестужев (123, 124), Н. А. Бестужев (121), И. И. Пушкин (123—124), И. Д. Якушкин (123, 124), П. А. Муханов (123, 124, 125—127), М. И. Муравьев-Апостол (123, 124), бар. В. И. Штейнгель (119, 120), кн. Д. А. Шепин-Ростовский (119, 120), Я. М. Андреевич 2-й (122, 123, 127) и мн. др.
170. Нечкина, М. В. Заговор в Зерентуйском руднике.—КА. 1925, т. 6 (13), стр. 258—279.—По материалам Москов. Воен.-историч. архива. Дела «секретной части канцелярии дежурного генерала за 1828 год и по мемуарной литературе.
171. Сибирь и декабристы. Статьи, материалы, неизданные письма, библиография. Под редакцией: М. К. Азадовского, М. Е. Золотарева, Б. Г. Кубалова. Иркутск. Изд. Иркутского Губенского Исполнительного Комитета. 1-я Гостино-литография. 1925. (27×18). 208 стр. 2 руб. 50 коп. (Иркутская Комиссия по подготовке Юбилея Декабрьского Восстания). 1500 экз. Содержание. Предисловие. 3.—

Золотарев, М. Общественно-политические взгляды декабристов. 5.—Кубалов, Б. Крестьяне Восточной Сибири и декабристы. 15.—Базилевич, В. Областные деление Сибири в проектах декабристов. 41.—Дербина, Вера. Декабрист Веденяпин в Сибири. 47.—Кудрявцев, Ф. Первый декабрист В. Ф. Раевский в Сибири. 47.—Азадовский, М. Странички краеведческой деятельности декабристов в Сибири. 77.—Обвинский, В. Л. (В. И. Штейнгель)². Замечания на статьи энциклопедического словаря. Сообщ. М. Азадовский. 113.—Кубалов, Б. Письма декабристов. 121.—Азадовский, М. и Слободский, М. Декабристы в Сибири. Библиографические материалы. 166.—Кубалов, Б. Архив декабристов. 183—207.—Илюстриции: Бюст сына Ар. Муравьева. 14.—К. Я. Пятидесятников. 40.—Могила бр. Борисовых. 64.—Село Олонки. 67.—Могила Юшневского и Ар. Муравьева. 126.—С. Акатуй, тюрьма, где был заключен М. Лунин. 148.—Могила Лунина в Акатуе. 150.—Письмо Лунина (Рудник Акатуевский, 19. IX. 1841)¹. 151.—Могила Панова и Муханова. 153.—Могила Н. Муравьева. 162.—Могила И. Поджою. 164.—Дом, где жил Громницкий. 165.—Рец.: Забайкальский Р. 1925, 9 дек. Ф. К.—ПР. 1926, II, март. 173—174. М. (В.)². Нечкина.—Б. 1925, № 6 (34), стр. 236—237 Н. (Ф.)². Лавров.—Северная Азия (М.) 1926, II, 124—125. И. Троицкий.

(573). Смирнов, В. А. Декабристы в Красноярске.—СибО. 1925, III.

172. Стож, М. Е. Летопись Сибири и предания старины. 1581—1925 гг. Декабристы в Сибири. Вып. первый. Иркутск. 1-я Гостинография. 1925. (17×13). 32 стр., с илл.+(2) стр. Памятка историко-революционного численника и «Сибирская библиография» на обл. 20 коп. 2.000 экз.—Рец.: Ансон, А. Литературное шарлатанство.—ССиб. 1925, 22 дек.

173. Томилин, Н. (Н.)². К характеристике пребывания декабристов в Петровском заводе.—Дек. в Забайкалье. 31—47.

174. Чернов, С. (Н)². Декабристы в Благодатске.—Дек. на каторге, 82—123.

175. Чернов, С. (Н)². Декабристы на пути в Благодатск. (Две первые партии).—КС. 1925, № 5 (18). 246—275.—Рец.: Б. 1926, № 1 (35), Библиография, 195—197. Пресняков, А. Этиюды С. Н. Чернова по истории декабристов.

176. Штрайх, С. Я. Декабристы на каторге и в ссылке. (26 неизданных писем).—Дек. на каторге, 9—56.—1. А. И. Якубович—И. А. Якубовичу. Иркутск, 25. VIII (1826). 13.—2. А. И. Якубович—Ф. И. Гавриленке. (Авг. 1826 г.). 15.—3. Е. П. Оболенский—П. Н. Оболенскому. 26. VIII. 1826. 16.—4. Е. П. Оболенский—К. П. Оболенскому. 26. VIII. 1826. 19.—5. В. Л. Давыдов—П. Л. Давыдову и А. И. Давыдовой. 26. VIII. 1826. 20.—6. В. Л. Давыдов—Н. А. Самойлову. 27. VIII. 1826. 22.—7. А. З. Муравьев—В. А. Муравьевой и Е. З. Канкрину. Иркутск, 28. VIII (1826). 22.—8. С. Г. Волконский—С. Г. Волконской. 28. VIII. 1826. 24.—9. С. Г. Волконский—М. Н. Волконской. 28. VIII. 1826. 27.—10. С. Г. Волконский—А. Н. Волконской. 28. VIII. 1826. 28.—11. С. Г. Волконский—С. Г. Волконской. Иркутск, 30. VIII. 1826. 29.—12. Е. И. Трубецкая—А. Г. Лаваль. Красноярск, 9. IX (1826). 30.—13. С. Г. Волконский—С. Г. Волконской. (Николаевск, 5. X. 1826. 33.—14. С. Г. Волконский—М. Н. Волконский—М. Н. Волконской. (Николаевск, 5. X. 1826). 34.—16. В. М. Голицин—Н. И. Голицинной. (Киренск, 28. V. 1828). 35.—17. Е. П. Нарышкина—В. М. Нарышкиной. Петровский Завод, 27. IX. 1830. 36.—18. А. И. Давыдова—П. Л. Давыдову. Петровский завод, 27. IX. 1830. 37.—19. М. К. Юшневская—С. П. Юшневскому. 27. IX. 1830. Петровский завод, 38.—20. Е. И. Трубецкая—А. Г. Лаваль. Петровский завод, 28. IX. 1830. 41.—21. Н. Д. Фонвизина—Н. Н. Шереметевой. Петров-

ский завод, 28. IX. 1830. 43.—22. А. Г. Муравьева—Г. И. Чернышеву. 1. X. Петровское, 1830. 45. 23. Е. И. Трубецкая—Е. И. Козицкой и А. Г. Белосельской. Петровский, 21. X. 1832. 47.—24. М. Н. Волконская—А. Н. Волконской. № 41. 21. X. 1832. Петровский завод, 50.—25. Н. Д. Фонвизина—И. А. Фонвизину. Окт. 21 (1832 г.). Петровский завод, № 107. 52.—26. М. К. Юшневская—М. В. Аврамову. (От имени и под диктовку П. В. Аврамова). Петровский завод, 21. X. 1832. 55.—Все письма, кроме одного, печатаются с подлинников. Французские письма в переводах. Для русских писем сохранены особенности стиля подлинников. Правписание всюду новое.—Снимки: Факсимиле Е. И. Трубецкой (адрес, начало и конец русского текста письма от 21 октября 1832 г.). Стр. 49.—Факсимиле М. Н. Волконской (адрес, начало и конец письма от 21 октября 1832 г.). 51.—Факсимиле Н. Д. Фонвизинной (начало и конец письма от 21 октября 1832 г.). 53.

177. Штрайх, С. Я. Декабристы на каторге и в ссылке.—КС. 1925, № 8 (21), стр. 125—138.—Рец.: Северная Азия 1926, IV, (сент.), 121. М. Ир-ский.

178. Штрайх, С. Я. Декабристы на каторге. (По неизданным письмам).—Прожектор (М.) 1925, № 18 (64). 30 сент., 10—14. С. илл.

179. Штрайх, С. Я. Провокация среди декабристов. Самозванец Медокс в Петровском заводе. По неизданным материалам составил С. Я. Штрайх. С. илл. (М)². Московский Рабочий, тип. изд-ва МГСПС «Труд и Книга». 1925. (22×15). 120 стр., с факсимиле. 65 коп. (К столетию Восстания Декабристов). 5.000 экз. Библиография: «Источники и материалы» (19 названий).—Рец.: КС. 1925, № 8 (21), 287—288. Н. Лернер.—Забайкальский Р. 1925, № 247, 28 окт. К—в.—В. М. 1925, № 272, 28 января.—И. 1925, № 276, 3 дек. А. Шафр.—Пролетарский Путь (Ульяновск) 1926, 14 дек.—КГ. Вв. 1926, № 244, 7 окт. В. Штейн.—ЛП. 1925, № 239, 18 окт. Д. З.—ССиб. 1926,

3 янв. А. П. «Заговор декабристов» в 1832 году. (История одной провокации).—Книгу в массы (М.) 1925, 4 дек.—Коммуна (Калуга) 1925, № 287, 17 дек.—Кн. 1925, № 29(110), 31 авг., 9. Е. Ска з и н.—Киевский Пролетарии 1925, 20 окт. С. Х—ан.—КЛетопись 1926, № 1 (16), 175—178. И. Тр о ц к и й.—На чужой стороне, XIII (Прага, 1925), 253—257. Из ю м о в. А. Шпионство за декабристами.—Воля России (Прага), 1925, XII, 163—166. В. А.

180. **Штрайх, С. Я.** Самозванец Медокс и декабристы.—Всемир. Иллюстрация 1925, № 7—8, с. 6—9. С илл.

181. **Штрайх, С. Я.** Самозванец Медокс среди декабристов. М., 39 тип. «Мосполиграф». 1925. (23,5×16). 14 стр. 100 экз. (Отд. оттиск из журнала «Всемирная Иллюстрация» № 7—8 за 1925 год)¹. Со снимком.

182. **Эпов, А.** Декабристы в Забайкалье. Краткий очерк.—Дек. в Забайкалье, 9—24.

183. **Базилевич, В. М.** Декабристы в Сибири.—Из эпохи борьбы с царизмом. V (1926), 97—112. С илл.

184. **Белявский, А. К.**, др. Декабристы в Забайкалье. Популярный исторический очерк. Сретенск. Изд-во автора, тип. Н. М. Штейн. (1926)² (21×16). 29 стр. 50 коп. (1825—1925)¹. 500 экз.

185. Декабристы на поселении. Из архива Якушкиных. Приготовил к печати и снабдил примеч. Е. (Е)². Якушкин, (М)², М. и С. Сабашниковы, тип. Военная Гл. Упр. Р.-К. К. А. в Лгр., 1926. (24×16). 156 стр. 2 руб. (Записи Прошлого. Воспоминания и письма под ред. С. В. Бахрушина и М. А. Цявловского. VII)¹. 2100 экз.—Обложка: А. К. Содержание. Предисловие редактора. 7.—I. Письма (два)² Е. И. Якушкина к жене из Сибири 1855 г. (с характеристиками Пушкина, Басаргина, Оболенского, П. Бобринцева-Пушкина, Волконского)². 16.—II. Из переписки декабристов 1839—1854 г.г. Письмо С. Г. Волконского к И. И. Пущину (3. I. 1842), 66.—Три письма Ф. Ф. Вадковского к И. И. Пущину (10. III. 1840; 10. IX. 1842 (с припиской на имя Е. П. Оболенского) и 10. IX. 1843). 74.—Письмо Е. П. Оболен-

ского к И. И. Пущину (17. X. 1839), 90.—Переписка И. И. Пущина с Н. В. Басаргиным и И. Д. Якушкиным по вопросу о средствах существования декабристов. 94. Письмо И. И. Пущина к И. Д. Якушкину (7. III. 1842. Туринск). 96.—Письмо Н. В. Басаргина к И. И. Пущину (Март 1842 г.). 100.—Письмо И. Д. Якушкина к И. И. Пущину (17. III. 1842. Ялуторовск). 104.—Письмо П. С. Бобринцева - Пушкина к И. И. Пущину (22. IX. 1841, Тобольск, с приложенными к нему копиями писем Н. Ф. Лисовского к нему и к А. Б. Аврамову (от июня 1841 г. Туруханск и ноября 1840 г. Енисейск) дает новые подробности о смерти дек. И. Б. Аврамова). 108.—Письма И. Д. Якушкина к Е. И. Якушкину (24—26 VII 1854. Томск; 4. VIII. 1854. Красноярск). 114.—III. Тетрадка Ф. Г. Толя (записи со слов разных лиц, преимущественно М. И. Муравьева-Апостола и кн. Ек. А. Долгоруковой; автором нескольких рассказов является С. Г. Волконский. Ценны отзывы о М. С. Лунине и М. И. Муравьева-Апостоле. Составлена в конце 50-х г.г.). 119.—Указатель имен. 146.

186. **Кубалов, Б. Г.** Члены «Тайного общества военных друзей» на каторге и поселении.—Дек. на каторге. 287—306.—К. Г. Игельстром А. И. Вегелин. М. И. Рукевич.—Письмо Игельстрому к А. А. Крюкову (Тасеевское, 1833 г.) (стр. 292—294). Стр. № 158, где было первоначально напечатано.

187. **Кузьмин, А. К.** Минусинские ссылки. С примеч. Г. П. Георгиевского.—Дек.², 32—42, 43—56 (примеч.).—Со сведениями о декабристах: С. Г. Краснокутском (36—37), С. И. Кривоше (37—38), бр. А. П. и П. П. Беляевых (38—39) и П. И. Фаленберге (39—42). Печатается по автографу («Записки Александра Кузьмина, в 2-х частях. Сельцо Симоново. (Писано в 1839 г.)»), хранящемуся в рукописном отделении Публичной библиотеки СССР им. Ленина (№ 3005).

187а **Пруссак, Анна.** Из сибирских сказаний о декабристах—Сибирская

Живая Старина, вып. I (V) (Иркутск, 1926), 84.—Запись рассказов о дек. Нижите Мих. Муравьеве и о приехавших к нему его друзьях (О. В. Поджио, Е. И. Трубецкой и др.), слышанных автором главным образом от Б. Е. Бородин и др. стариков с. Урик, летом 1914 г.

187б. **Смирнов, В. А.** Жизнь декабристов в Туруханске. (По новым данным.—СибО. 1925, VI, ноябрь—дек., 102—121.—По материалам архива б. Туруханского Отдельного Управления (1826—1838 г.), архива Канского Окружного суда (о наследстве Лисовского) и ряду записей в делах Туруханского, Троицкого и Енисейского монастырей. Частично материалы эти были использованы Д. Лазаревым (Историч.

Вестн. 1896, I, с ошибками) и Н. К. Лазаревым для Шаховского и Бобринцева - Пушкина (СибЗап. 1917, VI).—Сведения о Ф. П. Шаховском (106—108), Н. С. Бобринцеве-Пушкине (108—111), С. И. Кривоше (111—112), И. Б. Аврамове и Н. Ф. Лисовском (113—119). Их жизнь, материальное положение, занятия, умственные интересы (состав книг у Кривоше и Лисовского), влияние на жителей края.

188. **Фигнер, В. Н.** Жены декабристов.—КС. 1925, № 8(21), стр. 227—237.—Рец.: Северная Азия 1926. IV. (сент.) 121. М. Ир—ский.

189. **Чернов, С. (Н)³.** Жены декабристов в Благодатске.—Тайные общества. 151—171.

Н. Ченцов.

(Окончание следует)

Редакционная коллегия:

Бухарин, Н. И., Милютин, В. П., Повровский, М. Н., Преображенский, Е. А., Крицман, Л. Н., Ротштейн, Ф. А., Деборин, А. М., Дволацкий, Ш. М.

Заканчивается печатанием и в ближайшее время выходит из печати книга XVII „Вестника Коммунистической Академии“.

СОДЕРЖАНИЕ

I. Статьи

- Крицман, Л.** Капитализм и прогресс техники (продолжение).
Преображенский, Е.— Проблема хозяйственного равновесия при конкретном капитализме и в советской системе.
Блюмин, И.— Математический метод в политической экономии (окончание).
Тимирязев, А.— Воскрешает ли современное естествознание механический материализм XVIII столетия.
Фриче, В.— Проблемы социологической поэтики.

II. Стенограммы докладов, читаемых в Комм. Академии

- Милютин, В.**— Перспективы хозяйственного развития СССР (Контрольные цифры Госплана). Доклад и прения.

III. Критика и библиография

- Меерсон, М.**— Финн - Енотаевский. О под'еме промышленности в России 1910—1913 г.г. (Антикритика).
Кон, А.—Р. Люксембург. Введение в политическую экономию.
Леонтьев, А.—Реннер. Теория капиталистического хозяйства.
Дмитриев—Спиноза. Изложение философии Декарта.
Егоршин—Дени Дидро. Избранные сочинения.

IV. Хроника

Деятельность Комм. Академии (январь—июнь) 1926 г.

Приложение

Теоретическая работа коммунистов (1925 г.).

Цена 2 руб. 50 коп.

Подписная цена 1 год (6 книг) 14 руб.

Подписку направлять:

В ИЗДАТЕЛЬСТВО КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

Москва 25, Волхонка, 14.

Замеченные опечатки

Стр.	Строка	Напечатано	Следует
10	1 снизу (подстр. прим.)	процесса	прогресса
13	22 сверху	ω^1	ω'
14	8 сверху	в результат	в результате
17	3 снизу (2 скобка справа)	$\frac{v}{c} \left(1 - \frac{1}{v^v}\right) v^1$	$\frac{v}{c} \left(1 - \frac{1}{v^v}\right) v'$
17	7 снизу (около 2 скобки слева)	$\frac{c + v}{m}$	$\frac{c + v}{m}$
18	13 стр. сверху	даваемого нам и ниже	даваемого нами ниже
19	14 и 15 сверху	количеству и объему за достаточный промежуток времени перевешивали бы подобные изменения в другую сторону.	количеству и объему перетаскивали бы подобные изменения за тот же промежуток времени в другую сторону.
21	13 сверху	сначала производства средств его производства ¹⁾	производства средств его производства ¹⁾
22	18 сверху (1 выраж. справа)	$\text{и } v' > 1 + \frac{c'}{c}$, но $v' > 1 + \frac{c'}{c}$
22	20 сверху	тондеации	тенденции
25	7 сверху	Слова „В итоге будем иметь“ и следующую за ними формулу до слов „Тогда получим“ вы б р о с и т ь.	
32	4 сверху	$1 + \frac{1}{v + m - \lambda v} \frac{1}{1 - \frac{v_1}{v} - 1}$	$1 + \frac{1}{v + m - \lambda v} \frac{1}{1 - \frac{v_1}{v}} - 1$